

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 4 (123) • 2018

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

**Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490 в каталоге агентства «Роспечать»**

Цена для подписчиков — 451 руб., в розничной продаже — свободная.

**Электронная версия размещена
на официальном сайте журнала «Вестник Саратовской государственной
юридической академии» по адресу: <http://журнал-вестник.рф>
E-mail: vestnik2@ssla.ru**

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Редактор, корректор ***Т.Ф. Батищева***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 27.08.2018 г. Формат 70×108^{1/16}.
Усл. печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 20,1. Тираж 950 экз. Заказ 364.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Н. Сенякин	доктор юридических наук, профессор (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А.П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
С.Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С.А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А.Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Е.В. Вавилин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Н.М. Великая	доктор политических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)
Н.Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)
А.А. Вилков	доктор политических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
А.Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Р.Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Е.Р. Ергашев	доктор юридических наук, профессор (Уральский государственный юридический университет)
А.В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А.М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
М.А. Липчанская	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России))
Д.В. Покатов	доктор социологических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О.В. Понукалина	доктор социологических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
В.С. Слободникова	доктор политических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Суоров	доктор социологических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л.А. Тимофеев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 4 (123) • 2018

ISSN 2227-7315

The journal is included by Higher Attestation Commission of Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the Russian list of reviewed journals, where major scientific dissertations and thesis results are to be published

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Saratov State Law Academy”.410056, Saratov, Volskaya, 1.

**Electronic version available on the official website journal
“Vestnik of the Saratov state law Academy” at: <http://журнал-вестник.рф>**

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office in the Sphere of Mass Communication of Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education “Saratov State Law Academy”, 2018

EDITORIAL BOARD

I.N. Senyakin	doctor of law, Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
E.V. Vavilin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
N.M. Velikaya	doctor of political sciences, Professor (Russian state University for the Humanities)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.A. Vilkov	doctor of political sciences, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
R.S. Davletgildeev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
E.R. Ergashev	doctor of law, Professor (Ural State Law University)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
M.A. Lipchanskaya	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

D.V. Pokatov	doctor of sociology, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
O.V. Ponukalina	doctor of sociology Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
V.S. Slobozhnikova	doctor of political sciences (Saratov State Law Academy)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.B. Surovov	doctor of sociology, Professor (Saratov State Law Academy)
L.A. Timofeev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

К 25-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

- 15 **Авакьян С.А.**
Разделение властей: для каких уровней применять?
- 26 **Боброва Н.А.**
Особенности российского конституционализма
- 31 **Велиева Д.С.**
Конституционализация европейских стандартов в области прав человека
- 38 **Габдуалиев М.Т.**
Конституционное регулирование и практика реализации права собственности на землю и природные ресурсы
- 42 **Мамонов В.В.**
Конституционное согласие в России
- 46 **Тупиков Н.В.**
Конституционное обеспечение рыночной экономики как условие постиндустриального преобразования России

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 52 **Чаннов С.Е.**
Негосударственные организации в науке полицейского (административного) права: взаимосвязь истории и современности
- 57 **Захарова Е.П.**
Проблемы правового регулирования отдельных мер административного принуждения, применяемых в связи с нарушениями миграционного законодательства
- 64 **Соболева Ю.В.**
Принципы административно-правового регулирования статуса негосударственных организаций

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- 70 **Анисимов А.П., Попова О.В.**
Экологический аудит как элемент устойчивого развития
- 81 **Афанасьев С.Ф., Токарева А.А.**
К вопросу о конкуренции исков в гражданском процессе
- 88 **Пазына М.А.**
Законодательные требования в сфере рекламы: общая характеристика и практика антимонопольных органов
- 95 **Ульбашев А.Х.**
Коллизия личных и коллективных интересов в корпоративных отношениях (на примере акционерных обществ)

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 108 Бытко Ю.И.**
Цели уголовного наказания
- 124 Донченко А.Г., Токарева А.А.**
Международное сотрудничество по противодействию преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних
- 136 Герасимов А.М.**
Общественная опасность и ее значение в отрасли уголовного права
- 143 Абрамян К.О.**
Виды уголовно-правового поведения и их значение для решения задач уголовного законодательства
- 150 Супрун А.Н.**
Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции в «зеркале» пенализации
- 161 Копылов А.В.**
Проблемы обеспечения прав потерпевшего при заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО. ТРУДОВОЕ ПРАВО

- 169 Волкова Т.В.**
Земельный контроль (надзор) как функция управления земельными ресурсами
- 174 Лунова Е.В., Мингазова Л.Р.**
Экологическая функция утилизационного сбора: проблемы правового регулирования
- 182 Сергеенко Ю.С.**
Руководитель организации как гарант обеспечения безопасных условий и охраны труда
- 188 Земцова О.В.**
Правовые проблемы регулирования труда работников на территориях опережающего социально-экономического развития
- 194 Кологерманская Е.М.**
Особенности правового регулирования деятельности в сфере использования возобновляемых источников энергии в Европейском Союзе

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 202 Никитин А.А., Авдоница Т.М.**
Усмотрение органов контроля и надзора при обеспечении законности в сфере предоставления развлекательных услуг
- 209 Кубеева З.Т.**
Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации и в Республике Казахстан

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: НОРМЫ И ЦЕННОСТИ

- 216 Невважай И.Д.**
Коммуникативный правогенез
- 223 Костина О.В.**
Перспективное измерение ценности

- 231 Пионткевич Л.Ю.**
Проблема морали в измерении сакрального

ЯЗЫК. ПРАВО. ОБРАЗОВАНИЕ

- 239 Кудряшова С.В., Калинина М.Г., Саковец С.А.**
К вопросу о формировании навыков профессионального общения на иностранном языке в юридическом вузе
- 246 Кузнецова Ю.А.**
Концепт *юрист* в русском и американском национальном сознании
- 255 Максимова С.Ю., Мацюпа К.В.**
Необходимость совершенствования языковых навыков в сфере права

- 263 Памяти ученого**

ИНФОРМАЦИЯ

- 265 В диссертационных советах**

CONTENTS

THE 25TH ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION RUSSIAN FEDERATION

- 15 **Avakyan S.A.**
Separation of Powers: for Which Levels to Apply?
- 27 **Bobrova N.A.**
Peculiarities of the Russian Constitutionalism
- 32 **Veliyeva J.S.**
Constitutionalization of European Standards in the Field of Human Rights
- 39 **Gabdualiyev M.T.**
Constitutional Regulation and Practice of the Right of Ownership of Land and Natural Resources Implementation
- 42 **Mamonov V.V.**
Constitutional Consent in Russia
- 47 **Tupikov N.V.**
Constitutional Support of Market Economy as a Condition of Post-industrial Transformation of Russia

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 53 **Channov S.E.**
Non-governmental Organizations in the Science of Police (Administrative) Law: Relationship between the History and Modernity
- 57 **Zakharova E.P.**
Problems of Legal Regulation of Administrative Coercive Measures to Be Applied in Connection with Violations of Immigration Laws
- 64 **Soboleva Yu.V.**
The Principles of Administrative Legal Regulation of the Status of Non-Governmental Organizations

CIVIL LAW. CIVIL PROCESS. ARBITRATION PROCESS

- 70 **Anisimov A.P., Popova O.V.**
Environmental Audit As An Element of Sustainable Development
- 82 **Afanasyev S.F., Tokareva A.A.**
On the Issue of Competition of Lawsuits in the Civil Proceedue
- 88 **Pazyna M.A.**
Legislative Requirements in the Sphere of Advertising: General Characteristics and Practice of Antimonopoly Service
- 96 **Ulbashev A.H.**
Conflict of Personal and Common Interests in the Corporal Relations (on the example of joint-stock companies)

CRIMINAL AND PENAL LAW. CRIMINAL PROCEEDING

- 12 108 **Bytko Yu.I.**
The Objectives of Criminal Punishment

- 125 Donchenko A.G., Tokareva A.A.**
International Cooperation on Counteraction to the Crimes Connected with Sexual Exploitation and Sexual Abuses of Minors
- 136 Gerasimov A.M.**
Public Danger and its Importance in the Field of Criminal Law
- 144 Abramyan K.O.**
Types of Criminal and Legal Behavior and Their Value for Solving Tasks of the Criminal Legislation
- 151 Suprun A.N.**
Retail Sale to Minors of Alcohol Products in the Mirror of Penalization
- 162 Kopylov A.V.**
Problems of Ensuring the Rights of the Victim when Concluding a Pre-trial Cooperation Agreement with a Suspect or an Accused

LAND AND ENVIRONMENTAL LAW. LABOUR LAW

- 169 Volkova T.V.**
Land Control (Supervision) as a Function of Management of Land Resources
- 175 Luneva E.V., Mingazova L.R.**
Ecological Function of Utilization Fee: Problems of Legal Regulation
- 183 Sergeenko Yu.S.**
Head of the Organization as a Guarantor of Ensuring Safe Working Conditions and Labor Protection
- 189 Zemtsova O.V.**
Legal Problems of Regulation of Labor of Workers in the Territories of the Advanced Social and Economic Development
- 194 Kologermanskaya E.M.**
Features of Legal Regulation of Activities in the Field of Renewable Energy in the European Union

OTHER BRANCHES OF LAW

- 203 Nikitin A.A., Avdonina T.M.**
The Discretion of Control and Supervision Authorities When Providing the Rule of Law in the Delivery of Entertainment Services
- 209 Kubeeva Z.T.**
Constitutional and Legal Status of the Commissioner for Children's Rights in the Russian Federation and in the Republic of Kazakhstan

PHILOSOPHY OF LAW: NORMS AND VALUES

- 216 Nevvazhay I.D.**
Communicative Law Genesis
- 223 Kostina O.V.**
Perspective measurement of value
- 231 Piontkевич L.Yu.**
The Problem of Morality in the Sacred Dimension

LANGUAGE. LAW. EDUCATION

- 240 Kudryashova S.V., Kalinina M.G., Sakovets S.A.**
On the Development of the Foreign Language Professional Communication Skills in a Legal Higher Education Institution

- 246 Kuznetsova Ju.A.**
Concept *Lawyer* in Russian and American National Conscience
- 256 Maksimova S.Yu., Matsyupa K.V.**
The Need to Improve Linguistic Skills in the Sphere of Law
- 263 The memory of the scientist**

INFORMATION

- 265** In dissertation councils

К 25-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 341.4

С.А. Авакьян

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ: ДЛЯ КАКИХ УРОВНЕЙ ПРИМЕНЯТЬ?

Введение: категория «разделения властей» давно внедрилась в науку конституционного права и законодательство. Однако неясным остается вопрос о том, на каких уровнях власти оно обязательно? Эта проблема рассматривается в статье с особым вниманием к муниципальной власти. **Цель:** определить концептуальные основы понятий разделения властей, государственной власти, местного самоуправления и муниципальной власти; пути совершенствования этой сферы. **Методологическая основа:** диалектический метод, исторический, формально-юридический, сравнительный. **Результаты:** установлено, что в обеспечении народовластия государственная власть и местное самоуправление представляют собой неразрывное целое, являются разновидностями единой публичной власти народа в Российской Федерации. Названы основания для выделения горизонтального, вертикального и муниципального уровней разделения властей. Для муниципальных органов предполагаются общие принципиальные исходные начала организации и деятельности власти. **Вывод:** нормы Конституции РФ не должны исключать необходимости разделения властей на уровне местного самоуправления исходя из возможности конфликта интересов участников соответствующих процессов.

Ключевые слова: конституция, народ, власть, разделение властей, государственная власть, местное самоуправление, муниципальная власть.

S.A. Avakyan

SEPARATION OF POWERS: FOR WHICH LEVELS TO APPLY?

Background: the category «separation of powers» has been implemented in the constitutional law and legislation long ago. However, it remains unclear at what levels of authority it is necessary? This problem is dealt with in the article with special attention to the municipal authorities. **Objective:** the author of the article intends to determine the conceptual basis of definitions: separation of powers, state power, local self-government and municipal authorities, ways to improve this sphere. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: dialectic, historical, formal-legal, comparative-legal ones. **Results:** it is established that in ensuring the sovereignty of the people the state power

© Авакьян Сурен Адиебекович, 2018

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права (МГУ имени М.В. Ломоносова); e-mail: avakian@law.msu.ru

© Avakyan Suren Adibekovich, 2018

Doctor of Law, Professor, Honored worker of sciences of RF, Honored lawyer of RF, Head of the Constitutional and Municipal law department (MSU named after M.V. Lomonosov)

and local self-government are an inseparable whole, are varieties of a single public power of the people in the Russian Federation. The grounds for the allocation of horizontal, vertical and municipal levels of separation of powers are named. For municipal bodies the original start of the organization and activities of the government are assumed to be the matter of the General policy. Conclusions: the author argues that the norms of the Constitution of the Russian Federation should not exclude the need for separation of powers at the level of local self – government based on the possibility of conflict of interests of participants in the relevant processes.

Key-words: *constitution, nation, power, division of authorities, state power, local self-government, municipal authority.*

Накануне 25-летнего юбилея Конституции РФ в рамках инициированного профессором В.Т. Кабышевым на страницах журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии» конституционного диалога [1, с. 12–21] хотелось бы рассмотреть проблему, которая может считаться «вечной», поскольку существует столько же, сколько «витают» в науке сами понятия «разделение властей», «государственная власть», «местное самоуправление» и «муниципальная власть». В то же время в наши дни и в условиях постсоветской России ее актуальность значительно возрастает [2, с. 123].

1. Если исходить из концептуальных основ данной проблемы, они состоят в следующем.

Прежде всего, весь объем власти в Российском государстве принадлежит народу, что служит основой нашей теории народовластия и отражено в Конституции РФ — согласно ст. 3:

«1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Таким образом, в обеспечении народовластия государственная власть и местное самоуправление представляют собой *неразрывное целое* (здесь и далее курсивы автора. — С.А.). Приведенные положения Конституции не позволяют говорить о «властях», у нас их не множество, а одна — власть народа. У власти народа могут быть и есть пути, «ветви» осуществления, однако это направления, полномочия, средства реализации единой власти народа. Поэтому, полагаю, следует говорить о разделении «власти».

Потребность в том, чтобы разделить «ветви» власти, исторически сложилась на почве того, что определение для каждой из них направлений и полномочий делает рациональнее осуществление властных задач, функций, дел. Это еще и повышает ответственность каждого блока и его самоответственность, и право спросить за состояние дел и недостатки, если они выявятся. Такое обособление означает четкое обозначение обязанностей каждого блока, но оно не отгораживает его от «соседних» блоков, наоборот, каждому из них дается право наблюдать за другими, вносить свои предложения, а если потребуется, высказывать претензии. Такой порядок их взаимоотношений исторически сложился и получил наименование системы «сдержек и противовесов» [3, с. 107–115].

«Разнодействие», разделение деятельности пришлось формировать для государственных органов. И это объяснимо. Во-первых, здесь каждый должен

понимать меру своей ответственности, она обуславливает и порученные дела, которые он должен решать квалифицированно. Во-вторых, постепенно вырисовывается, что дела такие являются (и становятся) специфическими, требуют подготовки, квалификации, а зачастую и невмешательства в их решение, если оно ведет к подмене органов, неквалифицированным действиям и решениям, злоупотреблению положением и коррупции.

Чем выше уровень власти, тем очевиднее необходимость специализации. Становится иллюзией идея участия населения (народа) в решении важных государственных вопросов. Ему можно поручить (доверить!) отдельные задачи; может, и самые важные, но среди них исключается «отягощение» населения делами, где нужна квалификация в управлении или же где надо вести следствие и применять наказание. Постепенно власть в государстве становится властью его *органов*. Это сопровождается процессом разделения их функций, полномочий, что в конечном счете и стали называть разделением «власти» или «властей». Такие начала организации государственного руководства и управления вводятся повсюду и причем далеко не всегда с употреблением категории «разделение властей».

К тому же, чтобы говорить о разделении, необходимо иметь систему органов, т.е. тех, между кем надо и можно (эти слова можно и переставить) делить. Сначала ведь была лишь единая бюрократическая исполнительная власть, задачей которой была реализация велений монарха, им не требовалось много думать о разделении дел — ну, может, следовало лишь «чуть» отделить сбор налогов, армию, безопасность от сугубо борьбы с преступностью и наказанием виновных (а сначала ведь и эту миссию «спокойно» выполняли служивые люди администрации), возможно еще и отдать имущественные споры в руки компетентных людей; иначе говоря, отделялись друг от друга, говоря современным языком, управленческая и следственно-судебная бюрократии. Но тогда, когда появился общегосударственный парламент, задача разделения властей дел стала злободневной, а уж с приходом на смену наследственному монарху избираемого главы государства роль разделения дел возросла неимоверно [4, с. 17–18].

Если все это было между органами единого общегосударственного уровня, такое разделение дел стали называть «горизонтальным». Но по мере усиления государств и расширения их территорий задача разделения дел приобрела оттенок власти *центра* и власти *территорий*, а именно: если вся власть исходит из центра, надо делить полномочия между центральными органами. И если при этом в регионах создаются всего лишь подразделения таких центральных органов, тогда вопрос о разделении их дел снимается по причине того, что все установили и поделили «верхи». Но если на местах образуются обособленные (организационно) от центра органы, и в их создании, формировании и деятельности начинает принимать участие местное население, если у этих органов есть определенная мера самостоятельности, проблема «разделения властей» неизбежно приобретает второй, после центра, уровень, т.е. появляются основания для выделения т.н. *вертикального* разделения властей.

А там, где требовалось управлять отдельными населенными пунктами, особенно городами и районами, пришлось думать еще и об этом уровне разделения властей — *муниципальном*.

Не будем углубляться в эволюционный процесс. Ведь все эти задачи стали достаточно актуальными для Российской Федерации на новом, постсоветском витке ее развития. У нас как у федеративного государства наряду с федеральной

государственной властью появилась и власть субъектов РФ. А возобладание в России как в теории, так и на практике, местного самоуправления привело к постановке вопроса о наличии и муниципальной власти.

И мы видим включение в ч. 1 ст. 3 Конституции РСФСР 1978 г. новеллы от 21 апреля 1992 г.: «Система государственных органов в Российской Федерации основана на принципе *разделения законодательной, исполнительной и судебной властей*, а также *разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией, составляющими ее республиками, краями, областями, городами Москвой и Санкт-Петербургом (дополнение от 9 декабря 1992 г.), автономными областями, автономными округами и местным самоуправлением*». Хотя здесь «разведены» понятия «разделение властей» и «разграничение предметов ведения и полномочий», от этого мало что меняется — идеи как горизонтального, так и вертикального разделения властей и дел, здесь отражены.

2. Создатели ныне действующей Конституции России отразили принцип разделения властей применительно к органам государственной власти. Прежде всего, это ст. 10 Конституции РФ, которая гласит: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе *разделения* на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». Как видим, *принцип разделения властей* в этой статье четко обозначен. Конечно, он отражен в целом *для государственной власти* в Российской Федерации. Но не будем забывать, что за ст. 10 в Конституции РФ следует ст. 11, в которой говорится: «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации» (ч. 1) и «Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти» (ч. 2). То есть в Конституции РФ применительно к указанным органам говорится и о горизонтальном, и о вертикальном разделении властей.

Одна тонкость состоит в том, что вертикаль отражается, когда речь идет об органах власти, а не о конкретных органах, поскольку ч. 1 ст. 11 Конституции упоминает суды РФ, из которых многие, территориально находясь в субъектах РФ, не входят в их систему судов (и органов власти), и лишь Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹ позволяет субъектам создавать по своему усмотрению конституционные (уставные) суды, которые после появления только и могут претендовать на то, что они участвуют в осуществлении государственной власти субъекта РФ.

В Конституции РФ в отличие от новеллы 1992 г. прежней Конституции не говорится о «связке» разграничения предметов ведения и полномочий с включением в нее и органов местного самоуправления. В чем заключаются причины такого подхода и означает ли он, что создатели новой Конституции как бы вывели местное самоуправление за пределы публичной власти?

Отвечая на этот вопрос, прежде всего, вспомним и отметим, что следом за упомянутыми статьями законодатель включил в Конституцию ст. 12, которая гласит: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

¹ См.: Собр. законодательства РФ. 1997. № 1, ст. 1.

С появлением в Российской Федерации института местного самоуправления имели место высказывания относительно того, что властью народа является государственная власть, а местное самоуправление — нечто подобное общественному самоуправлению. Сторонников этого подхода не останавливало даже то, что ст. 12 находится в гл. 1 Конституции, посвященной основам конституционного строя. Тем самым как бы обозначена роль местного самоуправления в системе народовластия вместе со ст. 3.

В связи с этим вынужден был обозначить соответствующую позицию Конституционный Суд РФ. В Постановлении от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года „О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике”². Конституционный Суд РФ определил, что *местное самоуправление и его органы являются видом публичной власти*. Тезис о том, что публичная власть может быть не только государственной, но и муниципальной, Конституционный Суд РФ повторил также в Постановлении от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года „Об органах исполнительной власти в Республике Коми”³.

Таким образом, *государственная власть и муниципальная власть являются разновидностями единой публичной власти народа* в Российской Федерации. На сегодня отнесение муниципальной власти к публичной власти никем не оспаривается. Отсюда можно заключить, что Конституция в целом исходит из того, что *вертикальное* разделение полномочий, задач предполагается, в т.ч. с учетом наличия такого уровня публичной власти, как местное самоуправление.

И все же неизбежен вопрос: почему для того, что есть *внутри* местного самоуправления, не обозначен принцип разделения властей? Если этого не сделала Конституция РФ, то почему бы этого не сделать в специальном акте, являющимся нормативно-правовой основой местного самоуправления, — это Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴ с многочисленными изменениями и дополнениями (далее — ФЗ № 131)?

Первый довод можно связать с тем, что на уровне местного самоуправления нет объектов для деления. Здесь участие народа в осуществлении власти предполагается как весьма непосредственное и активное, и что же тогда — делить полномочия между народом и органами?! И еще: местные дела таковы, что их могут решать как граждане массово, так и органы *сообща и в порядке подмены друг друга!* И так, к чему делить; и нет тех, между кем делить...

Такие подходы к местному самоуправлению в немалой степени отражают те иллюзии, которые были при ратовании за него и внедрении в наше сознание и практику народовластия.

Обратившись к гл. 8 «Местное самоуправление» Конституции РФ, можно увидеть несколько иные контуры организации власти местного самоуправления. Действительно, этот уровень публичной власти близок к населению и оно (население) в состоянии само, непосредственно осуществлять властные функции. Но население не в состоянии заниматься таким осуществлением власти

² См.: Собр. законодательства РФ. 1997. № 5, ст. 708.

³ См.: Российская газета. 1998. 31 янв.

⁴ См.: Российская газета. 2003. 8 окт.

постоянно, изо дня в день, для ведения текущих дел создаются *органы* местного самоуправления. И поэтому все-таки требуется хотя бы обозначить, что решает или должно решать само население, чтобы остальные вопросы были предметом деятельности муниципальных органов.

Для осуществления муниципальной власти *органами* местного самоуправления следует учитывать то, что они: а) решают часть дел, рожденных местной необходимостью; б) принимают на себя другую часть дел — переданных государственной властью. И в этом случае возникает *потребность разделения полномочий между органами* — чтобы каждый знал, за что он отвечает.

Оба названных начала в организации местного самоуправления отражены в Конституции РФ.

Согласно ч. 2 ст. 130 «Местное самоуправление осуществляется *гражданами* путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, *через выборные и другие органы* местного самоуправления».

Соответственно далее в ст. 132 Конституции РФ записано:

«1. *Органы* местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения.

2. *Органы* местного самоуправления могут наделяться законом *отдельными государственными полномочиями* с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств. Реализация переданных полномочий подконтрольна государству».

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что *принцип определенности и раздельности полномочий и места* в системе муниципальной власти, заложенный в Конституции РФ, хотя и не сопровождается словами о разделении властей, тем не менее необходим и далее последовательно выдерживается в законодательстве о местном самоуправлении.

Однако специфика этого уровня состоит в том, что Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет содержание и направления деятельности органов местного самоуправления, в значительном объеме через категорию «*вопросы местного значения*». А она настолько широка, что позволяет заниматься такими вопросами по существу всем — и населению, и органам местного самоуправления.

Это совсем не значит, что на местном уровне как бы допускается смешение деятельности. Федеральный закон о местном самоуправлении содержит два подхода.

С одной стороны, широко закрепляя вопросы местного значения для практически всех звеньев системы местного самоуправления, закон зачастую использует формулировки, свидетельствующие о том, что вопросами местного значения наделяются органы местного самоуправления данного уровня, т.е. в целом, а не конкретно представительный орган, глава муниципального образования, местная администрация или ее глава.

С другой стороны, если речь идет о решении определенных вопросов, на основе которых возникают право собственности, выделение финансовых ресурсов и т.д., в законодательстве это *закрепляется за конкретными органами* местного самоуправления.

Например, в ч. 10 ст. 35 Федерального закона № 131-ФЗ «Представительный орган муниципального образования» говорится об *исключительной компетенции* (именно с использованием данного понятия) указанного органа. И далее в ч. 11 отражено: «*Иные полномочия* представительных органов муниципальных образований определяются федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований». Таким образом, законодатель исходит из того, что *есть и должна быть четко обозначенная компетенция именно представительного органа* муниципального образования.

Аналогичное регулирование в Законе № 131-ФЗ представлено и по другим звеньям руководства. Например, в ч. 1 ст. 36 «Глава муниципального образования» говорится: «Глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования и наделяется уставом муниципального образования в соответствии с настоящей статьей *собственными полномочиями* по решению вопросов местного значения».

В соответствии с ч. 1 ст. 37 «Местная администрация» Закона № 131-ФЗ «Местная администрация (*исполнительно-распорядительный орган муниципального образования*) наделяется уставом муниципального образования *полномочиями по решению вопросов местного значения и полномочиями для осуществления отдельных государственных полномочий*, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации». Кроме того, согласно п. 3 ч. 6.1 той же статьи глава местной администрации «обеспечивает осуществление местной администрацией *полномочий* по решению вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации».

Корреспондирующие предписания можно найти и в других нормах Закона № 131-ФЗ. В частности, в ст. 19 «Порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями» определено (ч. 6), что федеральный закон, закон субъекта РФ, предусматривающие наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, должны содержать *перечень прав и обязанностей* органов местного самоуправления, а также прав и обязанностей органов государственной власти при осуществлении соответствующих полномочий (п. 2); порядок *отчетности органов местного самоуправления* об осуществлении переданных им отдельных государственных полномочий (п. 5); условия и порядок *прекращения осуществления органами* местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий (п. 7).

Таким образом, не используя категорию «разделение властей» применительно к органам местного самоуправления, реально Закон № 131-ФЗ закрепляет полномочия за этими органами.

3. Необходимо обратить внимание также на то, что законодательство о местном самоуправлении оперирует применительно к муниципальным органам власти зачастую той же терминологией, что и в отношении органов государственной власти [5, с. 62]. А это позволяет делать вывод о том, что для муниципальных органов предполагаются такие же *общие принципиальные исходные начала* организации и деятельности. В частности, Конституция РФ называет Федеральное Собрание «*представительным* и законодательным органом Российской

Федерации» (ст. 94). Применительно к местному самоуправлению Конституция использует понятие «выборные органы» (ст. 130), а законодательство о местном самоуправлении фиксирует и широко использует понятие «представительные органы муниципальных образований».

О Правительстве РФ в Конституции РФ (ст. 110) говорится следующее: «Исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации». Понятие исполнительной власти широко используется для соответствующих органов федерального уровня, а также субъектов РФ. Что касается уровня местного самоуправления, распространенным стало понятие, упомянутое выше и отраженное в ч. 1 ст. 37 «Местная администрация» Закона № 131-ФЗ: «Местная администрация (*исполнительно-распорядительный орган муниципального образования*)».

Обратим внимание на то, что нередко федеральное отраслевое законодательство использует понятие во множественном числе — *исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований*. Для примера назовем Бюджетный кодекс РФ⁵; Правила финансового обеспечения переданных исполнительно-распорядительным органам муниципальных образований государственных полномочий по составлению списков кандидатов в присяжные заседатели федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации (утверждены Постановлением Правительства РФ от 23 мая 2005 г.)⁶; Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁷.

Порой можно найти и более расширительное использование понятий: например, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»⁸ в ст. 1 распространяет сферу его действия на отношения, «возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг соответственно федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также *местными администрациями и иными органами местного самоуправления, осуществляющими исполнительно-распорядительные полномочия* (далее — органы местного самоуправления)».

Таким образом, понятийный ряд на уровне Федерации и субъектов РФ в использовании понятия «исполнительная власть» опирается на обозначенную ранее концепцию разделения властей, заложенную в Конституции РФ (ст. 10). И конечно же нельзя уйти от вопроса: на что же опирался законодатель, включая в Федеральный закон № 131-ФЗ и сохраняя по настоящее время понятие «исполнительно-распорядительный орган муниципального образования»

⁵ См.: Бюджетный кодекс РФ от 31 июля 1998 № 145-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3823.

⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 23 мая 2005 г. № 320 «Об утверждении Правил финансового обеспечения переданных исполнительно-распорядительным органам муниципальных образований государственных полномочий по составлению списков кандидатов в присяжные заседатели федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 31 мая.

⁷ См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. 2013. 12 апр.

⁸ См.: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Российская газета. 2010. 30 июля.

применительно к местной администрации?! Ответ напрашивается четкий: на концептуальное родство выделения вопросов исполнительной власти и отсюда их поручения на местном уровне именно местной администрации как исполнительно-распорядительному органу, причем решать эти вопросы местной администрации приходится во взаимодействии с вышестоящими органами исполнительной власти.

4. Необходимо отметить еще один существенный момент: приведенное регулирование четко ориентируется на то, что принятие решений в соответствующих сферах возлагается *не на все подряд, а на конкретные органы* муниципальной власти. Особенно это касается бюджетной сферы, земельных отношений, градостроительства, землеотвода, предоставления муниципальных услуг и других близких сфер, что предполагает не только обязанность решения соответствующих вопросов теми органами и должностными лицами муниципального уровня, которым это поручено, но и *невмешательство* иных органов или должностных лиц в соответствующие решения, подмену тех, кому это поручено законодателем. Так, согласно ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ если глава муниципального образования избран председателем представительного органа, он *не возглавляет* местную администрацию.

В соответствии с ч. 4 ст. 36 Закона глава муниципального образования в пределах полномочий, установленных ч. 2 настоящей статьи:

1) представляет муниципальное образование в отношениях с органами местного самоуправления других муниципальных образований, органами государственной власти, гражданами и организациями, без доверенности действует от имени муниципального образования;

2) подписывает и обнародует в порядке, установленном уставом муниципального образования, нормативные правовые акты, принятые представительным органом муниципального образования;

3) издает в пределах своих полномочий правовые акты;

4) вправе требовать созыва внеочередного заседания представительного органа муниципального образования;

5) обеспечивает осуществление органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъекта РФ.

У главы нет права подменять другие органы местного самоуправления, так же как и права давать им указания. То, что он «обеспечивает» осуществление полномочий всеми органами, следует трактовать как организационную (организующую) составляющую его деятельности.

Соответственно, как уже было сказано, согласно ст. 37 Закона № 131-ФЗ местная администрация наделяется Законом и уставом полномочиями по решению как вопросов местного значения, так и отдельных государственных полномочий. Обратим внимание на то, что в соответствии с ч. 1 ст. 37 «местной администрацией руководит глава местной администрации *на принципах единоначалия*». В свою очередь согласно ч. 6.1 ст. 37 глава местной администрации, осуществляющий свои полномочия на основе контракта:

«1) *подконтролен и подотчетен* представительному органу муниципального образования;

2) представляет *представительному органу* муниципального образования *ежегодные отчеты* о результатах своей деятельности и деятельности местной администрации, в том числе о решении вопросов, поставленных представительным органом муниципального образования;

3) *обеспечивает осуществление* местной администрацией полномочий по решению вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации».

Осуществляя свою деятельность, глава местной администрации взаимодействует с исполнительными органами государственной власти субъекта РФ, а также Российской Федерации. Здесь фактически существует вертикаль исполнительной власти. Напомним, что согласно ч. 2 ст. 77 Конституции РФ «в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации». Отсюда следует вывод о том, что местная администрация, выполняя задачи особенно по переданным государственным полномочиям, также включается в систему исполнительной власти и исходит из основных требований разделения властей.

Кроме того, отметим тот факт, что глава муниципального образования в соответствии со ст. 36 «без доверенности действует от имени муниципального образования», никак не делает его распорядителем материальных ресурсов, собственности и т.д. Согласно ч. 1 ст. 41 того же Закона «От имени муниципального образования приобретать и осуществлять *имущественные и иные* права и обязанности, выступать в суде без доверенности могут глава местной администрации, другие должностные лица местного самоуправления в соответствии с уставом муниципального образования».

Следует отметить, что практика отделения главы муниципального образования с поручением ему руководства представительным органом местного самоуправления от поста главы местной администрации в последнее время заменяется иной конструкцией. Более широкое распространение получает система приглашения на должность главы муниципального образования лица, выигравшего конкурсный отбор и получившего свое место по решению представительного органа муниципального образования, при этом половина членов в конкурсной комиссии назначается главой субъекта РФ. Такой глава *становится главой местной администрации* (п. 5 ч. 2 ст. 36 Закона № 131-ФЗ). И теперь именно такой глава муниципального образования является главной фигурой в решении вопросов собственности, отвода земельных участков и т.п. на муниципальном уровне. И конечно, на данном уровне, а также при общении с администрацией субъекта РФ, предполагаются правила, связанные с разделением властей, включая систему «сдержек и противовесов».

5. В завершение необходимо обратить внимание на то, что проблема взаимодействия внутри местного самоуправления между его органами, разделения их полномочий и ответственности недостаточно исследована в нашей науке. Более того, не уделял ей достаточно внимания и Конституционный Суд РФ, причем в ситуациях, когда в адресованных ему запросах заявители просили — наряду

с другими — дать и ответ на вопрос: нужно ли применять разделение властей в системе местного самоуправления?

Хотелось бы обратить внимание на одно из недавно принятых решений Конституционного Суда, который обратился к данной проблеме, - Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»⁹.

Как отметил Конституционный Суд, самостоятельность местного самоуправления, проявляющаяся и в вопросах определения структуры его органов, служит не только пределом, ограничивающим произвольное вмешательство органов государственной власти в дела местного самоуправления, но и *базой для его интеграции в систему публичной власти* и поддержания в ней — на основе баланса интересов — межуровневого взаимодействия... В силу статей 72 (пункт «н» части 1) и 76 (часть 2) Конституции Российской Федерации установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления — *как имеющее своей целью обеспечение принципиального единства системы публичной власти* в Российской Федерации — отнесено к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, по которым издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Тем самым предполагается, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, что органы государственной власти призваны оказывать на местное самоуправление регулирующее воздействие, в частности *путем определения основных, принципиальных параметров организационного устройства муниципальной власти и взаимосвязей между ее элементами, обусловленных конституционно-правовой природой местного самоуправления как одного из уровней публичной власти*, наиболее приближенного к населению, и учитывающих необходимость достижения с участием местного самоуправления конституционных целей государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации.

И еще один тезис из данного постановления: вопросы организационного устройства муниципальной власти, носящие сугубо местный характер, применительно к обеспечению эффективного и ответственного решения вопросов местного значения в интересах населения, гарантированию прав и свобод граждан, проживающих на соответствующей территории, *приобретают государственное значение с точки зрения реализации посредством местного самоуправления принципов народовластия, относящихся к основам конституционного строя Российской Федерации*.

Таким образом, нормы Конституции РФ, законодательства РФ не должны исключать постановки вопроса о необходимости разделения властей на уровне местного самоуправления, исходя из того, что муниципальные органы могут в разной мере участвовать в регулировании и решении проблем территориальной организации, испытывают на себе влияние различных участников соответствующей

⁹ См.: Российская газета. 2015. 14 дек.

щих процессов, не исключены конфликты интересов. Особенно отметим, что в больших городах управление мало чем отличается от субъектов РФ, для которых разделение властей предписано Конституцией РФ. Поэтому здесь необходимо применять общие критерии разделения властей.

Библиографический список

1. Кабышев В.Т. Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5. С. 12–21.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России: избранные статьи. М.: Проспект, 2016. 501 с.
3. Шаблинский И. Выключенный механизм: сдержки и противовесы в российской конституционной практике // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2. С. 107–115.
4. Арановский К.В. Разделение властей как условие конституционной демократии // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 6. С. 16–21.
5. Бялкина Т.М. Реализация конституционного принципа народовластия в системе местного самоуправления Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 60–63.

References

1. Kabyshev V.T. Constitutional Dialogue // Vestnik of Saratov State Law Academy. 2017. № 5. P. 12–21.
2. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: selected articles. M.: Publishing Company Prospect, 2016. 501 p.
3. Shablinsky I. Deactivated Mechanism: Checks and Balances in the Russian Constitutional Practice // Comparative constitutional review. 2010. № 2. P. 107–115.
4. Aranovsky K.V. Separation of Powers as a Condition of Constitutional Democracy // Constitutional justice journal. 2012. № 6. p. 16–21.
5. Byalkina T.M. Realization of Constitutional Democracy in the Local Self-government System of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2013. № 1. P. 60–63.

УДК 342.31

Н.А. Боброва

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Введение: в статье анализируются конкретные условия, в которых принималась Конституция РФ 1993 г., предопределившие ее особенности и недостатки. **Цель:** продолжить конституционный диалог в канун 25-летия Конституции РФ, инициированный заслуженным деятелем науки РФ, профессором В.Т. Кабышевым, выявить особенности реализации конституционализма в современной России. **Методы:** диалектический, исторический, формально-юридический, сравнительный. **Результаты:** изучено множество научных трудов, посвященных Конституции РФ и российскому

© Боброва Наталья Алексеевна, 2018

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, заслуженный доктор РФ (Тольяттинский госуниверситет); e-mail: bobrovana@mail.ru

© Bobrova Natalia Alekseevna, 2018

Doctor of Law, Professor of the Constitutional Law department of Togliatti State University

конституционализму. В сущности Конституция РФ абсолютно реальна: Конституция закрепила полномочия сверхсильного президента и зависимость от него слабого парламента. Реальна Конституция РФ и в части защиты сверхдоходов олигархов: в Конституции частная собственность стоит впереди государственной, а народная собственность отсутствует. **Выводы:** политический механизм властвования в России соответствует тексту Конституции. Вместе с тем в целях повышения качества этого механизма, его реализации, необходимо приступить к конституционной реформе в направлении повышения роли и ответственности российского парламента за результаты властвования, а также недопустимости изменения избирательных законов менее чем за год до выборов.

Ключевые слова: конституционализм, конституция, сущность конституции, политический механизм властвования, президент, парламента, реальность Конституции РФ, частная собственность, реформа Конституции.

N.A. Bobrova

PECULIARITIES OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

Background: this article analyzes the specific conditions in which the Constitution of the Russian Federation of 1993 was adopted. These conditions should predispose its advantages and disadvantages. **Objective:** the author of the article intends to continue the constitutional dialogue on the eve of the 25 anniversary of the Constitution of the RF, initiated by the honored worker of science of the Russian Federation Professor V.T. Kabyshev; to identify special features of constitutionalism in modern Russia. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: dialectical, historical, formally legal and comparative ones. **Results:** the author studied a lot of scientific works dedicated to the Constitution of the Russian Federation and the Russian constitutionalism. The Constitution of the Russian Federation in its essence is absolutely real: the Constitution enshrines the powers of superstrong President and dependence on him a weak Parliament. The Russian Constitution is also real in the part of protecting super profits of oligarchs: private property in the Constitution stands ahead of the state one and the national property is missing. **Conclusions:** the political mechanism of government in Russia fully complies with the text of the Constitution. Along with this, with the aim to increase the quality of this mechanism, its realization it is necessary to start the gradual constitutional reform towards strengthening the role and responsibility of the Russian Parliament for achieving the results of governing, as well as the inadmissibility of changing electoral laws in less than a year before the elections.

Key-words: constitutionalism, constitution, political mechanism of governing, the essence of the Constitution, the reality of the Russian Constitution, president, parliament, private property, reform of the Constitution.

Постоянно возвращаясь к исторической роли действующей Конституции РФ, особенно в связи с ее юбилеем, нельзя не согласиться с профессором В.Т. Кабышевым в том, что «память возвращает нас к событиям 1990–1993 годов, когда шла активная работа над проектом Конституции России» [1, с. 24].

Конституция 1993 г. — продукт тяжелейшего конституционного кризиса 1992–1993 гг., противостояния исполнительной и законодательной властей, завершившегося низвержением последней. По мнению С.М. Шахрая, Конституцию не получилось принять в результате общественного согласия, она явилась актом принуждения к общественному согласию; «в 2000 году впервые в истории

нашей страны новый лидер не переписал «под себя» действующую Конституцию Российской Федерации» [2, с. 2].

Однако любой президент, пришедший после Б.Н. Ельцина, вряд ли стал бы что-то переделывать в механизме власти. В том-то и состоит особенность российского конституционализма, что он выгоден любому президенту. Объем его полномочий в соответствии с Конституцией предопределяет персонализированный режим политического властвования в России. И в этом мы видим не только минусы, но и, прежде всего, плюсы. Но вот вопрос! А если президентом станет не такой харизматичный и уникальный Президент, как нынешний лидер? Не поздно ли будет делать вид, что мы не хотели концентрации власти в руках одного человека?

С.А. Авакьян ставит провокационный вопрос: «... А может, и вообще не ломать голову над этим, чуть-чуть, «по верхам» урегулировать властеотношения, а в остальном пустить все на самотек? И уповать лишь на то, чтобы не пришли во власть «мрачные» силы, сделавшие ее содержанием персональное своеволие? Ох, как для этого подходит именно конституционное регулирование — оно ведь и есть «общее», «исходное»...» [3, с. 4]. Вопрос о реформировании конституционного механизма власти, эволюционном его изменении в сторону повышения реальной ответственности парламента за результаты властвования в стране (при условии реформирования избирательного права в целях реального народовластия), усиления реального парламентского и народного контроля за исполнительной властью — назревшая проблема. Основное, что можно было сказать о недостатках Конституции 1993 г., уже сказано [4], и вряд ли есть конституционалист, который, не кривя душой, стал бы опровергать названные недостатки.

Однако критикам Конституции нельзя приписывать желание во что бы то ни стало ее смести, как это вольно или невольно делают некоторые конституционалисты [5]. Может, именно те ученые, которые не замалчивают недостатков Конституции, являются не только самыми последовательными конституционалистами, но и самыми последовательными государственниками, помогая власти отвечать на вызовы времени, не нарушая конституционных принципов в текущих федеральных законах под предлогом «живой» конституции, иначе напрашивается антоним «мертвая» конституция применительно к юридической конституции, поскольку: 1) часть ее норм изначально являются мертворожденными или чужеродными в угоду имитационного, фасадного конституционализма; 2) часть конституционных норм не соответствует общественным потребностям; 3) ее легко можно обходить, развивая фактическую конституцию с помощью текущего законодательства, т.е. изменяя конституционные по своей сути отношения без изменения текста Конституции.

Особенность современного российского конституционализма состоит в том, что его юридическая конституция, формально жесткая, даже сверхжесткая, фактически является весьма гибкой, видоизменяющейся с каждой новой политической ситуацией и подстраивающейся под интересы власти с помощью текущего законодательства, да и формальная жесткость Конституции преодолевается с молниеносной скоростью, если речь идет о поправках в Конституцию, вносимых по инициативе Президента РФ.

Если исходить из того, что сущность Конституции состоит в устройстве власти (автор этих строк придерживается именно такого взгляда), то в российском конституционализме наблюдается соответствие фактической конституции и

юридической: *de facto* устройство власти практически не выходит за рамки юридического ее механизма, очерченного гл. 4 «Президент Российской Федерации». Статья 80 Конституции РФ по аналогии с деголлевской Конституцией Франции V Республики предоставила Президенту статус гаранта Конституции РФ, статус гаранта прав и свобод человека и гражданина, статус такого главы государства, который единолично, без участия парламента, определяет основные направления внутренней и внешней политики. Соответствует ли реальный механизм власти этой формуле? Да, соответствует.

Следовательно, Конституция РФ в своей сущности — устройстве власти — реальная Конституция. Если говорить кратко, то это сильный президент и слабый парламент. И если во Франции после де Голля данный перекоп исправлен, то в России авторитарные элементы конституционализма нарастают, что опять-таки не противоречит писаной Конституции.

Участвует ли Федеральное Собрание РФ в формировании внутренней и внешней политики? В той мере, в какой позволяет персонифицированная власть и по мере внесения законодательных инициатив, ведущая роль в которых принадлежит отнюдь не парламенту. Парламентских законодательных инициатив, по сравнению с президентскими и правительственными, несоизмеримо мало. Но это опять-таки соответствует Конституции РФ, которая, в противоречие конституционному принципу разделения властей, на первое место среди субъектов права законодательной инициативы ставит Президента РФ. Ни о каком противоречии между фактической и юридической Конституцией здесь говорить не приходится. В смысле своей сущности — устройства власти и отношения к частной собственности — в России реальная Конституция. В направлении суперпрезидентской власти она и развивается.

Согласно ч. 2 ст. 80 Конституции РФ Президент РФ выступает гарантом Конституции РФ и становится вторым конституирующим центром наряду с самой Конституцией. Поэтому своей личной властью и вполне конституционно Президент РФ (чаще, по его поручению, Правительство РФ, реже, по негласному санкционированию, другие субъекты права законодательной инициативы) инициирует изменения в избирательной системе, в результате чего последняя изначально, по Конституции, превращена из демократического средства формирования власти в политическую технологию. И сколько бы мы ни говорили о том, что все избирательные законы, будучи сердцевинной конституционного строя, должны приниматься квалифицированным большинством и не позже, чем за год до очередных выборов, в этом плане ничего не меняется, потому что избирательные законы отнесены в Конституции к простым, а не к конституционным законам.

Глава «Избирательная система» в Конституции отсутствует, нет и нормы, запрещающей изменять (сокращать или удлинять) срок legislatury органов государственной власти и органов муниципальной власти, в результате чего манипуляции с датами выборов указанных органов неоднократно осуществлялись в угоду политической конъюнктуре, начиная с явочного удлинения legislatur региональных представительных органов власти, избранных в 1993–1994 гг. на двухлетний срок. Между тем под предлогом отсутствия федерального закона об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ срок полномочий этих органов власти явочным порядком, с молчаливого разрешения федеральных властей, был прод-

лен. Впрочем, манипуляции со сроками legislatures и сроками выборов разных органов власти продолжают до сих пор и являются темой самостоятельного исследования.

Согласно ч. 2 ст. 80 Конституции РФ Президент РФ выступает гарантом прав и свобод человека и гражданина, что также является формулой деголлевской Конституции Франции. Однако совершенно очевидно, что эта формула столь же авторитарна, сколь и персонифицирована.

Конституция 1993 г. создала второе конституирующее начало в виде юридически сильного Президента [6]. Записанные же в Конституции демократические принципы изначально рассматривались командой Б.Н. Ельцина как некое «великое обещание», «программа на будущее» [7, с. 176–210; 8; 9].

Стоит ли удивляться, что в этой части «конституционные ожидания российского народа, точнее, его большинства — не оправдались» [8, с. 32]?

Прав В.Т. Кабышев и в том, что «дух фактического властвования сегодня составляет доминанту социально-экономического и политического развития» [1, с. 25]. Под фактическим властвованием понимается персонифицированный президентский режим в России [1, с. 26]. Согласно п. «б» ст. 83 Конституции РФ Президент «имеет право председательствовать на заседаниях Правительства РФ», что он зачастую и делает, руководя страной в режиме «ручного управления» и какими только чисто правительственными вопросами ни занимаясь. Названный пункт Конституции вкупе с другими властными полномочиями Президента, а также легализованными Конституционным Судом РФ его «подразумеваемыми полномочиями» есть легализация президентского руководства исполнительной властью.

Когда конституционалисты пишут о том, что «реальность оказалась неадекватна конституционным ценностям» и что «...достаточно проанализировать любой ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, чтобы убедиться: состояние субъективных прав и свобод человека в России с каждым годом ухудшается» [1, с. 25], необходимо осознавать, какие конкретно ценности имеются в виду. Если это те ценности, во имя которых частная собственность поставлена впереди государственной (ст. 8, 9 Конституции РФ) и отвергнута народная собственность, то Конституция в полной мере выполнила свою миссию.

Не отрицая, безусловно, правильного вывода о том, что «будущее во многом зависит от верности Конституции, умения жить по Конституции» [9, с.15], добавим также, что будущее самой Конституции во многом зависит от политической воли Президента России.

Библиографический список

1. Кабышев В.Т. Конституционные ожидания // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 24–27.
2. Шахрай С.М. Незнакомая Конституция // Аргументы недели. 2013. 27 июня. С. 2–3.
3. Авакьян С.А. Властеотношения: закономерности существования, субъективизм регулирования и правоприменения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 3–11.
4. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 33–38.

5. *Князев С.Д.* Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 4–11.

6. *Боброва Н.А.* Конституционализация позитивного права или политизация конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 3–7.

7. *Боброва Н.А.* Конституционный строй и конституционализм в России. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2003. 264 с.

8. *Кабышев В.Т.* Конституция новой России (к 25-летию Саратовского проекта Конституции России) // Государство и право. 2016. № 6. С. 31–36.

9. *Кабышев В.Т.* Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5(118). С. 12–20.

References

1. *Kabyshv V.T.* Constitutional Expectations // Constitutional and Municipal Law. 2013. № 11. P. 24–27.

2. *Shachrai S.M.* Unidentified Constitution // Arguments of a week. 2013. 27 June. P. 2–3.

3. *Avakyan S.A.* Relations of Public Authorities // Constitutional and municipal law. 2013. № 3. P. 3–11.

4. *Bobrova N.A.* 20 Years and 20 Disadvantages of the Russian Constitution // Constitutional and Municipal Law. 2013. № 3. P. 33–38.

5. *Knyazev S.D.* The Stability of the Constitution and Its Importance for the Modern Russian Constitutionalism // Constitutional and Municipal Law. 2015. № 1. P. 4–11.

6. *Bobrova N.A.* Constitutionalization of Positive Law or Politization of the Constitutionalism // Constitutional and Municipal Law. 2017. № 10. P. 3–7.

7. *Bobrova N.A.* The Constitutional Order and the Constitutionalism in Russia. М.: UNITY-DANA. 2003. 264 p.

8. *Kabyshv V.T.* The Constitution of New Russia (on the threshold of 25 anniversary of Saratov project of the Russian Constitution) // State and Law. 2016. № 6. P. 31–36.

9. *Kabyshv V.T.* Constitutional Dialogue // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 5. P. 12–21.

УДК 342.7

Д.С. Велиева

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Введение: в статье рассматриваются проблемы, связанные с применением в Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров, соотношения их по юридической силе с нормами национального законодательства, в т.ч. с Конституцией РФ и решениями Конституционного Суда РФ. *Цель:* принять участие в заочном конституционном диалоге о путях разви-

© Велиева Джамилы Сейфаддиновна, 2018
Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и международного права (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС)
© Veliyeva Jamila Seifaddinovna, 2018
Doctor of Law, Professor, Head of the Constitutional and International Law department (Stolypin Volga Region Institute of Administration — RASHIGS)

тия российского конституционализма, инициированном профессором В.Т. Кабышевым в журнале «Вестник Саратовской государственной юридической академии» (2017. № 5), сформулировать предложения по гармонизации взаимодействия Конституции РФ и международных норм. **Методы:** системного анализа, формально-юридический, сравнительно-правовой. **Результаты:** на основе анализа конституционных норм, решений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека выявляется соотношение конституционно-правового и международно-правового обеспечения прав человека. Обосновано фундаментально-ценностное значение Конституции РФ в сфере защиты прав человека во взаимодействии с международными нормами. **Выводы:** формирование стандартов защиты прав и свобод человека и гражданина Европейским Судом по правам человека должно проходить с учетом национальной правовой парадигмы государства. Решения Европейского Суда по правам человека не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ.

Ключевые слова: Конституция РФ, общепринятые принципы и нормы международного права, международные договоры, правоприменительный приоритет, Европейская конвенция, Европейский суд по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации.

J.S. Veliyeva

CONSTITUTIONALIZATION OF EUROPEAN STANDARDS IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS

Background: the article deals with the problems associated with the application of generally recognized principles and norms of international law in the Russian Federation as well as international treaties, their legal force correlation with the norms of the national legislation, including the Constitution of the Russian Federation and the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. **Objective:** the author of the article intends to take part in the correspondence constitutional dialogue about the ways of development of the Russian constitutionalism initiated by Professor V.T. Kabyshev on the pages of the Bulletin of the Saratov State Law Academy (2017. № 5), to formulate proposals on the harmonization of the Constitution of the Russian Federation and international norms interaction. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: system analysis, formal-legal, comparative-legal ones. **Result:** on the basis of the analysis of the constitutional norms and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights the correlation of constitutional legal and international legal regulation of human rights is revealed. The fundamental value of the Constitution of the Russian Federation in the sphere of human rights protection in collaboration with the international norms is justified. **Conclusions:** the author believes that the formation of standards for the protection of human rights and freedoms of the European Court of Human Rights should take place taking into account the national legal paradigm of the state. The decisions of the European Court of Human Rights do not cancel the priority of the Constitution of the Russian Federation for the Russian legal system.

Key-words: Constitution of the Russian Federation, generally accepted principles and norms of international law, international treaties, law enforcement priority, the European Convention, the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation.

конституционалист, профессор В.Т. Кабышев инициировал обсуждение актуальных проблем современного российского конституционализма, в числе которых выделяется проблема совершенствования конституционно- правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина на современном этапе конституционного развития России [1, с. 17].

В обозначенном контексте особо актуальной представляется проблема внедрения и реализации международных правовых стандартов прав и свобод человека в национальное конституционное и правовое поле, взаимоувязывания международного и собственно российского дискурсов. К этому нас обязывает ст. 17 Конституции РФ, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Особое значение данная норма приобретает во взаимосвязи с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, где принципиально определено отношение Российской Федерации как государства к общепризнанным принципам и нормам международного права, а также соотношение правил международного договора и российского законодательства в случае конфликта их норм.

Своим присоединением к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Российская Федерация признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов. Данный факт сыграл огромную роль в формировании российских стандартов прав человека, выраженных, в частности, в правовых позициях Конституционного Суда РФ.

В 2006 г. председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин писал, что общепринятые принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы и имеют приоритет перед законом, а это означает, что «положения Конституции, закрепляющие конкретные права и свободы человека и гражданина, должны в соответствии с Конституцией толковаться Конституционным Судом согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, в т.ч., следовательно, согласно общепризнанным стандартам в сфере основных прав и свобод, в том виде как они выражены в Конвенции в ее истолковании Страсбургским судом» [2, с. 19]. Однако, как выяснилось, на практике взгляды Конституционного Суда и ЕСПЧ о стандартах обеспечения прав, предусмотренных Конвенцией (и Конституцией), не совпадают, вследствие чего сформулированные этими органами правовые позиции могут заметно различаться.

Весьма наглядным в данном случае является пример с делом Маркина, по которому Конституционный Суд РФ и ЕСПЧ вынесли диаметрально противоположные решения. Это вызвало очень серьезный резонанс в российской политической и научной среде. В частности, Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин выступил с рядом довольно резких замечаний в адрес ЕСПЧ. В интервью, опубликованном в «Российской газете», он констатировал, что «Европейский Суд впервые «в жесткой правовой форме» подверг сомнению решение Конституционного Суда Российской Федерации» [3]. Председатель Конституционного Суда решение Большой палаты ЕСПЧ по делу Маркина расценил как «вмешательство в полномочия национального законодателя» [4, с. 7].

На наш взгляд, В.Д. Зорькин, безусловно, прав, когда говорит, что Конвенция как международный договор России является составной частью ее правовой системы, однако она не выше Конституции РФ, поскольку в ст. 15 Основного Закона устанавливается приоритет международного договора над положениями закона, но не над положениями Конституции. Таким образом, с одной стороны, Россия как субъект международного права не может произвольно отказываться от принятых на себя обязательств и не выполнять решение международного судебного органа. С другой стороны, она не может выполнить данное решение, поскольку в таком случае позволяет юридически попирает государственный суверенитет, признавая приоритет норм международного договора над нормами Конституции РФ.

Продолжением этой юридически патовой ситуации противоречия между правовой позицией Конституционного Суда РФ и решением ЕСПЧ стал запрос Президиума Ленинградского окружного военного суда, который касался ситуации неопределенности пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления при наличии противоположных правовых позиций Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ. В своем решении Конституционный Суд РФ постановил, что суд общей юрисдикции вправе пересмотреть принятое судебное решение по новым обстоятельствам в случае соответствующего решения Европейского Суда, даже когда жалоба гражданина не была удовлетворена Конституционным Судом¹. Однако, помимо этого, Конституционный Суд РФ указал, что если суд общей юрисдикции придет к выводу о невозможности исполнения постановления ЕСПЧ без признания не соответствующими Конституции РФ законоположений, относительно которых ранее Конституционный Суд РФ констатировал отсутствие нарушения ими конституционных прав заявителя в конкретном деле, он правомочен приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности этих законоположений.

Впоследствии эта позиция нашла отражение в содержании ст. 101 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 4 июня 2014 г.), но в несколько расширенном варианте. Согласно указанной норме Суд, придя к выводу о том, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции РФ, в любом случае обращается с запросом в Конституционный Суд РФ о проверке конституционности этого закона.

Таким образом, применение мер «общего характера» в части изменения действующего законодательства теперь будет санкционироваться исключительно Конституционным Судом РФ. Решает ли это обозначенную выше проблему? Конечно, нет, поскольку Конституционный Суд РФ окажется в ситуации выбора: либо формально подтвердить решение Европейского Суда, подобрав конституционно-легитимное обоснование, либо отказаться от его исполнения, нарушив обязательства, принятые Российской Федерацией при подписании Европейской Конвенции.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 2.

Более резонансным является Постановление ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России»², в котором наличие в российском законодательстве ограничения избирательного права лиц, осужденных по приговору суда, было признано нарушением ст. 3 «Право на свободные выборы» Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что прямо противоречит ст. 32 (ч. 3) Конституции РФ, согласно которой не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

При этом представители Российской Федерации в Европейском Суде заявляли, что обжалуемое ограничение содержится в Конституции России, причем в той ее главе, в которую нельзя внести поправку, и применение «общих мер» потребует пересмотра Конституции в целом. В связи с этим Европейский Суд напомнил, что его функция заключается в проверке нарушения права, гарантированного Конвенцией, и восстановлении данного права. Иными словами, Суд фактически артикулировал тот довод, который мы обсуждали выше: в формате международных отношений национальные иерархии источников права не принимаются во внимание. В плане «практическом» Европейский Суд посоветовал воспользоваться «некой формой политического процесса или истолкования Конституции России компетентными органами — в первую очередь российским Конституционным Судом — в соответствии с Конвенцией».

Анализируя данную проблему, нельзя не обратить внимание на Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П³, которое было принято по запросу группы депутатов Государственной Думы относительно конституционности некоторых положений Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». Данное Постановление аккумулирует высказанные ранее правовые позиции Конституционного Суда РФ относительно возможных конфликтов прецедентных практик Европейского Суда и Конституции РФ и представляет своего рода «декларацию о намерениях». В частности, Конституционный Суд РФ отметил, что взаимодействие международного европейского и национального конституционного правопорядка невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами служит основой их надлежащего равновесия. Если постановление ЕСПЧ, вынесенное по жалобе против России, основано на толковании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приводящем к их противоречию с Конституцией РФ, такое постановление по смыслу ст. 4 (ч. 2), 15 (ч. 1 и 4), 16 (ч. 2) и 79 Конституции РФ не может быть исполнено. Соответственно, если органы государственной власти

² См.: Постановление ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. «Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней“, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации“, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

РФ, к компетенции которых относится обеспечение применения Конвенции как международного договора Российской Федерации, приходят к выводу, что такое противоречие имеет место и что действия и решения, которые требуются для исполнения постановления ЕСПЧ, могут привести к нарушению положений Конституции РФ, встает вопрос о действительном смысле этих положений в контексте возникшего противоречия и международных обязательств России. Данный вопрос, как следует из статей 118 (ч. 2) и 125 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьями 15 (ч. 1 и 4) и 79, по своей юридической природе подлежит разрешению в порядке конституционного судопроизводства.

К выводам, сделанным в вышеназванном Постановлении от 6 декабря 2013 г. № 27-П, Конституционный Суд РФ добавил выражение готовности принятия решения о невозможности исполнения постановления Европейского Суда: «Если Конституция Российской Федерации не позволяет согласиться с отдельным постановлением Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд РФ обязан отразить это несогласие в своем решении. В то же время, признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой является постановление Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд РФ готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, но определение степени своей готовности он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации».

Впоследствии выводы Конституционного Суда РФ воспринял и законодатель, дополнив Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» гл. XIII.1, предоставляющей федеральному органу исполнительной власти, наделенному компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в ЕСПЧ жалоб, поданных против Российской Федерации, право направлять в Конституционный Суд РФ запрос о соответствии выводов, содержащихся в постановлениях ЕСПЧ, Конституции РФ, а Конституционному Суду РФ — право принимать решение о возможности или о невозможности исполнения на территории Российской Федерации таких постановлений.

Остается вопрос: что будет, если ЕСПЧ вынесет, например, пилотное постановление, которым обяжет власти Российской Федерации внести соответствующие изменения в национальное законодательство? Как представляется, ни российское, ни международное законодательство не содержит каких-либо институциональных решений данной проблемы, которая, особенно в условиях существующего политического кризиса, вполне способна вылиться в альтернативу: или поступиться национальным суверенитетом, или выйти из Совета Европы.

11 марта 2016 г. последовала реакция Совета Европы на принятие Федерального конституционного закона от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации”» и жесткую позицию России и Конституционного Суда РФ относительно исполнения некоторых решений ЕСПЧ. В частности, в заключении, принятом Венецианской комиссией — экспертно-консультативным органом Совета Европы по конституционному праву — определено, что полученное Конституционным Судом РФ право выносить постановления о «невозможности исполнения» международных решений, включая постановления Европейского Суда по правам

человека, несовместимо с международно-правовыми обязательствами России. В рамках данного заключения Венецианская комиссия предложила России внести поправки в принятый закон, в частности, заменить формулировку «возможность исполнения решения» на «совместимость с Конституцией Российской Федерации средства исполнения международного решения», удалить статьи, согласно которым не могут осуществляться какие-либо действия, направленные на исполнение международного решения, объявленного Конституционным Судом РФ несоответствующим Конституции, установить обязанность российских властей находить альтернативные способы исполнения международного решения и т.п.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П⁴ Конституционный Суд РФ подтвердил свою позицию, изложенную в постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П. Конституционный Суд РФ отметил, что он как последняя инстанция по разрешению в рамках действующего конституционного регулирования вопроса о возможности исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека как межгосударственного органа по защите прав и свобод человека должен в соответствии с международными обязательствами России находить разумный баланс, с тем чтобы принятое им решение, с одной стороны, отвечало букве и духу постановления Европейского Суда по правам человека, а с другой — не вступало бы в противоречие с основами конституционного строя Российской Федерации и установленным Конституцией РФ правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина.

Анализируя названные позиции, Б.С. Эбзеев справедливо отмечает, что «... участие России в формировании международного гуманитарного консенсуса не влечет отказа от государственного суверенитета либо его ограничения. Мы не состоим в «государстве государств», как члены ЕС, а участвуем в «сообществе государств», покаяемся не на началах господства и подчинения, а на суверенном равенстве и сотрудничестве государств. Вовсе не случайно в статье 79 Конституции особо оговорено, что участие России в межгосударственных объединениях и передача им части своих полномочий возможно лишь при условии, что это не только не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина, но и не противоречит основам конституционного строя, в том числе принципу суверенной бытийности Российского государства» [5, с. 608–609].

В заключение следует отметить, что Российская Федерация, будучи связанной требованием соблюдать международный договор, тем не менее, обязана обеспечивать верховенство национальной конституции, при возникновении коллизий отдавать приоритет конституционным нормам (притом, что Европейская конвенция и Конституция РФ базируются на тех же самых фундаментальных ценностях защиты прав и свобод человека и гражданина). Формирование стандартов защиты прав и свобод человека и гражданина Европейским Судом по правам человека должно проходить с учетом национальной правовой парадигмы государства.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу „Анчуглов и Гладков против России“ в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 5.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5. С. 12–21.
2. *Зорькин В.Д.* Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 14–23.
3. *Зорькин В.Д.* Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 окт.
4. *Зорькин В.Д.* Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5. С. 1–11.
5. *Эбзеев Б.С.* Глобализация и становление транснационального конституционализма // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 600–609.

References

1. *Kabyshhev V.T.* Constitutional Dialogue // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 5. P. 12–21.
2. *Zorkin V.D.* Integration of the European Constitutional Space: Challenges and Answers // Journal of Russian Law. 2006. № 12. P. 14–23.
3. *Zorkin V.D.* The Limit of Compliance // Rossiyskaya Gazeta. 2010. 29 Oct.
4. *Zorkin V.D.* Interaction of National and Supranational Justice: New Challenges and Prospects // Journal of Constitutional Justice. 2012. № 5. P. 1–11.
5. *Ebzeev B.S.* Globalization and the Emergence of Transnational Constitutionalism // Law technique. 2017. No. 11. P. 600–609.

УДК 342.739

М.Т. Габдуалиев

**КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА
СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ
И ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ**

Введение: статья посвящена вопросам конституционного закрепления права собственности на землю, недра, природные ресурсы и практике реализации данной конституционной нормы с привязкой к социально-политической ситуации в стране. **Цель:** выявление взаимосвязи механизма осуществления публичной власти, конституционного регулирования и практики «распределения» природных богатств страны в ущерб интересам населения. **Методы:** системный, исторический, описания, диалектической логики. **Результаты:** исследование поставленных вопросов позволило показать зависимость авторитарных тенденций властвования от уровня природных богатств в стране, узко-правовые подходы в конституционном регулировании собственности на них. **Выводы:** существует опасность узко-правовых подходов к толкованию «права собственности», поскольку «собственность» в конституционном

© Габдуалиев Мереке Тлекович, 2018

Кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства Министерства юстиции Республики Казахстан

© Gabdualiyev MEREKE TLEKOVICH, 2018

Candidate of Law, Leading Research worker of the Constitutional, Administrative Legislation and Public Administration department of the Institute of Legislation of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan

механизме народовластия приобретает особую политическую и правовую природу. Земля также является собственностью. Это принципиальный вопрос обеспечения охраны земли, недр, природных ресурсов на уровне Основного Закона страны.

Ключевые слова: Конституция, конституционное регулирование, право собственности, власть, земля, недра, природные ресурсы.

M.T. Gabdualiyev

CONSTITUTIONAL REGULATION AND PRACTICE OF THE RIGHT OF OWNERSHIP OF LAND AND NATURAL RESOURCES IMPLEMENTATION

Background: the article is devoted to the questions of the constitutional consolidation of the right of ownership of land, subsoil, natural resources and practice of the implementation of this constitutional provision with reference to the socio-political situation in the country. **Objective:** the main objective of article is to identify correlation between mechanisms of public authority, constitutional regulation and practice of «distribution» of the national wealth in detriment to the public interests. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were applied: systematic, historical, dialectical logic ones. **Results:** the questions raised in the article allowed to show the dependency of the authoritarian tendencies of the ruling from the level of natural resources in the country, narrow approaches in the constitutional regulation of property to them. **Conclusions:** the author argues about the danger of the narrowly legal approach to the interpretation of «property rights» as «property» in the constitutional mechanism of democracy acquires a special political and legal character. Land is a kind of property too. It is a principal question for Constitution to provide national wealth protection.

Key-words: Constitution, constitutional regulation, property, power, land, mineral resources, natural resources.

Профессор В.Т. Кабышев, говоря о проблемах реализации Конституции РФ, формулирует вывод, актуальный не только для России, но и Казахстана: обществу, точнее, его большинство, не получило того, что провозглашалось в Конституции, а проводимые реформы (политическая, экономическая, административная, судебная) не завершены. Дух фактического властвования составляет сегодня доминанту социально-экономического, политико-правового развития страны [1, с. 15].

Сегодня очевидны прямая и обратная связь между «растаскиванием» природных богатств страны, продекларированных в Конституции «государственной собственностью», и дисбалансом в осуществлении публичной власти. По сути общество является свидетелем того, как через механизм коррупции политическая власть становится источником экономического обогащения. Власть превратилась в бизнес, в «административное предпринимательство», когда коммерческое использование государственной собственности позволяет присвоить прибыль при помощи теневых схем.

Да, Конституция Республики Казахстан закрепляет, что «земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы находятся в государственной собственности. Земля также может находиться в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом». Но! Само законодательство несовершенно, коллизионно и противоречиво, что создает

почву для коррупции и злоупотреблений. Недавно в Казахстане был разработан и принят Кодекс «О недрах и недропользовании», который уже подвергся обоснованной критике в экспертных кругах¹.

К сожалению, сегодня в процессе текущей законотворческой деятельности к вопросу регулирования права собственности на землю и природные ресурсы подходят с сугубо цивилистической, властно-прогностической, а где-то даже несколько «упрощенной» позиции, ошибочно полагая, что конституционная норма, сформулированная «широко», позволяет законодателю самому отрегулировать «рамки вседозволенности» распоряжения землей и ее недрами.

Так, Н.В. Тушиков обосновал различия механизмов конституционно-правового и гражданско-правового регулирования собственности, т.к. в их основе лежат разные правовые идеи и методы регулирования. Механизм конституционного регулирования собственности образует закреплённая в обществе система правовых средств осуществления публичной власти, а также экономической власти субъектов собственности над материальными благами. В первом случае — это система полномочий, принадлежащих народу как единственному носителю суверенитета; во втором — система экономических прав и обязанностей. Понятие механизма конституционного регулирования собственности шире гражданско-правового, основанного на теории триады права собственности, поскольку охватывает: категории суверенитета и власти народа, экономических основ конституционного строя; экономические, социальные, природоохранные и иные права и обязанности [2, с. 10–11].

Два подхода к правовому регулированию собственности (узко-цивилистический и конституционный) «столкнулись» в начале 2017 г. при обсуждении поправок к Конституции Казахстана. Так, изначально предлагалась новая редакция п. 2 ст. 26 Конституции: «Каждый может иметь в частной собственности любое законно приобретенное имущество». Спор вызвал изменение слов «гражданин Республики Казахстан» на слово «каждый». Данная поправка обосновывалась необходимостью «усиления механизмов защиты права частной собственности»². Между тем подобная аргументация с самого начала была несостоятельной, поскольку законодательство страны либерально и благоприятно для иностранных инвестиций³. В этом ключе все возможные спорные вопросы касательно правильного понимания норм Конституции можно решить через механизм официального толкования его норм.

Дискуссия юристов по предлагаемой редакции пп. 1 и 2 ст. 26 Конституции с привязкой ее к ст. 6 Конституции проходила с применением аргументов, которые находились в различных плоскостях обсуждаемого вопроса. Так, ст. 117 Гражданского кодекса⁴ определяет, что земельные участки относятся к недвижимому имуществу, а в Земельном кодексе прямо определено: «Субъект права частной собственности на земельные участки на основаниях, условиях и в пределах,

¹ См.: Абдрахманова С.Ж. Некоторые вопросы Кодекса Республики Казахстан «О недрах и недропользовании». URL: <http://www.zakon.kz/4895214-nekotorye-voprosy-kodeksa-respubliki.html> (дата обращения: 11.01.2018).

² Игорь Рогов разъяснил поправки в Конституцию Республики Казахстан. URL: <http://www.zakon.kz/4841423-popravki-v-konstituciju-rk-igor-rogov.html> (дата обращения: 11.01.2018).

³ Габдуалиев М.Т. «Пятьдесят оттенков» Рабочей группы и юридическая судьба поправки в статью 26 Конституции. URL: <http://press-unity.com/analitika/9634.html> (дата обращения: 20.01.2018).

⁴ См.: Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. № 268-ХІІІ // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1994. № 23–24.

установленных настоящим Кодексом, — граждане и негосударственные юридические лица. При этом под гражданами понимаются граждане Республики Казахстан, иностранцы и лица без гражданства, если иное не установлено настоящим Кодексом»⁵ (п. 2 ст. 20).

Определенная часть общества обеспокоена тем, что употребление в п. 1 ст. 26 Конституции слова «каждый» не запрещает на уровне парламентского законотворчества подойти к регулированию отношений собственности расширительно. При нынешнем состоянии законотворческой деятельности в стране это является очень опасной затеей, поскольку под понятие собственность подпадает в т.ч. «земля». В то же время в п. 3 ст. 6 Конституции содержится норма, что «земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом». На уровне Конституции не закреплен запрет права частной собственности для иностранцев и лиц без гражданства. В этом ключе положение п. 1 ст. 9 Конституции РФ, согласно которому «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории», является удачной и содержит конституционные гарантии обеспечения их (земли и других природных ресурсов) охраны.

Таким образом, при обсуждении категории «собственность» в контексте ее конституционно-правового регулирования опасен сугубо узко-правовой подход, поскольку «собственность» в конституционном механизме народовластия приобретает особую политическую и правовую природу. Земля также является собственностью. Это не терминологический спор, а принципиальный вопрос обеспечения охраны земли, недр, природных ресурсов на уровне Основного Закона страны.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5. С. 12–21.
2. *Тупиков Н.В.* Собственность в системе конституционного строя современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 27 с.

References

1. *Kabyшев V.T.* Constitutional Dialogue // Vestnik of the Saratov State Law Academy. 2017. № 5. P. 12–21.
2. *Tupikov N.V.* The Property in the System of the Constitutional Order of Contemporary Russia: extended abstract. dis. ... cand. of law. Saratov, 2017. 27 p.

⁵ См.: Земельный кодекс Республики Казахстан от 20 июня 2003 г. № 442 // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2003. № 13, ст. 99.

УДК 342.4

В.В. Мамонов

КОНСТИТУЦИОННОЕ СОГЛАСИЕ В РОССИИ

Введение: в рамках инициированного профессором В.Т. Кабышевым к 25-летию Конституции РФ конституционного диалога в статье рассматривается конституционное согласие, его особенности, виды и гарантии. **Цель:** исследование согласия как института конституционного права в различных сферах общественной жизни (в отношениях различных социальных групп, религий). **Методы:** диалектический, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой. **Результаты:** дается определение конституционного согласия как активного действия, состояния, при котором созданы условия для разрешения социальных конфликтов через сотрудничество, диалог, достижение компромиссов. Обосновывается необходимость его достижения для устойчивого развития общества. **Выводы:** конституционное согласие основано на признании общественных противоречий и создании механизмов, позволяющих учитывать интересы меньшинства. Конституционное развитие предполагает столкновение мнений. Задача государства — обеспечить диалог сторон через применение законных методов и средств.

Ключевые слова: конституция, конституционный строй, конституционное согласие, многонациональный народ, конституционное развитие, диалог, межнациональные отношения.

V. V. Mamonov

CONSTITUTIONAL CONCENT IN RUSSIA

Background: in the context of constitutional dialogue on the eve of the 25 anniversary of Russian Constitution, initiated by the Professor V.T. Kabyshev, the article deals with constitutional consent, its features, types and guarantees. **Objective:** the author of the article intends to study the “consent” as an institution of the constitutional law in various spheres of social life (relation between social groups; religion). **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: dialectical, systemic, formal-legal, comparative-legal ones. **Results:** the author gives the definition of the constitutional consent as an active action, as the state of society with conditions that provide settlement of social conflicts with the help of cooperation, dialogue, compromises. The necessity of its achievement for the sustainable development of society is substantiated. **Conclusions:** the author argues that the constitutional agreement is based on the recognition of social contradictions and the creation of mechanisms that allow to take into account the interests of the minority. Constitutional development presupposes a clash of opinions. The task of the state is to ensure the dialogue of the parties through the use of legitimate methods.

Key-words: constitution, constitutional order, constitutional consent, multinational, constitutional development, dialogue, interethnic relations.

В.Т. Кабышев предлагает на обелиске памятника-монумента Конституции 1993 г. начертать слова — «свобода», «равенство», «справедливость» [1, с. 12].

© Мамонов Вадим Васильевич, 2018

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина; e-mail: mamonov1975@yandex.ru

© Mamonov Vadim Vasilievich, 2018

Doctor of Law, Professor, Head of the State Law department of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin

Идея хорошая. Однако даже для того, чтобы исполнить это пожелание, а, тем более, жить с таким девизом, необходимо согласие в обществе. Но что есть согласие и как его достичь?

В преамбуле Конституции РФ говорится: «Мы — многонациональный народ Российской Федерации — принимаем Конституцию РФ, утверждая гражданский мир и согласие». В праве согласие можно рассматривать в нескольких значениях. Во-первых, согласие следует понимать как активное действие, через совершение которого одна сторона одобряет мнение другой стороны, формируется их единая воля, общая позиция по какому-то вопросу. Так, Председатель Правительства РФ назначается Президентом РФ с согласия Государственной Думы.

Во-вторых, согласие определяет состояние развития общества, при котором созданы условия для разрешения социальных конфликтов через сотрудничество, диалог, достижение компромиссов. Это есть конституционное согласие. Оно не основано на единодушии, единомыслии. Такое согласие признает противоречия необходимым условием общественной жизни, предполагает создание механизмов, позволяющих учитывать интересы меньшинства. Конституционное развитие страны зиждется не на единстве граждан, а проистекает из столкновения мнений, борьбы политических сил. Задача государства — обеспечить действие законных институтов для такого противостояния. В случае их отсутствия или неэффективности возникает опасность разрешения конфликтов вооруженными методами. Как эволюция в природе основана на соперничестве, так социальный прогресс неизбежно предполагает конкуренцию. Попытки достижения согласия через подавление несогласия приближают общество к диктатуре, сменяющейся революцией либо распадом государства.

Конституционное согласие предполагает:

1. Согласие между различными социальными группами населения.

События 1917 г. свидетельствуют о важности своевременного решения противоречий в обществе. Только создание среднего класса и сокращение расслоения граждан обеспечивают сохранение собственности. Разрыв в уровне жизни различных групп населения способствует росту революционных настроений или ведет к бедности и деградации общества. В долгосрочной перспективе гарантией права на предпринимательскую деятельность выступает не дружба с политиками и преференции государства, а устойчивость социальной системы страны.

Особенностью формирования крупных состояний в России является их связь с добычей полезных ископаемых, которые по своей природе являются общенародным достоянием. Существующее распределение сырьевой ренты актуализирует вопрос о справедливости [2, с. 28]. Власти и капиталу нельзя забывать, что несправедливость провоцирует социальные конфликты.

Статус и жизненный уровень человека должен достигаться через труд. Задача государства состоит в создании условий развития общества, при которых, прежде всего, труд способствовал бы преодолению социальных противоречий. Это потребует решения вопросов повышения производительности труда, обновления средств производства, преодоления явления работающих бедных. Согласимся с В.И. Гавриленко: «Работающие бедные — это вообще признак социальной аварии» [3, с. 12].

2. Согласие в сфере межнациональных отношений.

Одна из наиболее сложных проблем в этой сфере — достижение согласия между коренным населением и мигрантами. Переселение людей следует рас-

смагивать как неизбежное условие цивилизации. Без внешней и внутренней миграции невозможно представить становление государственности России. Миграция ведет к столкновению культур коренного и приезжего населения. Сейчас наблюдается усиление консервативности законодательства в отношении мигрантов. В 2016 г. упразднена Федеральная миграционная служба РФ, а ее функции переданы Министерству внутренних дел РФ. Но ведь миграционная политика включает не только выявление и привлечение к ответственности лиц, незаконно пребывающих в России или занимающихся преступной деятельностью. Чтобы избежать изоляции мигрантов от принимающего социума и нарастания негативного отношения к приезжим, необходимо принимать и реализовывать государственные программы их адаптации и интеграции. Это затрагивает сферы культуры, образования, иностранных дел. Правильно было бы создать специальное федеральное министерство или агентство, ведающие выработкой миграционной политики.

Вызывает вопросы возможность отмены решения о приеме в гражданство. Статья 6 Конституции РФ говорит о едином и равном гражданстве независимо от оснований приобретения. По сути установлен разный конституционный статус для лиц, которые приобрели гражданство по рождению и иным основаниям. Негативное последствие этой новеллы состоит в формировании недоверия к мигрантам.

Статья 31 Конституции РФ устанавливает право граждан России собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Следует признать данное конституционное право за иностранцами, законно пребывающими в России. Возможность организации мирных акций снижает латентность конфликтов, опасность перехода их в силовое противостояние.

3. Согласие в сфере религиозных отношений.

Выступая на заседании Архиерейского собора РПЦ 1 декабря 2017 г., Президент РФ сказал, что государство рассчитывает на продолжение сотрудничества с Церковью¹. Что означает «сотрудничество», распространяется ли оно на иные религиозные объединения, как соотносится с конституционным принципом светского государства, насколько соблюдены в таком процессе права атеистов? Это вопросы, без ответа на которые невозможно достижение согласия в обществе. Привилегированное положение в общении с федеральной властью одного из религиозных объединений показывает пример для выстраивания неравных отношений с конфессиями в регионах. События вековой давности свидетельствуют об опасности для самих религиозных объединений потери независимости от государства. Выражением государственной идеологии России в XIX в. была триада «Православие. Самодержавие. Народность». В слиянии Церкви с царским политическим режимом лежит причина того, что население с попустительством отнеслось к разграблению храмов и уничтожению духовенства.

Сегодня государство предоставляет религиозным организациям налоговые и иные льготы, оказывает финансовую, материальную и иную помощь в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры. Обладание правами влечет несение обязанностей, поэтому

¹ См.: Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56255> (дата обращения: 25.05.2018).

стоит активно привлекать религиозные объединения к благотворительной и социальной работе.

Ряд острых конфликтов между обществом и религиозными объединениями возник после принятия Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»². Необходимо искать компромисс в осуществлении гражданами как свободы совести, так и права на участие в культурной жизни, пользования учреждениями культуры, доступа к культурным ценностям. Одним из вариантов могло бы стать заключение договоров между религиозным объединением и государством в лице учреждений культуры о совместном использовании спорного имущества.

4. Согласие между национальным и наднациональным правом.

Статьи 4 и 15 Конституции РФ устанавливают ее верховенство и высшую юридическую силу. Государственный суверенитет является одной из основ конституционного строя страны. Это предопределяет обладание Конституционным Судом РФ правом «на возражение» в отношении исполнения Россией решения международного суда, в том числе Европейского суда по правам человека. Однако фактическое использование Конституционным Судом РФ этой возможности ведет к самоизоляции государства и общества от цивилизованного мирового сообщества. Для России сегодня губительно прокладывать свой особый путь в стороне от просвещенных народов. Необходимо учиться использовать процедуры рассмотрения дел в Европейском суде по правам человека для убеждения оппонентов, приводить неоспоримые аргументы в отстаивании своих мнений.

5. Согласие в обществе о будущем конституционного развития России.

Совместная ответственная жизнь предполагает согласие сторон о продвижении вперед. В современной России существует потребность в диалоге граждан, общества и власти о будущем страны. Имеющие место, прежде всего среди молодежи, протестные выступления свидетельствуют о том, что следует совершенствовать имеющиеся и создавать новые эффективные механизмы разрешения разногласий в обществе. Дискуссия о будущем невозможна без уяснения уроков прошлого. Оценка истории до сих пор разделяет граждан России. Государству и обществу нельзя допускать попытки оправдания тоталитарного режима советского периода, организаторов репрессий.

Необходимым условием согласия является конституция государства. Конституция страны принимается или подвергается пересмотру в периоды, которым предшествуют радикальные изменения, приходится пик разногласий в обществе о путях дальнейшего развития. Согласительная функция — одно из проявлений назначения конституции. В этой связи диалог, организованный кафедрой конституционного права Саратовской государственной юридической академии и «Научно-исследовательским и образовательным Центром Российского конституционализма» в преддверии 25-летия Конституции РФ, полезен для понимания дальнейшего конституционного развития страны.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 49, ст. 6423.

Библиографический список

1. Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. М.: Формула права. 2013. 320 с.
2. Комкова Г.Н. Проблемы обеспечения равенства и справедливости на современном этапе конституционного развития России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2. (121). С. 26–30.
3. Гавриленко В.И. «Human security» как новая модель социального государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. (119). С. 11–15.

References

1. Kabyshev V.T. With the Constitution for Life: Selected scientific works. M.: Formula of law. 2013. 320 p.
2. Komkova G.N. Problems of Equality and Justice at the Present Stage of Constitutional Development of Russia // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. № 2. (121). P. 26–30.
3. Gavrilenko V.I. “Human Security” as a New Model of a Social State // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 6. (119). P. 11–15.

УДК 342.31

Н.В. Тупиков

КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК УСЛОВИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Введение: в преддверии 25-летнего юбилея Конституции России становятся актуальными подведение некоторых итогов реализации основ конституционного строя и связанные с этим прогнозы. В настоящей статье исследуются проблемы обеспечения закрепленного механизма народовластия, принципа сменяемости власти, взаимодействия гражданского общества и публичной власти. **Цель:** соотнести закрепленную в Конституции РФ доктрину народовластия с фактически реализованными в конституционном строе отношениями; ответить на вопрос: насколько они отвечают потребностям эпохи «постиндустриализма», может ли в сложившихся условиях Россия быть постиндустриальной? **Методологическая основа:** диалектический метод, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, методы построения и исследования идеализированного объекта, методы построения и оправдания теоретического знания, формально-юридический. **Результаты:** автором установлено, что ключевым фактором постиндустриального преобразования является возможность постоянного отражения в конституционном регулировании прогрессивных закономерностей гражданского общества, что невозможно при отчуждении правящих элит от проблем населения. **Выводы:** надлежущая легитимация конституционной системы

© Тупиков Николай Владимирович, 2018

Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Tupikov Nikolai Vladimirovich, 2018

Candidate of Law, teacher of law, the Constitutional law department(Saratov State Law Academy)

экономической и политической власти, формирование новой конституционной культуры в перспективе может обеспечить отделение публичных от частных интересов в процессе реализации народовластия.

Ключевые слова: конституционализм, конституция, конституционный строй, власть, народовластие, сменяемость власти, гражданское общество, постиндустриализм.

N. V. Tulikov

CONSTITUTIONAL SUPPORT OF MARKET ECONOMY AS A CONDITION OF POST-INDUSTRIAL TRANSFORMATION OF RUSSIA

Background: on the threshold of 25th anniversary of the Russian Constitution Russia the results of implementation of constitutional basis and related to them certain perspectives are considered to be highly relevant. The article deals with the study of problems of constitutional provision of democracy, rotation in power, interaction of the civil society and public authority.

Objective: the author of the research intends to correlate the constitutional doctrine of democracy in the Russian Constitution with de-facto relationship; to answer the question whether these relations answer the real needs of post-industrialism? **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: empirical and theoretical methods of scientific study. **Results:** the author argues that the key factor of the post-industrial transformation is the permanent ability of constitutional regulation to reflect progressive regularities of the civil society. This situation is impossible for the alienation of the ruling elites from the problems of the population. **Conclusions:** the legitimation of economic and politic authority systems, formation of new constitutional culture can provide separation of public and private interests.

Key-words: constitutionalism, constitution, constitutional order, power, democracy, rotation in power, civil society, post-industrialism.

В преддверии 25-летнего юбилея Конституции России необходимо подвести некоторые итоги реализации основ конституционного строя и связанные с этим прогнозы. В рамках инициированного к юбилейной дате профессором В.Т. Кабышевым на страницах журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии» заочного конституционного диалога [1, с. 12–21] среди наиболее важных выделяются проблемы обеспечения закрепленного механизма народовластия, принципа сменяемости власти, взаимодействия гражданского общества и публичной власти. В настоящей статье предлагается соотнести закрепленную в Конституции РФ доктрину народовластия и рыночной экономики с фактически реализованными в конституционном строе отношениями, ответить на вопрос, насколько они отвечают потребностям эпохи «постиндустриализма», может ли в сложившихся условиях Россия быть постиндустриальной.

В настоящее время «постиндустриальное» общество считается типом наиболее развитого общества. Термин «постиндустриализм» возник в научном обороте в начале XX в. [2, с. 11–14], а в современном значении (теории постиндустриального общества) активно развивается с 50-х гг. в трудах западных ученых, главным образом, экономистов, социологов и политологов. Работа Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) [3, с. 9–17] является обобщением основных элементов ранее высказанных идей. Сформулированные в ней выводы свиде-

тельствуют о том, что ключевыми факторами перехода общества в постиндустриальный можно назвать следующие: более высокая, чем в промышленности, доля населения, занятого в сфере услуг; приоритет знаний, информации как основы инновационной экономики; рост благосостояния народа, не занятого более в материальном производстве, связанные с этим изменения шкалы социальных ценностей на интеллектуальный рост и совершенствование творческих способностей. Вместе с тем эту теорию не следует идеализировать, как и любую иную претендующую на главенство социальную теорию. Хорошо известны последствия абсолютизации одной идеологии для общества. При этом очевидно, что многие основанные на ней прогнозы сегодня являются реальностью: государства, реализовавшие модели инновационной экономики, более эффективны в вопросах обеспечения благосостояния населения. Можно заключить, что такие преобразования были бы невозможны без надлежащего обеспечения свободы человека, с одной стороны, и публичного властвования — с другой.

Неотъемлемой частью развития общества выступают правовые механизмы, обеспечивающие его переход из одного состояния в другое. Конституция среди них играет ключевую роль, символизируя и закрепляя преобразования. Конституция РФ 1993 г., принятая российским обществом в результате референдума, отразила слом тоталитарной социалистической системы и переход к традиционным, с точки зрения конституций западных государств, ценностям: демократическое, правовое государство; свобода экономической деятельности, признание и защита частной собственности, разделение властей и др. Примечательно, что воспринятая в Конституции РФ концепция народовластия, возникшая как результат признания права класса буржуазии на управление государством, служит продолжением традиций европейского конституционализма. В этой связи получила развитие идея, согласно которой именно состоятельные люди могут обладать избирательным правом для участия в политике государства, поскольку только тот, кто способен эффективно управлять собственным хозяйством, может быть допущен к управлению государством. В XIX в. эти идеи были отражены в избирательных законах, закрепляющих имущественные цензы.

Одно из глобальных противоречий современного конституционного строя заключается в том, что в советских конституциях частная собственность отрицалась и, как следствие, право буржуазии на участие в делах государства — это т.н. проблемы «постсоциализма». Интенсивная трансформация социалистического строя в современный конституционный строй России связана с перераспределением единого фонда государственной собственности и была призвана обеспечить отделение публичной власти от экономической [4, с. 99–106]. В процессе преобразования конституционного строя подверглись существенной корректировке режим функционирования публичной власти: формирования, деятельности, прекращения полномочий и ответственности представительных органов; конструкции федеративного устройства и местного самоуправления. Эти процессы должны сопровождаться формированием новых правящих элит на основе принципов демократии и правового государства, отраженных в избирательных законах с привнесением в политику государства современной идеологии развития. Неотъемлемым конституционным принципом этого процесса в государствах, служащих образцом постиндустриализма, является сменяемость власти, поскольку именно этот принцип призван способствовать постоянному общественному развитию путем обновления власти, присущих ему идей.

25-летний опыт реализации закрепленных Конституцией РФ основ конституционного строя свидетельствует, что за этот исторический период Россией пройден путь от гражданского противоборства к обновлению и стабильности; доминирования негосударственной собственности к ошибкам реформирования рыночного хозяйства¹. Приспосабливался к фактически складывающимся отношениям и механизм формирования органов публичной власти: увеличен срок полномочий Президента РФ (ст. 81 Конституции РФ), Государственной Думы (ст. 96)²; выстраивалась избирательная система, применяемая на выборах депутатов Государственной Думы; изменялись принципы формирования органов исполнительной власти в субъектах РФ.

Оценивая закономерности формирования правящего класса, стоит отметить, что во всей истории общества они подчинялись, прежде всего, потребностям времени, связанным с поиском соответствующей ему «буквы закона». Неудивительно в этой связи особое внимание мыслителей XIX в. к данному предмету. Г. Моска справедливо отмечал естественное стремление различных течений к монополизации власти «над всеми наиболее важными силами социального организма и особенно бюрократического государства» [5, с. 113]. Широко известно обоснование К. Марксом взаимообусловленности способа производства и политических отношений [6, с. 491]. В современной научной литературе обоснованно отмечается, что происходящие в России изменения отражают тенденции укрепления «управляемой демократии» с монополией одной политической партии; сужение институтов прямой демократии (референдума и свободных выборов) [7, с. 207–210], сопровождающиеся государственно-монополистическими закономерностями: увеличением доли государства и государственных компаний в экономике [8, с. 29]; высоким уровнем коррупции и социального расслоения; значительной долей теневой экономики³.

Само по себе формирование «управляемой демократии» в рамках естественного цикла сменяемости власти можно было бы воспринимать как элемент администрирования, необходимый обществу на определенном историческом этапе. Нарушение же цикла («зацикливание» одной правящей элиты) заставляет предположить, что этот механизм используется как инструмент укрепления личной власти. Вместе с тем российская форма «управляемой демократии» характеризуется не только высокой концентрацией власти в руках определенной правящей элиты, но и одновременным сближением, а порой — слиянием, политической и экономической власти [9, с. 19].

Как известно, в Конституции РФ различаются конституционные системы власти народа и государственной власти. Складывающиеся закономерности позволяют предположить возможность выделения самостоятельной конституционной системы — экономической власти, которая, хотя прямо и не закреплена в Конституции, вместе с тем выстроена в ней, в частности, в ст. 35, 71, 72, 132,

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 24 февраля 1994 г. «Об укреплении Российского государства» // Российская газета. 1994. 25 февр.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30 марта 1999 г. «Россия на рубеже эпох» // Российская газета. 1999. 31 марта.

² См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // Российская газета. 2008. 31 дек.

³ См.: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2902.

закрепляющих определенную структуру экономических прав и обязанностей (владение, пользование, распоряжение, управление); внутри этой системы — экономической власти народа, индивида и публично-правовых образований. Остается неясным: с какой конституционной системой власти может быть соизмерима эта система? В рамках цивилистической модели, воспроизведенной в указанных нормах Конституции РФ, все основные субъекты конституционного права оказываются в условиях равенства, что находится в очевидном противоречии с положением ст. 2 Конституции РФ о народе как единственном источнике власти. Среди современных тенденций взаимного проникновения политической и экономической власти можно выделить два направления.

В первом направлении примечателен такой факт истории постсоветской России, как появление феномена «семибанкирщина» (термин, широко употреблявшийся в средствах массовой информации в середине 90-х гг. XX в., который характеризовал сильное влияние семи российских предпринимателей на более чем 50% экономики страны и принятие важнейших внутривластных решений)⁴. Вряд ли можно считать, что в настоящее время этот феномен в полной мере исчерпал себя, что, несомненно, выстраивает определенную повестку дня регулярных встреч Президента РФ и представителей крупного капитала ранее⁵ и сегодня⁶. Суть второго направления состоит в том, что публичная собственность в форме юридических лиц, в которых учредителем или основным (контролирующим) участником выступает государство, отделяется от публичной власти в гражданском обороте. Во всех этих случаях определенному смещению подвержены интересы народа и индивида.

Постиндустриальное преобразование связано, прежде всего, с изменением материальных и духовно-культурных условий быта, в которых конституционные механизмы народовластия и рыночной экономики призваны обеспечить постоянный переход в публичное регулирование прогрессивных тенденций гражданского общества, что невозможно при отчуждении правящих элит от проблем населения. Материалистичный взгляд на «моноцентризм» власти и сопутствующий ему «застой» актуализирует перспективы превращения форм развития в его «оковы». Дальнейшая эволюция конституционного строя России может быть прогнозируема как в этих категориях, так и в категориях прогресса.

Библиографический список

1. Кабышев В.Т. Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5. С. 12–21.
2. Пенти А.Д. Пост-индустриализм / предисл. Г.К. Честерсона. Компания Макмиллана, 1922. 157 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.
4. Тушиков Н.В. Собственность в системе конституционного строя // Конституционное развитие России: межвузовский научный сборник / под ред. В.Т. Кабышева.

⁴ См.: Словарь русского публичного языка конца XX века // Коммерсантъ. 2003. 23 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/390624?query=словарь%20русского%20публичного%20языка> (дата обращения: 30.04.2018).

⁵ См.: Важнейшие встречи президентов с олигархами // Коммерсантъ. 2003. 20 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/365582> (дата обращения: 30.04.2018).

⁶ См.: Кто пришел и кто не пришел на встречу с Владимиром Путиным // Коммерсантъ. 2017. 21 дек. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3503527?from=doc_vrez (дата обращения: 30.04.2018).

Вып. 16. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017. С. 99–108.

5. *Moska G.* Правящий класс / пер. с англ. и прим. Т.Н. Самсоновой // Социологические исследования. 1994. № 10. № 12. С. 97–117.

6. *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 13. 771 с.

7. *Кабышев В.Т.* С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. 320 с.

8. *Мазаев В.Д.* Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 19–33.

9. *Бондарь Н.С.* Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма, 2017. 268 с.

References

1. *Kabyshev V.T.* Constitutional Dialogue // Vestnik of the Saratov State Law Academy. 2017. № 5. P. 12–21.

2. *Penty A.J.* Post-industrialism / with a preface by G.K. Chesterton. The Macmillan Company, 1922. 157 p.

3. *Bell D.* The Coming of Post-industrial Society. The experience of Social Prediction / transl. from English. 2nd ed. M.: Academia, 2004. 788 p.

4. *Тупиков Н.В.* The Role of Property in the Constitutional System of the Russian Federation // Constitutional Development of Russia: interinstitutional compilation / red. by V.T. Kabyshev. Issuance № 16. Saratov: Saratov State Law Academy, 2017. P. 99–108.

5. *Moska G.* The Ruling Class / transl. from English by T.N. Samsonova // Sociological studies. 1994. № 10. № 12. P. 97–117.

6. *Marx K.* The Critique of Political Economy // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. M.: State publishing house of political literature, 1959. Vol. 13. 771 p.

7. *Kabyshev V.T.* With the Constitution Through Life: selected articles. M.: Formula prava, 2013. 320 p.

8. *Mazaev V.D.* Public Form of Property as an Instrument of Constitutional Law Regulation of Economy // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2017. № 3. P. 19–33.

9. *Bondar N.S.* The Economic Constitutionalism of Russia: Essays About Theory and Practice. M.: Norma, 2017. 268 p.

УДК 342.922.3

С.Е. Чаннов

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В НАУКЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО (АДМИНИСТРАТИВНОГО) ПРАВА: ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Введение: наукой полицейского (административного) права были выработаны определенные положения, которые могут быть использованы для совершенствования современного правового регулирования статуса негосударственных организаций. **Цель:** сформулировать направления совершенствования правового регулирования статуса негосударственных организаций на основе анализа исторического опыта, отраженного в положениях науки полицейского (административного) права. **Методологическая основа:** правовой анализ категорий «статус негосударственных организаций», «наука полицейского (административного) права», совокупность метода формальной логики, диалектического и системно-структурного, историко-правового методов исследования. В соответствии с последним сопоставляется современное правовое регулирование статуса негосударственных организаций и правовое регулирование данного вида организаций по ранее действующему российскому законодательству. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно необходимости учета исторического опыта регулирования негосударственных организаций, выраженного в науке полицейского (административного) права. **Вывод:** в целях совершенствования административного законодательства о негосударственных организациях в Российской Федерации следует использовать положения науки полицейского (административного) права в части единства правовых основ их функционирования; создания равных возможностей для всех негосударственных организаций; развития государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: полицейское (административное) право, негосударственные организации, некоммерческие организации, коммерческие организации, административно-правовое регулирование.

© Чаннов Сергей Евгеньевич, 2018

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); e-mail: sergeychannov@yandex.ru; rmailto:k_ar@ssla.ru

© Channov Sergey Evgenievich, 2018

Doctor of Law, Professor, Head of the Service and Labor Law department (Volga Institute of Management named after P.A. Stolypin of the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

S.E. Channov

NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE SCIENCE OF POLICE (ADMINISTRATIVE) LAW: RELATIONSHIP BETWEEN THE HISTORY AND MODERNITY

Background: the science of the police (administrative) law has formulated certain conditions, which could be used for the development of the contemporary legal regulation of the status of non-governmental organizations. **Objective:** the author of the article intends to formulate the directions of development of the legal regulation of the status of non-governmental organizations on the basis of analysis of historical experience reflected in the science of police (administrative) law. **Methodology:** in doing the research the following methods of the study were used: the legal analysis of the categories “status of the non-governmental organizations”, “science of the police (administrative) law”, the complex of the formal logic, dialectic, system, structural, historical, legal methods of research. Using the last of these, the author compares the contemporary legal regulation of the status of non-governmental organizations and legal regulation of this type of organizations under the Russian laws of past. **Results:** the author argues the position of the necessity of taking into account the historical experience of the regulation of non-governmental organizations, reflected in the science of police (administrative) law. **Conclusions:** for the purpose of the development of administrative legislation on the non-governmental organizations in the Russian Federation it is necessary to use the conclusions of the science of police (administrative) law in part of the unity of legal basis of their functioning; the development of public-private partnership.

Key-words: police (administrative) law, non-governmental organizations, non-profit organizations, profit organizations, administrative legal organizations.

К началу XX в. в России сложилась определенная нормативная база деятельности как коммерческих, так и некоммерческих негосударственных организаций, достижения которой были утрачены после революции 1917 г. К таким нормативным актам в отношении коммерческих организаций относились, например: Указ императора Александра I от 6 сентября 1805 г. № 21.900 «Об ответственности акционерных компаний в случае взыскания одним складочным капиталом», Манифест императора Александра I от 1 января 1807 г. № 22.418 «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий», Положение о компаниях на акциях от 6 декабря 1836 г., вошедших впоследствии в Свод законов Российской империи и воспроизведенных в Уставе торговом (раздел «О торговом товариществе») [1, с. 17–18].

Статус некоммерческих организаций регулировался такими актами, как: Указ императора Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости»¹, Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. [2, с. 11–12]. Так, в соответствии с Манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка» населению были дарованы «незыблемые основы

¹ См.: Свобода убеждений, совести и религии в современной России: специализир. информ.-аналит. докл. / Бабушкин А.В. и др. [сост. и общ. ред. С.А. Бурьянов, Н.В. Костенко]. М., 2007. URL: <http://www.mhg.ru/files/007/svsov.pdf> (дата обращения: 25.04.2018).

гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»².

Названные нормативные акты, подвергались научному осмыслению в науке полицейского (административного) права [3, с. 62]. На ее развитие в России большое влияние оказали основные положения европейской науки административного права, которые «рано или поздно переходили на российскую «почву» [4, с. 9]. Точки зрения ученых-административистов того времени представляют особый интерес в контексте преемственности научной мысли. Наука административного права как в царской России, так и после революции 1917 г., включала в себя многие из сохранившихся до нашего времени административно-правовых институтов, таких, как управленческое право, полицейское право, охрана общественного порядка, принуждение, акт управления, государственная служба. В связи с этим опыт дореволюционной России представляет интерес и сегодня [4, с. 9]. Нормы, регулирующие полицейскую деятельность, являлись предметом изучения науки полицейского (административного) права. Под полицейской понималась деятельность государства, осуществляемая правительством, состоящая в наблюдении за предприятиями частных лиц, союзов и обществ и направленная на обеспечение условий безопасности и благосостояния, а также обеспечивающая такие условия [4, с. 27]. Итак, под предмет изучения науки подпадала и деятельность различных негосударственных организаций во взаимодействии с правительственными структурами.

Упоминание о негосударственных организациях как о субъектах права встречается, например, в пособии для студентов по Полицейскому праву 1905 г. В.Ф. Дерюжинского. Он, в частности, уже в тот период указывал на то, что существование различных союзов и ассоциаций, составляющих естественную принадлежность обществу и неизбежное проявление развитой общественной жизни, не есть новое явление. В.Ф. Дерюжинский отмечал несколько вех в истории функционирования союзов и ассоциаций: I этап — их зарождение в древних государствах, таких как Греция и Рим; II этап — деятельность данных организаций в средневековой Европе и, наконец, как указывает автор, грандиозное развитие получили они в новое время [5, с. 56].

И.Т. Тарасов выделял такие виды органов управления или органов полицейской деятельности, как органы правительства, самоуправления и соединства [4, с. 158]. Он указывал на то, что первые ведают «общегосударственные предметы, преследуя цели государственные, политические, причем правительству принадлежат преимущественно руководящая, направляющая деятельность и высший надзор; вторые ведают местные предметы, преследуя интересы местные, федеративные; третьи ведают единичные задачи, вытекающие из личных интересов, общность которых соединяет людей в разнообразные союзы (соединства) для удовлетворения или защиты этих интересов» [4, с. 158]. Таким образом, под соединствами И.Т. Тарасов понимал разнообразные союзы людей, а формулируемые им задачи соединств перекликаются с формулировкой понятия обществен-

²Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Изд. 3-е, пересм. и доп. по I сентября 1908 года / под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1909. С. 150–151. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/35000/> (дата обращения: 28.04.2018).

ного объединения, данной в ст. 5 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (в ред. от 20 декабря 2017 г.)³, где под данной организацией подразумевается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, *объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей*, указанных в уставе общественного объединения. Таким образом, можно провести параллель между современным пониманием объединений граждан и трактовкой их статуса в 1897 г.

И.Т. Тарасов сделал важный вывод, который может быть положен в основу правового регулирования сегодня, о том, что преобладание какой-нибудь из категорий органов вызывает всегда господство государственного, или федеративного, или личного начал во внутреннем управлении, между тем как одно из условий правильной организации этого управления заключается не в господстве или преобладании какого-либо из этих начал, а в правильном их сочетании [4, с. 158].

Подробно рассматривая соединства, И.Т. Тарасов определял их как независимое соединение единичных лиц для достижения совокупными средствами и усилиями свободно определенной цели, и отграничивал их от частных учреждений, преследующих исключительно частные, а не общественные цели. Он писал, что все формы этого рода соединства, получившие широкое развитие в течение XIX столетия, могут быть подведены под три типа: корпорацию, общество и товарищество [4, с. 171]. Здесь также прослеживается связь с современными организационно-правовыми формами негосударственных организаций. При этом если корпорации, по мнению И.Т. Тарасова, представляют как бы переходную ступень от органов правительства к органам общественным, например, сословные корпорации, корпорации ученых и т.п., то общества заключают в себе все элементы соединства, но связь между их членами ограничена целью и средствами так, что не существует ни полной имущественной ответственности, ни сочетания целей, например, ученые общества, железнодорожные акционерные компании и т.п. Товарищества, куда входили и артели, представляли следующую, высшую ступень развития идеи соединства и обеспечивали глубокую и тесную связь между своими членами, выражавшуюся не только в имущественной и даже в личной круговой поруке, но и в сочетании и характере целей, для которых они учреждались [4, с. 171–172]. Таким образом, под соединствами автор фактически понимал самые различные негосударственные организации как коммерческого, так и некоммерческого характера, чья деятельность была направлена на достижение общественно полезных целей. Необходимо отметить, что на современном этапе регулирования статуса подобных субъектов грани между коммерческими и некоммерческими организациями также стираются [6, с. 96], что свидетельствует о преемственности научной мысли.

Особо актуально сегодня в свете риск-ориентированного подхода к контрольно-надзорной деятельности и происходящих событий в нашем государстве звучит высказывание И.Е. Андреевского: «Если правительство не будет вооружено точнейшими статистическими данными о частных и общественных предприятиях, оно не сумеет надлежащим образом наладить полицейскую деятельность: будет действовать слепо, случайно, вторгаться в такие предприятия, где его вторжение положительно вредно, и безмолвствовать там, где его деятельность и помощь крайне необходимы» [7, с. 17–18].

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930; 2017. № 52, ч. 1, ст. 7927.

Таким образом, при определении основных направлений развития административно-правового статуса негосударственных организаций должны быть учтены положения уже имеющегося исторического опыта регулирования их деятельности, такие как: единство правовых основ функционирования коммерческих и некоммерческих организаций, чья деятельность направлена на достижение общественно полезных целей; создание равных возможностей для всех негосударственных организаций; развитие государственно-частного партнерства.

Библиографический список

1. *Стукалова Ю.В.* Юридические лица как субъекты предпринимательской деятельности в России XIX – начала XX века: историко-правовое развитие и теоретическое осмысление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 25 с.
2. *Юрьев С.С.* Правовой статус общественных объединений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 26 с.
3. *Коренев А.П.* Административное право России: учебник: в 3 ч. Ч. 1. М.: Изд-во Московского юридического ин-та МВД России, 1996. 268 с.
4. *Тарасов И.Т.* Очерк науки полицейского права // Российское полицейское (административное) право: конец XIX – начало XX века: хрестоматия / сост. и вступит. ст. Ю.Н. Старилова. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 1999. 624 с.
5. *Дерюжинский В.Ф.* Полицейское право: пособие для студентов. 2-е изд., доп. СПб.: Сенат. Тип., 1908. 552 с.
6. *Соболева Ю.В.* Общие начала в административно-правовом регулировании деятельности социально ориентированных коммерческих и некоммерческих организаций // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 93–98.
7. *Андреевский И.Е.* Полицейское право. СПб.: Типография Эд. Праца, 1871. 543 с.

References

1. *Stukalova Yu.V.* The Legal Entities as the Subjects of Commercial Activity in Russia of the XIX – early XX centuries: synopsis of a thesis of the Candidate of Legal Science. Voronezh, 2007. 25 p.
2. *Yur'ev S.S.* The Legal Status of Public Associations: extended abstract of the Cand. of Law. Moscow, 1995. 26 p.
3. *Korenev A.P.* The Russian Administrative Law: the Textbook: in three volumes. Vol. 1. Moscow: Publishing house of the Moscow Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1996. 268 p.
4. *Tarasov I.T.* An Essay on the Science of Police Law // Russian Police (Administrative) Law: the end of XIX – the early of XX centuries: Chrestomathy / form. and introductory article by Yu.N. Starilov. Voronezh: Publishing House of the Voronezh State University, 1999. 624 p.
5. *Deryuzhinsky V.F.* Police Law. Textbook for Students. 2nd ed., added. Saint Petersburg: Publishing house Senat, 1908. 552 p.
6. *Soboleva Yu.V.* General Principles of the Administrative Legal Regulation of the Activities of Socially Oriented Profit and Non-Profit Organizations // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2018. № 2 (121). P. 93–98.
7. *Andreevsky I.E.* Police Law: Monograph. Saint-Petersburg: Ed. Prac Typography, 1871. 543 p.

УДК 342.942: 314.7

Е.П. Захарова

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО
ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ
В СВЯЗИ С НАРУШЕНИЯМИ
МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Введение: актуальность темы обусловлена несовершенством административно-деликтного законодательства, порождающим нарушение прав и свобод участников миграционных отношений. В статье анализируются некоторые проблемные аспекты применения отдельных мер административного принуждения в регулировании миграционных отношений. **Цель:** провести мониторинг действующего российского и международного законодательства, практики Конституционного и Верховного судов, а также теоретических разработок ученых-административистов по вопросам применения отдельных мер административного принуждения. **Методологическая основа:** анализ и синтез, аргументация, гипотеза, сравнительно-правовой метод исследования. **Результаты:** сформулирована авторская позиция о месте запрета въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства в системе мер административного принуждения. Отмечаются трудности правоприменительной практики, в т.ч. по вопросам исчисления сроков нахождения в специальных учреждениях иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению. **Вывод:** миграционное и административно-деликтное законодательство РФ требует совершенствования нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: административное принуждение, иностранные граждане, лица без гражданства, административное законодательство, административное выдворение.

Е.Р. Zakharova

**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ADMINISTRATIVE
COERCIVE MEASURES TO BE APPLIED IN CONNECTION
WITH VIOLATIONS OF IMMIGRATION LAWS**

Background: the urgency of the question is due to the imperfection of administrative-tort law leading to violation of rights and freedoms of the participants of migration processes. This article examines some problematic aspects of the use of certain measures of administrative coercion in the regulation of migration relations. **Objective:** the author of the article intends to conduct monitoring of the operating Russian and international legislation, the constitutional and Supreme court, as well as the theoretical developments of scientists studied administrative law on the application certain measures of administrative coercion. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: analysis and synthesis, argumentation, hypothesis, comparative legal research ones.

© Захарова Елена Петровна, 2018
Преподаватель кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: E_Zacharova2410@mail.ru
© Zakharova Elena Petrovna, 2018
Teacher of law, of The Administrative and Municipal Law department (Saratov State Law Academy)

Results: the article provides the author's position about the place of the ban on entry into the Russian Federation of foreign citizens and persons without citizenship in the system of measures of administrative coercion. Difficulties of law enforcement practice, including on the calculation of terms in special institutions of foreign citizens and stateless persons subject to administrative expulsion are noted. **Conclusions:** the author states the necessity of improving migration and administrative-tort legislation of the Russian Federation.

Key-words: administrative enforcement, foreign citizens, stateless persons, administrative law, administrative expulsion.

Существующий в России механизм регулирования отношений с иностранными гражданами свидетельствует о либеральном характере миграционной политики нашего государства, действием которой не обеспечиваются интересы всех участников миграционных отношений. Учитывая изменившиеся тенденции в сфере миграции, увеличение ее потока как в Российскую Федерацию, так и за ее пределы, становится необходимым решение проблем, связанных с реформированием миграционного законодательства, с совершенствованием и одновременно регулированием всех сторон правового статуса временно пребывающих иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации.

Многочисленные коллизии, несовершенство законодательства, пробелы в правовом регулировании, противоречия в правовых актах различных уровней, а также реорганизация структуры органов исполнительной власти в этой сфере не добавляет стабильности происходящим в России миграционным процессам. В условиях отсутствия единого нормативно-правового акта, где были бы определены основы государственного регулирования в данной области, а также иные вопросы, разрешение многих проблем представляется затруднительным, а такой акт мог бы способствовать этому.

На сегодняшний день нерешенным остается ряд вопросов и задач применения мер административного принуждения, применяемых в связи с нарушениями миграционного законодательства.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. В.В. Путин указал на необходимость усиления контроля за целями въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию. При решении данного вопроса Президент поручил обратить особое внимание на иностранных лиц, въехавших в нашу страну в безвизовом порядке и пребывающих в ней длительное время без определенной цели¹. В этой связи скорректирован запрет на въезд в Российскую Федерацию нарушителей миграционного законодательства. Соответствующие поправки внесены Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 524-ФЗ «О внесении изменений в статью 27 Федерального закона „О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию”», вступившие в силу 11 января 2015 г.² Указанные изменения направлены на недопущение случаев незаконного нахождения иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, а также на исключение возможности их повторного въезда до истечения срока ограничения данного права. Срок запрета на въезд варьируется от 5 до 10 лет, в зависимости от времени незаконного пребывания мигрантов на

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. 2013. № 282.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. 1, ст. 77.

территории нашей страны. В связи с этим в теории административного права вполне закономерно возникает вопрос: к какому виду мер административного принуждения следует относить подобный запрет? Ответ на него необходимо искать исходя из детализации целей и оснований применения указанной меры.

Так, запрет на въезд иностранных граждан и лиц без гражданства нельзя рассматривать в качестве меры пресечения, поскольку непосредственная ее цель — пресечение совершающегося правонарушения и, как следствие, предотвращение вредных последствий уже совершенного либо зарождающегося правонарушения [1, с. 169]. Фактическим основанием здесь выступает само виновное противоправное деяние. Запрет на въезд ставит своей целью сохранение безопасности государства и конституционного строя, нравственности и здоровья населения и в целом недопущения со стороны виновных лиц совершения новых правонарушений. Кроме того, характерным признаком административного пресечения является его внесудебный порядок. В случае с рассматриваемой мерой соответствующая отметка о запрете на въезд в Российскую Федерацию ставится судьей либо должностным лицом органа пограничного контроля после вынесения судебного решения об административном выдворении.

Ошибочной представляется позиция отождествления запрета на въезд иностранных граждан и лиц без гражданства с мерами административной ответственности. На первый взгляд, данная мера принуждения подпадает под признаки административного наказания: влечет за собой причинение виновному лицу (незаконному мигранту) негативных последствий личного характера, временно ограничивает его права (право на въезд) и создает состояние наказанности, которое прекращается по истечении установленного законом срока [2, с. 38]. Однако анализ действующего законодательства об административных правонарушениях позволяет определить понятие «административная наказанность» как состояние, начинающее свое течение со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания и длящееся в течение одного года, тогда как максимальный срок запрета на въезд устанавливается в течение 10 лет. Кроме того, значимым признаком административного наказания выступает факт его установления государством, а именно, ст. 3.2 КоАП РФ, содержащей исчерпывающий перечень видов административных наказаний³. С учетом того, что запрет въезда не имеет закрепления в указанной норме КоАП РФ, соответственно в качестве меры административного наказания рассматриваться не может.

Наиболее обоснованной видится позиция, согласно которой запрет въезда в Российскую Федерацию следует отождествлять с мерами административно-предупредительного характера, поскольку применяется данная мера уже после назначения наказания в виде административного выдворения. Следует иметь в виду, что еще в советский период ученые-административисты к числу административно-предупредительных мер относили, в частности, «воспреещение отдельным лицам въезда и выезда» [3, с. 234-235]. Помимо юридических презумпций, свидетельствующих о возможности совершения конкретным субъектом административного правонарушения, основанием применения данных мер может быть и факт его привлечения к административной ответственности. Указанный

³ См.: Кодекс РФ об административных правонарушениях от 20 декабря 2001г. № 195-ФЗ (в ред. от 20 октября 2017г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2017. № 45, ст. 6584.

подход в достаточной мере соответствует европейским стандартам. Так, ст. 11 Директивы Европейского Союза от 16 декабря 2008 г. № 115/ЕС регламентирует, что срок запрета на въезд не может превышать 5 лет, за исключением случаев, когда иностранный гражданин представляет серьезную угрозу общественному порядку и национальной безопасности⁴. Таким образом, из смысла действующего законодательства прослеживается именно административно-предупредительный характер запрета на въезд в Российскую Федерацию, оправдывающий главную цель таких мер — предупреждение возможных правонарушений в сфере государственного управления.

Кроме того, потенциал мер административного принуждения в сфере нарушения миграционного законодательства позволяет говорить о расширении оснований для применения к иностранным гражданам и лицам без гражданства запрета на въезд в нашу страну. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» предусматривает право, а не обязанность установления ограничения на выезд из Российской Федерации, предоставляя компетентным органам исполнительной власти возможность действовать по своему усмотрению⁵. В частности, спорной видится позиция законодателя относительно уклонения иностранного гражданина от исполнения денежных обязательств перед государством, наложенных судом. В России иностранцы сталкиваются с десятками статей расходов, одна из которых — выплата в бюджет различных уровней пеней, штрафов, налоговых и таможенных платежей. На сегодняшний день четко регламентирован запрет на въезд в нашу страну лишь при наличии неоплаченных административных штрафов и налогов, а также расходов по выдворению и депортации. Однако, например, уклонение от уплаты таможенных пошлин, выступающих значимой частью статей дохода в бюджет, остается за пределами императивного законодательного регулирования. Аналогичная ситуация прослеживается и в отношении денежных обязательств иностранных граждан и лиц без гражданства перед третьими лицами.

Таким образом, поскольку современное законодательство не позволяет принудить иностранных граждан к выплате всех денежных обязательств до того, как они покинут нашу страну, целесообразно ввести в отношении этих граждан запрет на въезд в Российскую Федерацию — до полного исполнения соответствующих обязательств.

Еще одним пробелом действующего административно-деликтного законодательства являются вопросы помещения и содержания в специальных учреждениях лиц, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации. Так, в соответствии с Правилами содержания (пребывания) в специальных учреждениях МВД РФ или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, эти лица содержатся в специальном учреждении до исполнения соответствующего решения об административном

⁴ См.: Директива № 2008/115/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об общих стандартах и процедурах, подлежащих применению в государствах-членах для возврата незаконно пребывающих граждан третьих стран» (принята в г. Страсбурге 16 декабря 2008 г.). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 34, ст. 4029; 2017. № 31, ч. 1, ст. 4819.

выдворении⁶. Часть 4 ст. 27.19 КоАП РФ предусматривает, что помещение иностранных граждан и лиц без гражданства в специальные учреждения назначается на основании постановления судьи либо решения соответствующего лица пограничного органа. Данный факт вступает в явное противоречие с ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, устанавливающей арест, заключение под стражу и содержание под стражей исключительно по решению суда⁷. В связи с этим целесообразным видится закрепление на законодательном уровне запрета на принятие решения о помещении лица, подлежащего административному выдворению в специальное учреждение, иными, чем суд, субъектами административной юрисдикции [4, с. 182–183].

Вместе с тем в действующем законодательстве отсутствует указание на конкретный и определенный срок содержания иностранных граждан и лиц без гражданства в специальных учреждениях, что также является не вполне обоснованным. Более того, это вступает в противоречие с ч. 1 ст. 36 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 26 июля 2017 г.), согласно которой содержащиеся в исполнительном документе требования должны быть исполнены судебным приставом-исполнителем в течение 2-х мес. со дня возбуждения исполнительного производства⁸.

Таким образом, представляется необходимым нормативно закрепить максимальный срок пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства в специальном учреждении, который не может превышать 2-х мес. с момента вынесения приставом-исполнителем постановления о препровождении указанных лиц до пункта пропуска через государственную границу Российской Федерации, с учетом процессуальных сроков возбуждения производства, рассмотрения дела и обжалования. Следовательно, содержание в специальном учреждении указанных лиц на неограниченный законом срок повлечет за собой нарушение ч. 1 ст. 22 Конституции РФ, а также ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность»⁹. Причем, срок нахождения в специальном учреждении иностранных граждан и лиц без гражданства не засчитывается в срок установленного запрета на въезд в Российскую Федерацию. Наличие неопределенности в указанном вопросе может повлечь за собой нарушение прав данных категорий граждан, а также возникновение коррупционной составляющей у сотрудников специальных учреждений.

Неразрешенной на сегодняшний день остается проблема привлечения к административной ответственности в виде административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих несовершеннолетних

⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2013 г. № 1306 «Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии» (в ред. от 17 июня 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 2, ч. 1, ст. 130; 2016. № 26, ч. 2, ст. 4060.

⁷ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

⁸ См.: Российская газета. 2007. № 223; 2017. № 167.

⁹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

детей. Из смысла закона следует, что негативные последствия для родителей путем принудительного и контролируемого перемещения за пределы территории Российской Федерации автоматически распространяются и на их детей. Во-первых, несовершеннолетний не может быть субъектом административной ответственности в силу недостижения возраста административной ответственности и отсутствия фактического основания правонарушения (виновность, наказуемость). Во-вторых, в соответствии с п. 1 ст. 9 Конвенции о правах ребенка 1989 г. несовершеннолетний не может быть разлучен со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда это необходимо в интересах самого ребенка и в рамках судебного решения¹⁰. Кроме того, рассмотрение дела о привлечении мигранта к административной ответственности в виде административного выдворения предполагает применение такой обеспечительной меры, как помещение лица в специальное учреждение. Необходимо учитывать, что данная мера реализуется исключительно в отношении правонарушителя, а не его несовершеннолетних детей, права и свободы которых в этом случае ущемляются.

Конституционный Суд РФ признал, что установленные в законодательстве об административных правонарушениях правила применения мер административной ответственности должны учитывать не только характер правонарушения, опасность для охраняемых законом ценностей, личность виновного, его право на уважение семейной жизни, но и не допустить избыточное принуждение, обеспечив баланс основных прав. В противном случае прослеживается нарушение принципа индивидуализации ответственности.

Практика показывает, что в ряде случаев при полном и объективном рассмотрении дела возможно изменение установленного вида административного наказания только путем обжалования. При этом государство имеет определенные пределы усмотрения.

В частности, Постановлением Верховного Суда РФ от 25 июля 2016 г. № 69-АД-16-6 удовлетворены требования истца об исключении административного выдворения в качестве меры наказания. Суд признал, что установление гражданину Республики Молдова Цуркану В. административного наказания в виде выдворения противоречит требованиям ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку в Российской Федерации у него имеется жена и несовершеннолетняя дочь. Кроме того, обстоятельств, отягчающих административную ответственность, судом не установлено¹¹.

Совершенно противоположное решение Верховный Суд вынес по жалобе гражданина Республики Кыргызстан Дмитриева А.В., который также ходатайствовал об исключении в отношении него наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации. Доводы Дмитриева А.В. о том, что данное наказание влечет нарушение его права на уважение семейной жизни, поскольку он имеет несовершеннолетнюю дочь — гражданку Российской Федерации, суд не учел, ссылаясь на статью 8 Конвенции о правах человека. Указанная норма не исключает случаи, когда такое вмешательство необходимо в интересах национальной безопасности и общественного порядка (Дмитриев А.В. неоднократно привлекался к уголовной ответственности, что установлено по материалам дела)¹².

¹⁰ См.: Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993.

¹¹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, современное состояние регулирования применяемых к иностранным гражданам и лицам без гражданства мер административной ответственности в виде административного выдворения едва ли отвечает принципам индивидуализации наказания. Такая ситуация нуждается в скорейшем исправлении на законодательном уровне.

В качестве одного из вариантов разрешения существующих противоречий М.А. Соколкова называет создание специализированных центров, отвечающих установленным требованиям для совместного содержания незаконных мигрантов и их несовершеннолетних детей. Однако в условиях качественных и количественных недоработок в вопросах содержания и функционирования общих специальных учреждений МВД РФ, о создании подобных специализированных центров говорить не приходится¹³. Поэтому наиболее рациональным и гуманным, с точки зрения действующего законодательства, видится применение административного выдворения к лицам, имеющим несовершеннолетних детей исключительно в форме самостоятельного выезда из Российской Федерации, без помещения указанных субъектов в специальные учреждения. С учетом этого представляется необходимым внести соответствующую поправку в ст. 3.10 КоАП РФ.

В целом проведенный анализ свидетельствует о наличии целого ряда проблем правового регулирования миграционных отношений, в т.ч. по вопросам применения разнородных мер административного принуждения. Однако решение этих проблем подвластно только законодателю, от слаженной деятельности которого зависят возможность, качество и упорядочение названных мер.

Библиографический список

1. Административное право: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 352 с.
2. Соколов А.Ю. Административная ответственность в Российской Федерации: учебное пособие. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. 148 с.
3. Административное право / под ред. Ю.М. Козлова. М.: Юридическая литература, 1968. 576 с.
4. Соколов А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. М.: Норма, 2015. 320 с.

References

1. Administrative Law: Education for Bachelors / under the editorship of A. Yu. Sokolov. M.: Norma, Infra-M, 2016. 352 p.
2. Sokolov A.Yu. Administrative Liability in the Russian Federation: textbook . Saratov: Publishing house FGBOU VPO «Saratov State Law Academy, 2014. 148 p.
3. Administrative Law / under the editorship of Yu. M. Kozlov. M.: Legal literature, 1968. 576 p.
4. Sokolov A.Yu. Measures of Maintenance of Manufacture on Affairs about Administrative Offenses. M.: Norma, 2015. 320 p.

¹³ См.: Соколкова М.А. Проблема частной превенции административного выдворения иностранных граждан за пределы Российской Федерации. URL: http://studopedia.su/14_33655_problema-chastnoy-preventsii-administrativnogo-vidvoreniya-inostrannih-grazhdan-za-predeli-rf. (дата обращения: 22.10.2017.)

УДК 342.922.3

Ю.В. Соболева

**ПРИНЦИПЫ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА
НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ***

Введение: выделение принципов — важнейший элемент статуса тех или иных субъектов, т.к. при наличии пробельности в соответствующих нормах права, определенных сложностей при их применении орган, должностное лицо должны руководствоваться принципами права. Однако в отношении административно-правового регулирования негосударственных организаций система данных принципов не разработана. **Цель:** сформулировать общие и специальные принципы административно-правового регулирования статуса негосударственных организаций, их понятия. **Методологическая основа:** правовой анализ категорий «принципы права», «принципы административного права», совокупность методов формальной логики, диалектического и системно-структурного методов исследования. В соответствии с последним при изучении любого объекта или явления анализируются его особенности как структурного элемента, входящего в более общее понятие. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно необходимости выделения единых принципов административно-правового регулирования статуса как коммерческих, так и некоммерческих негосударственных организаций. Сформулированы общие и специальные принципы административно-правового регулирования статуса негосударственных организаций как основы совершенствования административного законодательства о данных субъектах, определено их понятие. **Вывод:** принципы административно-правового регулирования статуса негосударственных организаций должны быть выражены в соответствующих нормах, принимаемых с целью развития этого института.

Ключевые слова: субъекты административного права, коммерческие негосударственные организации, некоммерческие негосударственные организации, принципы административного права, административно-правовое регулирование.

Yu. V. Soboleva

**THE PRINCIPLES OF ADMINISTRATIVE LEGAL REGULATION
OF THE STATUS OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS**

Background: defining principles is a very important element of status of any subject, because within the legal gaps in the relevant laws and corresponding difficulties of their

© Соболева Юлия Викторовна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: j.soboleva@mail.ru; k_ap@ssla.ru

© Soboleva Yuliya Viktorovna, 2018

Candidate of law, Associate professor of the Administrative and Municipal Law department (Saratov State Law Academy)

* Статья опубликована по заданию Министерства образования и науки РФ № 29.8125.2017/8.9 на выполнение государственного проекта в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания по теме «Механизм государственного регулирования применения мер административного принуждения к негосударственным организациям».

implementation, the public authority or an official has to use the principles of law. At the same time, the administrative legal regulation of non-governmental organization does not contain the system of these principles. Objective: the author of the article intends to formulate the general and special principles of administrative legal regulation of status of the non-governmental organizations and to define their notions. Methodology: in doing the research the following methods of study were used: the legal analysis of categories “principles of law”, “principles of administrative law”, the complex of methods of formal logic, dialectic and systematical structural methods of research. When using the last of these, during the research of any object or phenomenon its features as a structural element, included to the more general definition should be analyzed. Results: the author’s position on the need to single out the unified principles of the administrative and legal regulation of the status of both commercial and non-profit non-governmental organizations is argued. The general and special principles of administrative legal regulation have been formulated as the base of improvement of the administrative legislation about these subjects as well as their notions have been defined. Conclusion: the principles of administrative legal regulation of the status of non-governmental organizations should be expressed in the relevant norms adopted for the development of this institution.

Key-words: *subjects of administrative law, commercial non-governmental organizations, non-profit governmental organizations, principles of administrative law, administrative legal regulation.*

Характеристика административно-правового статуса негосударственных организаций связана, прежде всего, с выявлением и анализом принципов его регулирования. Они относятся как к созданию, так и к деятельности коммерческих и некоммерческих негосударственных организаций. Их формулирование и исследование позволят выявить те основные начала, на которых базируется административно-правовой статус данных субъектов.

Отдельными авторами анализировались только принципы, относящиеся к той или иной группе организаций (коммерческим либо некоммерческим) или их видам [1, с. 11], но не к негосударственным структурам в целом. Между тем выделение принципов — крайне важный элемент статуса негосударственных организаций, т.к. при наличии пробельности в соответствующих нормах права, определенных сложностей при их применении орган, должностное лицо должны руководствоваться принципами права.

Целесообразность выделения единых основ и для коммерческих, и для некоммерческих негосударственных организаций обусловлена тем, что различия между ними незначительны. Можно согласиться с мнением о том, что запрет на распределение прибыли в некоммерческой организации является не системообразующим или квалифицирующим признаком для таких организаций, а, скорее, одним из ограничений, на них налагаемых. Основная же цель деятельности организации в большей степени представляет собой декларацию (хотя и обязательную к провозглашению учредителями при создании ими юридического лица в конкретной организационно-правовой форме), нежели характеризует организацию с содержательной стороны [2, с. 15]. Так, основы деятельности и коммерческих, и некоммерческих организаций заложены в Конституции РФ (законность (ст. 15), равенство перед законом (ст.13, 14), свобода деятельности

(ст. 30, 34) и др.)¹. Эти положения конкретизируются в соответствующих нормативных актах о негосударственных организациях. Часть же принципов не закреплена, а вытекает из смысла законодательства.

Принципы права в юридической науке традиционно делятся в зависимости от сферы распространения на общеправовые (общие), межотраслевые и отраслевые принципы [3, с. 123]. Проблема выявления и систематизации принципов административно-правового регулирования статуса негосударственных организаций является производной от общих и отраслевых принципов права.

Общие принципы права в теории права — это основные, исходные начала, характеризующие сущность права, его содержание и назначение в обществе [4, с. 242], которые можно рассматривать как императивные требования, обязывающие правоприменителя действовать определенным образом или устанавливающие запреты [5, с. 129].

К отраслевым относятся принципы, которые положены в основу содержания конкретной отрасли права и отражают ее особенности [5, с. 129]. Для административного права, как и любой другой отрасли права, характерны свои принципы, определяющие основные идеи, положения, требования, характеризующие содержание административного права, отображающие закономерности его развития и определяющие направления и механизмы административно-правовой регуляции общественных отношений [6, с. 39].

Отраслевые принципы подразделяются на общие, или основные и специальные, или особые, подотраслевые, институциональные, субинституциональные) [6, с. 40].

Применительно к отрасли административного права Ю.Н. Старилов отмечает, что принципы должны объективно отражать ее сущность, наиболее важные черты; они раскрывают общий характер исполнительно-распорядительной власти, других видов административной деятельности, как органов исполнительной власти, так и их государственных служащих, нормативно их закрепляют. Принципы административного права устанавливают закономерности в системе организации и функционирования исполнительной власти, обуславливают законность и социальную ценность отношений в системе административно-правового регулирования. Отсутствие правовых принципов в административном праве влечет за собой появление элементов бюрократизма, произвольности, неорганизованности, беззакония, несправедливости [7, с. 39].

Общие принципы административного права — демократизма нормотворчества и реализации права, законности, федерализма, приоритета прав и свобод человека и гражданина, полноты и реальности данных прав и свобод в административно-правовой сфере, равенства перед законом, взаимной ответственности государства и человека, гуманизма и справедливости во взаимоотношениях человека и государства — закреплены в Конституции РФ, конкретизируются и развиваются в законодательных и подзаконных нормативных правовых актах [8, с. 27–30].

Так, например, представляя собой разноплановое и разностороннее явление, принцип законности отражает всю правовую жизнь общества и государства, охватывает все сферы жизнедеятельности [9, с. 198].

¹ См.: Российская газета. 1993. 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ч. 1, ст. 4202.

С.Д. Князев к отраслевым принципам административного права относит принцип социальной ориентации деятельности органов и должностных лиц публичной администрации; принцип стабилизации управления и обеспечения эффективного общественного развития; принцип детальной регуляции юридических процедур взаимоотношений граждан и субъектов исполнительной власти и защиты прав человека от произвола администрации; принцип судебного контроля за деятельностью всех без исключения субъектов исполнительной власти; принцип разграничения политической и административной составляющих публичной власти [6, с. 42].

Специальные принципы конкретизируют общие принципы административного права относительно определенной сферы общественных отношений [10, с. 23]. Если проводить аналогию, то принципы административно-правового регулирования статуса негосударственных организаций будут относиться также к специальным принципам административного права со своим подразделением на виды.

Обобщив вышесказанное, можно предложить следующее определение рассматриваемого понятия: принципы административно-правового регулирования статуса негосударственных организаций — это вид специальных принципов отрасли административного права, основополагающих правовых начал, закрепленных в законодательстве или вытекающих из него и определяющих сущность и содержание института негосударственных организаций как субъектов административного права.

Принципы административно-правового регулирования статуса негосударственных организаций будут выполнять свою роль в случае, если они опосредуются конкретными правовыми нормами, что дает возможность уяснить воздействие этих норм на содержание данного института.

Следует констатировать, что нормы-принципы присутствуют только в законодательстве об общественных объединениях. В ст. 15 «Принципы создания и деятельности общественных объединений» Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (в ред. от 20 декабря 2017 г.) закреплено положение, согласно которому общественные объединения независимо от их организационно-правовых форм равны перед законом. Деятельность общественных объединений основывается на принципах добровольности, равноправия, самоуправления, законности. Также в данной статье отражен принцип гласности объединений и их свободы в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов деятельности².

Однако указанный Федеральный закон распространяется не на все виды некоммерческих организаций, а непосредственно в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 5 февраля 2018 г.)³ такие нормы отсутствуют. Что же касается статуса коммерческих организаций, то ст. 1 Гражданского кодекса РФ соответственно и регулирует основные начала именно гражданского законодательства, относящиеся не только к юридическим лицам, но и к гражданам⁴.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930; 2017. № 52, ч. I, ст. 7927.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 145; 2018. № 7, ст. 975.

⁴ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2017. № 31, ч. I, ст. 4808.

Таким образом, складывается ситуация, при которой основополагающие начала регулирования статуса как коммерческих, так и большинства некоммерческих организаций, вступающих в административно-правовые отношения, не отражены в законодательстве. Они могут быть обнаружены только путем анализа соответствующего законодательства, регулирующего статус негосударственных организаций.

Представляется, что принципы административно-правового регулирования статуса негосударственных организаций с учетом вышесказанного можно подразделить на две основные группы:

1) общие (установлены Конституцией РФ и конкретизированы федеральными законами);

2) специальные (вытекают из смысла Конституции РФ и федеральных законов).

К общим принципам, исходя из анализа действующего законодательства, предлагается отнести: законность, участие негосударственных организаций в формировании органов государственной власти и принятии ими решений, равенство перед законом, запрет экстремистской деятельности, свобода деятельности.

Специальные принципы отражают особенности административно-правового статуса негосударственных организаций и их выделение, в свою очередь, позволит определить направления дальнейшего развития законодательства о данных субъектах.

Специальная группа должна, таким образом, включать следующие принципы: гласности взаимодействия государственных и негосударственных организаций; развития социально ориентированной деятельности в отношении коммерческих и некоммерческих организаций; равных условий создания и деятельности с учетом особенностей правового регулирования организаций, обладающих специальным статусом; взаимной ответственности (взаимоконтроля) негосударственных организаций и органов власти; передачи негосударственным организациям публичных полномочий на основе закона.

Подразделение принципов административно-правового регулирования статуса негосударственных организаций на общие и специальные имеет важное теоретическое и практическое значение. Выделение специальных принципов осуществляется на основе и в соответствии с общими, и дальнейшее развитие административного законодательства о негосударственных организациях должно осуществляться с учетом данных основ.

Библиографический список

1. *Ивакин А.А.* Административно-правовое положение общественных объединений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 225 с.
2. *Степанов Д.И.* В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 13–60.
3. Теория государства и права: учебник / под ред. А.В. Малько, А.Ю. Саломатина. СПб.: Юридический центр, 2016. 423 с.
4. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА-М., 1999. 570 с.
5. Теория государства и права: учебник / под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. М.: Проспект, 2015. 328 с.

6. *Князев С.Д.* Принципы административного права Российской Федерации: отраслевой формат и юридическое значение // Государство и право. 2003. № 10. С. 39–47.
7. *Стариков Ю.Н.* Административное право: в 2 ч. Ч. 1: История. Наука. Предмет. Нормы. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. 389 с.
8. *Мухин А.А., Мухина И.А.* Административное право России: учебное пособие. Ижевск: Jus est, 2009. 269 с.
9. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. 352 с.
10. *Юсупов В.А.* Теория административного права. М.: Юридическая литература, 1985. 160 с.

References

1. *Ivakin A.A.* Administrative Legal Status of the Public Associations in the Russian Federation: dissertation... of the Candidate of Legal Sciences: 12.00.14. Moscow, 2009. 225 p.
2. *Stepanov D.I.* During the Search of the Criterion of Differentiation of a Legal Entities to Two Types and of the Principle of Insulation of Non-Profit Organizations // The Bulletin of Civil Law. 2007. Vol. 3. P. 1–60.
3. The Theory of State and Law: textbook / by ed. of Mal'ko A.V., Salomatina A.YU. Saint-Petersburg: Publishing house: "Legal Center", 2016. 423 p.
4. The Theory of State and Law: textbook / by ed. of V.M. Korel'skogo i V.D. Perevalova. Moscow: Publishing group NORM-INFRA • M, 2000. 570 p.
5. The Theory of State and Law: textbook / by ed. of A.V. Mal'ko, D.A. Lipinskogo. Moscow: Avenue, 2015. 328 p.
6. *Knyazev S.D.* The Principles of Administrative Law of the Russian Federation: the Sectorial Format and Legal Value // The State and Law. 2003. Vol. 10. P. 39–47.
7. *Starilov Yu.N.* Administrative Law: in 2 parts. Part. 1: Hystory. Science. Subject. Rules. Voronezh, 1998. 389 p.
8. *Mukhin A.A., Mukhina I.A.* Administrative Law of the Russian Federation: textbook. Izhevsk: Jus est, 2009. 269 p.
9. Administrative Law of the Russian Federation: textbook / by ed. of A.Yu. Sokolov. 2-e ed., modified. and added. Moscow: "Norm". INFRA-M, 2018. 352 p.
10. *Yusupov V.A.* The Theory of Administrative Law. Moscow: Legal literature, 1985. 160 p.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 349.4

А.П. Анисимов, О.В. Попова

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ КАК ЭЛЕМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Введение: для целей устойчивого развития должны быть использованы возможности экологического аудита — одного из способов регулирования деятельности в направлении защиты окружающей среды. **Цель:** проанализировать возможности развития правового регулирования экологического аудита с учетом введения в России международных стандартов аудита. Для этого необходимо решить задачи получения достоверной информации в области охраны среды, выделения областей, в которых такая информация наиболее значима. **Методологическая основа:** системно-структурный, сравнительно-правовой, междисциплинарный методы исследования. **Результаты:** установлено, что в России правовое регулирование экологического аудита существует только в виде дефиниции, не определены институциональные основы экологического аудита, нет ни перечня информации, которая подлежит экологическому аудит, ни методологии осуществления процедур. **Вывод:** необходимо не только законодательное закрепление правового института экологический аудит, но и международная стандартизация данной деятельности, а также создание единых органов аккредитации экологических аудиторов.

Ключевые слова: экология, аудит, экологический аудит, экологическая информация, учет затрат на охрану окружающей среды, Киотский протокол.

A.P. Anisimov, O.V. Popova

ENVIRONMENTAL AUDIT AS AN ELEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Background: for the purposes of sustainable development, the possibilities of environmental auditing, one of the ways of regulating activities in the direction of environmental protection, should be used. **Objective:** the authors of the article intend to analyze the possibilities of development of the legal regulation of environmental audit taking into account

© Анисимов Алексей Павлович, 2018

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»); e-mail: anisimovap@mail.ru

© Попова Ольга Владимировна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); e-mail: OVPopova@kantiana.ru

© Anisimov Aleksei Pavlovich, 2018

Doctor of Law, Professor of the Civil Law and Procedure department (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

© Popova Olga Vladimirovna, 2018

Candidate of Law, Associate Professor of the Entrepreneurial law Department (Immanuel Kant Baltic Federal University)

*the introduction of international standards of audit in Russia. In order to achieve this goal it is necessary to solve the problem of obtaining reliable information in the field of environmental protection, the allocation of areas in which such information is the most important, the differentiation of responsibility among stakeholders. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: system-structural, comparative-legal, interdisciplinary research ones. **Results:** it is stated in the article that in Russia the legal regulation of environmental audit exists only in the form of a definition, there is no institutional framework for environmental audit, there is no list of information that is subject to environmental audit, no methodology of procedures. **Conclusions:** the authors argue that it is necessary not only to legislate the law institute of environmental audit, but also to standardize this activity internationally, as well as to create unified accreditation bodies for environmental auditors.*

Key-words: ecology, audit, environmental audit, environmental information, environmental cost accounting, Kyoto Protocol.

Ученые, которые занимаются аудитом, понимают, что необходимо его переосмысление в контексте концепции устойчивого развития [1]. Все больше и больше внимание уделяется социализации [2] и экологизации бизнеса [3], ответственности бизнеса за устойчивое развитие общества.

Поэтому отчетность организации требуется получать и исследовать не только с позиций прибыльности организации, но и с точки зрения соблюдения принципов, заложенных в концепции устойчивого развития, в т.ч. с точки зрения влияния деятельности организации на окружающую среду. Нужна достоверная документация, которая помогла бы оценить воздействие деятельности организации на окружающую среду, а также подтверждение достоверности указанной документации независимым профессионалом.

Следовательно, необходимо развитие правового института экологического аудита. Но сейчас, как совершенно правильно отмечают ученые, осуществление экологического аудита осуществляется «стихийно» [4, 193].

Общеизвестно, что аудит — это проверка и подтверждение бухгалтерской (финансовой) отчетности¹. К финансовой отчетности относят не только бухгалтерские балансы, но и любую финансовую информацию, как консолидированную отчетность, так и часть баланса, например, статью баланса либо финансовые документы по какому-либо направлению хозяйственной деятельности организации.

Таким образом, аудиторскими организациями может осуществляться проверка и подтверждение любой финансовой информации, к которой можно отнести и экологическую информацию, т.к. в конечном итоге экологическая информация оставляет финансовый след. Однако в российском законе к аудиторской деятельности не относятся проверки, осуществляемые в соответствии с требованиями и в порядке, отличными от требований и порядка, установленных стандартами аудиторской деятельности. Соответственно необходимо уточнить, есть ли международные стандарты аудита, регламентирующие проведение экологического аудита.

В России существует множество подходов к определению сущности экологического аудита, но единого мнения о месте и значимости эоаудита не только в законодательстве, но и в научной доктрине пока не сложилось, хотя интерес к этому

¹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (в ред. от 1 мая 2017 г.) // Российская газета. 2008. 31 дек.; 2017. 3 мая.

институту есть и у правоведов, и у экономистов, и у социологов [5]. По вопросам правового регулирования экологического аудита высказывались В.И. Баршинов [6], М.М. Бринчук [7, с. 60], М.Т. Гогаева [8], В.А. Егiazаров, Н.В. Кичигин [9], Н.М. Заславская [10], А.В. Захаров [11], С.В. Злобин [12], Т.В. Злотникова [13], И.Г. Иутин [14], Е.В. Марьин [15], Т.В. Петрова [16] и некоторые другие ученые.

Существует две теории аудита: теория принципал-агента и теория стейкхолдеров. По теории принципал-агента именно правительство за счет налогов должно осуществлять охрану окружающей среды, так же как обеспечение национальной безопасности и других общественных услуг. Правительство является агентом. Аудиторы, выполняя контроль за состоянием окружающей среды, увеличивают правдивость информации и побуждают агента к выполнению своих обязанностей [17]. По теории стейкхолдеров (теории заинтересованных лиц) корпоративный имидж компании зависит от выполнения социальных обязанностей компании, а компании, имеющие хорошие экологические показатели, скорее всего, будут более востребованы у потребителей и инвесторов [18]. Мы склоняемся к теории стейкхолдеров по следующим причинам: во-первых, это соотносится и с принципом, принятом в международном праве, который звучит в общих чертах «загрязнитель платит»; во-вторых, именно ответственность всех и каждого может привести к желаемым результатам сохранения природы, тогда как государство само по себе не может изменить правосознание своих граждан.

Обязательными следует установить следующие случаи проведения экологического аудита: 1) деятельность, связанная с выбросами в атмосферу парниковых газов; 2) деятельность, связанная с переработкой вторичных отходов; 3) деятельность, связанная с эксплуатацией очистных сооружений, расположенных на прибрежных территориях; 4) деятельность, связанная с осуществлением реабилитации загрязненных участков с использованием бюджетных средств (государственного, регионального или муниципального бюджета); 5) проведение правонарушителем восстановительных работ по возмещению вреда, причиненного окружающей среде; 6) обязательная сертификация продукции. Также высказывается мнение, что экологический аудит должен стать обязательным для видов хозяйственной деятельности, которые связаны с повышенной опасностью для окружающей среды и потенциально большим ущербом как для природных, так и природно-антропогенных объектов [12], а также при осуществлении экологического страхования [19].

Следует отметить, что экологический аудит в настоящее время не является в России обязательным. И даже оценка парниковых выбросов осуществляется в настоящее время самими организациями и проверяется уполномоченными государственными органами, а не независимыми аудиторами. В России применяется только добровольный аудит.

Несмотря на то, что укоренилось два основных подхода к экологическому аудиту: экологический аудит — это вид аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности [13, с. 8], и экологический аудит как самостоятельный аудит, а законодательство об аудиторской деятельности невозможно применять к отношениям в сфере экологического аудита [16], соответствие части экологической информации подтверждается именно аудиторами финансовыми. Эта информация связана с подтверждением размера выбросов «парниковых газов». Проблема выбросов в атмосферу, в свою очередь, связана с изменением климата. Парниковые газы (водяной пар, углекислый газ, метан и озон) усиливают естественный парниковый

эффект, а следовательно, потепление. С 1991 г. по настоящее время Россия не только не допустила роста выбросов парниковых газов, но значительно их уменьшила, хотя специалисты и связывают указанное с результатом экономического кризиса, а не с целенаправленно предпринимаемыми мерами по снижению выбросов [20]. Законодательство предполагает необходимость объективного учета вредных выбросов в атмосферу, в частности, и иного загрязнения окружающей природной среды. В России еще в 2006 г. была создана система оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом по веществам, разрушающим озоновый слой². Министерство природных ресурсов и экологии России обеспечивает ведение российского реестра углеродных единиц в соответствии с требованиями Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата³. Утверждена Концепция формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в Российской Федерации, распоряжением Правительства РФ от 22 апреля 2015 г. № 716-р. «Об утверждении Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в Российской Федерации»⁴.

Однако указанные ресурсы и возможности позволяют получить только агрегированные оценки выбросов парниковых газов по видам газов и категориям источников, но не содержит данных о выбросах парниковых газов конкретными организациями. Это не только проблема России. Недавнее глобальное исследование показало, что 56% опрошенных инвесторов считают, что раскрытие информации о климатическом риске «крайне неадекватно»⁵.

Деятельность финансовых аудиторов регулируется не только российским законодательством об аудите, но и международными стандартами аудита⁶, которые разработаны Международным советом по стандартам аудита и подтверждения достоверности (IAASB). Внедрение Международных стандартов аудита (МСА) способствует информационному взаимодействию аудиторов и бизнес-сообщества, повышению престижа аудиторской профессии, повышению качества аудиторских услуг. Сейчас действует Сборник Международных стандартов контроля качества, аудита (далее — МСА), обзорных проверок, прочих заданий, обеспечивающих уверенность, и заданий по оказанию сопутствующих услуг, издание 2016-2017 годов [International Auditing and Assurance Standards Board (IAASB) International Federat]⁷.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 1 марта 2006 г. № 278-р «О создании российской системы оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом по веществам, разрушающим озоновый слой, принятым в г. Монреале 16 сентября 1987 г.» (в ред. от 15 мая 2017 г.). Документ опубликован был.

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 215-р «О создании российского реестра углеродных единиц» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 9, ст. 1043.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 18, ст. 2737.

⁵ *Leka Laura*. Could Disclosing Climate-related Financial Information Become the New Normal? // <http://www.ifac.org/global-knowledge-gateway/business-reporting/discussion/could-disclosing-climate-related-financial>

⁶ См.: Приказ Минфина России от 9 ноября 2016 г. № 207н «О введении в действие международных стандартов аудита на территории Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 17 ноября 2016 г. № 44354); Приказ Минфина России от 24 октября 2016 г. № 192н «О введении в действие международных стандартов аудита на территории Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 10 ноября 2016 г. № 44299). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.11.2016).

⁷ URL: <http://www.ifac.org> (дата обращения: 15.04.2018).

К стандарту, регламентирующему раскрытие экологической информации, необходимо отнести МСА 720 «Обязанности аудитора, относящиеся к прочей информации». В нем установлены требования к аудитору анализировать и учитывать при предоставлении аудиторского заключения не только финансовую, но и любую другую нефинансовую информацию, т.к. нарушение экологического законодательства может повлечь за собой негативные последствия для аудируемого лица от утраты деловой репутации до ликвидации организации, т.е. влияющие на непрерывность деятельности организации.

Однако основным стандартом, регламентирующим проверку отчетности о выбросах парниковых газов в настоящее время, это МСЗОУ 3410 «Задания, обеспечивающие уверенность в отношении отчетности о выбросах парниковых газов» (ISAE 3410). Это довольно-таки новый стандарт (2012 г.) для международного сообщества аудиторов рассматривает «все более актуальную глобальную услугу по обеспечению достоверности в поддержку надежной отчетности о выбросах, будь то для целей соблюдения нормативных требований или осуществляется на добровольной основе для информирования инвесторов, потребителей и других лиц»⁸. Международная концепция заданий разделяет международные стандарты следующим образом⁹:

международные стандарты аудита (МСА), применяемые при аудите финансовой информации прошедших периодов;

международные стандарты обзорных проверок (МСОП), применяемые при проверке финансовой информации прошлых периодов;

международные стандарты обзорных проверок (МСЗОУ), применяемые при выполнении заданий, обеспечивающих уверенность (но не включаемые в первые две группы);

международные стандарты сопутствующих услуг (МССУ).

МСЗОУ 3410 не относится к сопутствующим услугам, как принято считать многими российскими исследователями, а является международным стандартом обзорных проверок, но выделенных в отдельную группу. Международные стандарты сопутствующих услуг включают документы под номерами 4000-4699.

Организации могут провести либо количественную оценку своих выбросов парниковых газов для управленческих целей, либо должны составить отчет о выбросах парниковых газов, т.е. можно рассматривать осуществление этого задания как добровольные либо обязательные проверки.

Целями таких проверок стали:

обязательные законодательные требования по раскрытию информации;

торговля квотами на выбросы;

информирование инвесторов и кредиторов.

Аналогичные причины называются в перечне основных причин, по которым именно экологический аудит стал востребован в России [21].

Кроме того, стандарт может быть использован:

при добровольно раскрываемой информации, что будет усиливать деловую репутацию и конкурентноспособность продукции экологически лояльного производителя;

⁸ URL: <http://www.ifac.org/news-events/2012-06/iaasb-releases-new-global-standard-assurance-greenhouse-gas-statements> (дата обращения: 15.04.2018).

⁹ URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=116634 (дата обращения: 15.04.2018).

для включения в состав отчета об устойчивом развитии;
для обоснования включения организации в «углеродный реестр»¹⁰.

Настоящий стандарт применяется как к заданиям, обеспечивающим разумную уверенность, так и к заданиям, обеспечивающим ограниченную уверенность. В стандарте отмечается, что задания могут быть различными, поэтому характер, сроки и объем процедур значительно различаются.

Согласно российскому законодательству указанные стандарты не являются собственно аудитом (проверкой финансовой информации) и относятся к сопутствующим услугам, поэтому «аудитор, руководствующийся международными стандартами, регулирующими проверку нефинансовой информации, например, отчета о парниковых газах или о системе внутреннего контроля, через три года должен быть лишен аттестата как не осуществляющий аудиторскую деятельность» [22]. Эта проблема осложняется тем, что для осуществления такого рода проверок требуются дополнительные знания и навыки, например, понимание того, как формируется информация о выбросах, включая инициализацию, запись, обработку, корректировку в случае необходимости, упорядочение и отражение данных в отчете о выбросах парниковых газов и даже инженерные навыки, чтобы осуществлять калибровочные записи мониторингового устройства. Такие проверки может выполнить небольшое количество аудиторских организаций России, часто для добровольного аудита выбросов российские организации привлекают иностранных аудиторов.

Экоаудиторы не могут осуществлять проверку по данному стандарту без получения аттестата финансового аудитора и вступления в саморегулируемую организацию финансовых аудиторов. При этом круг деятельности финансовых аудиторов ограничен только такими прочими услугами, которые связаны с аудитом финансовой информации, т.е. проводить иной экологический аудит, не предусмотренный международными стандартами, финансовые аудиторы в России не могут. Разве это не замкнутый круг? Российские специалисты считают, что необходимо «весь инструментарий, закрепленный Законом об аудиторской деятельности, распространить на экологический аудит» [14, с. 9].

Но аудит выбросов не единственный вид экологической информации, подлежащий проверке и подтверждению. Специалисты считают, что необходимо выделение в бухгалтерском учете операций по природоохранной деятельности [23]. Необходимость в таком учете есть и у инвесторов, и у менеджеров для правильной калькуляции природоохранных затрат в себестоимости продукции, подтверждения экологической безопасности своей продукции в конкурентной борьбе за покупателя и т.п. [24]. «Новым направлением учета, не охваченным действующим законодательством, является включение финансовых обязательств, связанных с экологическими последствиями деятельности природопользователя, в общую систему финансового учета и отчетности» [25, с. 31]. «Затратная, на первый взгляд, процедура экологического аудита в итоге позволяет компаниям

¹⁰ В России действует государственный реестр опасных производственных объектов согласно Федеральному закону от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (в ред. от 7 марта 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30, ст. 3588; 2017. № 11, ст. 1540. Принят Приказ Ростехнадзора от 21 ноября 2013 г. № 558 «Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности „Правила безопасности для объектов, использующих сжиженные углеводородные газы“» (зарегистрировано в Минюсте России 31 декабря 2013 г. № 30993) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 8.

сокращать себестоимость продукции за счет целого ряда показателей (уменьшения расходов на потребляемые энергоресурсы, экономии воды, тепла, снижения количества отходов и класса их опасности, уменьшения платежей за негативное воздействие на окружающую среду и штрафных санкций» [26, с. 23].

Однако в России нет стандартов учета экологических затрат. «При анализе правовых форм учетно-оценочной деятельности в сфере природопользования и охраны окружающей среды отмечается ее преимущественно ведомственный характер, разобщенность информации, отсутствие правовых форм комплексных эколого-экономических оценок территорий, неполный охват объектов и субъектов. Действующие формы учета и оценки выполняют преимущественно информационную и статистическую функции и не играют должной роли в механизме платы за природопользование (за использование природных ресурсов и за загрязнение окружающей среды)» [25, с. 10]. В настоящее время данные о подобных затратах организации обязаны представлять в рамках статистического наблюдения (в частности, это формы № 4-ОС «Сведения о текущих затратах на охрану окружающей среды и экологических платежах», Форма № 2-ТП (воздух), № 18-КС «Сведения об инвестициях в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов» и др.).

В настоящее время действует только один документ в сфере методологии учета затрат, связанных с освоением природных ресурсов, а не с учетом затрат, направленных на восстановление нарушенной окружающей среды. Мы имеем в виду Приказ Минфина РФ от 6 октября 2011 г. № 125н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету „Учет затрат на освоение природных ресурсов“ (ПБУ 24/2011)» (зарегистрировано в Минюсте России 30 декабря 2011 г. № 22875)¹¹. Данный документ применяется организациями, осуществляющими затраты на поиск, оценку месторождений полезных ископаемых и разведку полезных ископаемых (далее — поисковые затраты) на определенном участке недр. При этом одной из целей организации аудита называется также «профилактика недропользователем правонарушений законодательства о недрах и охране окружающей среды» [27, с. 322], но методики учета затрат на восстановление нарушенной среды при недропользовании, а также налоговые преференции, связанные с этим обязательным, на наш взгляд, условием недропользования отсутствуют, что снижает значимость данной сферы деятельности недропользователя.

Таким образом, необходимо реформирование всей системы учета и отчетности организаций с целью выделения в ней раздела, связанного с затратами на устойчивое развитие.

Кроме того, следует отметить, что установлены налоговые платежи за природопользование (сборы за пользование объектами животного мира и за использование объектами водных биологических ресурсов, водный налог, земельный налог, налог на добычу полезных ископаемых¹²), хотя ученые и отмечают, что «экологическим функциям платы за использование природных ресурсов больше соответствует ее неналоговая форма, так как в рамках последней обеспечивается связь платы за природные ресурсы с иными правовыми инструментами экологического и природноресурсового права: договорными и лицензионными формами природопользования, учетом и эколого-экономической оценкой при-

¹¹ См.: Российская газета. 2012. 27 янв.

¹² Гл. 25.1, 25.2, 26, 31 Налогового кодекса РФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3340.

родных ресурсов, экологическим контролем и пр.» [25, с. 18]. Налоговые платежи укоренились в российском законодательстве и проверка правильного учета налоговой базы по таким платежам также требует соответствующей проверки.

Таким образом, информация, которая может подвергаться экологическому аудиту, достаточно разнообразна. Она состоит и из экологических, и из экономических аспектов. Некоторые ученые отмечают важность «увязки» экологического аудита с финансовым для того, чтобы «результаты экологического аудита могли непосредственным образом оказывать влияние на извлечение экономических выгод» [14].

Полагаем, что нельзя допустить размывание экологического аудита, напротив, следует определить классификацию экологической информации, которая подлежит экологическому аудиту, а в случае пересечения данной информации с экономической и бухгалтерской определить взаимодействие экологического и финансового аудита и стандарты такого взаимодействия.

Принципы формирования информации должны быть едины для всех заинтересованных сторон, особенно важно это для экологической информации, т.к. от нее зависит принятие правильных общественно значимых решений в глобальном масштабе (для всего человечества, живущего и будущего). Поэтому очень важно разработать и принять как международные стандарты бухгалтерского учета, обеспечивающие методологию учета затрат по восстановлению нарушенной окружающей среды, так международные стандарты экологического аудита.

Проведение проверок в отношении отчетности о выбросах парниковых газов может быть осуществлено финансовыми аудиторами, если они имеют дополнительные компетенции, подтвержденные документами об образовании, и экологическими аудиторами, если они имеют соответствующие компетенции в области финансового аудита. При этом аттестация экологических аудиторов, стандарты обучения также должны быть приняты на международном уровне. А саморегулируемые организации должны иметь свою международную организацию координации и Кодекс этики экологического аудитора, и напротив, при осуществлении деятельности на национальной территории необходимо проанализировать необходимость получения соответствующей аккредитации в уполномоченном государственном органе.

Наибольшую эффективность экологический аудит может проявить только при выработке единых наднациональных правил регулирования и стандартизации аудиторских процедур.

В России экологический аудит находится в стадии становления, регулируется стихийно неравнодушными к экологическим проблемам профессионалами-энтузиастами с использованием методов саморегулирования.

Финансовый и экологический аудит имеют точки соприкосновения, а специалисты должны владеть пересекающимися компетенциями, однако цель и задачи экологического аудита кардинально отличаются друг от друга.

Экологический аудит является одним из способов регулирования воздействия на окружающую среду среди других методов. Он должен рассматриваться как разновидность аудита, а следовательно, проводиться после осуществленной деятельности аудируемого лица и подтверждать соответствие его деятельности, выраженной в документации, экологическим требованиям и нормативам.

Сам по себе экологический аудит не может улучшить состояние окружающей среды, но его проведение способствует возникновению доверия между заинтересо-

ванными лицами в осуществлении экологических мероприятий, направленных на защиту и восстановление природы.

В настоящее время в России часть экологической отчетности, а именно отчетности по выбросам парниковых газов в атмосферу земли, может подтверждаться только финансовыми аудиторами, при этом сами финансовые аудиторы, занимающиеся в течение года только такими проверками, рискуют потерять аттестат аудитора, т.к. в российском законодательстве такие проверки не относятся собственно к аудиторским проверкам. В этой связи российский закон об аудите требует уточнения. Не только информация о выбросах в атмосферу парниковых газов, но и иная экологическая информация в ряде случаев должна быть подвергнута независимой проверке. Полагаем, что заинтересованными лицами в проведении экологического аудита могут быть все граждане Земли, но оплату за проведение экологического аудита должен осуществлять заказчик. Как правило, это само аудируемое лицо. Данное правило вполне соотносится с принципом, принятом в международном экологическом праве — «загрязнитель платит».

Концепция наднационального регулирования экологического аудита связана с необходимостью предоставления достоверной экологической информации всем заинтересованным лицам, т.к. достижение устойчивого развития возможно только при совместных усилиях всех стран. Наибольшую эффективность экологический аудит может принести только при выработке единых наднациональных правил регулирования и стандартизации аудиторских процедур экологического аудита, который при таком развитии послужит доверию между государствами и гражданами всех стран.

Органом, способным обеспечить разработку и принятие таких стандартов, может стать международный совет наиболее высокопрофессиональных и уважаемых экологических аудиторов, выбранных из числа объединившихся национальных сообществ саморегулируемых организаций экологических аудиторов. Данный совет должен организовать разработку единых стандартов экологического аудита, признаваемых всеми экологическими аудиторами. Такие стандарты смогут обеспечить доверие к информации, подтверждаемой экологическим аудитом. На национальном уровне должен быть обеспечен механизм перевода на национальный язык и утверждения единых стандартов уполномоченным государственным органом. Таким органом в России может стать Минприроды России или в случае принятия решения об отнесении экологического аудита к совместному ведению природоохранного ведомства и финансового ведомства (к чему мы склоняемся), должно быть обеспечено согласованное утверждение стандартов.

Библиографический список

1. *Островская О.Л.* Совершенствование методологии аудита в условиях реализации стратегии устойчивого развития // *Аудиторские ведомости.* 2016. № 1. С. 9–26.
2. *Трещевский Ю.И., Никитина Л.М., Свиридов А.С.* Социализация бизнеса: историко-генетический и теоретический анализ // *Регион: системы, экономика, управление.* 2014. № 1. С. 35–42.
3. *Круглов В.В., Киреев В.В.* Экологизация законодательства о предпринимательской деятельности: проблемы и приоритеты // *Проблемы права.* 2003. № 1. С. 125–131.
4. *Плотникова Ю.А., Тарасова Е.А.* Экологический аудит как перспективный инструмент правовой охраны окружающей среды // *Право. Законодательство. Личность.* 2016. № 1(22). С. 190–194.

5. Уханов И.Н. Консультативный экологический аудит в системе корпоративного управления: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 28 с.
6. Баршинов В.И. Проблемы правового регулирования экологического аудита // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 1. С. 134–141.
7. Бринчук М.М. Сертификация и аудит в механизме экологического права // Современное экологическое право в России и за рубежом: сборник научных трудов / отв. ред. О.Л. Дубовик. М.: ИНИОН РАН. 2001. С. 54–64.
8. Гогаева М.Т. Экологический аудит как элемент механизма принятия экологически значимых решений // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2010. № 4. С. 79–87.
9. Егиазаров В.А., Кичигин Н.В. Экологический аудит: перспективы законодательного регулирования // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 11–18.
10. Заславская Н.М. Экологический аудит: история и современное правовое регулирование // Экологическое право. 2015. № 6. С. 3–11.
11. Захаров А.В. Функционирование Российского государства и права в условиях современных глобальных экологических вызовов человечеству: дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2011. 459 с.
12. Злобин С.В. Правовое регулирование экологического предпринимательства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2015. 199 с.
13. Злотникова Т.В. Экологический аудит как новый механизм возмещения вреда окружающей среде // Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде: сборник материалов Международной научно-практической конференции (МИИГАиК, ИЗиСП, 23 марта 2017 г.) / отв. ред. С.А. Боголюбов, Н.Р. Камынина, М.В. Пономарев. М.: МИИГАиК, 2017. С. 67–70.
14. Иутин И.Г. Правовые основы экологического аудита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 21 с.
15. Марьин Е.В. Об организационно-правовом механизме экологического аудита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.
16. Петрова Т.В. Правовые проблемы экологического аудита // Актуальные проблемы развития экологического права в XXI в.: труды Института государства и права Российской академии наук. 2007. № 5. С. 177–178.
17. Stafford L Sarah. State Adoption of Environmental Audit Initiatives. // Contemporary Economic Policy. 2005. № 1. P. 172–187.
18. Abigail McWilliams, Donald Siegel. Corporate Social Responsibility and Financial Performance: Correlation or Missepecification? // Strategic Management Journal. 2000. № 5. P. 603–609.
19. Малышенко А.В. Правовое регулирование экологического страхования в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 26 с.
20. Какителашвили М.М. Перспективы участия России в Киотском протоколе // Экологическое право. 2016. № 2. С. 29–32.
21. Малиновская Н.В. Развитие экологического аудита в России // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 43.
22. Массарыгина В.Ф. О новом этапе развития аудиторской деятельности в России // Аудиторские ведомости. 2017. № 5–6. С. 109–119.
23. Чхутиашвили Л.В. Организация и совершенствование экологического учета на российских предприятиях // Lex Russica - Русский закон. 2014. № 2 (февраль). С. 185–198.
24. Чхутиашвили Л.В. Экологический учет и аудит в рыночных условиях // Аудитор. 2017. № 1. С. 23–28.
25. Петрова Т.В. Проблемы правового обеспечения экономического механизма охраны окружающей среды: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 47 с.

26. Уханов И.Н. Консультативный экологический аудит в системе корпоративного управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 28 с.

27. Дудиков М.В. Правовое обеспечение публичных интересов в горном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 494 с.

References

1. *Ostrovskaya O.L.* Improvement Methodology of Audit in the Conditions of Realization of Sustainable Development Strategies // Audit statements. 2016. N 1. P. 9–26.

2. *Krechevsky Yu.I., Nikitina L.M., Sviridov A.S.* Socialization Business: Historical-genetic and Theoretical Analysis // Region: Systems, Economics, Management. 2014. No. 1. P. 35–42.

3. *Kruglov V.V., Kireev V.V.* Greening of Legislation on Entrepreneurial Activity: Problems and Priorities // Problems of law. 2003. No. 1. P. 125–131.

4. *Plotnikov Y.A., Tarasova E.A.* Environmental Audit as a Promising Tool for Legal Protection of the Environment. Legislation. Personality. 2016. No. 1(22). P. 190–194.

5. *Ukhanov I.N.* Advisory Environmental Audit in the Corporate Governance System: extended abstract of dis ... cand. of soc. sciences. Moscow, 2008. 28 p.

6. *Barinov V.I.* The Problems of Legal Regulation of Ecological Audit // Actual problems of Russian law. 2008. No. 1. P. 134–141.

7. *Brinchuk M.M.* Certification and Audit in the Mechanism of Environmental Law // Collection of scientific works “Modern environmental law in Russia and abroad” / resp. edited by O.L. Dubovik. Moscow: publishing house of the INION. 2001. P. 54–64.

8. *Gogaeva M.T.* Environmental Audit as Part of the Framework of Environmental Decision-making // Vestnik of North Ossetian State University. 2010. No. 4. P. 79–87.

9. *Egiazarov V.A., Kichigin N.V.* Ecological Audit: Perspectives of Legislative Regulation // Journal of Russian law. 2011. N 4. P. 11–18.

10. *Zaslavskaya N.M.* Environmental Audit: History and Modern Legal Regulation. // Environmental law. 2015. N 6. P. 3–11.

11. *Zakharov A.V.* Functioning of the Russian State and Law in the Conditions of Modern Global Ecological Challenges to Mankind: Dis... Dr. of law. Tambov. 2011. 459 p.

12. *Zlobin S.V.* Legal Regulation of Ecological Entrepreneurship in the Russian Federation: Dis... cand. of law. Tambov. 2015. 199 p.

13. *Zlotnikova T.V.* Environmental Audit as a New Mechanism of Compensation for Environmental Damage // Legal Problems of Compensation of Harm Caused to the Environment: Proceedings of the International scientific-practical conference (Moscow State University of geodesy SISP, 23 March 2017) / ed. edited by S.A. Bogolyubov, N.R. Kamynina, M.V. Ponomarev. Moscow: MIIGAiK, 2017. P. 67–70.

14. *Iutin I.G.* Legal Basis of Environmental Audit: extended abstract of dis. ... cand. of law. M., 2008. 21 p.

15. *Maryin E.V.* About Organizational and Legal Mechanism of Environmental Audit: extended abstract of dis. ... cand. of law. M., 2009. 26 p.

16. *Petrova T.V.* Legal Problems of Ecological Audit // Actual Problems of Development of Ecological Law in the XXI century. M.: Researches of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences, 2007. N 5. p. 177–178.

17. *Sarah L Stafford.* State Adoption of Environmental Audit Initiatives // Contemporary Economic Policy. 2005. № 1. P. 172–187.

18. *Abigail McWilliams, Donald Siegel.* Corporate Social Responsibility and Financial Performance: Correlation or Missepecification? // Strategic Management Journal. 2000. No. 5. P. 603–609.

19. *Malysenko A.V.* Legal Regulation of Environmental Insurance in the Russian Federation: extended abstract of dis. ... cand. of law. Saratov, 2004. 26 p.

20. *Kakitelashvili M.M.* Prospects of Russia's Participation in the Kyoto Protocol. // Environmental law 2016. No. 2. p. 29–32.
21. *Malinovskaya N.V.* Development of Environmental Audit in Russia // International accounting. 2013. N 43.
22. *Massarygina V.F.* On a New Stage of Development of Auditing in Russia // Audit statements. 2017. N 5-6. P. 109–119.
23. *Chkhutiashvili L.V.* Organization and Improvement of Environmental Accounting at Russian Enterprises // Lex Russica - Russian law. 2014. N 2 (February). p. 185–198.
24. *Chkhutiashvili L.V.* Environmental Accounting and Auditing in Market Conditions. // Auditor. 2017. N 1. P. 23–28.
25. *Petrova T.V.* Problems of Legal Support of Economic Mechanism of Environmental Protection: extended abstract of dis. ... Dr. of law. Moscow, 2000. 47 p.
26. *Ukhanov I.N.* Advisory Environmental Audit in the Corporate Governance System: extended abstract of dis ... cand. of law Moscow, 2008. 28 p.
27. *Dudikov M.V.* Legal Support of Public Interests in Mining Law: Diss. ... Dr. of law. Moscow, 2015. 494 p.

УДК 347.922

С.Ф. Афанасьев, А.А. Токарева

К ВОПРОСУ О КОНКУРЕНЦИИ ИСКОВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Введение: в статье анализируется проблема конкуренции исков как правового явления. В настоящее время отсутствует целостное решение данной проблемы как на доктринальном уровне, так и в правоприменительной деятельности. В связи с этим актуальность рассматриваемого вопроса не вызывает сомнений. **Цель:** конструирование понятия конкуренции исков на основе анализа правовых позиций, отраженных в доктрине и судебной практике. Согласно поставленной цели выдвигаются следующие задачи: исследование представлений о конкуренции исковых требований в различные исторические периоды; проведение анализа судебной практики; формулирование определения понятия «конкуренция исков». **Методологическая основа:** общенаучные методы (логический (индукции, дедукции, анализа и синтеза), системный и функциональный); частноправовые методы (историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой). В целом указанные методы позволят всесторонне и комплексно провести теоретико-практический анализ исследуемого правового явления и определить его понятие. **Результаты:** на основании проведенного исследования авторы констатируют полярность взглядов ученых-правоведов по вопросу допустимости существования конкуренции исков, а также в самом понятии этого правового

© Афанасьев Сергей Федорович, 2018
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: af.73@mail.ru
© Токарева Анна Алексеевна, 2018
Аспирант кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: drakon7anna@yandex.ru

© Afanasyev Sergey Fedorovich, 2018
Doctor of Law, Professor, Professor of the Arbitration Procedure department (Saratov State Law Academy)
© Tokareva Anna Alekseevna, 2018
Postgraduate of the Arbitration Procedure department (Saratov State Law Academy)

явления. Аргументируется позиция относительно неполноты проанализированных определений. **Выводы:** при определении понятия конкуренции исков необходимо учитывать единство материально-правовой и процессуальной сторон иска.

Ключевые слова: конкуренция исков, правовое явление, понятие, правовые позиции, цивилистический процесс, защита спорных субъективных прав или законных интересов.

S.F. Afanasyev, A.A. Tokareva

ON THE ISSUE OF COMPETITION OF LAWSUITS IN THE CIVIL PROCEDURE

Background: the article deals with the problem of the competition of claims as a legal phenomenon. Now there is no complete solution of this problem both at the doctrinal level, and in law-enforcement activity. In this regard the relevance of a case in point doesn't raise doubts. **Objective:** the authors of the article intend to design a concept of the competition of claims on the basis of the legal positions analysis reflected in the doctrine and jurisprudence. In accordance with the posed goal the following tasks are advanced: to research ideas of the competition of claim requirements during various historical periods; to carry out analysis of jurisprudence; to formulate the definition of the concept "competition of claims". **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: general scientific methods (logical (induction, deduction, analysis and synthesis), system and functional); private-law methods (historical and legal, legallistic, comparative and legal ones). In general the specified methods will allow to carry out comprehensively and in a complex the theoretic-practical analysis of the studied legal phenomenon and to define this concept. **Results:** on the basis of the research done the authors state polarity of views of scientists-jurists concerning admissibility of existence of the competition of claims and also in the concept of this legal phenomenon. Besides, the position concerning incompleteness of the analyzed definitions is reasoned. **Conclusions:** the researchers state that when determining the concept of the competition of claims it is necessary to consider the unity of the material and legal and procedural parties of the claim.

Key-words: competition of claims, legal phenomenon, concept, legal positions, civil process, protection of the disputable subjective rights or legitimate interests.

Известно, что в качестве одного из основных средств юрисдикционной защиты нарушенных или оспариваемых прав и охраняемых законом интересов выступает иск, многообразие видов которого порождает определенные сложности в выборе надлежащего способа защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ¹). В этой связи в контексте реализации права на иск следует обратиться к такому правовому явлению, как конкуренция исков.

Вплоть до настоящего момента в юридической науке и практике продолжается острая дискуссия относительно конкуренции исков, что свидетельствует об ее актуальности и значимости. При этом данную проблему активно обсуждали еще римские правоведы, которые различали коллизию прав и конкуренцию исков: если в первом случае расхождения возникали вследствие эксплицитного или имплицитного столкновения различных по своей правовой природе обязательственных и вещных отношений, где последние обладали особой имманентной

¹ См.: Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2017. № 31, ч. I, ст. 4748.

прочностью; то во втором — по причине конфликта разнообразных способов охраны нарушенного права либо законного интереса, один из которых имел превалирующее свойство в силу абсолютного характера защиты вещных прав, что, впрочем, не вело к определенным исключениям из общего правила [1, с. 39–40]. Отсюда римляне разумно полагали, что раз избран один путь защиты, то не дозволено прибегать к иному (*electa una via, non datur recursus ad alteram*) [2, с. 230–231]. В.А. Краснокутский уточнял, что проблема конкуренции исков возникала при наличии у одного или более лиц ряда исков, преследующих одну и ту же цель, против одного или нескольких обязанных субъектов, причем при удовлетворении одного из конкурирующих требований другое уничтожалось, дабы не допустить двойного удовлетворения того же самого интереса [3, с. 80–81].

Представитель исторической школы права Г.Ф. Пухта называл подобное явление в римском гражданском праве стечением исков (*Concursus actionum, Concurrenz*), которое может служить поводом к прекращению одного из них. Он связывал конкуренцию исков с поведением истца, который для защиты нарушенного права мог выбрать одно из нескольких требований, т.к. синхронно все они не подлежали судебной охране из-за их существенного материально-правового различия [4, с. 237].

Немецкий юрист Юлиус Барон утверждал, что *Concursus actionum* реализуется и тогда, когда одно материальное право гипотетически может быть принудительно осуществлено через несколько исков. Причинами подобного «самого по себе странного» явления он называл различные обстоятельства: от нарушения неодинаковых прав одного и того же лица (например, вследствие причинения вреда) и вплоть до «особенностей развития процессуального права, прибавляющего новые иски к уже существующим» [5, с. 193].

В российском цивилистическом процессуальном праве проблема конкуренции исков также затрагивалась в научных трудах многих ученых. Однако вопрос о конкуренции исковых требований не был предметом специального научного исследования. Кроме того, следует заметить, что в правовой науке представления о рассматриваемом правовом явлении расходятся. Так, одни (Ю.С. Гамбаров [6, с. 500], М.В. Зимелева [7, с. 40], В.В. Красинский [8, с. 88] и др.) допускают конкуренцию исков, другие же (А.В. Венедиктов [9, с. 172], Ю.К. Толстой [10, с. 106] и пр.), напротив, считают ее неприемлемой. Нет определенности и в самом понятии «конкуренция исков».

В частности, именитый дореволюционный цивилист Ю.С. Гамбаров, проводя различие между несовместимостью гражданских прав (коллизия прав) и несовместимостью в их отправлении (конкуренция исков), пояснял, что рассматриваемая категория охватывает случаи, когда «лицу, право которого нарушено, предоставлен выбор между несколькими исками, которыми оно может защитить альтернативно свое нарушенное право». Вместе с тем он подчеркивал, что такая альтернатива не безгранична и применение одного из исковых средств защиты прав исключает возможность применения других, т.к. все они преследуют одну и ту же цель [6, с. 500–501].

В советском гражданском праве сторонники допустимости конкуренции исков также соотносили эту категорию с правом истца выбирать из нескольких требований одно. К примеру, М.В. Зимелева полагала, что истец, в случае возникших у него трудностей по доказыванию факта договорных отношений имеет возможность предъявить виндикационный иск вместо договорного [7, с. 40–44].

Концепцию конкуренции исков разделяли и иные советские правоведы: Г.Ф. Добровольский [11, с. 23–24], Р.О. Халфина [12, с. 125], А.Ю. Кабалкин, В.П. Мозолин [13, с. 42], частично О.А. Красавчиков, который обращал внимание на частный аспект, а именно на непозволительность конфликта виндикационного иска и иска, вытекающего из неосновательного приобретения имущества или его сбережения, поскольку у собственника сохраняется право собственности на вещь, находящуюся у ее приобретателя. И наоборот, вполне допустимой считал конкуренцию исков из неосновательного приобретения имущества, а равно причинения вреда по причине их потенциального возникновения на основании одного и того же юридического факта [14, с. 437–438].

Конкуренция исков как самостоятельное правовое явление анализируется и в современной правовой доктрине. Так, В.В. Груздев определяет конкуренцию как вероятность изначально неограниченного выбора одного из состязующихся между собой юридических средств защиты [15, с. 38]. Кроме того, представляется интересным более широкий подход М.А. Ероховой к исследуемой проблематике. По ее мнению, конкуренция исков в объективном смысле — это множественность вариантов требований, вытекающих из одних и тех же юридических обстоятельств; а в субъективном смысле она представляет собой выбор конкретного вида требования в рамках гражданских правоотношений [16, с. 9].

Между тем некоторые представители цивилистической науки, например, А.В. Венедиктов [9, с. 172], Ю.К. Толстой [10, с. 106], О.С. Иоффе [17, с. 864], вообще отрицают признание за истцом права выбора одного из нескольких требований. Более того, А.В. Венедиктов склоняется к мысли о том, что недопущение конкуренции исков «обязывает суд определить действительные отношения в соответствии с установленными им фактическими обстоятельствами, правильно применить к этим отношениям надлежащую норму закона и всем этим обеспечить установление объективной истины по делу» [9, с. 172–175].

Категорично высказался Е.А. Суханов относительно конкуренции способов гражданско-правовой защиты, преимущественно проявляющейся в различии в основаниях и условиях применения вещно-правовых и обязательственных способов такой защиты. Аргументировал он свою позицию ссылкой на российское гражданское законодательство, которое, как он полагал, «не предоставляет возможности выбора вида иска и тем самым не допускает так называемой конкуренции исков, свойственной англо-американскому, а не континентальному европейскому правопорядку» [18, с. 178].

Констатируя полярные представления ученых-правоведов по вопросу конкуренции исков, можно согласиться с утверждениями о том, что в российском гражданском законодательстве нет прямо установленного запрета на допустимость конкуренции исков [18, с. 178]. Неопределенность относительно конкуренции гражданско-правовых требований прослеживается и в правоприменительной деятельности, что подтверждается практикой судов общей и арбитражной юрисдикции.

Так, судом первой инстанции было отказано в удовлетворении иска по причине ненадлежащего способа защиты нарушенного права (истец предъявил виндикационное требование вместо иска о реституции по недействительной сделке). Суд апелляционной инстанции, напротив, указал, что виндикационный иск является результатом свободного выбора истцом-собственником спорных помещений способа защиты нарушенного права, а значит не может служить основанием для

отказа в защите права. Кассационная инстанция, оставив в силе решение суда первой инстанции, сделала вывод о неприменении правил об истребовании имущества из чужого незаконного владения к отношениям сторон ввиду предусмотренных законом специальных последствий недействительности сделок (судами было установлено, что стороны совершили и исполнили ничтожную сделку)².

Еще одним примером из арбитражной практики конкуренции требований может служить Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 27 февраля 2017 г. № 21АП-2092/2016 по делу № А84-2938/2016, в котором судом подчеркнуто право выбора истцом по собственному усмотрению способов защиты и восстановления своих гражданских прав, выражающееся в возможности защищать свои права посредством двух исков: 1) вещного (внедоговорного) иска, заявленного к лицу, непосредственно занимающему торговое место (т.е. к ответчику) и 2) договорного иска путем обращения в суд к стороне договора (в настоящем деле это третье лицо). При такой конкуренции исков истец предпочел первый иск второму³.

Аналогичная ситуация прослеживается в Определении Верховного Суда РФ от 24 декабря 2015 г. № 307-ЭС15-18575 по делу № А42-6068/2014, где при разрешении конкуренции кондикционного и реституционного иска приоритет был отдан кондикции, поскольку истец по встречному иску выбрал именно этот способ защиты своих гражданских прав в порядке ст. 1102 и 1103 ГК РФ⁴.

Вместе с тем защита нарушенного или оспариваемого права посредством одного из нескольких исков не безгранична. Как указал Верховный Суд РФ, выбор того или иного иска не должен приводить к ущемлению прав и законных интересов других лиц. И несмотря на то, что этот выбор является субъективным правом истца, он обязан соответствовать характеру нарушения права и достигать цели его восстановления⁵. Стало быть, все приведенные дефиниции «конкуренции исков» даны относительно материально-правовой стороны самого иска. Но, как верно подчеркивали А.Ф. Клейнман и А.А. Добровольский, «обращение к суду, не сопровождаемое правовым требованием к ответчику, не есть иск, а правовое требование, не ставшее предметом судебного или иного рассмотрения в определенном процессуальном порядке, также не является иском» [19, с. 30–32; 20, с. 121–123].

Иными словами, иск представляет собой неразрывное единство двух его составляющих — процессуальной и материально-правовой, каждая из которых влияет на конкуренцию исков и механизм принудительной реализации требований, заявленных заинтересованным лицом. Вышеизложенное дает основание еще раз прийти к убеждению о необходимости построения целостной теоретико-практической конструкции конкуренции исков как автономного явления современного гражданско-процессуального права.

² См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 ноября 2008 г. № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 1.

³ См.: Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 27 февраля 2017 г. № 21АП-2092/2016 по делу № А84-2938/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2015 г. № 307-ЭС15-18575 по делу № А42-6068/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г.) (в ред. от 26 апреля 2017 г.) // Солидарность. 2017. № 9.

Библиографический список

1. *Халабуденко О.А.* Имущественные права. Книга 1: Вещное право. Кишинев: Международный независимый ун-т Молдовы, 2011. 305 с.
2. *Дождев Д.В.* Римское частное право: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2004. 784 с.
3. *Краснокутский В.А.* Римское частное право: учебник. Осуществление и защита прав (раздел II) // под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юрайт, 2010. 608 с.
4. *Пухта Г.Ф.* Курс римского гражданского права // Соч. Г.Ф. Пухты / пер. с посл. нем. изд. проф. Рудорффа. М.: Издание Ф.Н. Плевако, 1874. Т. 1. 550 с.
5. *Барон Ю.* Система римского гражданского права. Вып. 1. Кн. I. Общая часть / пер. с пят. нем. изд. Л. Петражицкого. 2-е изд., испр. М.: Издание московского юридического магазина А.Ф. Сорова, 1898. 244 с.
6. *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. Лекции, читанные в Московском университете профессором Ю.С. Гамбаровым. М.: Издание 1897–1898 гг. 766 с.
7. *Зимелева М.В.* Война и право собственности // Советское право в период Великой Отечественной войны. Ч. I / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юриздат, 1948. 65 с.
8. *Красинский В.В., Снежко А.П.* О конкуренции вещно-правового и обязательственно-правового исков в российском гражданском праве // Право и образование. 2013. № 7. С. 81–89.
9. *Венедиктов А.В.* Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР / ред. И.В. Павлов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 268 с.
10. *Толстой Ю.К.* Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. 119 с.
11. *Добровольский Г.Ф.* Гражданско-правовая охрана имущественных прав колхозов. М., 1961. 139 с.
12. *Халфина Р.О.* Право личной собственности граждан СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 183 с.
13. *Кабалкин А.Ю., Мозолин В.П.* Охрана прав граждан-потребителей // Советское государство и право. 1983. № 4. С. 37–45.
14. *Красавчиков О.А.* Советское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1968. 520 с.
15. *Груздев В.В.* Проблема конкуренции исков // Юридическая наука. 2011. № 4. С. 38–42.
16. *Ерохова М.А.* Конкуренция требований по Гражданскому кодексу России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с.
17. *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.
18. *Суханов Е.А.* Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 – «Юриспруденция» и по специальности 021100 – «Юриспруденция» / [Зенин И. А. и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 496 с.
19. *Клейнман А.Ф.* Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. Очерки по истории. М.: Изд-во Московского ун-та, 1967. 119 с.
20. *Добровольский А.А., Клейнман А.Ф.* Советский гражданский процесс: учебник / под ред. А.А. Добровольского, А.Ф. Клейнмана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. 440 с.

References

1. *Halabudenko O.A.* Property Rights. Book 1. Real Right. Chisinau: Mezhdunar. independent un-t of Moldova, 2011. 305 p.

2. *Dozhdev D.V.* Roman Private Law: the textbook for higher education institutions / under a general edition of the academician of RAS, ю. N, prof. V.S. Nersesyantsa. 2nd prod., amend. and added. M.: Norm, 2004. 784 p.
3. *Krasnokutsky V.A.* Roman Private Law: the textbook. Implementation and Protection of the Rights (section II) // under the editorship of I.B. Novitsky, I.S. Peretersky. M.: Yurayt publishing house, 2010. 608 p.
4. *Pukhta G.F.* Course of the Roman Civil Law / work. G.F. Pukhta; translation from Germ. prof. Rudorffa. M.: F.N. Plevako's edition, 1874. T. 1. 550 p.
5. *Baron Yu.* System of the Roman Civil Law. First edition. Book I. General part / Translation from Germ. L. Petrazhitsky. 2nd ed., amended. M.: Edition of the Moscow legal shop of A.F. Skorov, 1898. 244 p.
6. *Gambarov Yu.S.* Civil Law. General part. Lectures, delivered at the Moscow university by professor Yu.S. Gambarov. M.: Edition of 1897–1898 . 766 p.
7. *Zimeleva M.V.* War and the Property Right//the Soviet Law in the Period of the Great Patriotic War. Part I / under the editorship of I.T. Golyakov. M.: Yurizdat, 1948. 65 p.
8. *Krasinsky V.V., Snezhko A.P.* About the Competition of Proprietary and Obligations and Legal Claims in the Russian Civil Law // Law and education. 2013. No. 7. P. 81–89.
9. *Venediktov A.V.* Civil Protection of Socialist Property in the USSR / edition I.V. Pavlov. M.: Academy of Sciences of the USSR publishing house, 1954. 268 p.
10. *Tolstoy Yu.K.* Maintenance and Civil Protection of the Property Right in the USSR. L.: LIE publishing house, 1955. 119 p.
11. *Dobrovolsky G.F.* Civil Protection of Property Rights of Collective Farms. M., 1961. 139 p.
12. *Halfina R.O.* Right of Personal Property of Citizens of the USSR. M.: Academy of Sciences of the USSR Publishing house, 1955. 183 p.
13. *Kabalkin A.Yu., Mozolin V.P.* Protection of the Rights of Citizens Consumers//Soviet state and Law. 1983. No. 4. P. 37–45.
14. *Krasavchikov O.A.* Soviet Civil Law: textbook. In 2 vol. T. 2 / under the editorship of O.A. Krasavchikov. M.: The higher school, 1968. 520 p.
15. *Gruzdev V.V.* Problem of the Competition of Claims // Jurisprudence. 2011. No. 4. P. 38–42.
16. *Erokhova M.A.* Competition of Requirements for the Civil Code of Russia: extended abstract of the thesis ... Candidate of Law. M, 2006. 22 p.
17. *Ioffe O.S.* Liability Law. M.: Yurid. lit., 1975. 880 p.
18. *Sukhanov E.A.* Civil Law: in 4 vol. Vol. 2: Real Law. Law of Succession. Exclusive Rights. Personal Non-property Rights: textbook for students of higher education institutions, students in the legal specialities 521400 and in 021100 – “Law” / [Zenin I. A., etc.]; under edition of E.A. Sukhanov. 3 prod., amended and added M.: Wolters Kluwer, 2008. 496 p.
19. *Kleyman A.F.* The Latest Trends in the Soviet Science of Civil Procedural Law. Sketches on history. M.: Publishing house of the Moscow University, 1967. 119 p.
20. *Dobrovolsky A.A., Kleyman A.F.* Soviet Civil Procedures: the textbook / under the editorship A.A. Dobrovolsky, A.F. Kleyman. M.: Publishing house of the Moscow University, 1970. 440 p.

УДК 346.7

М.А. Пазына

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ В СФЕРЕ РЕКЛАМЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРАКТИКА АНТИМОНОПОЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Введение: статья посвящена общей характеристике требований законодательства, предъявляемых к рекламе. Приведены примеры из новейшей практики антимонопольных органов, касающиеся правонарушений в данной сфере, в частности недостоверной и недобросовестной рекламы, призыва к противоправным действиям, одобрения органов власти объекта рекламирования, нарушений рекламы пива, электронных сигарет и др. Представлены позиция Федеральной антимонопольной службы относительно спорных вопросов в сфере рекламы, а также планируемые законодательные изменения в рассматриваемой области. Актуальность тематики обусловлена тем, что развитие общественных и экономических отношений создают предпосылки для появления новых объектов рекламы и способов рекламирования, ранее неизвестных в Российской Федерации. **Цель:** анализ практики Федеральной антимонопольной службы по выявлению правонарушений в сфере рекламной деятельности и инструментов ее правового совершенствования. **Методологическая основа:** системный подход, формально-юридический, метод описания и эмпирического анализа. **Результаты:** выявлено, что законодательные изменения в рекламе обусловлены сменяющимися общественными и экономическими процессами, происходящими в стране и мире, а также правонарушениями в сфере рекламы. Проиллюстрирована практика Федеральной антимонопольной службы по выявлению правонарушений в сфере рекламы. **Вывод:** эффективное правовое регулирование сферы рекламы требует взаимодействия государства, общественности и субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: реклама, требования к рекламе, нарушения в сфере рекламы, недобросовестная и недостоверная реклама, реклама пива, реклама безалкогольного пива, реклама электронных сигарет, решения антимонопольных органов.

М.А. Pazyна

LEGISLATIVE REQUIREMENTS IN THE SPHERE OF ADVERTISING: GENERAL CHARACTERISTICS AND PRACTICE OF ANTIMONOPOLY SERVICE

Background: the article is devoted to the general characteristics of the legal requirements for advertising. Examples from the recent practice of the Antimonopoly bodies regarding offences in this field, in particular the false and misleading advertising, the call to illegal action, the approval authorities of the subject of advertising, violations of beer advertising, electronic cigarettes, etc. are the position of the FAS on controversial issues in the field of advertising, as well as the planned legislative changes in this area. The relevance of the topic is due to the fact that the development of social and economic relations create precon-

© Пазына Мария Алексеевна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конкурентного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: maffa21@yandex.ru

© Pazyна Maria Alekseevna, 2018

Candidate of Law, Associate professor of Competition Law department (Saratov State Law Academy)

ditions for the emergence of new advertising objects and methods of advertising find new techniques in order to bring advertising information to the consumer. Objective: the author of the article intends to analyze the practice of the FAS on detection of violations in the sphere of advertising activities and legal instruments of its improvement. Methodology: in doing the research the following methods of study were used: systematic approach, formal-legal, method of description, empirical analysis. Results: it was revealed that the legislative changes in advertising are caused by changing social and economic processes taking place both in the country and the whole world, as well as violations in the field of advertising. Established by the present law advertising requirements represent "hard" rules. At the same time, responsibility for their violation is partially mitigated within the framework of the implemented warning system, which replaced penalties in some cases. The practice of the Federal Antimonopoly service to identify violations in the field of advertising is illustrated. Conclusions: the author states that the effective legal regulation in the sphere of advertising requires the cooperation of state, public and business entities.

Key-words: *advertising, advertising requirements, violations in the field of advertising, unfair and false advertising, beer advertising, advertising of non-alcoholic beer, advertising of electronic cigarettes, antimonopoly service's decisions.*

Лозунг «Реклама — двигатель торговли», прозвучавший в начале XX в. в качестве первого рекламного слогана к первому рекламному агентству, которое открыл Людвиг Метцель, а впоследствии так полюбившийся В.И. Ленину, остается актуальным по настоящее время. Реклама является неотъемлемой частью предпринимательства, т.к. направлена на привлечение потенциальных потребителей к товарам и услугам, реализуемым предпринимателями, что, соответственно, влияет на объемы полученной прибыли. Нередки случаи, когда субъекты предпринимательской деятельности в погоне за увеличением своего капитала намеренно, а иногда и случайно используют в рекламе противоречащие законодательству средства. Вследствие этого на рынке складывается ситуация недобросовестной конкуренции, при которой один хозяйствующий субъект нелегально получает преимущество перед другим.

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (в ред. от 3 августа 2017 г.)¹ под рекламой понимается информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

За последние десятилетия законодательство о рекламе подвергалось постоянному точечному реформированию. Так, с 2011 г. не допускается реклама, содержащая информацию, запрещенную для распространения среди детей; с 2013 г. в Российской Федерации введен запрет на рекламу табака и табачных изделий; с 2014 г. установлено, что громкость звука рекламы должна быть в пределах среднего уровня громкости прерываемой этой рекламой трансляции; с 2016 г. запрещается наружная реклама, которая размещается на объектах, внесенных в соответствующий реестр как объекты культурного наследия, и т.д.

Развитие общественных и экономических отношений, череда важнейших явлений и событий, происходящих в стране, популяризация Интернета и т.д.

¹ См.: Российская газета. 2006. 15 марта; 2017. 7 авг.

находят свое отражение и в рекламе. Происходит смена как рекламируемого объекта, так и способов его рекламирования. В частности, в настоящее время особое место занимает реклама, связанная с чемпионатом мира по футболу, проходящего в России в 2018 г. Широкое распространение получили смс и интернет-рассылки. Все это влечет появление новых правонарушений в сфере рекламы, требующих от антимонопольных органов постоянной концентрации и совершенствования своей деятельности.

Общие требования, предъявляемые к рекламе, закреплены в ст. 5 Закона «О рекламе» и представляют собой достаточно обширный перечень. Рассмотрим некоторые из них и приведем примеры из практики антимонопольных органов.

Прежде всего, реклама должна быть добросовестной и достоверной.

Следует отметить, что некоторые признаки недостоверной рекламы, закрепленные в ст. 5 Закона «О рекламе», дублируются в качестве актов недобросовестной конкуренции в гл. 2.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 29 июля 2017 г., с изм. и доп., вступившими в силу с 19 августа 2018 г.)². Кроме того, отдельным положением в Законе «О рекламе» обозначено, что недобросовестной является также реклама, представляющая собой акт недобросовестной конкуренции в соответствии с антимонопольным законодательством. В связи с этим «на практике нередко возникают ситуации, охватываемые признаками как ненадлежащей рекламы, так и недобросовестной конкуренции, что обусловлено состоянием самого законодательства» [1, с. 18].

По этому поводу Федеральная антимонопольная служба России разъяснила: если информация, которая содержит не соответствующие действительности сведения, некорректные сравнения, вводит потребителей в заблуждение, распространяется исключительно в рекламе, то она подлежит оценке на предмет соответствия законодательству о рекламе; если указанная информация распространяется как в рекламе, так и иным способом (например, на этикетках товара), то она подлежит оценке на предмет соответствия антимонопольному законодательству³. Сравнивая нормы двух приведенных актов, необходимо подчеркнуть, что нормы Закона «О рекламе» нуждаются в более четкой регламентации, подобной содержащейся в главе о недобросовестной конкуренции Закона № 135-ФЗ.

Закон «О рекламе» не содержит определение недобросовестной рекламы, однако приводит перечень критериев, позволяющих признать ее таковой. К недобросовестной рекламе относится, например, та, которая порочит честь, достоинство или деловую репутацию лиц; реклама под видом рекламы другого товара, изготовителя или продавца товара (например, под видом рекламы напитка на щите расположена реклама пива или подмена рекламы алкогольной продукции рекламой предприятия, ее выпускающего).

Недостоверной будет признана реклама, содержащая некорректные сравнения рекламируемого товара с находящимися в обороте товарами других изготовителей или производителей. Не допускается сравнение, основанное на несопоставимых критериях, или неполное сравнение товаров, поскольку это искажает представление о рекламируемом товаре и не позволяет объективно оценить его свойства⁴.

² См.: Российская газета. 2006 г. 27 июля; 2018. 21 февр.

³ См.: Разъяснения Федеральной антимонопольной службы о соотношении норм Федерального закона «О рекламе» и ст. 14 Федерального закона «О защите конкуренции». URL: <https://fas.gov.ru/documents/575694> (дата обращения: 15.01.2018).

⁴ См. п. 9 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона „О рекламе“» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 12.

Недостовойной также является реклама, которая содержит не соответствующие действительности сведения о преимуществах рекламируемого товара перед находящимися в обороте товарами других производителей и продавцов. В случае необходимости для подтверждения преимущества товаров и услуг следует представить соответствующие документы, например, сертификат рекламируемой продукции. При этом качественные характеристики продукции, указанные в предъявляемом сертификате, должны превосходить свойства продукции контрагента. Реклама с лозунгами, например, «самый лучший ресторан», «крупнейший магазин», «у нас быстрее и качественней», будет признана недостовойной. В одном из дел Федеральная антимонопольная служба признала компанию нарушившей законодательство о рекламе в силу размещения на фасаде здания салона текстильного дизайна рекламу следующего содержания: «Лучшие шторы здесь!»

Недостовойной рекламой будет признана и та, что распространяет не соответствующие действительности сведения о стоимости или цене товара, порядке его оплаты, размере скидок, тарифов и других условиях его приобретения, об ассортименте, комплектации товаров, о правах на использование флагов, гербов и гимнов Российской Федерации и иную информацию. Так, добросовестному предпринимателю следует проявить осторожность в рекламировании товаров с низкой ценой, если есть малейшая вероятность изменения цены вследствие не зависящих от него обстоятельств. Имеют место случаи, когда предприниматель заявляет в рекламе об определенных скидках на товар, а потом объясняет пришедшим вечером покупателям, что такие товары закончились в первой половине дня. В данной ситуации Федеральная антимонопольная служба вправе потребовать представить доказательства о существовании скидочных товаров и о том, что они были реализованы в определенный день.

Примером рекламы, признанной Самарским УФАС недостовойной, будет являться случай, когда вместо заявленного в афишах концерта группы «Синяя птица» с солистом Александром Дроздовым на сцене выступал только солист, а не группа в полном составе. Рекламодатель нарушил тем самым п. 2 ч. 3 ст. 5 Закона «О рекламе».

В рекламе должны отсутствовать призывы к противоправным действиям (п. 4 ст. 5 Закона «О рекламе»). Так, в одном из дел УФАС по Саратовской области реклама ООО «Служба помощи призывникам» была признана ненадлежащей в силу призыва к противоправным действиям, поскольку создавала впечатление, что можно не служить в армии, побуждая тем самым к нарушению закона.

Жестокость и насилие также не допускаются в рекламе. В связи с этим реклама, например, с лозунгом «Покрась kota в оранжевый цвет» будет содержать признаки негуманного отношения к животным.

Нарушением законодательства о рекламе будет являться использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации. В данном случае имеется в виду использование любых иностранных слов без перевода, например, широко распространенного слова «sale», означающего «скидки».

В рекламе не должна содержаться информация об одобрении органами государственной власти или органами местного самоуправления либо их должностными лицами объекта рекламирования. Так, в деле Волгоградского УФАС возник случай, когда в журнале «National Business» бы размещен рекламный материал о жилом комплексе «Машковъ», содержащий раздел «Мнение эксперта», в

котором под фото Валерии Александровны Кроман — главы Администрации Центрального района г. Волгограда — приведена цитата в кавычках, в которой содержится положительный отзыв о рекламируемом жилищном комплексе.

Не допускается реклама, в которой отсутствует часть существенной информации о рекламируемом товаре, об условиях его приобретения или использования, что приводит к искажению смысла информации и вводит в заблуждение потребителей. Так, например, рекламное сообщение Play Lab, информирующее об акции, заключающейся в двух бесплатных играх в аэрохоккей, но не указывающей, что акция действует только при условии покупки игровой карты, было признано Московским УФАС вводившим неопределенный круг лиц в заблуждение.

Широкое использование сотовой связи привело к появлению законодательного закрепления правила об обязательном предварительном согласии абонента или адресата на получение рекламы по сетям электросвязи (п. 1 ст. 18 Закона «О рекламе»). В одном из дел Московское УФАС признало ПАО «МГТС» нарушителем Закона о рекламе, т.к. компания отправила на телефонный номер заявителя сообщение о возможности получения оборудования для видеонаблюдения и бесплатного пользования услугой видеонаблюдения в течение года. При этом согласие заявителя на рекламу от ПАО «МГТС» получено не было. Подобное дело рассматривалось и Саратовским УФАС в отношении ООО «ВЕБСМС», отправившего гражданину без его согласия смс-сообщение рекламного характера, в котором предлагалось открыть вклад в банке и стать участником акции.

Помимо общих требований, предъявляемых к рекламе, законодательством предусмотрены и специальные требования, касающиеся отдельных способов распространения рекламы и рекламы отдельных видов товаров. Так, например, при совмещении рекламы с телепрограммой способом «бегущей строки» или иным способом ее наложения на кадр транслируемой телепрограммы реклама не должна занимать более 7% площади кадра, а также накладываться на субтитры или надписи разъясняющего характера. Реклама в печатных изданиях должна сопровождаться пометкой «реклама» или пометкой «на правах рекламы».

К рекламе таких видов товаров, как алкогольные напитки, лекарственные средства, медицинские изделия и медицинские услуги, методы профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, методы народной медицины, ценные бумаги, финансовые услуги и финансовая деятельность и другие установлены специальные требования. Одним из примеров несоблюдения требований к рекламе пива, закрепленных в ч. 2.1 и 3 ст. 21 Закона «О рекламе», является зафиксированный антимонопольными органами следующий случай: на летней террасе заведения ООО «4 ПАПАС» — пиццерии «Папа Джон'с Пицца» были установлены летние зонтики, содержащие рекламу пива «Amstel». Нарушением законодательства явилось то, что размещение рекламы алкоголя происходило за пределами стационарного торгового объекта, в котором осуществлялась его продажа, а на зонтиках отсутствовало предупреждение о вреде чрезмерного употребления алкоголя.

Следует упомянуть о разрешенной рекламе безалкогольного пива, т.к. ее законность вызывает некоторые сомнения. Продвижению на рынке безалкогольного пива тех же брендов, что и алкогольного, способствовали серьезные ограничения в сфере рекламы алкоголя. Представляется, что реклама безалкогольного пива по сути дела подменяет собой рекламу алкоголя. В силу отсутствия культуры потребления безалкогольного пива в нашей стране такая

реклама ассоциируется у населения именно с алкогольной продукцией. Однако в последнее время наблюдается определенный рост продаж безалкогольного пива, что свидетельствует об изменении мнения людей. Это дает одно из оснований антимонопольным органам не призвать такую рекламу противоречащей законодательству. В Письме Федеральной антимонопольной службы от 15 июня 2016 г. говорится, что «если распространяется реклама безалкогольного пива с использованием средств индивидуализации продукции (товарных знаков), используемых для обозначения в т.ч. пива с содержанием этилового спирта более 0,5% объема готовой продукции или иной алкогольной продукции, и из рекламы четко не следует, что объектом рекламирования является именно безалкогольное пиво, то такая реклама должна соответствовать требованиям ст. 21 Федерального закона «О рекламе»⁵. В связи с этим Союзом российских пивоваров была предложена пиктограмма с цифрой «0», одобренная антимонопольными органами. Она размещается в рекламе безалкогольного пива, подчеркивая безалкогольный характер объекта рекламирования.

Необходимо отметить, что участие Союза российских пивоваров как одного из институтов в сфере саморегулирования в обсуждении вопросов рекламы могут принести пользу и бизнесу, и обществу в целом. Регламентация сферы рекламы с помощью одного лишь государственного контроля и надзора не может быть признана эффективной [2, с. 31–36].

Что касается планируемых законодательных нововведений в сфере рекламы алкогольной продукции, то можно отметить следующее: если в настоящее время допускается реклама в газетах и журналах вина и шампанского, произведенного в Российской Федерации из российского сырья, то планируется разрешить рекламу вина, сделанного в государствах-членах Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) из местного винограда, а также в Российской Федерации из сырья, выращенного в странах ЕАЭС⁶. Данное изменение законодательства о рекламе, как и многие другие, продиктовано развитием экономических отношений в условиях глобализации и интеграции и вызвано в данном случае необходимостью формирования единого рынка ЕАЭС.

Введенный с 2013 г. в Российской Федерации запрет на рекламу табака и табачных изделий не останавливает недобросовестных предпринимателей, и нарушение п. 8 ст. 7 Закона «О рекламе» имеет свое продолжение. Так, Управление Федеральной антимонопольной службы признал нарушением размещение в одном из номеров издания «FORBES» рекламы часов марки «ZENITH» в версии «SONIBA Special Edition». Несмотря на то, что реклама относилась к часовой продукции, она содержала зарегистрированный товарный знак производителя кубинских сигар «SONIBA», что могло вызвать интерес читателей к табачной продукции.

Получившие в последнее время широкое распространение электронные сигареты поставили перед антимонопольными органами новый вопрос: при-

⁵ См.: Письмо Федеральной антимонопольной службы России от 15 июня 2016 г. № СП/40322/16 «О рекламе безалкогольного пива». URL: <http://udmurtia.fas.gov.ru/analytic/17628> (дата обращения: 17.01.2018).

⁶ См.: Проект Федерального закона № 377753-7 «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона „О рекламе”» (внесен в Государственную Думу 31 января 2018 г.) // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/4994D17282DB57F743258226002B9866/\\$FILE/377753-7_31012018_377753-7.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/4994D17282DB57F743258226002B9866/$FILE/377753-7_31012018_377753-7.PDF?OpenElement) (дата обращения: 16.01.2018).

равнивать ли электронные сигареты к табаку и, соответственно, применять ли к ним запрет на рекламу? При ответе на него Федеральная антимонопольная служба руководствовалась следующим: установлен законодательный запрет на использование и имитацию табачного изделия при производстве других видов товаров, не являющихся табачными изделиями, при оптовой и розничной торговле такими товарами⁷. Таким образом, реклама электронной сигареты, внешний вид которой идентичен внешнему виду какого-либо табачного изделия или имитирует внешний вид такого изделия, относится к запрещенной. Кроме того, электронные сигареты относятся, по мнению Федеральной антимонопольной службы, к курительным принадлежностям, реклама которых запрещена наравне с табачными изделиями⁸.

Еще одним распространенным нарушением является несоблюдение субъектами предпринимательства правил рекламы финансовых услуг и финансовой деятельности. Так, например, в декабре 2017 г. Управлением Федеральной антимонопольной службы по Саратовской области рассматривалось дело, в результате чего был наложен штраф о нарушении ч. 7 ст. 28 Закона «О рекламе». В частности, одна из компаний, привлекающая денежные средства участников долевого строительства многоквартирного дома в г. Балаково, не указала в рекламе о намерении заключать договоры долевого участия строительства многоквартирного дома сведений о месте размещения проектной декларации застройщика.

Анализ требований к рекламе, а также конкретных дел, рассмотренных Федеральной антимонопольной службой, позволяет говорить, что в настоящее время в данной сфере установлены жесткие законодательные правила, малейшее отступление от которых ведет к правонарушению. В то же время следует отметить, что нововведения законодательства 2016 г., позволившие в ряде случаев избежать штрафных санкций, отделившись лишь предупреждением, значительно смягчают негативные последствия за правонарушения в сфере рекламы. Замена административного штрафа предупреждением предусмотрена ст. 4.1.1 КоАП РФ⁹ и возможна при одновременном выполнении следующих условий: 1) виновное лицо относится к субъектам малого и среднего предпринимательства; 2) правонарушение совершено впервые; 3) отсутствие причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; 4) отсутствие имущественного ущерба.

В заключение хотелось бы отметить, что деятельность Федеральной антимонопольной службы России играет ключевую роль в контроле и надзоре за соблюдением законодательства в сфере рекламы, в борьбе с недобросовестной конкуренцией. Постоянное развитие рынка рекламных услуг требует от Федеральной антимонопольной службы оперативного и своевременного реагирования. Однако государственное вмешательство в регулирование рекламной

⁷ См. п. «г» ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (в ред. от 29 июля 2018 г.) // Российская газета. 2013. 26 февр.; 2018. 1 авг.

⁸ См.: Разъяснение Федеральной антимонопольной службы от 6 декабря 2016 г. № АК/84510/16 «О рекламе электронных сигарет». URL: <http://mediapravo.com/wp-content/uploads/2016/12/AK8451016-1.pdf> (дата обращения: 19.01.2018).

⁹ См.: Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2017 г.) // Российская газета. 2001. 31 дек.

деятельности не может и не должно носить тотального характера. Контроль за соблюдением национальных традиций, норм морали, эстетических и этических норм должен обеспечиваться посредством механизма саморегулирования рекламной деятельности. Сформировавшееся в последнее время негативное отношение людей к рекламе и, как следствие, неэффективность ее действия, можно преодолеть только с помощью координированных действий государства и участников рекламной деятельности, входящих в состав саморегулируемой организации в сфере рекламы.

Библиографический список

1. *Ермолова О.Н.* Особенности правовой охраны от недобросовестной конкуренции в сфере рекламы // Актуальные проблемы юридической науки и практики в сфере защиты конкуренции: сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции (Саратов, 9 декабря 2015 г.); ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: ИП Коваль Ю.В., 2015. С. 16–20.
2. *Сунгатуллина Л.А.* Саморегулирование как средство пресечения недобросовестной конкуренции в сфере рекламы // Конкурентное право. 2013. № 1. С. 31–36.

References

1. *Ermolova O.N.* Features of Legal Protection Against Unfair Competition in the Field of Advertising // Actual Problems of Legal Science and Practice in the Field of Competition Protection: collection of scientific works. mat. of III Intern. scientific practice conf. (Saratov, 9 December 2015); "Saratov State Law Academy". Saratov: Koval Yu.V., 2015. P. 16–20.
2. *Sungatullina L.A.* Self-Regulation as a Means of Suppression of Unfair Competition in the Field of Advertising // Competition law. 2013. No. 1. P. 31–36.

УДК 347.191.11

А.Х. Ульбашев

КОЛЛИЗИЯ ЛИЧНЫХ И КОЛЛЕКТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ)

Введение: настоящая статья посвящена проблемам охраны и защиты прав и законных интересов миноритарных акционеров. Отношения по управлению корпорацией представляют собой деятельность по наиболее справедливому удовлетворению разнонаправленных интересов участников такой корпорации. Однако наличие противоположных интересов у акционеров порождает ситуацию, при которой корпорация лишается возможности эффективного функционирования. **Цель:** проанализировать зарубежный опыт в сфере охраны и защиты прав и законных интересов миноритарных акционеров. **Методологическая основа:** теоретико-философской основой рабо-

© Ульбашев Алим Хусейнович, 2018
Кандидат юридических наук, приглашенный исследователь Школы права Йельского университета (США, Коннектикут); alim-ulbashev@mail.ru
© Ulbashev Alim Huseinovich, 2018
Candidate of Law, Visiting Researcher at Law School of Yale University (USA, Connecticut)

ты является доктрина прав человека, а именно естественно-правовая концепция защиты прав личности и меньшинства. Решение обозначенных задач породило проблему обращения к зарубежному опыту и использованию деятельностного подхода и сравнительно-правовой методологии. **Результаты:** предложены пути совершенствования действующего корпоративно-правового регулирования, обозначены основные тенденции развития законодательства и судебной практики в данной области. **Вывод:** задача защиты прав миноритарных акционеров в российском правовом порядке осуществляется на недостаточном уровне и значительно уступает зарубежным образцам. Предложенные автором пути совершенствования национального законодательства могут считаться не только адекватным ответом на существующие в правоприменении вопросы, но также позволят обеспечить развитие российского корпоративного права в русле общеевропейских тенденций.

Ключевые слова: корпорация; миноритарные и мажоритарные акционеры; права человека; способы защиты и охраны прав.

A.H. Ulbashev

CONFLICT OF PERSONAL AND COMMON INTERESTS IN THE CORPORAL RELATIONS (ON THE EXAMPLE OF JOINT-STOCK COMPANIES)

Background: this article deals with the problems of protection of rights and legitimate interests of minority shareholders. Relations on the management of the Corporation represent the activities most fair to the satisfaction of the divergent interests of the members of that Corporation. However, the presence of opposing interests of shareholders creates a situation in which the Corporation is deprived of the possibility of effective functioning. **Objective:** the author of the article intends to analyze foreign experience in the field of protection of rights and legitimate interests of minority shareholders. **Methodology:** the theoretical and philosophical basis of the work is the doctrine of human rights, namely the natural legal concept of the protection of rights of the individual and minority shareholders. The solution of these problems has created a problem of reference to foreign experience and the use of the activity approach and comparative legal methodology. **Results:** the researcher suggests the ways of improving the existing corporate legal regulation. The main trends in the development of legislation and judicial practice in this area are outlined. **Conclusion:** the task of protecting rights of minority shareholders in the Russian legal order is carried out at an insufficient level and is much inferior to foreign models. The ways of improving the national legislation suggested by the author can be considered not only an adequate response to the existing issues in the law enforcement, but also to ensure the development of the Russian corporate law in line with European trends.

Key-words: corporation; minority and majority shareholders; human rights; ways of protection of rights.

XX в. стал поворотным в развитии западной правовой доктрины. В законодательстве и судебной практике многих правовых систем стала последовательно проводиться мысль о необходимости защиты различного рода социальных меньшинств (национальных, религиозных, культурных и т.п.). Идея защиты прав меньшинств восходит к принципу защиты прав человека: неслучайно поэтому, что охрана прав и законных интересов меньшинства как особая социальная функция права стала принимать более четкие очертания после Второй мировой войны в ходе борьбы за права человека, охватившей большинство цивилизо-

ванных стран мира (именно в этот период происходит «ренессанс» множества естественно-правовых школ в Западной Европе и США). Значительной вехой в развитии западной юриспруденции становится формулирование австрийским и американским юристом и философом права Гансом Кельзеном основ учения о *Grundnorm*, в котором важное место занимает идея о защите прав меньшинства: закон в правовом государстве, основанный на демократических принципах, не может сводиться к воле большинства — всякий закон, хотя и отражает волю большинства, тем не менее, должен в полной мере учитывать права и интересы меньшинства [1].

Понятно, что данный принцип сформулирован в достаточно общем виде, что неизбежно приводит к выявлению большого количества исключений. Однако несомненно и то, что указанный принцип носит общеправовой характер и может быть применим к самому широкому кругу общественных отношений — не исключение и предмет корпоративного права. Как верно отмечает Т.С. Бойко, «проблематика противостояния большинства и меньшинства в корпоративном праве была и остается одной из самых сложных, актуальных и, возможно, до конца не разрешимых проблем, причем не только в российской, но и в любой другой юрисдикции. Это обусловлено и самой спецификой корпоративного права, в котором в качестве руководящего начала признается не единогласие, а принцип большинства. В ситуации, когда мажоритарный участник может решать практически любые вопросы, касающиеся деятельности компании, без учета мнения меньшинства, у него появляются серьезные стимулы злоупотребить своим правом в ущерб интересам меньшинства и присвоить себе все выгоды от ведения совместного бизнеса» [2, с. 3].

В то же время проблема защиты прав миноритариев российской судебной практикой зачастую игнорируется (по крайней мере, недооценивается): суды исходят из презумпции приоритета воли большинства в корпоративных отношениях, тогда как интересы меньшинства при отсутствии формальных нарушений рассматриваются как факультативные и не требующие специальной защитой [2, с. 4]. Однозначно не сформулирована позиция и законодателем. Такой подход не может быть принят как с формально-юридической точки зрения (в силу действия конституционно-правового принципа равенства граждан), так и с этической перспективы.

Правовые способы защиты и охраны прав миноритарных акционеров¹: основные понятия и методология

Сегодня понятие правовых средств — одно из наиболее общеупотребительных в юридической литературе. Оно является исходным в т.ч. для теории корпоративного права и защиты прав миноритарных акционеров. Однако этому предшествовала большая дискуссия в отечественной литературе о его понятии и признаках. Так, одно из наиболее известных определений рассматриваемого

¹ В настоящем исследовании под миноритарным акционером понимается акционер, обладающий количеством акций в пределах от одного процента до контрольного пакета. В качестве минимального количества акций избрана цифра в один процент, т.к. именно это количество необходимо для получения акционером большинства прав по участию в управлении делами акционерного общества, обращению в суд и т.д. (ст. 51 Закона об акционерных обществах). Однако необходимо также оговориться, что в некоторых случаях законом устанавливаются и иные минимальные пороговые показатели: так, для внесения предложений в повестку дня годового общего собрания необходимо обладать, по крайней мере, двумя процентами акций (п. 1 ст. 53 Закона об акционерных обществах).

термина было предложено крупнейшим советским и российским теоретиком права С.С. Алексеевым, понимавшим под правовыми средствами «институционные явления правовой действительности, воплощающие регулятивную силу права, его энергию, которым принадлежит роль ее активных центров» [3, с. 14]. Главный недостаток такого определения состоит в его излишней «туманности», абстрактности, а потому практической непригодности.

Несколько иначе правовые средства понимает Б.И. Пугинский. По его мнению, это «комплекс юридически значимых, совершаемых субъектами с дозволительной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества» [4, с. 49].

Всякое правоотношение (включая корпоративное) построено на модели «Субъект» → «Цель». Достижение цели требует от субъекта ведения определенной деятельности (например, в корпоративных отношениях такой деятельностью является участие в делах корпорации). Соответствующая деятельность достигается путем применения (использования) комплекса правовых средств (такими средствами могут быть юридическое лицо, договор, внедоговорное обязательство, меры ответственности, способы защиты прав, презумпция, представительство и т.д.). В действительности все эти средства, по резонному замечанию В.Ф. Яковлева, носят разнопорядковый характер [5, с. 91], тем не менее они объединяются своим инструментальным предназначением, т.е. юридической возможностью способствовать заинтересованному лицу в достижении им правовых целей.

Применение правовых средств обусловлено деятельностью и инициативой не государства в лице законодателя и правоприменителя (как в случае с «традиционными» правовыми нормами), а непосредственных участников гражданских правоотношений. Таким образом, и правовые средства, и правовые нормы в равной степени выполняют регулятивную функцию, но исходят от разных субъектов (первые — от частных, вторые — от публичных). Однако представляется, что в корпоративных отношениях такая трактовка правовых средств требует корректировки.

Как известно, корпоративные отношения основаны на сочетании частных и публичных начал, в этой области императивное регулирование является преимущественным, преобладающим по отношению к диспозитивному регулированию. Таким образом, автономия воли в корпоративном праве носит весьма ограниченный характер (с этим вынуждены соглашаться даже наиболее «либеральные» исследователи корпоративного права, признающие, что корпоративное право в силу определенной исторической традиции основано на принципах ограничения автономии воли и свободы договора) [6, с. 147]. Следовательно, и возможность применения правовых средств, включая такую их разновидность, как правовые способы защиты и охраны, в корпоративных отношениях не только носит ограниченный характер, но и обусловлена императивными предписаниями закона.

Подобное ограничение автономии воли предопределяет действие всех защитных и охранительных механизмов в корпоративных отношениях, обладающих значительной спецификой.

Проблема соотношения понятий «защита» и «охрана» — одна из наиболее дискуссионных. Истоки этой дискуссии уходят еще в советскую догматику. Каноническое предположение о соотношении этих понятий высказал В.А. Тархов, полагавший, что охрана права носит превентивный характер, действует постоянно и направлена на предупреждение нарушений. Охрана обеспечивается главным

образом институтами государственного принуждения (в настоящее время в этом процессе участвуют и некоторые негосударственные организации, в частности саморегулируемые). В свою очередь механизмы защиты «срабатывают» лишь при непосредственном факте нарушения конкретного права. Цель таких состоит в восстановлении нарушенного состояния потерпевшего [7, с. 259–260; ср.: 8, с. 280; 9, с. 18–19; 10, с. 123–125].

Следует отметить, что данный спор не носит схоластический характер, т.к. его разрешение порождает важные практические последствия для корпоративных отношений. Поясним на примере. Одним из наиболее распространенных средств воздействия на миноритарного акционера является его физический недопуск к голосованию и, как следствие, к участию в управлении акционерным обществом. Для этих целей мажоритарный акционер, как показывает опыт, совершает одно из следующих неправомερных действий:

- 1) ограничивает физический доступ миноритарного акционера в помещение, где планируется проведение общего собрания акционеров по вопросам повестки;
- 2) отказывается в регистрации акционера в качестве участника общего собрания акционеров по формальным основаниям;
- 3) уклоняется от приема бюллетеней для голосования акционера;
- 4) отказывается учесть голоса акционера, признавая бюллетень недействительным, и т.д.

В действительности корпоративной практике известны не только названные, но и десятки других вариантов воздействия на миноритарного акционера (в особенности при условии сопутствующей лояльности других акционеров, а также членов счетной комиссии, секретаря общего собрания и др.).

Соответствующие разъяснения сформулированы и в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона „Об акционерных обществах”»²: при рассмотрении исков о признании недействительным решения общего собрания акционеров следует учитывать, что к нарушениям указанного Закона, которые могут служить основаниями для удовлетворения таких исков, относятся: несвоевременное извещение (неизвещение) акционера о дате проведения общего собрания (п. 1 ст. 52); непредоставление акционеру возможности ознакомиться с необходимой информацией (материалами) по вопросам, включенным в повестку дня собрания (п. 3 ст. 52); несвоевременное предоставление бюллетеней для голосования (п. 2 ст. 60) и др. Иск о признании решения общего собрания недействительным подлежит удовлетворению, если допущенные нарушения требований Закона, иных правовых актов или устава общества ущемляют права и законные интересы акционера, голосовавшего против этого решения или не участвовавшего в общем собрании акционеров (п. 24).

Последствием таких действий является не только устранение миноритарного акционера от процесса голосования, но и лишение его возможности участвовать в контроле за деятельностью органов управления, а также всего общества, своевременно получать информацию, участвовать в обсуждении вопросов повестки и т.д.

В последующем неправомερные действия мажоритарного акционера могут быть оспорены миноритарным акционером в судебном порядке (в рамках т.н. «охранительного механизма»). Однако примечательно, что даже признание судом факта нарушения права миноритарного акционера не всегда означает то, что суд применит «защитный механизм». Подтверждение приведенным словам

² См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 1.

находятся в тексте Закона об акционерных обществах, согласно п. 7 ст. 49 которого акционер вправе обжаловать в суд решение, принятое общим собранием акционеров с нарушением требований названного Закона, иных нормативных правовых актов РФ, устава общества в случае, если он не принимал участие в общем собрании акционеров или голосовал против принятия такого решения и таким решением нарушены его права и (или) законные интересы. Суд с учетом всех обстоятельств дела вправе оставить в силе обжалуемое решение, если голосование данного акционера не могло повлиять на результаты голосования, допущенные нарушения не являются существенными и решение не повлекло за собой причинение убытков данному акционеру.

При этом в п. 24 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 разъяснено, что для отказа в иске о признании решения общего собрания недействительным по указанным основаниям необходима именно совокупность вышеперечисленных трех обстоятельств.

Как видно, норма Закона об акционерных обществах изложена весьма специфическим образом: в первом предложении п. 7 ст. 49 формулируется общее право на обжалование решений собрания, тогда как во втором предложении той же нормы указывается, что суд может оставить решение общего собрания акционеров в силе, если голосование миноритарного акционера не могло повлиять на результаты голосования (в первую очередь имеется в виду ситуация, при которой количество голосов миноритарного акционера было недостаточно для принятия противоположного решения). Неслучайно поэтому, что в настоящее время складывается обширная судебная практика, автоматически оставляющая в силе решения собрания акционеров, если количество голосов миноритарного акционера было незначительным³.

С такой логикой законодателя и судебной практики нельзя согласиться. Право на обжалование решения общего собрания акционеров практически блокируется нормой, позволяющей оставлять спорные решения в силе. Понятно, что возможны ситуации, при которых действия миноритарного акционера носят исключительно дестабилизирующий для корпорации (акционерного общества) характер, когда действительной целью оспаривания решения общего собрания является не защита нарушенных прав, а искусственное вовлечение корпорации

³ При этом такая тенденция поддерживается в т.ч. на уровне высшей судебной инстанции. См., например: Определение Верховного Суда РФ от 20 декабря 2016 г. № 301-ЭС16-17744 по делу № А79-11061/2015; постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 ноября 2016 г. № Ф05-17406/2016 по делу № А40-188023/2015; постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 апреля 2016 г. № Ф05-3906/2016 по делу № А40-7250/15; постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 июня 2016 г. № Ф05-8490/2016 по делу № А41-74654/2015; постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 февраля 2016 г. № Ф05-2934/2015 по делу № А40-168684/2014; постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 января 2014 г. № Ф07-3500/2013 по делу № А44-8832/2012; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 6 сентября 2017 г. № Ф01-3270/2017 по делу № А43-29919/2016; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 апреля 2016 г. № Ф09-2951/16 по делу № А60-27408/2015, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14 октября 2016 г. № Ф03-4549/2016 по делу № А73-15266/2015 и др. В то же время имеется немногочисленная обратная судебная практика, когда, несмотря на объективную невозможность миноритарного акционера повлиять на исход голосования по повестке дня общего собрания акционеров, суд при наличии других нарушений при проведении общего собрания вставал на сторону миноритарного акционера и признавал решения такого собрания недействительными (постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 ноября 2016 г. № Ф05-11503/2015 по делу № А40-25868/14-62-220; постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 апреля 2016 г. № Ф05-5123/2016 по делу № А40-92560/15; постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 февраля 2016 г. № Ф05-17455/2013 по делу № А41-27811/2013 и др.).

в судебные разбирательства, создание неопределенности в отношении корпоративных актов и т.д. Однако во всех случаях действия миноритарного акционера подпадают под общие нормы о запрете злоупотребления правом, в связи с чем такие требования автоматически не подлежат удовлетворению [11].

В этой связи представляется, что второе предложение п. 7 ст. 49 Закона об акционерных обществах является излишним. Возможно, данная норма должна была быть сформулирована прямо противоположным образом: «Суд с учетом всех обстоятельств дела вправе отменить соответствующее решение общего собрания, если голосование акционера, оспаривающее решение, хотя и не могло повлиять на результаты голосования, но допущенные нарушения являлись существенными». В этом случае норма не формулируется императивно, т.е. на суд не возлагается обязанность по признанию всякого решения общего собрания недействительным, однако законодатель тем самым проявляет свою приверженность принципу строгого и неукоснительного соблюдения участниками общего собрания (как миноритарными, так и мажоритарными) законности.

Представляется, что всякая законодательная норма должна стимулировать участников оборота соблюдать дисциплину и принцип законности в корпоративных отношениях. В противном случае законодатель сам создает льготные условия для нарушения прав миноритариев. Важно и то, что участие миноритарного акционера в общем собрании обеспечивает не только реализацию его права на голосование, но и, как было уже указано, на получение доступа к информации о деятельности корпорации, ее активах и т.д., что в свою очередь обеспечивает транспарентность функционирования корпорации.

В целом миноритарные акционеры могут прибегнуть практически ко всем способам защиты, поименованным в ст. 12 ГК РФ. Вместе с тем от способов защиты необходимо отличать формы защиты — в литературе нередко эти понятия смешиваются. Так, например, Е.В. Соломонов пишет, что существует три способа защиты прав миноритарных акционеров: 1) внутрикорпоративный (предусмотренный корпоративными соглашениями и до настоящего времени не получивший развития в российской корпоративной практике); 2) административный (за правонарушения на рынке ценных бумаг) и 3) судебный [12, с. 155; 13, с. 810–815; 14, с. 8]. Однако в действительности речь идет о различных процедурных и процессуальных формах защиты прав. Такое разделение важно в силу того, что от конкретной формы защиты зависит то, какой способ защиты может быть применен (так, например, такой способ защиты, как оспаривание сделки, может быть применен только в рамках судебной формы защиты и т.д.).

***Основные тенденции развития законодательства и судебной практики
в области защиты и охраны прав миноритарных акционеров
в зарубежных странах***

Корпоративное право в зарубежных правовых системах прошло длительный путь эволюционного развития до того момента, пока приобрело современные очертания (в т.ч. в части предоставления правовых гарантий миноритарным акционерам). Традиционно пионерами корпоративного права были страны общего права, чей опыт требует самого пристального внимания.

В американской доктрине никогда не оспаривалась идея о необходимости защиты прав миноритариев, однако исторически первый способ такой защиты был весьма радикальным: суды по требованию миноритарного акционера, полагающего, что тот подвергается притеснению или ограничению в правах

в рамках корпоративного управления, могли лишь ликвидировать подобную корпорацию. Однако неудобство такого способа состояло, как уже отмечалось, в его радикализме: зачастую нарушение права не было настолько значительным, чтобы принудительно ликвидировать организацию. В конечном счете складывалась парадоксальная ситуация: суды не могли ликвидировать корпорацию, применить какие-либо меры ответственности, но в то же время были готовы констатировать факт нарушения прав миноритарного акционера.

Долгое время на уровне судебной практики существовало два диаметрально противоположных подхода к применению ликвидационных процедур при нарушении прав миноритарных акционеров. Если по делу *Baker v. Commercial Body Builders Inc.* (1973) Верховный Суд штата Орегон счел, что такая мера является слишком жесткой и по праву справедливости может быть «смягчена», то практически по аналогичному делу *Giannotti v. Hamway* Верховным Судом штата Вирджиния было постановлено, что такое «смягчение» противоречит как статутному праву, так и праву справедливости [2, с. 134–137].

Необходимость разрешения данного противоречивого состояния была осознана впервые в штате Нью-Джерси, где в 1972 г. законодательством были приняты поправки к Закону о корпорациях. В результате были существенно расширены правовые способы защиты и охраны прав миноритарных акционеров: помимо ликвидации как крайней меры защиты судам дозволялось также назначать временных наблюдателей или директоров, а также требовать принудительного выкупа акций миноритария.

Успешный опыт штата Нью-Джерси стал ориентиром и для других штатов: уже в 1970-е гг. штат за штатом на уровня законов или прецедентной практики стали воспринимать аналогичные механизмы [15, р. 670].

В настоящее время наиболее полный перечень способов защиты прав миноритарных акционеров содержится в §41 Модельного кодекса о закрытых корпорациях (*Model Statutory Close Corporation Supplement*). Всего в документе названо 9 способов, включающих, помимо уже названных, также отстранение директора, отмену или изменение отдельных положений устава, выплату дивидендов, возмещение убытков и др.

Английское право долгое время также рассматривало ликвидацию в качестве приоритетного способа защиты, хотя Закон о компаниях 1948 г. называл и ряд других способов защиты. Однако последние не получили широкого распространения на практике, т.к. их применение требовало выполнения большого количества условий. Ситуация была сломлена в 1980 г. (что примечательно в исторически сходный период времени с упомянутыми законами в США), когда в Великобритании был принят пакет поправок к Закону о компаниях 1948 г. Так, новая редакция предусмотрела 4 способа защиты прав миноритарных акционеров:

- 1) принятие решения по управлению компанией (например, назначение общего собрания акционеров);
- 2) принудительный выкуп акций миноритарного акционера одним из акционеров или компанией;
- 3) запрет на совершение действий, ущемляющих права миноритарного акционера;
- 4) выдача санкции миноритарному акционеру на предъявление иска от лица и в интересах компании [15, р. 327].

В 2006 г. Закон о компаниях 1948 г. дополнен пятым способом защиты — принудительным внесением изменений в устав или запретом на внесение таких изменений.

Следует подчеркнуть, что существование законодательного (статутного) регулирования в Британии тем не менее не ограничивает судебную дискрецию: суды вправе не только творчески интерпретировать нормы закона, но также применять и другие способы защиты, которые, на их взгляд, в наибольшей мере будут способствовать восстановлению нарушенных прав акционеров, при этом не причиняя существенного вреда общим интересам корпорации и других акционеров.

Очевидное сходство английского и американского права состоит в том, что в этих странах наиболее распространенным способом защиты является принудительный выкуп акций. Как в Англии, так и в США, допускается возложение обязанности по выкупу акций и на компанию, и на мажоритарного акционера. Вместе с тем в этих странах суды редко возлагают подобную обязанность на сами компании, т.к. в этом случае могут пострадать интересы кредиторов (как известно, корпоративные конфликты нередко приводят к проблемам с платежеспособностью, что нередко грозит банкротством).

Небольшое техническое отличие английской процедуры от американской состоит в том, что в Англии обращению в суд должно предшествовать досудебное обращение к другим акционерам и компании с предложением о добровольном выкупе. Право США таких условий не содержит.

С некоторым отставанием в этой части развивалось континентальное право. В 2002 г. в Германии был принят Закон об акционерных обществах, которым предусматривалось право мажоритарных акционеров принудительно выкупать у миноритарных акционеров их акции. Однако парадоксальность и очевидная несправедливость ситуации состояла в том, что сами миноритарные акционеры с аналогичным требованием обратиться не могли. Необходимость корректировки национального законодательства возникла после принятия Директивы ЕС о публичных предложениях и поглощении от 21 апреля 2004 г. [17] — в настоящее время дисбаланс между правами миноритариев и мажоритариев в германском праве устранен.

Правила о принудительном выкупе существовали и в других европейских правовых порядках. Так, например, во Франции порядок принудительного выкупа был формализован в 1993 г. и предполагал, что миноритарный акционер вправе требовать выкупа акций только у акционеров, владеющих 95% и более процентами акций.

Сегодня на европейском пространстве наблюдается тенденция по унификации и гармонизации корпоративного законодательства, в т.ч. в части регулирования принудительного выкупа акций.

Некоторые страны тем не менее продолжают колебаться в выборе основных моделей защиты прав миноритариев. Так, например Украина, долгое время следовавшая российским образцам, в 2014 г. предприняла попытку по «европеизации» национального права (в т.ч. путем заимствования показателя 95% как критерия квалификации мажоритарных акционеров, на которых может быть возложена обязанность по выкупу акций у миноритарных акционеров). Однако данные попытки не получили серьезного развития.

Важно отметить, что структуры экономики постсоветских стран (включая Россию, Украину, Казахстан и др.) обладают существенными сходствами (в этих странах наблюдается высокая степень концентрации акционерной собственности). Так, если во Франции цифра 95% является практически нереальным показателем для многих компаний и их мажоритарных акционеров, то в постсоветских странах подобная структура акционерного общества весьма распространена. Следовательно, заимствование такой нормы из европейского, точнее — французского законодательства, может негативно сказаться на правах миноритарных акционеров.

В этой связи российский правопорядок (возможно, как и другие постсоветские страны) должны ориентироваться на более релевантные образцы правотворчества [18].

Так, нужно обратить внимание на то, что в развитых правопорядках создаются превентивные механизмы охраны прав миноритарных акционеров. Важную роль в этом деле играют кодексы корпоративного управления, кодексы наилучших практик и рекомендаций по корпоративному управлению. Соответствующие кодексы не только регламентируют содержание акционерных соглашений и унифицируют подходы к их составлению, но также ориентируют участников оборота на соблюдение высоких стандартов корпоративного управления (например, в Кодексе корпоративного управления Италии содержится правило, согласно которому положения акционерных соглашений не могут ограничивать функции и полномочия совета директоров, а также устанавливают запрет выступать независимым директорам в качестве стороны акционерных соглашений).

Важно отметить, что обеспечение публичности, транспарентности корпоративного управления является самостоятельным способом превентивной охраны прав миноритарных акционеров. Требование Директивы ЕС 2004 г. об обязательном опубликовании содержания акционерных соглашений, ограничивающих права акционеров, исключает ситуации, при которых потенциальные миноритарные акционеры покупают «кота в мешке», приобретая акции компании.

Названные меры ведут к формированию корпоративной этики, обеспечиваемой не столько государственным принуждением, сколько авторитетом самих организаций.

Очевидно, что Российская Федерация относительно поздно включилась в процесс развития и совершенствования корпоративного права, однако именно по этой причине учет западного опыта служит необходимой предпосылкой и условием развития национального законодательства с оговоркой об обязательности учета особенностей российской экономической и правовой действительности.

Заключение

В западной правовой традиции, неотъемлемой частью которой исторически был и остается российский правопорядок, идея защиты миноритарных акционеров имеет глубокое политико-правовое и философско-этическое обоснование: обеспечение социальной справедливости и защита меньшинства. В данной сфере правового регулирования наиболее рельефно проступают проблемы нахождения баланса между интересами большинства и меньшинства внутри корпорации, а также недопущения злоупотреблений ни с одной из сторон. Вместе с тем, как показывает опыт, нередко такие попытки как в России, так и в зарубежных странах приобретают либо исключительно «промажоритарный», либо «проминоритарный» характер.

В российском корпоративном праве сама проблематика защиты прав миноритарных акционеров стала актуализироваться сравнительно недавно: попытки решения комплекса возникающих вопросов на уровне ГК РФ и базового Закона об акционерных обществах до сих пор вызывают обоснованную критику. Как было показано в настоящем исследовании, в отечественном праве способы защиты и охраны прав миноритарных акционеров все еще не образовали единую, целостную систему. Напротив, способы защиты, наиболее часто встречающиеся на практике (такие как взыскание убытков, оспаривание сделок и оспаривание решений собраний), носят общеотраслевой характер и часто не учитывают специфики корпоративных отношений.

В целом можно констатировать, что российскому законодателю, а вслед за ним и правоприменителю предстоит еще пройти долгий путь к нахождению оптимального баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров. При этом постепенное развитие рыночных институтов и механизмов также будет стимулировать этот процесс.

Можно предположить, что в обозримой исторической перспективе процесс интеграции России в глобальное экономическое, политическое и правовое пространство продолжится, несмотря на некоторое замедление последнего времени. В этой связи нашей стране необходимо потенциально учитывать основные тенденции развития зарубежного корпоративного права, оставаться в фарватере этих тенденций и процессов (обеспечение транспарентности корпоративного управления, формирование на уровне законодательства обширного инструментария превентивной охраны прав миноритарных акционеров от возможных нарушений, а также совершенствование судебной защиты). Данные меры в конечном счете должны обеспечить синхронное развитие отечественной и глобальной экономики.

В заключение следует отметить, что корпорации подобно семье представляют своеобразную ячейку, но только не общества, а экономики, поэтому от «климата» в каждой конкретной корпорации зависит состояние всей экономики. Нахождение корпоративного «мира» в отношениях между большинством и меньшинством в хозяйственном обществе является первым, но самым большим шагом на пути к развитию и укреплению экономики и страны в целом.

Библиографический список

1. *Invernizzi-Accetti C.* Reconsidering legal positivism and human rights: Hans Kelsen's argument from relativism // *Journal of Human Rights*. 2018. Vol. 17 (2). P. 215–228.
2. *Бойко Т.С.* Защита прав инвесторов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 290 с.
3. *Алексеев С.С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // *Советское государство и право*. 1987. № 6. С. 12–19.
4. *Пугинский Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984. 224 с.
5. *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984. 224 с. : [Рецензия] // *Правоведение*. 1985. № 5. С. 90–91.
6. *Кузнецов А.А.* Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017. 160 с.
7. *Тархов В.А.* Гражданское право. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1997. 331 с.
8. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М.: Юридическая литература, 1981. 360 с.

9. *Малеин Н.С.* Охрана прав личности советским законодательством. М.: Наука, 1985. 412 с.
10. *Смирнов А.П.* Соотношение понятий «охрана прав» и «защита прав» // Вестник Томского государственного ун-та, 2010. № 331. С. 123–125.
11. *Колосовская Т.В., Жаркая О.А.* Актуальные вопросы злоупотребления миноритарными акционерами своими правами // Безопасность бизнеса. 2015. № 4. С. 16–20.
12. *Соломонов Е.В.* Защита прав миноритарных акционеров // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2015. № 2 (43). С. 153–156.
13. *Гриб В.В.* Защита прав миноритарных акционеров в Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права. 2014. № 5. С. 810–815.
14. *Долинская В.В.* Понятие корпоративных конфликтов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 6. С. 4–11.
15. *Matheson J.H., Maler R.K.* A Simple Statutory Solution to Minority Oppression in the Closely Held Business // Minnesota Law Review. 2006–2007. Vol. 91. P. 657–709.
16. *Joffe V., Drake D., Richardson G., Lightman D., Collingwood T.* Minority Shareholders: Law, Practice, and Procedure. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. 566 p.
17. Directive 2004/25/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 // Official Journal of the European Union. 2004. No. 142. P. 12–23.
18. *Суханов Е.А.* Американские корпорации в российском праве // Вестник гражданского права. 2014. № 5. С. 7–24.

References

1. *Invernizzi-Accetti C.* Reconsidering Legal Positivism and Human Rights: Hans Kelsen's Argument from Relativism // Journal of Human Rights. 2018. Vol. 17 (2). P. 215–228.
2. *Boyko T.S.* Protection of Investors' Rights of Minority Participants of a Non-public Company in the Law of Russia, the USA and the UK: Dis. ... cand. of law. M., 2017. 290 p.
3. *Alekseev S.S.* Legal Means: Problem, Concept, Classification // the Soviet state and law. 1987. No. 6. P. 12–19.
4. *Puginsky B.I.* Civil-legal Means in Economic Relations. M.: Yurid. lit-ra, 1984. 224 p.
5. *Jakovlev V.F.* Civil-legal Means in Economic Relations. M.: Legal literature, 1984. 224 p.: [Review] // Jurisprudence. 1985. No. 5. p. 90–91.
6. *Kuznetsov A.A.* Limits of Autonomy of Will in Corporate Law: a Brief Essay. M.: Statute, 2017. 160 p.
7. *Tarkhov V.A.* Civil Law. Cheboksary: Chuvash.lit. ed., 1997. 331 p.
8. *Alekseev S.S.* General Theory of Law. In 2 Vol.. M.: Yurid. lit., 1981. 360 p.
9. *Malein N.C.* Protection of Individual Rights by the Soviet Legisla-tion. M.: Nauka, 1985. 412 p.
10. *Smirnov A.P.* Correlation of Concepts «Protection of Rights» and «Preservation of Rights» // Bulletin of Tomsk State University. 2010. No. 331. P. 123–125.
11. *Kolosovskaya T.V., Zharkaya O.A.* Current Issues of the Abuse of Minority Shareholders of Their Rights // Security of business. 2015. No. 4. P. 16–20.
12. *Solomonov E.V.* Protection of Minority Shareholders' Rights. Bulletin of Omsk University. Ser. «Law» 2015. No. 2 (43). P. 153–156.
13. *Grib V.V.* Protection of Minority Shareholders' Rights in The Russian Federation // Actual problems of civil law. 2014. No. 5. P. 810–815.
14. *Dolinskaya V.V.* Concept of Corporate Conflicts // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2010. No. 6. P. 4–11.
15. *Matheson J.H., Maler R.K.* A Simple Statutory Solution to Minority Oppression in the Closely Held Business // Minnesota Law Review. 2006–2007. Vol. 91. P. 657–709.
16. *Joffe V., D. Drake G. Richardson, D. Lightman, Collingwood T.* Minority Shareholders: Law, Practice, and Procedure. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. 566 p.

17. Directive 2004/25/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 // Official Journal of the European Union. 2004. No. 142. P. 12–23.

18. *Sukhanov E.A.* American Corporation in the Russian law // Bulletin of civil law. 2014. No. 5. P. 7–24.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.241.1

Ю.И. Бытко

ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Введение: статья посвящена исследованию ставшего в последние годы проблемным вопроса о кризисе уголовного наказания. Актуальность темы обусловлена тем, что речь идет о явлении, которое занимает особое место в жизни общества, поскольку основу наказания образует идеологическая составляющая, позволяющая судить о политико-правовой сущности государства. Критики действующей редакции ст. 43 УК РФ заявляют о кризисе уголовного наказания, связывая его с двумя моментами: необоснованно большим числом целей наказания, сформулированных в ст. 43 УК РФ, и невозможностью их достижения в процессе исполнения обвинительных приговоров. Поскольку речь идет о кризисе одного из важнейших уголовно-правовых институтов, заявленное мнение требует всестороннего обсуждения. **Задача,** поставленная автором, заключается в критическом осмыслении распространенных в современной уголовно-правовой теории воззрений о сущности уголовного наказания с целью проверки обоснованности приведенного вывода о наличии кризиса института уголовного наказания и необходимости внесения коррективов в ст. 43 УК РФ. **Методы исследования:** материалистической диалектики, исторический, сравнительный, логический, грамматический. **Результаты:** под критическим углом зрения в историческом ракурсе проанализированы мнения ученых правоприменительно к каждой цели уголовного наказания. Дается авторское определение уголовного наказания. **Вывод:** сегодня нет необходимости в ревизии действующей редакции ст. 43 УК РФ.

Ключевые слова: наказание, цели наказания, функции наказания, социальная справедливость, исправление, специальное предупреждение, общее предупреждение, дисциплинарное воздействие, возмездие.

Yu.I. Bytko

THE OBJECTIVES OF CRIMINAL PUNISHMENT

Background: the article is devoted to the study of the problem of the crisis of criminal punishment that has become problematic in recent years. The relevance of the topic is due to the fact that it is a phenomenon that occupies a special place in the life of society, as the basis of punishment forms an ideological component that allows to judge the political and legal essence of the state. Critics of the current version of Art. 43 of the Criminal code declare a crisis of criminal punishment, linking it with two points: an unreasonably large

© Бытко Юрий Ильич, 2018

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Bytko Yuri Ilyich, 2018

Doctor of law, Professor, Professor of the Criminal and Criminal Executive Law department (Saratov State Law Academy)

number of purposes of punishment set out in art. 43 of the Criminal code, and the inability to achieve them in the process of execution of convictions. Since this is a crisis of one of the most important criminal law institutions, the stated opinion requires a comprehensive discussion. Objective: the task set by the author is to critically understand the views of the modern criminal law theory about the essence of criminal punishment in order to verify the validity of the given conclusion about the crisis of the institution of criminal punishment and the need to make adjustments to article 43 of the Criminal code. Methodology: in doing the research the following methods of study were used: materialistic dialectics, historical, comparative, logical, grammatical ones. Results: at the critical angle of view in the historical perspective the author analyzes the views of scholars to each law enforcement goals of criminal punishment. The author's definition of criminal punishment is given. Conclusion: today there is no need to revise the current version of article 43 of the criminal code.

Key-words: *punishment, purposes of punishment, functions of punishment, social justice, correction, special warning, General warning, disciplinary action, retribution.*

Проблема целей уголовного наказания относится к числу традиционно актуальных в отечественной уголовно-правовой теории. Более 100 лет назад выдающийся юрист профессор И.Я. Фойницкий, исследуя уголовно-правовые и пенитенциарные вопросы, писал о том, что существуют две самостоятельные проблемы: объяснение смысла существования самого наказания и определение его целей [1, с. 13].

И сегодня в обсуждении различных аспектов названных проблем принимают участие не только теоретики права, но и правоприменители, депутаты Государственной Думы, журналисты. Столь пристальное и непреходящее внимание к данной проблеме обусловлено тем, что, как справедливо отмечает С.Н. Емельянов, уголовное наказание образует смысловое ядро уголовно-исполнительной политики и определяет весь арсенал методов и средств воздействия на человека, преступившего закон. В то же время целеполагание в пенитенциарной сфере зависит от общего содержания внутривластного курса государственной власти и отражает избранные ею приоритеты. Это значит, что в основе уголовного наказания лежит идеологическая составляющая, которая позволяет судить о политико-правовой сущности данного государства [2, с. 3–9].

Сказанное в полной мере подтверждается всей историей уголовно-правовой теории и уголовного законодательства. Уголовное наказание во все времена рассматривалось сувереном (князем, царем, императором) в качестве инструмента утверждения и поддержания своего политического и экономического господства посредством определения в уголовном законе тех или иных целей уголовного наказания, соотносясь с экономическими, политическими, социальными, геополитическими конъюнктурами текущего времени и с их динамикой.

Вместе с тем в уголовном законодательстве испокон веков уголовное наказание трактуется как насилие, применяемое государством к лицу, совершившему преступление, с определенными целями (целью). То есть уголовное наказание всегда определяется непременно в связи с его целями. При неизменной сущности уголовного наказания как насилия варьируются его цели, средства и методы достижения этих целей с учетом избранных властью приоритетов, содержанием и направленностью ее внутривластного и внешнеполитического курса, как и с учетом экономических, политических, интеллектуальных, организационных

возможностей. В этом убеждает даже беглый анализ нормативных правовых актов Руси — России и других стран.

В эпоху древности господствовала идея возмездия, расплаты за учиненное зло. Формой восстановления справедливости выступала частная, а позже — семейная (общинная) кровная месть.

С укреплением религиозных начал в жизни общества и государства право мести присваивается жрецами (религиозными иерархами), провозглашавшими наказание возмездием от имени бога. Очищение и искупление вины перед богом утверждается в качестве специфических целей наказания, которое облекается в форму религиозных обрядов [3, с. 321; 4, с. 24–25, 31]. Мы наблюдаем это не только в древних Индии, Риме, но и у славян.

Между тем еще в дохристианскую эпоху получают распространение утилитарные теории (теории полезности), основу которых составляет идея о том, что наказание должно назначаться *не за то*, что совершено преступление, *а для того*, чтобы подобное впредь не совершалось. Эта идея в уголовном законодательстве материализуется в целях предупреждения преступлений, исправления преступников и их ресоциализации.

Один из основателей классической школы уголовного права Ч. Беккариа видел полезность наказания в том, чтобы предупреждать преступления как со стороны наказываемого лица, так и со стороны других лиц [5, с. 243–244]. Аналогично формулировал цели наказания и Ф. фон Лист [6, с. 274; 7, с. 79–80].

В XIX столетии утилитарные теории становятся доминирующими в русской философии и уголовно-правовой теории. Выдающийся русский мыслитель В.Г. Белинский видел смысл наказания не в мести преступнику, а в его исправлении [8, с. 105].

Уже тогда предлагалось различать исправление нравственное и юридическое [3, с. 3], хотя в рамках антропологической и социологической школ выказывалось сомнение в возможности достижения посредством наказания цели исправления, поскольку признавалось наличие таких типов преступников, исправление которых невозможно или весьма затруднительно в связи с их психическими особенностями [3, с. 213, 411–412; 9, с. 56]. Существовало множество и других теорий как утилитарных (общего и частного предупреждения; исправления; общественной охраны), так и смешанных (этико-утилитарных) [10, с. 454–468].

Создатели действующего УК РФ, формулируя в духе времени в качестве целей уголовного наказания восстановление социальной справедливости, исправление виновного и предупреждение совершения новых преступлений, безусловно, руководствовались этико-утилитарными соображениями.

Неудовлетворенность сформулированными в ст. 43 УК РФ целями уголовного наказания некоторых теоретиков уголовного права зазвучала уже вскоре после введения его в действие 1 января 1997 г. [11, с. 240–249; 12, с. 19–21; 13, с. 9–10].

Поток критики по поводу отдельной цели, а иногда и их всех нарастал и к 2008 г. сформировалось представительное мнение о кризисе уголовного наказания как социального института [11, с. 240–249; 12, с. 19–21; 13, с. 9–10; 15, с. 44–54].

В современной уголовно-правовой теории последних лет утвердилось мнение о кризисе уголовного наказания, признаками которого называются следующие обстоятельства: постановка в ст. 43 УК РФ перед наказанием не одной, а несколь-

ких целей; практическая недостижимость этих целей [13, с. 7–8; 14, с. 44–54; 15, с. 121; 16, с. 464].

Уже сама постановка вопроса о кризисе одного из важнейших уголовно-правовых институтов требует обсуждения.

Итак, правомерна ли постановка перед уголовным наказанием нескольких целей? На этот вопрос В.В. Сверчков дает отрицательный ответ, полагая, что у всякой целеустремленной системы на одном уровне может быть только одна специфическая цель. Если целей несколько и они разные, то, по его мнению, в какой-то ситуации они неизбежно войдут в противоречие друг с другом [10, с. 464].

А.Г. Безверхов также считает, что правосудие не может ориентироваться одновременно на несколько не всегда взаимосвязанных целей без вреда для процесса принятия судебного решения и должно быть освобождено от такой обязанности [16, с. 464; 10, с. 464].

В.В. Крюков, исследуя вопрос о понятии цели в общеправовом и уголовно-правовом значении, приходит к выводу о том, что цель уголовного наказания должна отвечать трем требованиям: быть предвосхищаемой, обладать признаками конечности и точности. В связи с этим, по его мнению, перед уголовным наказанием может быть одновременно поставлена только одна цель [17, с. 205].

Думается, ошибочность приведенных мнений проистекает от упрощенного представления об уголовном наказании как о простом, однолинейном явлении, каковым оно на самом деле не является. Будучи феноменом социальным, уголовное наказание представляет собой сложное, структурированное, многофункциональное образование, оно имеет обязательные структурные элементы, что давно убедительно доказано отечественными теоретиками права [18, с. 49].

Вся существующая система уголовно-правовых и уголовно-исполнительных мер обращения с преступниками построена на представлении о том, что уголовное наказание состоит из кары как принуждения с целью вызвать страдание, и принуждения, лишённого карательной потенции — принуждение к учебе, к труду, к соблюдению правил внутреннего распорядка, режимных требований (особенно отчетливо это проявляется в лишении свободы). В силу этого уголовное наказание способно решать несколько задач одновременно и именно поэтому перед ним можно одновременно ставить несколько целей.

Имея в виду названные свойства уголовного наказания, законодатель сформулировал три таких цели: восстановление социальной справедливости, исправление виновного, предупреждение совершения новых преступлений. Причем, как справедливо отмечает В.В. Мальцев, социальное предназначение наказания как смысла его существования не может быть выражено только через одну из его целей, оно охватывает все цели наказания и через них конкретизируется [19, с. 91].

Именно в силу сложной структуры уголовного наказания законодатель предусматривает множество видов наказания, в каждом из которых в большей или меньшей мере заложены разные потенции. Например, стопроцентной потенцией в плане достижения цели специальной превенции обладает смертная казнь, лишение свободы обладает всеми тремя потенциями и т.д.

В этом отношении заслуживает внимания позиция В.В. Сверчкова, предлагающего различать уровни влияния наказания на объект воздействия, на одном из которых эта цель может быть достигнута, и называет три таких уровня —

личностный, социальный и смешанный, включающий в себя и личностный, и социальный [10, с. 464].

Представляется несостоятельным и утверждение о том, что уголовное наказание имеет как официальные, т.е. предусмотренные законом, так и неофициальные цели. А.Н Орлов пишет, что перечень целей уголовного наказания в ст. 43 УК РФ не является исчерпывающим. Наряду с этим уголовное наказание преследует и другие, не закрепленные в УК РФ цели: искупление вины, ресоциализация осужденных, воспрепятствование осужденному продолжать преступную деятельность, защита личности, общества, государства от преступных посягательств [20, с. 87–94].

Автор приведенного суждения явно путает цели уголовного наказания с его функциями. Все дело в том, что, будучи явлением сложным, уголовное наказание, преследуя те цели, которые закреплены в законе, способно решать и другие, непосредственно перед ним не ставящиеся задачи. Таково свойство многих социальных явлений. Например, повышение в России цены на спиртные напитки предпринимается с целью снижения уровня потребления таких напитков. Однако известно, что такая мера способствует повышению уровня наполняемости бюджета, снижению преступности, оздоровлению населения и решению других социальных проблем.

Кроме того, следует иметь в виду, что те цели, которые, названы в ст. 43 УК РФ, являются правовыми. Не зафиксированные в позитивном праве возможные результаты применения уголовного наказания не могут считаться его целями и поэтому было бы принципиально неверным ориентировать правовую систему на их достижение.

Авторы, классифицирующие цели уголовного наказания на официальные и неофициальные, отождествляют цели наказания с его функциями. Цели наказания — это соответствующие задачам и принципам уголовного права социальные и уголовно — политические результаты, определенные в уголовном законе, которых стремятся достичь законодатель и правоприменитель, устанавливая в уголовном законе наказуемость преступлений, назначая эту уголовно-правовую меру лицам, совершившим преступления [21, с. 16]. Между тем функция права — это то, что и с какими параметрами делает или предписывает делать право (норма права) для достижения оговоренных целей в конкретных условиях (гипотезах) [22, с. 278].

Неудовлетворенность сформулированными в ст. 43 УК РФ целями уголовного наказания некоторые теоретики уголовного права высказывали уже вскоре после введения с 1 января 1997 г. нового УК РФ [11, с. 240–249; 12, с. 19–21]. Поток критики по поводу какой-то отдельной цели, а иногда и их всех, нарастал и, как отмечалось выше, примерно к 2008 г. сформировалось мнение о кризисе уголовного наказания как социального института в связи с тем, что перед ним поставлены недостижимые цели.

Чтобы разобраться в сложившейся ситуации, следует проанализировать аргументы критиков применительно к каждой цели уголовного наказания. Но прежде необходимо обратить внимание на следующее. Сегодня предпринимаются попытки реанимировать высказанное много десятилетий назад мнение Н.А. Беляева, предлагавшего отказаться от понятия «цели наказания» и заменить его понятием «социальные функции». В.А. Никонов, в частности, считает, что наказание никаких целей иметь не может, имея в виду, что только человеку как

носителю сознания присуще целеполагание. Применительно к уголовному наказанию, по его мнению, следует говорить не о его целях, а о функциях [23, с. 12]. По этому поводу уместной представляется следующая ремарка С.А. Анощенко-вой: «Словосочетание «цели наказания» в известной мере условно. Поскольку уголовное наказание само по себе целей не преследует, имеются в виду те цели, которые стремится достичь общество, государство в лице правоохранительных органов посредством назначения и исполнения наказания» [21, с. 16].

В ст. 43 УК РФ на первом месте стоит цель восстановления социальной справедливости. В истории России это был первый случай закрепления такой цели в уголовном законе, хотя еще в начале 60-х гг. прошлого столетия Н.А. Беляев писал о том, что уголовное наказание преследует цель восстановления социальной справедливости [24, с. 27] и это симптоматично: идея справедливости во все времена была востребована у россиян.

Между тем сегодня разброс мнений о восстановлении социальной справедливости как цели уголовного наказания весьма значительный: от абсолютного неприятия до полного признания ее целесообразной и необходимой в уголовном законодательстве. Причем, аргументы за и против настолько многочисленны, насколько разнообразны по содержанию. Одни — откровенные противники постановки перед уголовным наказанием цели восстановления социальной справедливости (Л.Л. Кругликов, С.И. Курганов, И.Я. Козаченко, Е.Б. Козаченко, С.В. Полубинская и др.) — исходят из того, что содержание и средства достижения такой цели аморфны и отсутствуют объективные критерии оценки ее достижения [25, с. 350; 11, с. 240–249; 26, с. 7; 27, с. 23]. Другие, понимая цель восстановления социальной справедливости исключительно как компенсационную, считают неуместной постановку ее перед наказанием, поскольку уголовное право в отличие, например, от гражданского не обладает компенсационным, восстановительным характером [28, с. 295–296; 29, с. 389; 30, с. 109]. И.В. Упоров, наоборот, приветствуя восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания, рассматривает ее как частичную компенсацию, но не столько в виде возмещения имущественного ущерба, сколько, прежде всего, в причинении осужденному определенных страданий в ответ на те страдания, которые причинил он своим преступлением [31, с. 21; 32, с. 85–90]. Третьи отождествляют эту цель с карой. В частности, В.К. Дуюнов пишет, что, вводя в закон цель восстановления социальной справедливости, законодатель камуфлирует более понятную цель кары преступника. Поскольку термин кара себя скомпрометировал родством с мстью и талионом, было принято решение его облагородить высоким сравнением со справедливостью, т.е., по его мнению, происходит простая замена терминов — неудобного термина «кара» его оборотом — «восстановление социальной справедливости» [12, с. 21].

Не выдерживает критики предложение Т.Ф. Миняевой об исключении цели восстановления социальной справедливости из ст. 43 УК РФ в связи с тем, что справедливость возведена в ранг уголовно-правового принципа в ст. 6 УК РФ и уже применение меры уголовно-правового характера к виновному в преступлении лицу призвано реализовать принцип «справедливость». То есть, по ее мнению, имеет место необоснованное удвоение понятия «справедливость» в уголовном законодательстве.

Необоснованность приведенной точки зрения видится в том, что ее автор отождествляет уголовно-правовой принцип справедливости с одной из целей

уголовного наказания. Между тем известно, что уголовно-правовой принцип представляет собой основополагающую идею, на которой должны строиться уголовно-правовые нормы, а цель в ст. 43 УК РФ тот мысленный результат, ради достижения которого суд должен назначать уголовное наказание. Поэтому ни о какой избыточности понятия «справедливость» в УК РФ не может быть и речи.

Говоря о восстановлении социальной справедливости как цели уголовного наказания, нельзя понимать ее ограниченно, сводя исключительно к возмещению причиненного преступлением вреда. Ведь очевидно, что не всегда такой вред можно измерить с помощью каких-либо эквивалентов. Невозможно, в частности, измерить величину морального и физического вреда, причиненного человеку, также не измеряем вред, причиняемый общественной безопасностью и общественному порядку, территориальной целостности России, ее суверенитету, экологии и др. Если и можно говорить о возмещении вреда, причем в очень ограниченном объеме, то только применительно к случаям совершения преступлений, причиняющих имущественный вред, который можно оценить с использованием денежного эквивалента.

Даже тогда, когда судом удовлетворяются иски о возмещении морального вреда, ясно, что это чисто символическая мера. Никакими деньгами, думается, невозможно компенсировать пережитое изнасилованной женщиной унижение, как и все другие возможные унижения чести и достоинства.

Справедливость — это наши представления о плохом и хорошем, о добре и зле. То есть справедливость предстает как идеал, идея [33, с. 119–124]. При этом мы, безусловно, должны отдавать себе отчет в том, что никогда не сможем воплотить идею в жизнь такой, какой она существует в нашем воображении. Однако благодаря праву, сконструированному в таком качестве, мы получаем ориентир для движения во времени, причем во времени не вообще, а в каждую конкретную эпоху. Следуя идеалу, мы, не достигая его, получаем в жизни то, что имеем. И эта сложившаяся жизнь создает свои идеалы. И это вечное несовпадение того, к чему мы стремимся как к идеалу, с тем, что получаем в результате движения, является смертью прежнего идеала и источником рождения нового.

Справедливость, таким образом, приходит не только для того, чтобы противостоять несправедливости, но (в конечном счете) и для того, чтобы убить себя в определенной смысловой форме и предстать уже в иной форме.

Цель восстановления социальной справедливости, безусловно, предполагает возмещение вреда, но лишь настолько, насколько это реально возможно с учетом характера совершенного преступления и характера причиненного им вреда. Но, независимо от этой цели, восстановление социальной справедливости главным образом заключается в демонстрации того, что государство «увидело» совершенное субъектом деяние, что оно оценило это деяние как преступление, т.е. как деяние, попирающее не только закон, но и господствующие в обществе представления о справедливости. То есть государство, наказывая преступников, демонстрирует свою приверженность идеям справедливости, заложенным в уголовном законе и, таким образом, поддерживает в народе существующее чувство справедливости. Именно поэтому мы, например, оцениваем как несправедливый приговор в отношении бывшей сотрудницы Министерства обороны РФ Васильевой, которой за причинение России ущерба в несколько миллиардов руб. было назначено наказание в 6 мес. лишения свободы, и другие, подобные приговоры.

Удивляет многообразие мнений по поводу второй цели — исправление виновного. Главное возражение против сохранения в ст. 43 УК РФ цели исправления виновного заключается в том, что его авторы считают такую цель недостижимой [15, с. 44–54; 34, с. 63–66; 32, с. 85–90; 35, с. 35; 27, с. 102; 36, с. 154; 37, с. 227 и др.].

Так, В.И. Зубкова считает, что цель исправления осужденных в уголовно-правовом аспекте не имеет самостоятельного значения, т.к. реально она может быть достигнута лишь при исполнении наказания. В связи с этим постановка такой цели перед наказанием в уголовном законодательстве неуместна [35, с. 75]. Такого же мнения придерживается и С.А. Жовнир [32, с. 87].

С.У. Дикаев не только не приемлет исправление как цель наказания, но и убежден в том, что провозглашение ее в УК РФ есть обман законодателем общественности [15, с. 47].

Также неприемлемой считает цель исправления и С.Д. Ратник, которая пишет, что твердая убежденность в возможности исправления и перевоспитания человека, тем более преступника, является в сущности не больше, чем самонадеянностью, а цель исправления преступников, закрепленная в законодательстве, — недостижимой в принципе [36, с. 154].

Вместе с тем и среди сторонников цели исправления нет единодушия. Наиболее проблемным является вопрос о возможности морального исправления преступника. Н.Ф. Кузнецова считала, что в ст. 43 УК РФ имеется в виду лишь юридическое исправление. Солидарна с ней С.А. Анощенкова, утверждая, что моральное исправление является отдаленным результатом — итогом реализации норм уголовно-исполнительного права [21, с. 22]. Как видно, Н.Ф. Кузнецова и С.А. Анощенкова, не отрицая правомерность постановки перед наказанием цели морального исправления, говорят о стадии исполнения наказания, на которой наиболее вероятно достижение этой цели.

А.В. Наумов, наоборот, не оспаривая правомерность цели исправления, как и других целей, предусмотренных ст. 43 УК РФ, сомневается в возможности превращения преступника в процессе отбывания наказания в высоконравственную личность и предлагает ограничиться реальной задачей — убедить и заставить осужденного хотя бы под страхом наказания не нарушать уголовный закон, т.е. убежден в возможности достижения только юридического исправления [29, с. 530]. Аналогичного мнения придерживаются В.И. Зубкова [35, с. 75] и В.И. Морозов [38, с. 2].

Не отрицая возможность исправления преступника, И.Я. Козаченко и Е.Б. Козаченко верно подчеркивают, что добиться исправления только принуждением невозможно, его следует сочетать с мерами поощрения [26, с. 6].

При оценке позиции оппонентов теории исправления преступников следует учитывать, что они исходят из тезиса о том, что цели наказания, в т.ч. и цель исправления, должны обладать признаком конечности, т.е. в качестве целей можно ставить только такие планируемые результаты, которые будут обязательно достигнуты в полном объеме. Вряд ли такое представление о целях деятельности человека в тех случаях, когда речь идет о решении социальных проблем, можно считать правильным.

Цели наказания нельзя считать конечными уже постольку, поскольку они находятся за пределами возможностей одного лишь уголовного права. Эти цели касаются глубоких преобразований и в материальной жизни общества, и

в общественном сознании, что вовсе не исключает направленность наказания на достижение указанных целей [20, с. 87]. Это положение представляется аксиоматичным.

Практика применения уголовных наказаний действительно свидетельствует о том, что далеко не всех преступников удается исправить. Однако такая же правда состоит в том, что значительная их часть исправляется, о чем свидетельствует, в частности, практика условно-досрочного освобождения от наказания. Не без основания И.Я. Козаченко и Е.Б. Козаченко делают следующий вывод: «Если осужденных освобождают (условно-досрочно. — Ю.Б.), значит, исправленные осужденные есть и будут впредь» [26, с. 8].

Проблема цели исправления заключается не в том, что она недостижима, а в том, что она труднодостижима не только в отношении всех преступников, но даже большей их части, поскольку требует серьезных организационных, интеллектуальных, материальных усилий, наличия научно обоснованной системы мер воспитательного воздействия, огромного корпуса специально подготовленных воспитателей-психологов. Но эти сложности не должны служить основанием для исключения из уголовного законодательства столь гуманной цели, к которой человечество пришло через столетия массового применения жесточайших, бесчеловечных, в т.ч. и членовредительских, уголовных наказаний.

Известно, что идея исправления преступников стала разрабатываться теоретиками права в новоевропейскую эпоху и господствовала до конца XX в. С начала XIX столетия в пенитенциарной практике начинает реализовываться идея исправления, ядром которой признаются изоляция преступников от общества с помещением в специализированные учреждения закрытого типа и применением таких мер воздействия, как режим, труд, общее и профессиональное образование.

Уместно в связи с этим вспомнить, что и в Российской империи с конца XVIII до начала XX в. наблюдается эволюция идеологической парадигмы уголовно-исполнительной политики от репрессивно-карательной к исправительно-воспитательной [2, с. 3–9; 39, с. 51–55; 40, 179–182]. Уже в «Наказе» Екатерина II писала об идее совмещения уголовного наказания и воспитания осужденных. К концу XVIII в. учреждаются смирительные и работные дома, дома для исправления «злонравных» и «безумных». Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало в качестве вида наказания направление в исправительные арестные роты [41, с. 31–34].

Любопытно, что даже представители антропологического направления считали возможным исправление преступников, исключая только психически ненормальных [3, с. 3].

Читая современных скептиков, невольно задаешься вопросом: неужели они отрицают цель исправления, считая современных преступников поголовно психически неполноценными? Справедливости ради следует заметить, что абсолютное число психически больных людей на Земле растет, в т.ч. и среди тех, кто совершает преступления. Однако статистика и результаты научных исследований свидетельствуют о том, что далеко не все осужденные являются психически ненормальными.

Следует также иметь в виду, что исключение исправления из числа целей наказания означало бы отказ от принуждения к учебе, соблюдению правил внутреннего распорядка и режимных требований, т.к. это принуждение лишено кары и осуществляется исключительно в воспитательных целях. т.е. исключало

бы человека как творческую личность из воспитательного процесса и сводило бы человеческое счастье к слепому подчинению существующим правилам.

Неверие в возможность достижения цели исправления преступника приводит к выводу о необходимости замены ее другими целями. Одни предлагают заменить ее целью возмездия [17, с. 370–372], другие — целью ресоциализации виновного [42, с. 98; 43, с. 95; 31, с. 125; 44, с. 42], третьи — дисциплинарными методами воздействия [36, с. 151–154; 45, с. 16; 46, с. 30–31].

Вряд ли можно найти какие-то серьезные аргументы в пользу предложения о замене цели исправления целью возмездия. В истории человечества это уже было, а в наше время в качестве рудимента сохраняется в отдельных странах, причем, лишь в тех, где основной целью наказания являются отпущение, возмездие, устрашение (Саудовская Аравия, Иран, Ливия, Йемен, Судан, Китай и др.), еще практикуются такие способы приведения приговора в исполнение, как обезглавливание, забрасывание камнями, колесование, сожжение, закапывание заживо, публичность исполнения и т.п.

Очевидно, что подобные меры обращения с преступниками не согласуются с ментальностью современных россиян, с нашими представлениями о гуманизме, справедливости, ценности человеческой личности. Безусловно, прав И.В. Упоров, заявляя, что возмездие не может быть целью наказания, поскольку государство не может уподобляться преступнику и воздавать по принципу «око за око» [31, с. 124].

Что касается двух других предложений, то, прежде всего, следует обратить внимание на то, что, несмотря на терминологическое несовпадение названных мер (ресоциализация и дисциплинарное воздействие), речь в обоих случаях идет по существу об исправлении в новом его понимании под именем дисциплинарного воздействия.

Меры дисциплинарного воздействия стали практиковаться уже в эпоху Просвещения, хотя получили теоретическое обоснование значительно позже и сегодня активно культивируются не только в гражданских учреждениях, но и в специализированных заведениях — тюрьмах, исправительных домах. Сущность идеи дисциплинарного воздействия заключается в следующем. В условиях современного «общества неопределенности», т.е. «рефлексивного общества», происходит процесс переосмысления предыдущего периода развития, когда пенитенциарная система выстраивала стратегию обращения с преступниками на постулате классической науки о возможности бесконечного совершенствования человека. Новая философия считает идею перевоспитания преступников изначально утопичной, т.к. она противоречит природе человека и общества [36, с. 154].

Один из основоположников теории дисциплинарного воздействия французский философ Мишель Фуко пишет, что целью дисциплинарных процедур, которые начинают активно практиковаться, начиная с XVII в. в различных сферах жизни, увеличение возможной полезности индивидов. Обеспечивая лучшее функционирование в различных секторах общества, дисциплины становятся общими формами господства¹. Способы дисциплинарного воздействия — т.н. «паноптикон», представляющий собой своеобразную технологию, когда человек все время видим, надзираем, но не видит надзирающего. Важно, чтобы заклю-

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы /пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. URL: <http://e-libra.su/read/174103-nadzirat-i-nakazyvat.-rozhdenie-tyurmy.html> (дата обращения: 15.05.2018).

ченный знал, что за ним наблюдают. В западном обществе под влиянием идей М. Фуко утверждается мнение о том, что посредством дисциплинарного метода тело человека (объекта и мишени власти) с наименьшими затратами сокращается как «политическая» сила и максимально увеличивается как полезная сила [47, с. 325].

Привлекательность теории дисциплинарного воздействия заключается в следующем: система паноптикона не требует больших материальных затрат, поскольку современные телекоммуникационные системы позволяют незначительному числу операторов осуществлять тотальное, круглосуточное наблюдение за значительным числом осужденных в условиях соответствующим образом оборудованного тюремного помещения; высокая эффективность мер дисциплинарного воздействия; такая система не требует специальной подготовки специалистов в области человекознания, достаточно научить оператора управлять монитором; посредством паноптикона возможно не только приучать к соблюдению установленных норм лиц, совершивших преступления, но и профилактировать преступления со стороны других лиц; система паноптикона исключает применение насилия к наблюдаемым.

Однако при всей привлекательности этой теории внедрение ее в России представляется неприемлемым по следующим соображениям. Дело в том, что, во-первых, такую систему предлагается внедрять не только в тюрьмах, но и в гражданских учреждениях. Это значит, что у государства появляется возможность поставить под тотальный контроль не только отдельных граждан, но и отдельные их группы, в т.ч. трудовые коллективы и социальные группы, подавляя любое инакомыслие. Государство, власть получают возможность манипулировать поведением членов общества, программируя его по своему усмотрению.

Во-вторых, в условиях паноптикона осужденный становится исключительно объектом информации, но никогда не может быть субъектом коммуникации. То есть предполагается не содержательное, нравственное преобразование преступника, а выработка привычки (на уровне второй сигнальной системы) совершать действия, соответствующие установленным нормам.

В-третьих, система паноптикона направлена на подавление творческого начала в человеке. В условиях рыночных отношений благодаря паноптикону тело человека согласно М. Фуко «сокращается как «политическая» сила и максимально увеличивается как полезная сила»². То есть, власть видит в человеке исключительно производительную силу.

В-четвертых, система дисциплинарного воздействия тоже не гарантирует стопроцентный позитивный результат хотя бы потому, что субъект дисциплинарного воздействия, будучи от природы наделенным воображением, всегда найдет возможность уклониться от круглосуточного наблюдения. И если он склонен к совершению правонарушений, то найдет возможность их совершить. Хорошо показал это в романе «Мужчина в полный рост» американский писатель Том Вулф — как только осужденным удавалось «ускользнуть» от наблюдения, тут же следовали изнасилования, побои, убийства [47, с. 496–521].

В-пятых, М. Фуко считал тюрьму единственным оптимальным учреждением для реализации паноптикона применительно к лицам, осужденным за совершение преступлений. Между тем оппоненты этой идеи справедливо обращают внимание на следующие пороки тюремного заключения. Тюрьма организует

обучение неопытных преступников воровским профессиям и превращение их в профессиональных преступников. В тюрьме преступники планируют будущие преступления, организацию побегов и коллективных тюремных бунтов. Тюреммы не снижают уровень преступности. Их можно расширять, преобразовывать, увеличивать их количество, но число преступлений и преступников остается стабильным или, хуже того, возрастает. Тюрма порождает рецидивистов. Подавляющее число осужденных — это те, кто отбывает тюремное заключение не в первый раз. Существование в тюрьме — это их образ жизни. Они привыкают в ней не заботиться о еде и жилище, о поисках работы и средств к существованию.

Тюрма производит все новых и новых преступников, а не исправляет их, независимо от того, «сидят» ли они в одиночных камерах или исполняют бесполезную для них работу. 30–40 надзирателей в тюрьме могут сохранять свою безопасность и контроль над 1000–1500 преступниками, только опираясь на доносчиков.

Тюрма организует преступное сообщество, иерархию внутри этого сообщества, дает воровскую профессию и учит быть доносчиком. Условия, в которых оказываются освободившиеся преступники, обрекают их на повторение преступления. Во время заключения они теряют место жительства и после выхода из тюрьмы становятся бездомными бродягами. Тюремное заключение обрекает семью преступника на нищету после заключения под стражу единственного кормильца. В результате сын вора тоже часто становится вором, что, в конечном счете, приводит к новым преступлениям³.

При всей привлекательности идеи паноптикона цель исправления представляется более приемлемой как наиболее соответствующая ментальности, культуре российского народа, нашим представлениям о сущности человеческой личности, о добре и зле, справедливости и несправедливости.

Наименее уязвимой для критики оказалась цель предупреждения новых преступлений. Более того, И.В. Упоров уверен, что она является настолько общепризнанной, что ее постановка не вызывает никаких сомнений [31, с. 124]. Однако вопреки убеждению И.В. Упорова у этой цели тоже есть оппоненты. С.У. Дикаев, например, считая цели общей и специальной превенции равно недостижимыми, ссылается на высокий уровень преступности в местах лишения свободы и неблагоприятную динамику преступности в стране в целом. По его мнению, правоохранительная система в целях обоснования необходимости своего существования будет намеренно создавать условия для продолжения существования «системы преступность» [15, с. 50].

Оценивая позицию С.У. Дикаева, следует принять во внимание, что он оперирует данными о преступности 10-летней давности. С тех пор динамика преступности претерпела изменения, поэтому его аргумент существенно обесценился.

Таким образом, сегодня нет достаточных оснований для реформы существующей в ст. 43 УК РФ системы целей уголовного наказания. Эти цели надо правильно понимать и согласовать с ними средства и методы их достижения.

Библиографический список

1. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М.: Городец, 2000. 464 с.

³ См.: Фуко М. Указ. раб.

2. *Емельянов С.Н.* Отечественная уголовно-исполнительная система: поиски идеологической парадигмы // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 3 (12). С. 3–9.
3. *Ферри Э.* Уголовная социология. М.: Изд-во В.М. Саблина, 1908. 590 с.
4. *Квициния.* Инквизиция; Ману, Вишну. См.: МЭНТЬ. Древний закон и обычай: исследования по истории древнего права. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К, 1884. 340 с.
5. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М.: Юридическая литература, 1939. 464 с.
6. *Лист Ф.* Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: Инфра – М., 2004. 142 с.
7. *Лист Ф.* Учебник уголовного права. Общая часть. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1903. 334 с.
8. *Здравомыслов Б.В.* Уголовно-правовые взгляды русских революционеров-демократов А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова. М.: Госюриздат, 1959. 120 с.
9. *Ломброзо Ч.* Преступление. М.: Спарк, 1994. 187 с.
10. *Сверчков В.В.* Цели реализации уголовной ответственности (применения уголовного наказания): историческая преемственность, обоснованность и уровни достижения // Вестник Воронежского гос. ун-та. 2012. № 1(12). Серия: Право. № 1. С. 454–468.
11. *Курганов С.И.* Изменение целей наказания: кризис права или кризис общества? (Криминологический анализ) // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / под общ. ред. Г.И. Заславской. М.: Логос, 1999. 432 с.
12. *Дуюнов В.К.* Проблемы наказания в новом уголовном праве. Белгород: Изд-во БелГУ, 1998. 53 с.
13. *Лопашенко Н.А.* О доктринальных предпосылках создания нового уголовного законодательства // Криминологический журнал Байкальского государственного ун-та экономики и права. 2014. № 4. С. 5–13.
14. Криминология вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2003. № 1 (6). 365 с.
15. *Дикаев С.У.* Цели уголовного наказания и критерии оценки эффективности уголовного закона // Юридическая мысль: Частное образовательное учреждение высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). 2008. № 5 (49). С. 44–54.
16. *Безверхов А.Г.* О законодательном закреплении дефиниции уголовного наказания // Российская юстиция. 2010. № 12. С. 14–17.
17. *Крюков В.И.* Категория цель в пенологии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 201–205.
18. *Крюков В.В.* Месть и возмездие в доктрине советского уголовного права // Молодой ученый. 2015. С. 370–372.
19. *Мальцев В.В.* Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. Волгоград: ВА МВД России, 2007. 222 с.
20. *Орлов В.Н.* О некоторых целях уголовного наказания // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2007. № 2 (11). С. 87–94.
21. *Анощенкова С.А.* Цели наказания как символы уголовной политики // Вестник Мордовского университета. 2006. № 1. С. 16–24.
22. *Глущенко В.В.* Теория государства и права: системно-управленческий подход. Железнодорожный: Крылья, 2000. 415 с.
23. *Никонов В.А.* Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания: (теоретико-методологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 32 с.
24. *Беляев Н.А.* Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 41 с.

25. *Кругликов Л.Л.* Уголовное право России. Часть Общая: учебник / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 592 с.
26. *Козаченко И.Я., Козаченко Е.Б.* Уголовно-правовая «калькуляция» цели уголовного наказания // Вестник Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2010. № 10. С. 4–8.
27. *Полубинская С.В.* Цели уголовного наказания. М.: Наука, 1990. 142 с.
28. *Маслов В.А.* Цели наказания по уголовному законодательству Российской Федерации // Новое слово в науке: перспективы развития. Чебоксары: ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2016. № 2 (8). С. 295–296.
29. *Наумов А.В.* Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: Норма, 2000. 710 с.
30. *Максимов С.В.* Цель в уголовном праве: методологические аспекты / отв. ред. А.И. Чугаев. Ульяновск: УлГУ, 2002. 148 с.
31. *Упоров И.В.* Карать нельзя исправлять: проблемы целей уголовного наказания в российском уголовном и уголовно-исполнительном праве // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пенза: Изд-во Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.). 2016. С. 122–126.
32. *Жовнир С.А.* Цели уголовного наказания // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2011. № 13. С. 85–90.
33. *Мицкевич А.Ф.* Уголовное наказание: понятие, цели и механизм действия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 60 с.
34. *Миняева Т.Ф., Добряков Д.А.* Исправление осужденного (преступника) как цель наказания // Евразийская адвокатура. Уфа: Изд-во Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. 2016. № 2 (21). С. 63–66.
35. *Зубкова В.И.* Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М.: Норма, 2002. 304 с.
36. *Ратник С.Д.* Проблематизация исправления преступников в обществе неопределенности // Вестник Самарского муниципального института управления. 2013. № 1 (24). С. 152–155.
37. *Усс А.В.* Социально-интегративная роль уголовного права. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1993. 253 с.
38. *Морозов В.И.* Об эффективности специального предупреждения преступлений / Академический вестник. Тюмень: Изд-во Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права. 2009. С. 186–190.
39. *Храмова И.С.* Роль трудового воспитания в процессе исправления несовершеннолетних преступников в России и Великобритании середины XIX – начала XX в. // Гуманитарные исследования. Астрахань: Изд-во ФГБОУ ВПО «Астраханский гос. ун-т», 2007. № 2. С. 51–55.
40. *Кистяковский А.Ф.* Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обозрением русских учреждений. Киев, 1878. Приложения. 232 с.
41. *Громов В.Г.* Основные направления снижения криминогенного потенциала мест лишения свободы. М.: Новый индекс, 2008. 336 с.
42. *Панкратов Р.И.* Дети, лишённые свободы. М.: Юрлитинформ, 2003. 256 с.
43. *Морозов А.И.* О новых путях исправления несовершеннолетних преступников // Труд и социальные отношения. М.: Изд-во Академии труда и социальных отношений, 2010. № 3. С. 95–100.
44. *Канунник А.И.* Содержание и соотношение исправления и кары как целей наказания // Цели уголовного наказания. Рязань: Изд-во НИ и РИО РВПШ МВД СССР, 1990. С. 38–44.
45. *Похмелькин В.В.* Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1990. 98 с.

46. *Похмелькин В.В.* Система предупредительного воздействия на преступность и уголовно-правовая профилактика: учебное пособие. М.: Академия МВД СССР, 1983. 88 с.
47. *Вулф Том.* Мужчина в полный рост. СПб.: Амфора, 2006. 830 с.

References

1. *Foinitsky I.J.* The Doctrine of Punishment in Connection with Prison Studies. M.: Gorodets, 2000. 464 p.
2. *Emelyanov S.N.* The Domestic Criminal-Executive System: the Search for an Ideological Paradigm // Bulletin of the Vladimir law Institute. 2009. No. 3 (12). P. 3–9.
3. *Ferri E.* Criminal Sociology. M.: Publishing house V.M. Sablina, 1908. 590 p.
4. *Kvitsinya.* Inquisition; Manu, Vishnu. See: MAN. Ancient Z-con and Custom: the Inheritance of the History of Ancient Law. M: Type. A.I. Mamontov and K, 1884. 340 p.
5. *Beccaria H.* On Crimes and Punishments. M.: Legal literature, 1939. 464 p.
6. *Sheet F.* The Tasks of Criminal Policy. Crime as a Socio-pathological Phenomenon / comp. and Preface. V. S. Ovchinsky. M.: Infra – M, 2004. 142 p.
7. *Sheet F.* Textbook of Criminal Law. General part. M: Type. A. I. Mamontova, 1903. 334 p.
8. *Zdravomyslov B.V.* Criminal-legal Views of Russian Revolutionary Democrats A.I. Herzen, V.G. Belinsky, N.D. Chernyshevsky, N.Ah. Dobrolyubov. M.: Gosyurizdat, 1959. 120 p.
9. *Lombroso C.* Crime. M.: Spark, 1994. 187 p.
10. *Crickets V.* The Realization of Criminal Liability (Criminal): Historical Continuity, Validity and Levels of Achievement // Vestnik of Voronezh State University № 1(12). Series: Right, 2012. No. 1. P. 454–468.
11. *Barrows S.I.* Change in the Goals of Punishment: the Crisis of the Right or Crisis of Society? (Criminological analysis) // Where is Russia going? Crisis of institutional systems: century, decade, year / under the General editorship of G.I. Zaslavskaya. M.: Logos, 1999. 432 p.
12. *Duyunov V.K.* Problems of Punishment in the New Criminal Law. Belgorod: Publishing house of BelSU, 1998. 53 p.
13. *Lopashenko N.A.* On the Doctrinal Prerequisites for the Creation of a New SCriminal Law // Criminological journal of the Baikal state University of Economics and law. 2014. No. 4. P. 5–13.
14. Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow: Works of the St. Petersburg criminological club. 2003. No. 1 (6). 365 p.
15. *Dikaev S.U.* Objectives of Criminal Punishment and Criteria for Assessing the Effectiveness of the Criminal Law // Legal Thought: Private educational institution of higher education «Law Institute» (St. Petersburg). 2008. No. 5 (49). P. 44–54.
16. *Bezverkhov A.G.* On Legislative Consolidation of the Definition of Criminal Punishment // Russian justice. 2010. No. 12. P. 14–17.
17. *Kryukov V.I.* category goal in Penology // Bulletin of Saratov state law Academy. 2015. № 2 (103). P. 201–205.
18. *Kryukov V.V.* Revenge and Retribution in the Doctrine of the Soviet Criminal Law // Young scientist. 2015. P. 370–372.
19. *Maltsev V.V.* Punishment and Problems of its Appointment in Criminal Llaw. Volgograd: MA Ministry of Home Affairs of Russia, 2007. 222 p.
20. *Orlov V.N.* On Some Purposes of Criminal Punishment // Bulletin of the North Caucasus State Technical University. 2007. No. 2 (11). P. 87–94.
21. *Anashenkov S.A.* The Purpose of Punishment as Symbols of Criminal Policy // Vestnik Mordovsky University. 2006. No. 1. P. 16–24.

22. *Gluschenko V.V.* Theory of State and Law: System-management Approach. Railway: Wings, 2000. 415 p.
23. *Nikonov V.A.* Efficiency of General Preventive Influence of Criminal Punishment: (theoretical and methodological research): extended abstract dis. ... doc. of law Ekaterinburg, 1994. 32 p.
24. *Belyaev N.A.* Purposes of Punishment and Means of Their Achievement in Correctional Labor Institutions. Leningrad: publishing house of JSC Leningrad state University, 1963. 41 p.
25. *Kruglikov L.L.* Criminal Law of Russia. Part of the total. textbook / ed. ed. L.L. Kruglikov. M.: Volters Kluver, 2005. 592 p.
26. *Kozachenko I.Ya., Kozachenko E.B.* Criminal Law «Calculation» of the Purpose of Criminal Punishment // Bulletin of the Vologda Institute of law and Economics of the Federal penitentiary service. 2010. No. 10. P. 4–8.
27. *Polubinskaya S.V.* The Purpose of Criminal Punishment. M.: Science, 1990. 142 p.
28. *Maslov V.A.* Purposes of Punishment Under the Criminal Law of the Russian Federation // New Word in Science: Prospects of Development. Cheboksary: publishing House «Center for scientific cooperation, 2016. No. 2 (8). P. 295–296.
29. *Naumov A.V.* Criminal Law. General part. Course of lectures. M.: Norma, 2000. 710 p.
30. *Maksimov S.V.* The Purpose of Criminal Law: Methodological Aspects / ed. A.I. Chugaev. Ulyanovsk: Ulgu, 2002. 148 p.
31. *Uporov I.V.* To Punish It Is Impossible to Rehabilitate: the Problem the Purpose of Criminal Punishment in the Russian Criminal and Criminal-Executive Law // Actual Problems of Law, Economics and Management: collection of articles IV International scientific-practical conference. Penza: publishing house of Science and education (Yip, G. Yu. Gulyaev). 2016. P. 122–126.
32. *Zhovnir S.A.* Purposes of Criminal Punishment // Works of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. 2011. No. 13. P. 85–90.
33. *Mitskevich A.F.* Criminal Punishment: Concept, Goals, and Mechanism of Action. SPb.: Law center Press, 2005. 60 p.
34. *Minyazeva T.F., Dobryakov D.A.* The Correction of the Convict (wrongdoer) as the Purpose of Punishment // Eurasian Advocacy. Ufa: publishing House of the Eurasian research Institute of law problems. 2016. № 2 (21). P. 63–66.
35. *Zubkova V.I.* Criminal Punishment and Its Social Role: Theory and Practice. M.: Norm, 2002. 304 p.
36. *Ratnik S.D.* Problems of Correction of Criminals in Society of Uncertainty. Bulletin of Samara municipal Institute of management. 2013. No. 1 (24). P. 152–155.
37. *Uss A.V.* Socio-integrative Role of Criminal Law. Krasnoyarsk: Publishing house of Krasnoyarsk University, 1993. 253 p.
38. *Morozov V.I.* On the Effectiveness of Special Crime Prevention/ academic Bulletin. Tyumen: publishing House of the Tyumen state Academy of world economy, management and law. 2009. P. 186–190.
39. *Khramova I.S.* The Role of Labor Education in the Process of Correction of Juvenile Offenders in Russia and the UK mid – XIX-early XX century // Humanitarian studies. Astrakhan: publishing House of the Astrakhan state University, 2007. No. 2. P. 51–55.
40. *Kistyakovskiy A.F.* Young Criminals and Institutions for Their Correction, with a Review of the Russian Institutions. Kiev, 1878. Applications. 232 p.
41. *Gromov V.G.* The Basic Directions of Decrease of the Criminogenic Potential of Places of Deprivation of Liberty. M.: New index, 2008. 336 p.
42. *Pankratov R.I.* Children Deprived of Their Liberty. M.: Yurlitinform, 2003. 256 p.

43. *Morozov A.I.* About New Ways of Correction of Juvenile Delinquents // Labor and Social Relations. M.: publishing House of the Academy of labor and social relations, 2010. No. 3. P. 95–100.

44. *Kanunnik A.I.* Content and Correlation of Correction and Punishment as the Purposes of Punishment // Purposes of Criminal Punishment. Ryazan: publishing house of NOR and the RIO RVS USSR Ministry of internal Affairs, 1990. P. 38–44.

45. *Pokhmelkin V.V.* Social Justice and Criminal Liability. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk state University, 1990. 98 p.

46. *Pokhmelkin V.V.* System of Preventive Influence on Crime and Criminal-Legal Prevention: textbook. M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs, 1983. 88 p.

47. *Wolf Tom.* Full-length Male. St. Petersburg: Amphora, 2006. 830 p.

УДК 343.54

А.Г. Донченко, А.А. Токарева

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ И СЕКСУАЛЬНЫМИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Введение: *рост преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних, достиг такого уровня, когда возникла объективная потребность в противодействии им на международном и национальном уровнях. Цель: предложить меры по совершенствованию отечественного уголовного законодательства относительно противодействия преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних, с учетом позитивного опыта решения этих проблем на международном уровне. Методологическая основа: диалектический метод как универсальный инструмент познания в сочетании с такими общенаучными и частнонаучными методами, как формально-логический, юридико-технический, сравнительно-правовой, системный. Результаты: сформулированы предложения, касающиеся криминализации в российский уголовный закон деяния, выражающегося в домогательстве в отношении несовершеннолетнего с сексуальными целями, а также представлена авторская редакция дефиниции «сексуальная цель», которую предлагается закрепить в примечании к ст. 135.1 УК РФ. Вывод: криминализация домогательства в отношении несовершеннолетних обеспечит защиту прав и интересов детей от сексуальной эксплуатации и*

© Донченко Александр Григорьевич, 2018

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: donchenko.sgar@mail.ru

© Токарева Алена Анатольевна, 2018

Магистрант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: tokareva.a.a@bk.ru

© Donchenko Aleksander Grigoryevich, 2018

Candidate of Law, Associate Professor of Criminal and Penitentiary Law department (Saratov State Law Academy)

© Tokareva Alena Anatolyevna, 2018

Graduate student of the Theory of Criminal and Penitentiary Law department (Saratov State Law Academy)

сексуальных злоупотреблений, поскольку преждевременное начало сексуальной жизни наносит вред их нравственному, физическому и психическому развитию.

Ключевые слова: международное сотрудничество, сексуальная эксплуатация, сексуальные злоупотребления, несовершеннолетний, домогательство с сексуальными целями.

A.G. Donchenko, A.A. Tokareva

INTERNATIONAL COOPERATION ON COUNTERACTION TO THE CRIMES CONNECTED WITH SEXUAL EXPLOITATION AND SEXUAL ABUSES OF MINORS

Background: the increase of crimes related to sexual exploitation and sexual abuse of minors has reached such a level that there is an objective need to counteract them at the international and national levels. **Objective:** the authors of the article intend to propose measures for improving domestic criminal legislation on combating crimes related to sexual exploitation and sexual abuse of minors, taking into account the positive experience of solving these problems at the international level. **Methodology:** in doing the research the authors used the following methods of study: the dialectical method as a universal instrument of cognition combined with general scientific and private scientific methods such as formal-logical, juridical technical, comparative-legal and systemic ones. **Results:** proposals are formulated to criminalize harassment against a minor for sexual purposes in the Russian criminal law, and the authors' version of the term "sexual purpose" is presented, which is proposed to be attached in the note to article 135.1. **Conclusions:** the authors of the article argue that the researching made it possible to come to the conclusion that the criminalization of harassment of minors for sexual purposes will protect the rights and interests of children from sexual exploitation and sexual abuse, because the premature beginning of sexual life inflicts harm to their moral, physical and mental development.

Key-words: international cooperation, sexual exploitation, sexual abuse, minor, sexual harassment.

Защита прав и законных интересов детей, в т.ч. и от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, является одним из центральных направлений государственной политики любого государства. По степени распространенности и масштабам общественной опасности преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями в отношении несовершеннолетних, можно поставить в один ряд с самыми серьезными угрозами безопасности не только отдельных стран, но и всего мирового сообщества. Повышенная общественная опасность данной группы деяний проявляется в том, что их совершение пагубно влияет на моральное, психическое и психологическое развитие ребенка, поэтому мировое сообщество признает решение проблем, связанных с такими преступлениями, необходимым и обязательным. В связи с этим процесс противодействия преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних, характеризуется активным международным сотрудничеством, и все правовые решения, принимаемые в рамках данного сотрудничества, приоритетны над национальным законодательством. Следует также согласиться с А.Г. Блиновым по поводу того, что «общепризнанные принципы и нормы международного права изначально предназначены не для урегулирования внутрисударственных отношений, а

включают прогрессивные идеи, внедрение которых во внутригосударственное уголовное право повысит эффективность охраны интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества» [1, с. 37].

Поскольку общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, полагаем целесообразным в настоящем исследовании рассмотреть вопрос о международном сотрудничестве по противодействию преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних.

Необходимость законодательного закрепления гарантий и защиты прав и интересов детей на международном, а впоследствии и на внутригосударственном уровнях, стала приниматься во внимание лишь в начале XX в. Женевская Декларация прав ребенка от 26 ноября 1924 г.¹ положила начало международному сотрудничеству относительно исследуемой проблемы. Один из основных принципов, закрепленных в данном документе, состоит в том, что дети должны расти в любви и быть защищены от всех форм эксплуатации. Защита прав ребенка рассматривалась как мера, которую необходимо принимать в отношении детского труда, проституции несовершеннолетних, рабства и торговли детей.

В продолжение исследуемого вопроса следует отметить, что особо пристальное внимание проблеме обеспечения прав и интересов детей стало уделяться после окончания Второй мировой войны. В первую очередь это связано с принятием Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. «Всеобщей декларации прав человека», где закреплялись основные права и свободы человека и гражданина, в т.ч. и несовершеннолетних, и возлагалась обязанность на все мировое сообщество гарантировать их соблюдение и защиту².

Практически в это же время был создан детский фонд ЮНИСЕФ (англ. United Nations International Children's Emergency Fund), который по сей день является главным механизмом международной помощи детям [2, с. 143]. Образование Фонда способствовало разработке и принятию Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о правах ребенка в 1959 г.³ В указанном международном документе провозглашены правовые и социальные принципы, касающиеся благополучия и защиты детей как на национальном, так и международном уровне. Кроме того, Декларация предоставила ребенку права как гражданину и урегулировала их защиту от всех форм эксплуатации, агрессии и небрежного отношения.

После многолетней подготовки, основываясь на проводимых исследованиях в области обеспечения и защиты прав детей, 20 ноября 1989 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция о правах ребенка⁴, являющаяся своего рода детской Конституцией, как это справедливо отметил Ю.Е. Пудовочкин [3, с. 9]. Ее значимость для исследуемой проблемы состоит в том, что она обязала страны-участницы принимать все необходимые меры для защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, злоупотребления, отсутствия

¹ См.: Декларация прав ребенка (26 сентября 1924 г., Женева). URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 09.03.2018).

² См.: Всеобщая Декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. № 67.

³ См.: Декларация прав ребенка (принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.). URL: <http://www.un.org/ru> (дата обращения: 11.03.2018).

⁴ См.: Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Сборник Международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 150–153.

заботы, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление со стороны родителей, а также иных лиц, заботящихся о ребенке (ст. 19). Кроме того, государства-участники также обязались защищать ребенка от таких форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения, как склонение или принуждение ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности, использование в целях эксплуатации детей в проституции или в другой незаконной сексуальной практике, а также использование в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах (ст. 34).

Наряду с указанными формами эксплуатации ребенка (экономической, сексуальной), сексуального совращения (разграниченного с сексуальной эксплуатацией) выделяются и такие виды деяний, как похищение детей, торговля детьми, а также вводится понятие «контрабанда детьми» (ст. 35).

В 2000 г. вышеназванная Конвенция дополнилась вторым факультативным Протоколом, касающимся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии⁵, который был ратифицирован Российской Федерацией в 2013 г.⁶ Мировое сообщество данным Протоколом высказало крайнюю обеспокоенность значительными и растущими масштабами международной торговли детьми, детской проституции и порнографии; широко распространенной и продолжающейся практике секс-туризма; распространения порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних в различных информационно-телекоммуникационных сетях, а также предложило рекомендации правового и организационного характера по предупреждению подобных явлений. Кроме того, в этом же Протоколе мировое сообщество дало четкие дефиниции торговле детьми, детской проституции и детской порнографии.

При рассмотрении вопроса о международном противодействии сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, следует отметить и Первый (1996 г.), и Второй (2001 г.), и Третий (2008 г.) всемирные конгрессы по противодействию коммерческой сексуальной эксплуатации детей. Помимо категории «сексуальная эксплуатация», выделяется такой термин, как «коммерческая сексуальная эксплуатация». Именно в Стокгольмской декларации и плане действий по борьбе с коммерческой сексуальной эксплуатацией детей⁷, которые и были выработаны в рамках Первого Всемирного конгресса, организованного по инициативе Международной сети организаций ЭКПАТ (ЕСРАТ International) в Стокгольме, дано определение коммерческой сексуальной эксплуатации детей, под которой понимают одно из основных нарушений прав детей, включающее в себя сексуальные домогательства со стороны взрослых и вознаграждение в денежной или иной форме ребенку или третьему лицу (группе лиц).

Проанализировав понятие коммерческой сексуальной эксплуатации, можно сделать вывод о том, что основной разграничивающий фактор между данным термином и сексуальной эксплуатацией заключается в степени обязательно-

⁵ См.: Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи от 25 мая 2000 г. № 54/263). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml (дата обращения: 10.03.2018).

⁶ См.: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 75-ФЗ «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 7, ст. 632.

⁷ См.: Стокгольмская декларация (принята на первом Всемирном конгрессе против сексуальной эксплуатации детей в коммерческих целях 27–31 августа 1996 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/499039123> (дата обращения: 11.03.2018).

сти или необязательности получения материальной прямой выгоды [4, с. 85]. Сексуальная эксплуатация содержит в себе двойственный характер и может, в частности, предполагать получение пользы иного характера, необязательно выраженной в денежном эквиваленте, тогда как коммерческая сексуальная эксплуатация всегда предполагает получение материальной прибыли в качестве дохода от эксплуатации потерпевшего.

Помимо универсальных международных нормативных актов ООН, разрабатывались и принимались международные документы, противодействующие сексуальной эксплуатации и сексуальным злоупотреблениям несовершеннолетних и на уровне отдельных регионов.

В настоящее время основным документом, регламентирующим охрану несовершеннолетних в исследуемой сфере, является Конвенция Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений»⁸, заключенная 25 октября 2007 г. в г. Лансароте (далее — Конвенция от 25 октября 2007 г.). Государства-участники, ратифицировавшие ее, взяли на себя обязательства по принятию необходимых мер правового и организационного характера по предупреждению всех форм сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в отношении детей.

Необходимо обратить внимание на то, что в вышеназванной Конвенции значение категории «сексуальная эксплуатация несовершеннолетних» не раскрыто. Однако этот документ ценен в первую очередь тем, что содержит закрытый перечень преступлений, который подпадает под общее понятие сексуальной эксплуатации и, кроме того, разграничивает понятия «сексуальная эксплуатация» и «сексуальные злоупотребления». Так, Конвенция от 25 октября 2007 г. в содержание данных понятий включает действия, указанные в ст. 18–23 данного документа. Статья 18 содержит перечень деяний, которые следует относить к сексуальным злоупотреблениям: занятие деятельностью сексуального характера с ребенком, который не достиг установленного законом возраста для занятия деятельностью сексуального характера; занятие деятельностью сексуального характера с ребенком с использованием принуждения, силы или угрозы; либо имело место злоупотребление признанным доверием, властью или влиянием на ребенка; или имело место злоупотребление его особо уязвимым положением. Следовательно, к формам сексуальной эксплуатации несовершеннолетних относятся деяния, содержащиеся в ст. 19–23 Конвенции: преступления, касающиеся детской проституции (ст. 19), детской порнографии (ст. 20), участия ребенка в порнографических представлениях (ст. 21), совращение детей (ст. 22), а также домогательство в отношении детей с сексуальными целями (ст. 23).

Полагаем, позицию Совета Европы относительно разграничения понятий «сексуальная эксплуатация» и «сексуальные злоупотребления» верной. Данные термины следует разграничивать как две самостоятельные формы сексуального насилия над несовершеннолетними. Однако в теории уголовного права имеются воззрения, в соответствии с которыми эти термины либо отождествляются [5, с. 103], либо одно является формой другого, например, сексуальные злоупотребления — формой сексуальной эксплуатации [6, с. 166].

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 7, ст. 632.

Применительно к российскому уголовному законодательству к сексуальным злоупотреблениям можно отнести следующие деяния: изнасилование (п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ); насильственные действия сексуального характера (п. «а» ч. 3 ст. 132, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ); понуждения к действиям сексуального характера (ч. 2 ст. 133 УК РФ); половое сношение и иные действия сексуального характера (ст. 134 УК РФ). При этом в нормах Конвенции от 25 октября 2007 г. отмечается, что положения, указанные в ст. 18, не распространяются на деятельность сексуального характера между несовершеннолетними, совершаемую по взаимному согласию. Это наталкивает на мысль, что именно поэтому в ст. 134 УК РФ имеется специальный субъект преступления — лицо, достигшее 18-летнего возраста.

Не менее важен тот факт, что Конвенция от 25 октября 2007 г. содержит положение, в соответствии с которым государства-участники самостоятельно на уровне национального законодательства определяют возраст защиты половой неприкосновенности ребенка. Исходя из буквального толкования норм отечественного уголовного права, можно утверждать, что лица, не достигшие возраста 16 лет, обладают половой неприкосновенностью. Однако в теории уголовного права не раз высказывались предложения о повышении возраста уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности до 18 лет [7, с. 26]. Так, А.П. Дьяченко и Е.И. Цымбал высказались о целесообразности повышения возраста уголовно-правовой защиты от сексуальных посягательств со стороны лиц, достигших совершеннолетия, в отношении наиболее уязвимой категории несовершеннолетних — до 18 лет. По мнению авторов, таким образом будет обеспечен своего рода баланс между правом детей на защиту их половой неприкосновенности и правом подростков в возрасте 16–18 лет на половую свободу [8, с. 188].

В этой связи мы разделяем позицию вышеназванных авторов, поскольку защищать половую неприкосновенность детей уголовно-правовыми средствами в случае, если они находятся в особо уязвимом положении, необходимо вплоть до достижения ими совершеннолетия. Причем перечень обстоятельств, свидетельствующих об особой уязвимости таких детей, может быть заимствован из ст. 18 Конвенции, а именно сюда следует отнести: злоупотребление признанным доверием, властью или влиянием на ребенка, в т.ч. внутри семьи; злоупотребление особо уязвимым положением ребенка, в частности, в силу его ограниченных умственных и физических возможностей или в случае его зависимого положения. Полагаем, что данные положения нуждаются в имплементации в российский уголовный закон.

Все перечисленные обстоятельства, свидетельствующие об особой уязвимости детей, согласно ст. 28 Конвенции от 25 октября 2007 г., в случае если они не являются составными элементами преступления, могут рассматриваться как отягчающие при определении наказания за совершение сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетнего. Однако в нормах российского уголовного законодательства совершение полового преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) членом семьи, иным лицом, живущим с ребенком, или лицом, злоупотребившим властью, не признается ни обстоятельством, отягчающим наказание, ни квалифицирующим признаком такого рода деяний [9, с. 81]. При этом случаи совершения подобных преступлений на несовершеннолетних со стороны членов их семьи или работников образовательных и иных учреждений приобрели тревожные масштабы. Согласно

данным М.А. Коротаевой и А.М. Троневой, 34% сексуальных посягательств на несовершеннолетних совершается родителями, отчимами или другими ближайшими родственниками [10, с. 28]. Разумеется, общественная опасность полового преступления в отношении ребенка при его совершении близким родственником увеличивается, поскольку, желая видеть в своих близких защиту, он претерпевает от них разного рода насилие, что воспринимается им эмоционально как предательство, наносящее большой душевный ущерб, приводящий к неблагоприятным последствиям именно для психического, нравственного, а впоследствии и для физического развития, подрывая его веру в себя, окружающих, в моральные устои общества. Поэтому небезосновательны предложения о включении в действующие нормы УК РФ в качестве квалифицированных признаков преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, их совершение перечисленными лицами [11, с. 9].

Кроме предписаний общего характера, нормы Конвенции от 25 октября 2007 г. содержат рекомендации по криминализации государствами-участниками вышеперечисленных форм сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. Российская Федерация при ратификации этой Конвенции воспользовалась закрепленным в ней правом не применять полностью ее положения в части установления уголовной ответственности за отдельные деяния, на этом основании Россия отказалась криминализовать следующие действия: производство и хранение материалов, представляющих собой исключительно смоделированные или реалистичные изображения несуществующего ребенка; производство и хранение материалов, где участвуют сами несовершеннолетние, при условии, что такие изображения производятся и хранятся ими с их согласия и исключительно для их собственного частного использования; преднамеренное получение доступа к детской порнографии при помощи информационно-коммуникационных технологий; предложение или предоставление детской порнографии, приобретение детской порнографии для себя или другого лица, хранение детской порнографии; сознательное посещение порнографических представлений с участием детей; совращение детей, а также домогательство в отношении детей с сексуальными целями⁹.

Анализируя данные положения, следует акцентировать внимание на следующем: ранее уже отмечалось, что Конвенция от 25 октября 2007 г. содержит предложение о криминализации государствами-участниками такого состава преступления, как совращение детей, которое заключается в умышленном склонении несовершеннолетнего, не достигшего возраста допустимости сексуальных отношений, к наблюдению сексуальных злоупотреблений или деятельности сексуального характера, даже не участвуя в них, в сексуальных целях. В УК РФ подобный самостоятельный состав преступления отсутствует, однако такие действия признаются правоприменителем развратными и квалифицируются по ст. 135 УК РФ¹⁰.

⁹ См.: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 19, ст. 2303.

¹⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 2014. № 284.

С учетом распространенности использования информационно-телекоммуникационных сетей (в т.ч. сети «Интернет») среди несовершеннолетних нельзя обойти стороной и такое деяние, как домогательство в отношении детей с сексуальными целями, поскольку для современного общества это весьма актуально. Полагаем, криминализация такого рода действий имеет значительный потенциал для закрепления в УК РФ. Свою позицию мы обосновываем следующими аргументами: домогательство само по себе представляет собой неоконченную преступную деятельность, а именно приготовление к совершению различных половых преступлений. В судебной практике как домогательство можно расценить приготовление к следующим деяниям: к понуждению к действиям сексуального характера, совершенным в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) (ч. 2 ст. 133 УК РФ), половому сношению и иным действиям сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК РФ), развратным действиям (ст. 135 УК РФ), а также к получению сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ). Если же обратиться к санкциям этих статей, большинство из данных преступлений относятся к категориям небольшой и средней тяжести, однако, как известно, уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям.

В свете изложенного можно констатировать, что в уголовном законе домогательство в отношении детей с сексуальными целями криминализированы лишь частично, следовательно, рекомендация Конвенции от 25 октября 2007 г. по установлению уголовной ответственности за данное деяние Российской Федерацией в полной мере не реализована.

Необходимо обратить внимание и на такие формы сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, как деяния, касающиеся детской проституции (ст. 19), детской порнографии, а также участие ребенка в порнографических представлениях (ст. 20, 21). Фактически данные нормы воспроизведены в уголовном законодательстве, кроме тех, которые были не ратифицированы Российской Федерацией. В то же время Конвенция от 25 октября 2007 г. отнесла эту группу деяний к преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности, тогда как российский законодатель определил их место в группе преступлений против общественной нравственности. Данное положение подтверждает обоснованность критики места расположения ст. 240, 240.1, 242, 242.1, 242.2 в УК РФ и целесообразность предложений некоторых специалистов об их переносе в группу преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности [12, с. 102].

Поскольку Конвенция от 25 октября 2007 г. не раскрывает понятие сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, а лишь только определяет составы преступлений, которые подпадают под данную дефиницию, для дальнейшего исследования обозначенной темы необходимо определить, что же мировое сообщество понимает под этим термином. Для этого следует обратиться к международным нормативным документам, регулирующим отношения по охране человека от сексуальной эксплуатации в целом. Так, Всеобъемлющая стратегия ООН по оказанию помощи и поддержки жертвам сексуальной эксплуатации, сексуальных надругательств со стороны персонала ООН 2007 г. определяет сексуальную эксплуатацию как «любое злоупотребление или покушение на злоупотребление уязвимым положением, властью или доверием в сексуальных целях, включая, в частности, приобретение денежной, социальной или полити-

ческой выгоды от сексуальной эксплуатации другого лица, но не ограничиваясь вышесказанным»¹¹.

Модельный закон о противодействии торговле людьми, принятый Межпарламентской Ассамблеей государств - участников СНГ в 2008 г., дает следующее определение: «Сексуальная эксплуатация человека — извлечение материальной или иной выгоды посредством принуждения другого лица, в том числе путем злоупотребления его уязвимым положением, к оказанию услуг сексуального характера или к совершению иных действий сексуального характера, включая его использование для занятия проституцией...»¹². Данное определение в отличие от определения ООН базируется на том, что сексуальная эксплуатация — это в первую очередь извлечение выгоды. По мнению Г.Т. Пачулия, такой подход более характерен для определения рабства [6, с. 161].

Обобщая изложенное относительно рассматриваемых категорий в международном праве, можно констатировать, что определений сексуальной эксплуатации достаточно много и они зачастую не совпадают друг с другом по содержанию.

Таким образом, международное сотрудничество по противодействию преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Следует признать позитивным тот факт, что международное сообщество пришло к пониманию необходимости сотрудничества по противодействию преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних, признав их повышенную общественную опасность. Преступность как некое социальное зло в той или иной степени затрагивает каждое государство, поэтому противодействовать ей можно наиболее эффективно только всеобщими усилиями.

2. Положения, содержащиеся в исследованных нормативно-правовых документах международных и региональных организаций, значимы не только как материал для воспроизведения его в законодательстве отдельных стран, но, прежде всего, как источник концептуальных идей, которые должны лежать в основе доктрины и практической деятельности любого общества, нацеленного на противодействие сексуальной эксплуатации и сексуальным злоупотреблениям несовершеннолетних.

3. За всю историю своего развития международное и региональное законодательство, относящееся к интересующей нас сфере, пополнилось достаточно большим количеством различного рода нормативных документов. При этом нельзя не отметить, что по содержанию они нередко дублируют друг друга и, прежде всего, в адресованных правительствам и законодателям всех стран непрерывных призывах усилить борьбу с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями. Данное явление, вполне естественное, на первый взгляд, вызывает, тем не менее, противоречивые оценки. С одной стороны, эти призы-

¹¹ Всеобъемлющая стратегия ООН по оказанию помощи и поддержки жертвам сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств со стороны персонала ООН (принята Генеральной Ассамблеей ООН 21 декабря 2007 г.). URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/issues/sexualexploitationdocs.shtml> (дата обращения: 11.03.2018).

¹² Модельный закон о противодействии торговле людьми (принят в г. Санкт-Петербурге 3 апреля 2008 г. на 30-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2008. № 42. С. 301–353.

вы можно рассматривать как проявление озабоченности мирового сообщества судьбами детей, подвергающихся сексуальной эксплуатации и сексуальным злоупотреблениям, и как свидетельство его упорного и настойчивого стремления добиться, чтобы таких судеб стало меньше; с другой — можно увидеть еще одно неоспоримое доказательство того, что обозначенная проблема реально не решается или же решается явно неудовлетворительно.

4. Значительная часть международных и региональных правовых документов содержит вполне «работоспособную» терминологическую, понятийную базу законотворческого процесса для любого государства, желающего совершенствовать нормы об ответственности лиц, виновных в сексуальной эксплуатации, сексуальных злоупотреблениях. Следует отметить, что терминологии закона в последние годы придается чрезвычайно важная роль. И это вполне обоснованно, поскольку мировым сообществом должны быть выработаны единые подходы к решению общих проблем, а международно-правовые акты, в свою очередь, должны предопределять единообразное понимание сути тех явлений, с которыми необходимо бороться. Однако на международном и региональном уровнях до сих пор идет процесс уточнения понятия «эксплуатация», определения круга общественно опасных деяний, образующих сексуальную эксплуатацию. То же самое можно сказать и о понятиях «сексуальная эксплуатация», «сексуальная коммерческая эксплуатация», «сексуальные злоупотребления» и др. В связи с этим полагаем целесообразным закрепить на международном уровне понятия «сексуальная эксплуатация» и «сексуальные злоупотребления», уточнить их признаки, поскольку неоднозначное толкование данных терминов является предметом дискуссий в науке.

5. Во многих рассмотренных международно-правовых актах, составляющих основу межгосударственного сотрудничества по борьбе с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних, предложены рекомендации по криминализации основных деяний против данного общественно опасного явления. Большинство этих рекомендаций нашли отражение в российском уголовном законе. Потому можно утверждать о его соответствии международным стандартам в сфере противодействия преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних. Однако оговорки в Федеральном законе при ратификации Конвенции от 25 октября 2007 г. позволили российскому законодателю оставить без внимания ряд международных предписаний, в частности, не устанавливать ответственность за домогательства в отношении несовершеннолетних с сексуальными целями; не повышать ответственность за половые посягательства на несовершеннолетних со стороны их родственников, иных близких лиц и работников различных образовательных, лечебных и иных социальных учреждений, в которых могут находиться несовершеннолетние, и др.

На основании изложенных выводов предлагаем, дополнить гл. 18 УК РФ ст. 135.1 в следующей редакции:

«Статья 135.1. Домогательство в отношении несовершеннолетнего с сексуальными целями

Предложение лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, о встрече с несовершеннолетним (несовершеннолетней) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») с сексуальными

целями, если за таким предложением последовали практические действия, направленные на проведение такой встречи, —

Примечание: Под сексуальными целями в настоящей статье понимаются цели виновного совершить половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) или использовать его (ее) для изготовления порнографических материалов или предметов, в том числе за денежное или любое другое вознаграждение и за его обещание, а также иные цели, направленные на удовлетворение сексуального влечения виновного или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям».

Установление уголовной ответственности в российском законодательстве за данное деяние необходимо в связи с участвовавшими случаями совершения домогательства в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») с сексуальными целями. Ранее уже отмечалось, что домогательство само по себе представляет собой неоконченную преступную деятельность и в российском законе криминализовано лишь частично. Однако подобное явление требует должного реагирования со стороны государства, поскольку влияет на нравственное, психическое, а также физическое развитие ребенка. Кроме того, домогательство в отношении несовершеннолетних с сексуальными целями будет обладать «двойной превенцией», поскольку его своевременное выявление позволит предотвратить другое, как правило, более тяжкое преступление.

Библиографический список

1. *Блинов А.Г.* Уголовно-правовая охрана пациента в международном и зарубежном законодательстве / под ред. Б.Т. Разгильдиева. М.: Юрлитинформ, 2010. 168 с.
2. *Афанасьева М.А., Голубева Т.Ю.* Роль ООН в защите прав ребенка // Таврический научный обозреватель. 2015. № 4. С. 145–149.
3. *Пудовочкин Ю.Е.* Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 293 с.
4. *Овсянникова А.А.* Сексуальная эксплуатация как форма насилия над несовершеннолетними // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 3 (28). С. 82–86.
5. *Finkelhor D.* Child sexual abuse: New theory and research. N.Y. Free Press, 1983. 260 p.
6. *Пачулия Г.Т.* Проблемные вопросы определения понятия «сексуальная эксплуатация человека» и его уголовно-правовое значение // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4(65). С. 161–167.
7. *Атабекова А.А., Букалорова Л.А., Симонова М.А.* К вопросу об имплементации положений Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в российское законодательство // Международное публичное и частное право. М.: Юрист, 2015. № 6 (87). С. 25–29.
8. *Дьяченко А.П., Цымбал Е.И.* Исполнение Россией европейских стандартов о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального злоупотребления // Lex russica. 2016. № 3. С. 183–194.

9. *Сенина О.А.* Анализ соответствия уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних в России международным нормам // *Юридическая наука.* 2014. № 3. С. 79–81.

10. *Коротаева М.А., Тронева А.М.* Особенности личности преступника, совершающего сексуальные преступления против несовершеннолетних // *Адвокатская практика.* 2009. № 1. С. 27–30.

11. *Логинова Л.В.* Уголовно-правовое и криминологическое исследование преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. 23 с.

12. *Курилова Е.Н.* Уголовно-правовая характеристика ответственности за сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних, занимающихся проституцией // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД РФ.* 2017. № 2(74). С. 100–103.

References

1. *Blinov A.G.* Criminal-legal protection of the patient in the international and foreign legislation. edited by B.T. Urazgildev. M.: Yurlitinform, 2010. 168 p.

2. *Afanasieva M.A., Golubeva T.Yu.* The role of the UN in the protection of the rights of the child // *Tauride scientific observer.* 2015. No. 4. P. 145–149.

3. *Pudovochkin Y.E.* Liability for crimes against minors in the Russian criminal law. SPb.: Press law center, 2002. 293 p.

4. *Ovsianikov A.* Sexual exploitation as a form of violence against minors // *Bulletin of Vladimir law Institute.* 2013. No. 3 (28). P. 82–86.

5. *Finkelhor D.* Child sexual abuse: New theory and research. N.Y. Free Press, 1983. 260 p.

6. *Pachulia G.T.* Problematic issues of definition of the concept of «sexual exploitation of a person» and its criminal and legal significance // *Actual problems of the Russian law.* 2016. No. 4 (65). P. 161–167.

7. *Atabekova A.A., Bukalerova L.A., Simonova M.A.* On the implementation of the provisions of the Council of Europe Convention on the protection of children against sexual exploitation and sexual abuse in the Russian legislation // *International public and private law.* Moscow: Lawyer, 2015. № 6 (87). P. 25–29.

8. *Dyachenko A.P., Tsymbal E.I.* Russia's Compliance with European standards for the protection of children from sexual exploitation and sexual abuse // *Lex russica.* 2016. No. 3. P. 183–194.

9. *Senina O.A.* Analysis of the compliance of criminal-legal protection of sexual inviolability of minors in Russia the international standards // *Legal science.* 2014. No. 3. P. 79–81.

10. *Korotaeva M.A., Throne A.M.* Features of the identity of the offender committing sexual crimes against minors // *Advocacy.* 2009. No. 1. P. 27–30.

11. *Loginova L.V.* Criminal-legal and criminological study of crimes against sexual inviolability of minors: abstract. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. SPb., 2013. 23 p.

12. *Kurilova E.N.* Criminal law characteristics of responsibility for sexual exploitation of minors engaged in prostitution // *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation.* 2017. No. 2 (74). P. 100–103.

УДК 343.2/7

А.М. Герасимов

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ОТРАСЛИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Введение: уголовный закон широко использует категорию общественной опасности, сущностные характеристики которой не получили системного отражения в уголовно-правовой доктрине. **Цель:** обосновать значение категории общественной опасности в отрасли уголовного права. В ходе исследования использовались следующие **методы:** диалектический метод как универсальный инструмент познания в сочетании с такими общенаучными и частнонаучными методами, как формально-логический и системный. **Результаты:** выделены теоретические подходы к определению общественной опасности; соотнесено содержание общественной опасности с иными признаками преступления; обоснована отраслевая принадлежность категории общественной опасности; установлено практическое значение категории общественной опасности. **Выводы:** общественная опасность свойственна преступлению и не характеризует иные правонарушения; общественная опасность определяет содержание всех признаков преступления, наделяя их свойством «материальности»; уголовное право дает оценку только таким деяниям, которые обусловлены содержанием общественной опасности, общественная опасность выступает единственным сущностным признаком преступления, определяющим природу всей отрасли уголовного права.

Ключевые слова: общественная опасность, уголовное право, отрасль права, правонарушение, признаки преступления, малозначительность.

А.М. Gerasimov

PUBLIC DANGER AND ITS IMPORTANCE IN THE FIELD OF CRIMINAL LAW

Background: the criminal law widely uses the category of social danger, the essential characteristics of which are not systematically reflected in the criminal law doctrine. **Objective:** the author of the article intends to substantiate the value of the category of public danger in the field of criminal law. **Methodology:** in the course of the research the following methods were used: dialectical method as a universal tool of cognition in combination with such General scientific and private scientific methods as formal-logical and systemic. **Results:** theoretical approaches to the definition of social danger are highlighted; the content of public danger is correlated with other signs of crime; the branch belonging of category of public danger is proved; the practical value of category of public danger is established. **Conclusions:** the author argues that public danger is a characteristic of crime and does not characterize other offenses; social danger determines the content of all the signs of crime, giving them the property of «materiality»; criminal law assesses only such acts that are due to the content of public danger, public danger is the only essential feature of the crime, determining the nature of the entire branch of criminal law.

Key-words: public danger, criminal law, branch of law, offence, features of the crime, insignificance.

© Герасимов Александр Михайлович, 2018

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: sashg1981@yandex.ru

© Gerasimov Alexander Michailovich, 2018

Candidate of Law, Lecturer of the Criminal and Criminal-executive department (Saratov State Law Academy)

В отрасли уголовного права категория общественной опасности получила широкое практическое применение. Законодатель заложил общественную опасность в качестве признака преступления, основания деления преступных деяний на виды, предмета субъективного восприятия в институте вины, характеристики личности виновного при назначении наказания. Несмотря на столь весомую уголовно-правовую роль, общественная опасность не обрела официального определения. Закономерно возникает предположение, что вопрос о дефиниции общественной опасности решен исследовательским путем. Уголовно-правовая доктрина за длительное время обогатилась огромным количеством работ, прямым или опосредованным образом затрагивающих содержание общественной опасности. В то же время наличие разнообразных концепций общественной опасности скорее актуализирует, нежели снимает рассматриваемую проблему. В науке нельзя констатировать существование единого системного подхода к определению понятия общественной опасности, значения ее сущностных характеристик при формировании и реализации ключевых уголовно-правовых институтов. Обозначенные обстоятельства свидетельствуют о высоком исследовательском потенциале заявленной тематики.

В наиболее известной теории общественной опасности, которую по праву можно считать классической, анализируемая категория относится к материальному признаку преступления. Как отмечает А.В. Наумов, «этот признак преступления заключается в способности предусмотренного уголовным законом деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам)» [1, с. 126]. Представленный тезис хорошо известен уголовно-правовой науке и основывается на идее разделения формальных и материальных признаков преступления. Н.Г. Иванов на этот счет пишет: «Формальный признак заключается в том, что преступным может быть лишь такое деяние, которое запрещено уголовным законом. Не может считаться преступлением деяние, пусть даже объективно общественно опасное, однако не включенное в УК в виде соответствующей нормы... Материальный аспект преступления состоит в том, что деяние официально объявляется опасным для общества» [2, с. 100]. В дополнение к представленной научной мысли о сущности материальной стороны преступления М.И. Ковалев уточняет: «Материальный подход к определению понятия преступления основывается на том, что сущность преступления устанавливается не законом, а, наоборот, привносится в него законодателем как результат верной оценки экономических отношений, которые обуславливают и все остальные отношения» [3, с. 4]. Таким образом, сторонники указанной теории ассоциируют общественную опасность с вредоносностью деяния, способной существовать объективно и независимо от законодательной позиции.

Теоретическая модель общественной опасности как материального признака преступления обнаруживает положительные места и противоречивые аспекты. Сложно усомниться в том, что общественная опасность отражает вредоносность соответствующего деяния. Всякое преступное посягательство разрушает одно из правоотношений, обеспечивающих существование и развитие значимых интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. Вместе с тем согласно уголовно-правовой теории, разделяющей формальные и материальные признаки преступления, общественная опасность способна иметь место независимо от воли законодателя. Возникает справедливый вопрос о целесообразности ее нахождения в ряду признаков преступления. Общественная

опасность, обосновываемая исследователями вне содержания преступления, нисколько не нуждается в каком-либо подтверждении на уровне уголовного закона. В канве анализируемой теории вредоносные деяния одного рода еще до момента их криминализации способны достичь определенного уровня характера и степени общественной опасности. Исходя из этого, закрепление общественной опасности в качестве сущностного признака преступления рискует потерять всякий смысл.

Необходимую ясность в разрешение обнаруженной проблемы вносит Б.Т. Разгильдиев. По поводу формального и материального содержания преступления он констатирует, что «все признаки преступления, которыми оперирует закон при определении понятия преступления, в том числе и общественная опасность, являются формальными, потому что только их совокупность образует законодательную модель преступления. В той же мере все они являются материальными, поскольку каждый из них отражает «свой» внутренний аспект преступления» [4, с. 57]. В развитие предоставленного тезиса подчеркнем, что содержание преступления образуют такие признаки, которые имеют взаимосвязанный и взаимообусловленный характер. Не является исключением и категория общественной опасности. Преступление общественно опасно только потому, что совершается виновно и запрещено уголовным законом под угрозой наказания. Тесная связь общественной опасности с виновностью, запрещенностью уголовным законом и угрозой наказания свидетельствует о системности понятия преступления. В отрыве друг от друга признаки преступления теряют свое социальное и юридическое значение. Таким образом, общественная опасность не может существовать автономно вне иных конструктивных признаков преступного деяния.

Представленные суждения в известной степени расходятся с теорией криминализации, разработчики которой основанием, причиной или предпосылкой возведения деяния в разряд преступного признают достижение им уровня общественной опасности. Так, П.С. Дагель выделил три фактора, обуславливающих криминализацию: степень общественной опасности деяния, определяемую тем вредом, который это деяние реально причиняет или применением которого оно угрожает (важнейший фактор); степень распространенности общественно опасных деяний в обществе; невозможность успешной борьбы с общественно опасными деяниями менее репрессивными мерами, например, мерами административного, дисциплинарного или общественного воздействия [5, с. 68–69]. Данная теория получила широкую поддержку у представителей уголовно-правовой доктрины. До настоящего времени она продолжает основываться на идее о том, что главным детерминантом криминализации служит общественная опасность деяния [6, с. 11; 7, с. 81–90; 8, с. 18].

Углубившись в содержание традиционной теории, обосновывающей предпосылки признания деяния преступлением, можно констатировать небезынтересный факт. Даже у ее последователей всегда возникали определенные сомнения относительно значения общественной опасности для криминализации. Подтверждением тому служат следующее высказывание Г.А. Злобина и С.Г. Келиной: «Общие соображения об общественной опасности как «материальном признаке» преступного деяния здесь мало помогут не только в силу их недостаточной определенности, но и потому, что общественная опасность — необходимая, но отнюдь не единственная (и уж во всяком случае недостаточная) предпосылка криминализации» [9, с. 106]. Еще более категоричен в своих суждениях

И.М. Гальперин, отметивший, что «в литературе по уголовному праву роль общественной опасности деяния для решения вопроса об отнесении его к числу преступных подчас гипертрофируется и рассматривается вне связи с другими социальными и юридическими моментами, влияющими на издание уголовного закона» [10, с. 54–55]. В процессе принятия решения о необходимости установления уголовной ответственности за соответствующее деяние автор предлагает сконцентрироваться на других предпосылках и факторах, среди которых: распространенность и типичность деяний; динамика совершения деяний с учетом их причин и условий; определение причиняемого такими деяниями материального и морального ущерба; степень эффективности борьбы с ними юридическими и иными средствами; установление наиболее характерных и опасных объективных и субъективных признаков деяний; возможность правового определения признаков деяния; установление общих личностных признаков субъектов деяний; общественное мнение различных социальных групп; определение возможностей системы уголовной юстиции в борьбе с определенными деяниями [10, с. 53].

Высказанные сомнения ученых относительно рассмотрения общественной опасности в качестве ключевой причины криминализации отнюдь не беспочвенны. Если на методологическом уровне сопоставлять обосновываемые в специальной литературе причины, предпосылки, факторы криминализации деяния с его общественной опасностью, то они соотносятся как причина и следствие. Общественная опасность не может быть поставлена в один ряд с явлениями и процессами социальной жизни, образующими объективное основание для официального объявления того или иного деяния преступлением. Вне уголовно-правовой материи рассуждать о наличии общественной опасности в соответствующем деянии возможно только с большой долей условности. В.Е. Жеребкин по этому поводу пишет: «Общественная опасность является таким понятием, которое не имеет заранее установленных признаков. Признавая те или иные деяния элементами множества «общественно опасные деяния», законодатель ни на какое четко и точно определяемое понятие не опирается. Для законодателя не существует строго обозначенных признаков общественной опасности» [11, с. 44]. Высказывание ученого подвергает критике П.С. Тоболкин, считая его «не способствующим повышению авторитета юридической науки» [12, с. 57]. Однако сделанное замечание едва ли можно считать уместным. От утверждения В.Е. Жеребкина юридическая наука не только не страдает, но и получает дополнительный аргумент в пользу концепции, допускающей существование общественной опасности только в облике неотъемлемого формально-материального признака преступного деяния.

Популярность теории, разделяющей признаки преступления на формальные и материальные, во многом объясняется желанием исследователей уравнивать значение общественной опасности с вредоносностью деяния. На этот счет Ю.Е. Пермяков справедливо отмечает, что общественная опасность деяния учеными зачастую воспринимается односторонне. В уголовно-правовой доктрине сложилось устойчивое понимание общественной опасности в качестве вреда от совершаемого преступления. Со временем оно приобрело характер единственно возможного взгляда на содержание анализируемой категории [13, с. 1]. Научная позиция, уравнивающая содержание категорий общественной опасности и вредоносности, нашла поддержку многих ученых.

Один из известных разработчиков классической теории общественной опасности Н.Ф. Кузнецова утверждала, что данная дискуссия преимущественно носит терминологический характер. Вся суть вопроса предполагает необходимость признания минимальной степени общественной опасности в административном, дисциплинарном и гражданском правонарушениях. В соответствии с авторскими умозаключениями грань между преступлением и другими правонарушениями не является раз и навсегда данной, а продвигается в ту или иную сторону в зависимости от конкретных условий места и времени [14, с. 97]. Практически такого же мнения придерживаются известные представители науки административного права [15, с. 259; 16, с. 528].

Согласиться с предложенным подходом к соотношению категорий вредности и общественной опасности категорически нельзя. Суть проблемы состоит совсем не в терминологической игре. В понятии преступления законодатель не случайно воспользовался семантическим значением категории общественной опасности. Если бы смысл общественной опасности исчерпывался сутью вредности, то преступление сложно было отграничить от иных правонарушений. Никто не станет отрицать вредность преступного посягательства на охраняемый объект. Не вызывает возражений и тот факт, что вред интересам личности, общества, государства, мира и безопасности человечества вполне может причиняться нарушением международного, гражданского, административного законодательства, допущением дисциплинарного проступка. Однако при совершении преступления вред приобретает принципиально другие качественно-количественные характеристики, позволяющие констатировать его трансформацию именно в общественную опасность совершенного деяния. Никакое иное правонарушение, за исключением преступления, признаком общественной опасности официально не наделяется. Законодательная позиция вполне обоснована, поскольку в противном случае уголовное право могло лишиться своей отраслевой самостоятельности. На уровне межотраслевого взаимодействия исключительно категория общественной опасности обеспечивает установление четкой грани между преступлением и иным правонарушением. Другие признаки преступления таким свойством не обладают. Категории виновности, запрещенности законом, угрозы наказанием или иной ответственностью определяют содержание большинства известных правонарушений.

Отраслевая уникальность категории общественной опасности подтверждается дефиницией преступления. Каждый признак преступления в известной мере обусловлен сущностью общественной опасности. Так, признак виновности в уголовном законе определяется с позиции осознания (неосознания) общественной опасности своих действий (бездействия), предвидения (непредвидения) возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий и соответствующего волевого к ним отношения. Признак «запрещенность уголовным законом» означает официальное признание соответствующего деяния как общественно опасного посредством описания его криминообразующих признаков в УК РФ. Заключительный признак преступления подчеркивает, что только общественно опасное деяние находится под угрозой уголовного наказания. Исходя из изложенного, несмотря на формально-материальную сущность всех без исключения признаков преступления, свою уголовно-правовую «материальность» виновность, запрещенность законом и угроза наказанием приобретают

при условии констатации в соответствующем деянии свойств общественной опасности.

На уровне правоприменения сама постановка вопроса об оценке содеянного с позиции уголовного законодательства предполагает необходимость установления в учиненном действии (бездействии) общественной опасности. Процесс квалификации деяния, причиняющего вред охраняемым интересам, завершается одним из юридически значимых заключений, напрямую связанных с категорией общественной опасности. Наиболее распространенным итогом уголовно-правовой квалификации является положительное решение вопроса об общественной опасности деяния, означающее выявление признаков соответствующего преступления. Постпреступное позитивное поведение виновного и определенные объективные факторы в дальнейшем могут свидетельствовать о снижении степени общественной опасности деяния, что служит основанием для освобождения лица от уголовной ответственности или наказания. Когда устанавливаются признаки «некачественного» субъекта преступления (невменяемость, недостижение возраста уголовной ответственности, отставание в развитии, не связанном с психическим расстройством) или невиновное причинение вреда, вопрос о признании соответствующего деяния общественно опасным решается отрицательно. В редких случаях совершенное действие (бездействие) признается, хотя формально и содержащим признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющим общественной опасности. При наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, социально-правовое значение совершенного поступка оценивается исходя из его прямого противопоставления общественно опасному посягательству.

Таким образом, общественная опасность выступает единственным существенным признаком преступления, определяющим природу всей отрасли уголовного права. Полученный вывод основывается на трех важных аспектах. Во-первых, признак общественной опасности присущ исключительно преступлению и не дублируется в других отраслях права при характеристике правонарушений. Во-вторых, общественная опасность обуславливает содержание всех признаков преступления, наделяя их свойством «материальности». В-третьих, уголовное право дает оценку только таким деяниям, которые являются общественно опасными, вызывают сомнения с позиции общественной опасности или противостоят общественно опасным посягательствам на охраняемые объекты.

Установленное значение общественной опасности в отрасли уголовного права может послужить основой для дальнейшего развития теории общественной опасности, а также решения частных вопросов, касающихся взаимообусловленности признаков преступления, обоснования природы вредоносных поступков, не обладающих свойствами общественной опасности, отграничения преступления от иного правонарушения, механизма установления малозначительности деяния.

Библиографический список

1. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 2000. 590 с.
2. *Иванов Н.Г.* Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник для вузов. М.: Экзамен, 2003. 768 с.

3. *Ковалев М.И.* Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации: учебное пособие. Свердловск: Свердловский юридический институт, Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1977. 80 с.
4. Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Т. 2. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2008. 648 с.
5. *Дагель П.С.* Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 67–74.
6. *Нечаев А.Д.* Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 331 с.
7. *Прокументов Л.М.* Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 81–90.
8. *Сотсков Ф.Н.* Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.
9. *Злобин Г.А., Келина С.Г.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М.: Ин-т государства и права АН СССР, 1978. С. 102–118.
10. Основные направления борьбы с преступностью / под ред. И.М. Гальперина, В.И. Курляндского. М.: Юридическая литература, 1975. 176 с.
11. *Жеребкин В.Е.* Логический анализ понятий права. Киев: «Вища школа», 1976. 150 с.
12. *Тоболкин П.С.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1983. 176 с.
13. *Пермяков Ю.Е.* Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 23 с.
14. *Кузнецова Н.Ф.* Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 834 с.
15. *Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М.* Административное право Российской Федерации: учебник. М.: ИКД «Зерцало-М», 2003. 608 с.
16. *Бахрах Д.Н., Росийский Б.В., Стариков Ю.Н.* Административное право: учебник для вузов. М.: Норма, 2005. 800 с.

References

1. *Naumov A.V.* Russian Criminal Law. General part: Course of lectures. M.: BEK, 2000. 590 p.
2. *Ivanov N.G.* Criminal Law of Russia. General and special parts: Textbook for high school. M.: Examination, 2003. 768 p.
3. *Kovalev M.I.* The Notion and Features of the Crime and Their Importance for Qualification. Tutorial. Sverdlovsk: Sverdlovsk Institute of Law, Ural State University named after A.M. Gorky, 1977. 80 p.
4. Criminal Law of Russia. Course of lectures. In 6 v. / Edited by B.T. Rasgildiev. V. 2. Saratov: Publishing house "Saratov State Law Academy", 2008. 648 p.
5. *Dagel P.S.* Conditions to Establish Criminal Responsibility // Jurisprudence. 1975. № 4. P. 64–74.
6. *Nechaev A.D.* Conceptual Basis and Theoretical Modeling of Criminalization and Decriminalization: dis...cand. of law.– Saratov, 2017. 331 p.
7. *Prosoumentov L.M.* The Basis of Criminalization (Decriminalization) of Acts // Vestnik of Tomsk State University. Law. 2014. № 4 (14). P. 81–90.
8. *Sotskov F.N.* Public Danger of Acts in the Criminal Law of Russia: extended abstract of dis...cand. of law. M., 2009. 27 p.
9. *Zlobin G.A., Kelina S.G.* Several Theoretical Issues of Criminalization of Public Danger Acts // Problems of Jurisprudence and Criminal Law. M.: Institute of State and Law AS USSR, 1978. P. 102–118.

10. Main Directions to Struggle with the Crime / Edited by I.M. Galperin, V.I. Kourlyandsky. M.: Law literature, 1975. 176 p.
11. *Zherebkin V.E.* Logical Analysis of the Notions of Law. Kiev: "Vizsha schola", 1976. 150 p.
12. *Tobolkin P.S.* Social Conditionality of Criminal Law Regulations. Sverdlovsk: Middle Ural Publishing House, 1983. 176 p.
13. *Permyakov U.E.* The Category of "Public Danger" in the Soviet Criminal Law: extended abstract of dis...cand. law. M., 1989. 23 p.
14. *Kuznetsova N.F.* Selected Works. SPs.: Publishing house: Legal center Press 2003. 834 p.
15. *Alekhin A.P., Karmolitsky A.A., Kozlov U.M.* Administrative Law of the Russian Federation: Textbook. M.: IKD "Mirror-M", 2003. 608 p.
16. *Bakhrakh D.N., Rossiisky B.V., Starilov U.N.* Administrative Law: Textbook for high school. M.: "Norm", 2005. 800 p.

УДК 343.21

К.О. Абрамян

ВИДЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Введение: уголовно-правовое поведение, играя различные роли в деле становления, развития и укрепления социальных связей, нуждается в дифференциации, позволяющей максимально точно отразить значение его разновидностей для обеспечения социального результата, заложенного в задачах уголовного законодательства. **Цель:** обоснование видов уголовно-правового поведения, имеющих самостоятельное значение для решения задач, стоящих перед отраслью уголовного права. **Методологическая основа:** диалектический метод как универсальный инструмент познания в сочетании с такими общенаучными и частнонаучными методами, как догматический (формально-логический), системный, социологический. **Результаты:** обоснованы пять разновидностей уголовно-правового поведения: препятствующее решению задач уголовного законодательства; препятствующее решению задач уголовного права, вред от которого в дальнейшем частично или полностью компенсируется правоисполнителем; не решающее задач уголовного права, но и не препятствующее их решению; решающее задачи уголовного права; способствующее решению задач уголовного права. **Вывод:** в социальном значении уголовное право предусматривает широкий спектр поведения — от крайне отрицательного (преступление) до положительного (социально-активное поведение).

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовое поведение, задачи, преступление, социально-активное поведение.

K.O. Abramyan

**TYPES OF CRIMINAL AND LEGAL BEHAVIOR AND THEIR
VALUE FOR SOLVING TASKS OF THE CRIMINAL LEGISLATION**

Background: criminal and legal behavior playing various roles in formation, development and strengthening of social communication needs the differentiation allowing to reflect the most precisely value of its versions for ensuring the social result laid in the tasks of the criminal legislation. **Objective:** the author of the article intends to justify the types of criminal and legal behavior having independent value for the solution of the tasks facing the branch of penal law. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: a dialectic method as the universal instrument of knowledge in combination with such general scientific and private-science methods, as dogmatic (formal and logical), system and sociological ones. **Results:** five kinds of criminal and legal behavior are proved: both obstructing the solution of tasks of the criminal legislation and obstructing the solution of problems of penal law from which the harm partially or completely is compensated further by the law-enforcer; not solving problems of penal law, but also not obstructing their decision; solving problems of penal law; promoting the solution of problems of penal law. **Conclusions:** the author is of opinion that the penal law covers a wide range of behavior—from extremely negative (crime) to positive (social and active behavior).

Key-words: penal law, criminal and legal behavior, tasks, crime, social and active behavior.

Адресуя правоисполнителю уголовно-правовые требования, законодатель рассчитывает на обеспечение результата в виде сохранности личности, общества, государства, мира и человечества. Официальная статистика преступности свидетельствует, что большинство граждан оправдывают надежды разработчиков уголовного права, соблюдая обязанность воздерживаться от совершения преступлений. Однако действия особо активных участников уголовно-правовых отношений не всегда укладываются в стандартные рамки. Отклонения от обыденного уголовно-правового поведения могут обретать различные формы, достигая крайностей в виде преступных посягательств или общественно полезных поступков. Играя столь разносторонние роли в деле становления, развития и укрепления социальных связей, уголовно-правовое поведение нуждается в дифференциации, позволяющей максимально точно отразить значение его разновидностей для обеспечения социального результата, заложенного в задачах уголовного законодательства.

В теории уголовного права виды уголовно-правового поведения преимущественно рассматриваются с позиции восприятия правоисполнителями обязанности воздерживаться от совершения преступлений. Оригинальную точку зрения на этот счет в свое время высказал М.Д. Шаргородский, по мнению которого в зависимости от характера воздействия на сознание и волю уголовно-правового запрета правоисполнителей можно условно разделить на три группы. В первую группу включаются граждане, поведение которых удовлетворительно и не требует какого-либо уголовно-правового вмешательства. Вторую группу правоисполнителей образуют лица, игнорирующие уголовно-правовые обязанности воздерживаться от совершения преступлений. Третья и по своей сути «промежуточная» группа правоисполнителей состоит из граждан, которые не совершают преступлений вследствие страха перед уголовным наказанием [1, с. 41–46].

Особенности отношения различных групп правоисполнителей к обязанности воздерживаться от совершения преступлений вполне могут служить основой для определения видов уголовно-правового поведения. По своему социальному значению действия или бездействия участников каждой группы оказывают своеобразное влияние на достижение результата, заложенного в задачах уголовного права. В то же время необходимо оговориться относительно того, что представленная классификация граждан отражает, скорее, не заданные законодателем модели уголовно-правового поведения, а существующую практику исполнения норм уголовного законодательства. Разновидности участников уголовно-правовых отношений в уголовно-правовой доктрине обоснованы посредством анализа целого цикла действий и бездействия граждан, представляющих интерес с позиции уголовного закона. Исходя из сущности и количества совершаемых поступков, участникам некоторых из вышеуказанных групп правоисполнителей в практике повседневной жизни свойственна приверженность одновременно к нескольким разновидностям поведения, предусмотренным уголовным законодательством. На основании этого важно обосновать такие виды уголовно-правового поведения, которые подчеркивают своеобразное социальное значение единичных форм действий или бездействия субъектов уголовно-правовых отношений.

Знания о степени позитивного или негативного влияния соответствующего деяния правоисполнителя на сохранность личности, общества, государства, мира и человечества позволяют выделить пять видов уголовно-правового поведения. К первому виду логично отнести поведение, препятствующее решению задач уголовного законодательства (преступление). При этом большинство ученых всегда были склонны полагать, что негативная сущность преступления сосредоточена в категории общественной опасности. Аргументация в пользу особого социального значения категории общественной опасности в уголовном праве стимулирована распространенной теорией о формально-материальном содержании преступного посягательства [2; 3, с. 3; 44, с. 4].

Нисколько не умоляя научного авторитета авторов, разделяющих идею формальной и материальной сущности преступления, трудно согласиться с утверждением о возможности существования общественной опасности деяния вне рамок преступления. Преступление представляет собой единую совокупность признаков социально-правового характера. Обособленно в объективной реальности они существовать не могут. Признаки преступного посягательства тесно взаимосвязаны и содержательно взаимообусловлены. Определяя специфику одного признака, нередко приходится обращаться к другому. К примеру, сущность вины как обязательного признака преступления высвечивается в законодательных положениях об умысле и неосторожности посредством указания на осознание лицом общественной опасности совершаемого деяния и наступающих общественно опасных последствий. Понятие вины невозможно представить в отрыве от категории общественной опасности, так же как и степень общественной опасности преступления во многом характеризуется формой и видом вины. В связи с этим только наличие всей совокупности признаков преступления позволяет констатировать нарушение материального порядка, обеспечиваемого посредством решения уголовно-правовых задач.

Вторым видом уголовно-правового поведения выступает поступок, препятствующий решению задач уголовного права, вред от которого в дальнейшем частично или полностью правоисполнителем компенсируется. Речь идет о пре-

ступлении в сочетании с позитивным постпреступным поведением. Выделение обозначенной разновидности уголовно-правового поведения обусловлено необходимостью дать оценку деяниям, направленным на заглаживание причиненного вреда охраняемому объекту, непосредственно после установления самого факта преступления.

В российском уголовном законодательстве предусмотрен достаточно широкий спектр поступков, относящихся к позитивному постпреступному поведению: явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других участников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления; оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему и т.п. Сущность позитивного постпреступного поведения учеными традиционно характеризуется положительно. По мнению А.И. Тверских, «социальная значимость позитивного постпреступного поведения состоит в том, что оно способствует укреплению правопорядка и стабильности в обществе. Такое поведение стимулируется государством, поскольку оно так или иначе обеспечивает эффективность функционирования всего механизма уголовно-правового регулирования» [5, с. 58]. Смысл представленных суждений формирует некое впечатление, что правоисполнитель, компенсирующий причиненный от преступления вред, руководствуется исключительно благими намерениями. Именно такую мысль развивает И.А. Тарханов, отмечая, что «субъект, нарушивший уголовно-правовой запрет, стремится своей последующей позитивной деятельностью устранить или компенсировать причиненный деянием ущерб, убедить власть, общество и отдельных граждан в своей лояльности к установленному в обществе правопорядку, в изменении системы своих ценностных ориентаций либо в смене социальных ориентиров» [6, с. 6]. Однако согласиться с такими выводами едва ли возможно. В реальной действительности совершением любых постпреступных позитивных поступков лицо заботится преимущественно о своих личных интересах. Даже при определенной доле раскаяния, жалости к потерпевшему, искреннего желания возместить причиненный вред сознание виновного в большей степени мотивировано стремлением получить снисхождение со стороны суда.

Основное уязвимое место концепции позитивной сущности постпреступного поведения заключается в том, что преступление и последующее положительное поведение рассматриваются изолированно друг от друга. Автономизация постпреступного поведения на уровне теории приводит к искажению природы уголовно-правовых поступков, обладающих компенсационным характером. Поведение после совершения преступления, обуславливающее смягчение уголовно-правового принуждения, учеными нередко относится к разряду поощряемого. Однако резонно возникает вопрос об основаниях поощрения поступков, которые не выходят за рамки нормального поведения. Оказав негативное воздействие на объект уголовно-правовой охраны, человек вполне закономерно обязан компенсировать причиненный вред своими позитивными действиями. Выдающимися и заслуживающими поощрения такие действия назвать никак нельзя. Вряд ли прав И.А. Тарханов в том, что «уголовно-правовое поощрение может быть и не связано с каким-либо «перевыполнением» субъектом возложенной на него

обязанности» [6, с. 26]. Смысл уголовно-правового поощрения как раз предполагает признание неких особых заслуг правоисполнителя для решения задач, стоящих перед отраслью уголовного законодательства. Поощрение преступника, компенсирующего вред от совершенного общественно опасного деяния, не имеет под собой никаких оснований. Даже с учетом постпреступного позитивного поведения суд от имени государства порицает преступление и преступника и определяет ровно тот объем уголовно-правового принуждения, который необходим для предупреждения совершения недобросовестным правоисполнителем нового общественно опасного посягательства.

Таким образом, постпреступное позитивное поведение не является самостоятельным видом уголовно-правового поведения. Преступление в сочетании с постпреступным позитивными поступками представляет собой особую разновидность социально-отрицательного поведения, препятствующего решению задач уголовного права. Отличительной особенностью такой разновидности поведения выступает элемент компенсации вреда, причиненного объекту уголовно-правовой охраны, несколько нивелирующий его общую негативную социальную сущность.

К следующему виду уголовно-правового поведения относится деяние, не решающее задач уголовного права, но и не препятствующее их решению. Анализ содержания уголовного законодательства и практики его применения позволяет заключить, что такого рода поведением может быть только невиновное причинение вреда. Ключевая особенность невиновного причинения вреда усматривается в пограничном социальном значении вредоносного деяния, находящегося вне контроля сознания или воли правоисполнителя. Вред от невиновного причинения вреда по своему характеру вполне сопоставим с последствиями от преступления. В то же время отсутствие вины полностью исключает субъективную сторону содеянного в форме негативного отношения причинителя вреда к претерпевавшему ущерб объекту.

В отличие от несознательного и уголовно-ненаказуемого вреда, причиненного невменяемым или малолетним лицом, невиновное причинение вреда допускается человеком, юридически являющимся участником уголовно-правовых отношений. Отсутствие сознательно-волевого контроля его поведения обусловлено не субъективным психосоматическим состоянием, а определенными объективными факторами. В связи с этим каждый случай негативного воздействия на объект уголовно-правовой охраны в ситуации, дающей основания сомневаться о наличии умысла или неосторожности в поведении причинителя вреда, становится предметом пристального рассмотрения со стороны правоохранительных органов и суда. Только после установления признаков невиновного причинения вреда можно с уверенностью констатировать безопасность правоисполнителя для объектов, охраняемых уголовным законодательством. Причинение вреда без вины свидетельствует о том, что правоисполнитель не продемонстрировал склонности к посягательствам на личность, общество, государство, мир и безопасность человечества. Поэтому поведение, предполагающее причинение вреда объекту охраны без вины, не решает задач уголовного права, но и не направлено на воспрепятствование их решению.

Четвертой разновидностью уголовно-правового поведения выступает деяние правоисполнителя, решающее задачи уголовного права. Перед уголовным правом стоят задачи по охране интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств и предупреждению

преступлений. Несмотря на определенную специфику в механизмах реализации уголовно-правовой охраны и предупреждения преступлений, задачи уголовного права направлены на достижение единого социального результата в виде недопущения совершения преступления. Таким образом, уголовно-правовая сохранность социально значимых объектов предполагает удержание правоисполнителя от совершения преступных посягательств на личность, общество, государство, мир и безопасность человечества посредством угрозы уголовным наказанием или реального применения уголовной ответственности.

Воздержание от совершения преступления может проявляться в различных уголовно-правовых формах. Наиболее распространенным вариантом такого рода поведения выступает полный отказ правоисполнителя от деяний, направленных на причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны. При этом не имеют значения мотивы законопослушного поведения человека. Часть граждан воздерживаются от совершения преступлений в силу своих внутренних убеждений и моральных качеств. Другие лица не совершают преступных посягательств, опасаясь уголовной ответственности. У третьих вообще может отсутствовать надобность в совершении преступлений для удовлетворения своих интересов. Главное при характеристике данной разновидности уголовно-правового поведения заключается в том, что мотивация воздержания от совершения преступления никоим образом не отражается на результате исполнения уголовно-правовой обязанности, выражающейся в сохранности социально-значимых объектов.

Несколько иной формой воздержания от совершения общественно опасного деяния следует признать добровольный отказ от преступления. Природа несовершения преступления и добровольного отказа от преступления единая. Однако добровольный отказ от преступления предполагает не полное пассивное поведение, а прекращение приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. В описанной ситуации человек все же предпринимает попытку совершить преступление, создавая угрозу для социально значимых интересов на определенном отрезке времени. Законодатель не относит добровольный отказ к разновидности неоконченного преступления только потому, что до момента причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны правоисполнитель прекращает опасную деятельность окончательно и по собственной инициативе.

Несмотря на приведенные суждения, социальное значение добровольного отказа от преступления учеными нередко переоценивается. Существует мнение о принадлежности диспозиции ст. 31 УК РФ к разряду поощрительных норм [7, с. 34–35; 8, с. 22; 9, с. 67]. Подобного рода заключение подразумевает, что законодатель дает высокую позитивную оценку поведению лица, добровольно и окончательно отказавшегося от преступления. Однако отказ от совершения преступления представляет собой вполне заурядное состояние, присущее абсолютно большинству правоисполнителей и не заслуживающее какого-либо поощрения. Более того, в отличие от полного отказа от преступной деятельности добровольный отказ от преступления реализуется уже при попытке посягнуть на объект уголовно-правовой охраны. Данное обстоятельство приближает добровольный отказ от преступления к неоконченному преступлению. Можно с уверенностью утверждать, что добровольный отказ от преступления решает задачи уголовного права, но какого-либо поощрения не заслуживает.

Заключительным видом уголовно-правового поведения выступает деяние, способствующее решению задач уголовного права. В его качестве предстают условно героические поступки граждан, направленные на защиту и развитие охраняемых уголовным законодательством объектов. Преимущественно речь идет о поступках в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния. Причиняя физический или материальный вред посягающему или задерживаемому лицу, допуская обоснованный риск, сообщая о готовящихся или совершенных преступлениях в правоохранительные органы, правоисполнитель действует в рамках уголовно-правовых отношений, направленных на обеспечение социально полезного результата. Поэтому деяния, совершаемые при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, вполне заслуживают конкретного поощрения со стороны государства.

Таким образом, значение уголовно-правового поведения для решения задач, стоящих перед уголовным законодательством, позволяет выделить пять его разновидностей: 1) поведение, препятствующее решению задач уголовного законодательства (преступление); 2) поведение, препятствующее решению задач уголовного права, вред от которого в дальнейшем частично или полностью правоисполнителем компенсируется (преступление в сочетании с позитивным постпреступным поведением); 3) поведение, не решающее задач уголовного права, но и не препятствующее их решению (невиновное причинение вреда); 4) поведение, решающее задачи уголовного права (воздержание от совершения преступления); 5) поведение, способствующее решению задач уголовного права (социально-активное поведение).

Библиографический список

1. *Шаргородский М.Д.* Наказание, его цели и эффективность. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. 160 с.
2. *Ковалев М.И.* Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987. 208 с.
3. *Курбанов А.О.* Социально-правовая сущность преступления и категории преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с.
4. *Святенюк Н.И.* Материальное содержание преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 22 с.
5. *Тверских А.И.* Положительное посткриминальное поведение преступника как юридический факт уголовно-правового компромисса // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27 (281). С. 114–119.
6. *Тарханов И.А.* Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве: вопросы теории, нормотворчества и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. 55 с.
7. *Голик Ю.В.* Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. М., 1994. 54 с.
8. *Елеонский В.А.* Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел: учебное пособие. Хабаровск: ХВШ МВД СССР, 1984. 108 с.
9. *Сабитов Р.А.* Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. 192 с.

References

1. *Shargorodsky M.D.* Punishment, its Goals and Effectiveness. L.: Publishing house Leningr. UN-TA, 1973. 160 p.

2. *Kovalev M.I.* The Concept of Crime in the Soviet Criminal Law. Sverdlovsk: Publishing house Ural. University press, 1987. 208 p.
3. *Kurbanov A.O.* Social and Legal Essence of Crime and Category of Crimes under Criminal Law of Russia: extended abstract. dis. ... cand. of law. M., 2006. 22 p.
4. *Svyatennyuk N.I.* The Material Content of Crimes: extended abstract. dis. ... cand. of law. M., 1993. 22 p.
5. *Tverskikh A.I.* Positive Post-criminal Behavior, as a Legal Fact of Criminal-legal Compromise // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2012. No. 27 (281). P. 114–119.
6. *Tarkhanov I.A.* Promotion of Positive Behavior and its Implementation in Criminal Law: Issues of Theory, Norm-setting and Law Enforcement: extended abstract dis. ... doc. of law. Kazan, 2002. 55 p.
7. *Golik Yu.V.* Positive Incentives in Criminal Law (Concept, Content, Prospects): extended abstract of dis. in the form of a scientific report. M., 1994. 54 p.
8. *Eleonsky V.A.* Promotional Norms of Criminal Law and Their Importance in the Activities of the Home Affairs Bodies: textbook. Khabarovsk: HVS USSR, 1984. 108 p.
9. *Sabitov R.A.* Post-criminal Behavior (Concept, Regulation, Consequences). Tomsk: Publishing house Tom. UN-TA, 1985. 192 p.

УДК 343.573

А.Н. Супрун

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В «ЗЕРКАЛЕ» ПЕНАЛИЗАЦИИ

Введение: эффективность уголовно-правовых норм во многом предопределяется не только целесообразностью их существования, но и характером санкций данных норм. Актуальность исследования вопросов законодательной и правоприменительной пенализации в контексте преступления «розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» (ст. 151.1 УК РФ) во многом обусловлена административной преюдицией, требующей параллельного анализа уголовно-правовых и административно-правовых санкций в их становлении и развитии. **Цель:** проанализировать этапы законодательной пенализации розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции, выявить характерные для каждого этапа особенности и складывающуюся практику назначения на данных этапах наказаний, причины таковых особенностей, раскрыть противоречия межотраслевого характера при назначении наказаний за преступление и смежное административное правонарушение, разработать предложения по совершенствованию конструкции санкции за анализируемое преступление. **Методологической основой** проведенного исследования выступили диалектический, формально-юридический, сравнительный методы, а также анализ и синтез, методы правовой статистики и правового моделирования. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно устранения не-

© Супрун Алексей Николаевич, 2018

Заместитель руководителя следственного отдела по Заводскому району г. Саратов следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Саратовской области (майор юстиции); e-mail: aleksei.suprun1987@yandex.ru

© Suprun Alexey Nikolaevich, 2018

Deputy Head of the Investigation Department of Zavodsky district of the city of Saratov Investigation Department of the Investigation Committee of the Russian Federation for the Saratov region, major of justice

совершенство законодательного и правоприменительного процессов, проанализированы этапы конструирования уголовно-правовой санкции, рассмотрены проблемы уголовно-правовой и административно-правовой пенализации, представлен анализ судебной практики назначения уголовных наказаний по ст. 151.1 УК РФ, выявлены характерные особенности и причины назначения наказаний в различные периоды формирования санкции статьи. Высказано предложение о необходимости отказа от конструирования диспозиции ст. 151.1 УК РФ с применением административной преюдиции; выявлены причины увеличения доли исправительных работ среди избираемых судами наказаний и причины относительно небольшого числа случаев назначения дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. **Выводы:** выделены три этапа процесса становления санкции ст. 151.1 УК РФ, рассмотрена специфика каждого из них. Для дальнейшего совершенствования процесса пенализации целесообразно закрепить в санкции ст. 151.1 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве одного из основных видов уголовного наказания, дабы не создавать условия для совершения вновь подобных преступлений и, соответственно, предупредить специальный рецидив.

Ключевые слова: розничная продажа, алкогольная продукция, несовершеннолетние, практика назначения наказания, виды наказаний, этапы конструирования санкций, штраф, административная ответственность, административный штраф, административное правонарушение.

A.N. Suprun

RETAIL SALE TO MINORS OF ALCOHOL PRODUCTS IN THE MIRROR OF PENALIZATION

Background: the efficiency of criminal norms of law is in many ways predetermined not only by expediency of their existence, but also by the character of sanctions of these norms. The relevance of the research of the legislative and law-enforcement penalization questions in the context of crime “retail to the minors of alcohol products” (Art. 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) is in many respects caused by the administrative prejudition demanding the parallel analysis of criminal-legal and administrative-legal sanctions in their formation and development. **Objective:** the author of the article intends to analyze stages of a legislative penalization of retail of alcohol products to the minors, to reveal features, characteristic of every stage and the developing practice of imposing penalties at these stages, to reveal the reasons of those features, to open contradictions of inter-branch character at imposing punishment for crime and adjacent administrative offenses, to work out suggestions for improving the design of the sanctions for the analyzed crime. **Methodology:** the methodological basis of the carried out research was based on using the dialectical, formal-legal, comparative methods and also the analysis and synthesis of methods of legal statistics and legal modeling. **Results:** the author’s position concerning elimination of imperfections of legislative and law-enforcement processes is reasoned, stages of designing of the criminal and legal sanction are analyzed, problems of a criminal-legal and administrative-legal penalization are considered, the analysis of legal practice of imposing criminal penalties according to Art. 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is submitted, characteristics and the reasons of imposing punishment during various periods of formation of the sanction of this article are established. The suggestion on the necessity of refusal of designing a disposition of Art. 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation with application of an administrative prejudition is stated. Besides, the reasons of increase in a share of corrective works among the punishments chosen by the courts and the reasons of rather small number of cases for the purpose of additional punish-

ment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or to be engaged in a certain activity are established. Conclusion: three stages of the process of formation of the sanction of Art. 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are allocated. The specific features for every stage is considered. For the further improvement of the process of penalization it is expedient to enshrine in the sanction of Art. 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation deprivation of the right to hold certain positions or to be engaged in a certain activity as one of the main types of punishment in order not to create a condition for commission similar crimes and, respectively, to curb a special recidivism.

Key-words: *retail, alcohol products, minors, practice of imposing punishment, types of punishments, stages of designing sanctions, penalty, administrative responsibility, administrative penalty, administrative offense.*

В теории уголовного права пенализация признается одной из форм реализации уголовно-правовой политики и стадией противодействия преступности. Ученые выделяют различные виды пенализации, в т.ч. законодательную и правоприменительную. Законодательную пенализацию, с одной стороны, можно рассматривать как процесс конструирования уголовно-правовых санкций, а с другой — как результат данного процесса, юридическим выражением которого является конкретная санкция уголовно-правовой нормы.

Правоприменительная пенализация находит свою реализацию при назначении судами уголовного наказания и имеет определенную специфику, по сравнению с законодательной. По мнению И.М. Антонова, процесс назначения наказания судами может свидетельствовать о пробельности или избыточности уголовно-правового запрета, корректировать ошибки законотворческой деятельности. Кроме того, практика назначения наказания способна оказывать даже большее влияние на общественное правосознание, чем само уголовное законодательство [1, с. 17].

В этой связи весьма показательна практика назначения наказания за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, совершенную неоднократно (ст. 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ)). Поскольку названный состав преступления сконструирован с учетом административной преюдиции, выполняющей функцию его обязательного конструктивного признака, анализ обозначенной сферы правоприменительной деятельности за указанное уголовно наказуемое деяние требует учета оной и за административное правонарушение (в части, касающейся физических лиц), предусмотренное ч. 2.1 ст. 14.16 Кодекса РФ об административных правонарушениях² (далее — КоАП РФ). Важность данного положения очевидна, поскольку от обоснованности и согласованности законодательных пределов санкций, практики назначения наказаний за преступление и административное правонарушение во многом зависят и эффективность соответствующих норм, и сама целесообразность их существования. В связи с этим исследование данных вопросов является актуальным, имеющим важное теоретическое и практическое значение.

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2018. № 18, ст. 2581.

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2017 г. № 499-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2018. № 1, ч. I, ст. 83.

Эффективность нормативного регулирования влияет на совершенствование правоприменительного процесса и во взаимосвязи они позволяют достичь той конечной цели, которую преследует уголовный закон. Процессы нормативного регулирования и правоприменения должны проходить совместно и согласованно. От правильного выбора правовых средств зависит, в конечном счете, достижение целей правового регулирования, а значит, эффективность права в целом. Недооценка, неверный выбор юридических средств, приемов, заложенных в нормативной основе правового регулирования, приводят к сбоям в реализации права, снижению правового эффекта [2, с. 18].

Анализ процесса законодательной пенализации в контексте ст. 151.1 УК РФ позволяет выделить три этапа конструирования уголовно-правовой санкции.

Начало первого этапа ознаменовано параллельным введением уголовной и административной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ и ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ). Этот период характеризуется следующими особенностями: 1) отсутствием нижнего предела штрафа в санкции ст. 151.1 УК РФ («наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей...»); 2) низким размером санкции ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП (административный штраф «на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей») и 3) согласованностью пределов уголовно-правовой и административно-правовой санкций (минимальный предел штрафа — уголовного наказания (ч. 2 ст. 46 УК РФ) равен пяти тысячам рублей, что коррелирует с максимальным пределом штрафа — административного наказания по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ).

Анализ материалов судебной практики данного этапа свидетельствует, что уголовное наказание обычно назначалось в виде минимально возможного штрафа (определенного в конкретной сумме) либо суммы штрафа несущественно превышали нижнюю границу данного уголовного наказания (иными словами, это были суммы в 5–8, 10, иногда 15 тыс. руб.). Исправительные работы применялись редко, лишение же права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью было (и остается) исключительным случаем.

Назначенные судами наказания в виде минимально возможного штрафа отчасти обусловлены тем, что львиная доля приговоров по уголовным делам³ за совершение розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции рассмотрена судами в порядке гл. 40 «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» Уголовно-процессуального кодекса РФ⁴, т.к. в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 62 УК РФ срок или размер наказания, назначаемого лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в указанном порядке, не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, а значит, с учетом требований ч. 2 ст. 46 и ч. 5 ст. 62 УК РФ, правоприменитель мог назначить наказание в виде штрафа в диапазоне от 5 000 руб. до 53 300 руб.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2012 г. из 281 осужденного по ст. 151.1 УК РФ исправительные работы были назначены

³ См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 29.01.2018); Сайт судебных и нормативных актов РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 29.01.2018).

⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. I, ст. 4921; 2018. № 1, ч. I, ст. 85.

20 (4 — условно), т.е. всего в 7% случаев. По 139 приговорам штрафы назначались в размере 5 тыс. руб.; в иных 120 случаях — до 25 тыс. руб. Штраф свыше 25 тыс. руб. был назначен всего двум осужденным⁵.

Таким образом, суды долгое время ограничивались только штрафами. Причем, размеры наказаний по таким уголовным делам незначительно отличались от ранее назначенных по аналогичным административным правонарушениям.

Начало второго этапа обусловлено вступлением в силу Федерального закона от 12 ноября 2012 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.5 и 14.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»⁶. В то же время аналогичный федеральный закон о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ, а именно в санкцию ст. 151.1 издан не был. Однако принятый в 2012 г. Закон явился важной вехой в развитии практики назначения уголовного наказания за преступление «розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции». Дело в том, что была существенно повышена санкция ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ — административный штраф для граждан определен уже «в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей».

Однако в практике за административное правонарушение штраф обычно назначался в минимальном размере. К примеру, постановлением по делу об административном правонарушении от 4 сентября 2013 г. и.о. мирового судьи судебного участка № 60 г. Клинцы Брянской области Х. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.16 ч. 2.1 КоАП РФ, и ей назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 30 000 руб.⁷

Кроме того, согласно отчету формы № 1-АП о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2013 г., всего по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ подвергнуты наказанию в виде штрафа 8 416 лиц на общую сумму 297 430 030 руб. и средний штраф составил 35 341 руб. 2014 год сохранил ту же динамику: всего подвергнуты наказанию в виде штрафа 9 863 лица на общую сумму 358 997 530 руб. и средний штраф составил 36 398 руб.⁸

В то же время, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2013 г. по ст. 151.1 УК РФ были осуждены 363 чел.; из них 38 (т.е. 10,5%) приговорены к исправительным работам (10 чел. — с применением института условного осуждения) и 325 — к штрафу. По размеру назначенного штрафа наблюдались следующие показатели: в размере 5 тыс. руб. штраф был назначен 130 чел.; до 25 тыс. руб. — 172; свыше 25 тыс. — 23⁹.

Вышеизложенное свидетельствует о некотором увеличении доли уголовных штрафов в относительно крупных размерах, что, очевидно, отражает реакцию отдельных судей на изменение административной санкции либо же указывает на некоторый рост заработной платы работников сферы торговли.

2014 год характеризуется ростом числа осужденных к исправительным работам и относительно крупным штрафам. Из 299 осужденных исправительные работы были назначены в 68 случаях (17 — условно), или почти 23%. Штрафы в размере 5 тыс. руб. назначены 79 осужденным; до 25 тыс. — 133; свыше 25 тыс. — 33¹⁰.

⁵ См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 47, ст. 6404.

⁷ См.: Сайт судебных и нормативных актов РФ. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/3vaadIh65zNS/> (дата обращения: 04.02.2018).

⁸ См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Там же.

Таким образом, резкое и, на наш взгляд, ничем не обоснованное ужесточение административного наказания не повлекло почти никаких перемен в практике назначения наказаний по ст. 151.1 УК РФ. Так, приговором от 16 декабря 2013 г. по делу № 1-38/2013 мировым судьей судебного участка № 10 Правобережного округа г. Липецка М. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, с назначением наказания в виде штрафа в сумме 30 000 руб., при этом ранее она была привлечена к административной ответственности с назначением штрафа в аналогичном размере за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ¹¹.

В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда уголовное наказание по своей строгости за повторное совершение идентичного по объективной стороне деяния существенно уступало наказанию административному либо являлось аналогичным. Как подчеркивал И.И. Карпец, нравственная сила закона в подобных случаях подвергается явно ненужному испытанию, ибо при таком наказании нарушается принцип справедливости [3, с. 102]. Чтобы исключить коллизии подобного рода, необходимо внести в уголовно-правовую санкцию соответствующие коррективы.

Аргументы сторонников противоположной точки зрения вряд ли можно признать весомыми. Приведем некоторые из них: уголовная ответственность «дискредитирует деловую репутацию юридического лица, подрывает авторитет перед обществом физического лица, занимающегося торговлей» [4, с. 15]; «уголовное наказание влечет за собой судимость и уже поэтому является более репрессивным, чем административное наказание» [5, с. 46].

Отмеченная законодательно-правоприменительная несообразность сразу же привлекла внимание исследователей [5, с. 44–47; 6, с. 122; 7, с. 61–62] и вызвала ряд законодательных инициатив, направленных на ее устранение. Так, данную ситуацию откровенно называли «издевательством над межотраслевой дифференциацией уголовных и административных норм» [8, с. 238]. Ведь само существование ст. 151.1 УК РФ становилось бессмысленным, поскольку совершение повторного тождественного деяния влекло не усиление, а существенное снижение ответственности. Таким образом, подрывалось уважение к праву в целом, снижался авторитет как уголовного закона, так и самого государства. В связи с указанными обстоятельствами был принят явно запоздавший Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 529-ФЗ «О внесении изменений в статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹², вступивший в силу 11 января 2015 г., с которого и начался третий этап в развитии пенализации, длящийся по сию пору.

В санкции ст. 151.1 УК РФ теперь установлены нижние пределы уголовного наказания в виде штрафа — 50 тыс. руб. или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период в 3 мес. Однако практика назначения наказания за преступление, предусмотренное ст. 151.1 УК РФ, и после вступления в силу вышеназванного Закона не отличается особой суровостью. Штраф по-прежнему, если и назначается, то на нижнем уровне санкции — в размере 50 тыс. руб. Редко штраф составляет большую сумму (55–60 тыс. руб.). На сегодня различие между административной и уголовно-правовой санкцией сводится к

¹¹ См.: Сайт судебных и нормативных актов РФ.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. I, ст. 82.

20 тыс. руб. Обоснованность данного положения дел нуждается в критическом осмыслении, что также наводит на мысль о том, что законодателю необходимо отказаться от конструирования диспозиции ст. 151.1 УК РФ с применением административной преюдиции, о нежелательном присутствии которой в уголовном законодательстве неоднократно высказывались некоторые ученые. Так, Г.В. Верина подчеркивает, что «...в концептуальных основах законодательного феномена преступления появилась брешь в виде реформирования признаков преступления, отступления от признака общественной опасности, что порождено административной преюдицией. <...> Поэтому следует отказаться от административной преюдиции» [9, с. 77].

Представляет научный интерес рост в 2015 г. числа осужденных к исправительным работам. Думается, есть основания рассматривать его как результат осознания правоприменителем необходимости реализации идей межотраслевой дифференциации, в которой, по справедливому замечанию Г.В. Вериной, содержатся большие, пока еще не реализованные в полной мере, потенциальные возможности адекватного противодействия преступлениям [10, с. 12–13].

Важно обратить внимание на следующие статистические данные за 2015 г.: из 302 осужденных 118 чел., т.е. 39% были приговорены к исправительным работам (из них 42 — условно). Размеры штрафа с числом осужденных сочетались таким образом: 5 тыс. руб. — 19; до 25 тыс. — 48; свыше 25 тыс. — 108. 2016 год сохранил эту тенденцию: за 6 мес. 2016 г. (в этот период число осужденных по ст. 151.1 УК РФ составило 254 чел.) к исправительным работам были приговорены 89 чел., 128 — к штрафу, 37 — условно осуждены к иным мерам. Размеры штрафа с числом осужденных сочетались таким образом: до 5 тыс. руб. — 3; от 5 до 25 тыс. — 34; свыше 25 тыс. — 91¹³.

Что же касается практики назначения наказаний лицам за совершение преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, за 6 мес. 2017 г., то здесь правоприменитель идет по следующему пути: всего осуждено за анализируемое преступление 279 чел., 94 — к исправительным работам, 135 — к штрафу, 50 — условно осуждены к иным мерам. Размеры штрафа с числом осужденных сочетались таким образом: до 5 тыс. руб. — 3; от 5 до 25 тыс. — 31; свыше 25 тыс. — 101. К дополнительному наказанию в виде права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в указанные периоды 2016 и 2017 гг. осуждено по 7 чел.¹⁴

Проведенным анализом статистических показателей установлено, что в 2016 и 2017 гг. (по сравнению с предыдущими годами) количество осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, к штрафу в размере до 5 тыс. руб. и в диапазоне от 5 тыс. руб. до 25 тыс. руб. снизилось и одновременно увеличилось число осужденных к штрафу на сумму свыше 25 тыс. руб. Это, на наш взгляд, связано, во-первых, с проводимой политикой государства по привлечению в бюджет дополнительных денежных средств за счет уплаты осужденными лицами назначенного им уголовного штрафа и, во-вторых, с осознанием, однако, не в полном объеме, правоприменителем (судьями) именно общественной опасности данного преступления и такого свойства административного правонарушения, как вредоносность, что и отличает их друг от друга.

¹³ См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

¹⁴ См.: Там же.

Таким образом, практика назначения уголовного наказания за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции ориентирована на применение штрафа как основного и преимущественного вида наказания, а также рост количества обвинительных приговоров с назначением судом наказания в виде исправительных работ.

С учетом представленной судебной практики назначения наказания невозможно согласиться с утверждением В.О. Сытникова о том, что «по ст. 151.1 УК РФ исправительные работы в качестве наказания пока не используются» [11, с. 154]. Они не только используются, но и частота их назначения значительно выросла. Более того, анализ приведенных показателей свидетельствует о резком увеличении доли исправительных работ среди избираемых судами наказаний по ст. 151.1 УК РФ. В чем же причина? И стоит ли упрекать судей в чрезмерно снисходительном подходе к назначению наказаний по ст. 151.1 УК РФ? Представляется, здесь все не так однозначно. Это можно связать, с одной стороны, с уголовно-правовой политикой государства, направленной на либерализацию и гуманизацию уголовного законодательства, уяснением различий между преступлением и смежным с ним административным правонарушением, с другой — с учетом судьями социально-экономических реалий, т.к. при уровне дохода лица в 10–15 тыс. руб., а это преимущественная категория лиц, которые привлекаются к ответственности по ст. 151.1 УК РФ, не каждый из них в состоянии исполнить наказание в виде штрафа, назначенное ему в фиксированном размере даже по нижней границе санкции [12, с. 75]. К примеру, приговором от 22 марта 2017 г. по делу № 1-16/2017 мирового судьи судебного участка № 1 Тобольского района Тюменской области Р., ранее подвергнутая административной ответственности по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ об административных правонарушениях к наказанию в виде административного штрафа в размере 30 тыс. руб., признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, с назначением наказания в виде исправительных работ на срок четыре месяца с удержанием из заработка осужденной в доход государства 5%¹⁵. При выборе вида уголовного наказания суд исходил из того, что Р. работает по полученной профессии в сельской местности — продавцом в магазине, где возможность трудоустройства ограничена ввиду отсутствия достаточного количества рабочих мест, является единственным кормильцем в семье, состоящей из трех человек, имеет доходы от трудовой деятельности в размере прожиточного минимума для работающего населения в Тюменской области и достижение целей наказания возможно только при назначении ей наказания в виде исправительных работ.

Кроме того, приговором от 25 августа 2016 г. по делу № 1-33/2016 мировым судьей судебного участка № 15 Кировского судебного района г. Самара Н., ранее привлеченная к административной ответственности по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ с назначением наказания в виде административного штрафа в размере 30 тыс. руб., на путь исправления не вставшая и должных выводов для себя не сделавшая, признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, и ей назначено наказание в виде исправительных работ условно, с применением ст. 73 УК РФ¹⁶. Суд руководствовался тем, что размер ее среднего заработка составлял 7–10 тыс. руб., она работает в должности продавца на про-

¹⁵ См.: Сайт судебных и нормативных актов.

¹⁶ См.: Сайт судебных и нормативных актов.

тяжени 20 последних лет и только от этого вида деятельности получала доход, поэтому только назначенное именно условное наказание, по мнению суда, будет соответствовать целям восстановления социальной справедливости, а также исправлению осужденной и предупреждению совершения ею новых преступлений.

Проанализированные приговоры судов дают основание утверждать, что вектор правоприменительной пенализации, смещенный в 2015–2017 гг., в частности, в сторону увеличения доли применения исправительных работ, свидетельствует об осмыслении судьями целей уголовного и административного наказаний.

Однако, как утверждает О.Г. Кобзева, в российском обществе до сих пор отсутствует понимание всей серьезности рассматриваемой проблемы, и продажа алкоголя (даже несовершеннолетним) не то что не кажется многим преступлением, но и может восприниматься как вполне нормальное явление [13, с. 195].

К замечанию Л.В. Яковлевой о том, что «если обратить внимание на то, что явилось предметом преступления, невольно возникает желание применить ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности деяния» [14, с. 147], следует отнестись критически.

Законодатель приравнял совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ (ст. 63 УК РФ). Поэтому соглашаться с малозначительностью данного деяния либо исключением его из разряда уголовно наказуемых, мягко говоря, неправильно.

Что касается лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, то были годы, когда это дополнительное наказание не назначалось вообще никому (2013, 2014). В 2012 г. — 1 случай, в 2015 г. — 3. За 6 мес. 2016 г. и за 6 мес. 2017 г. лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания назначено в каждый из указанных периодов семи лицам¹⁷.

Нераспространенность лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания мы связываем с тем, что судьи учитывают социально-экономическую обстановку в соответствующем регионе страны, а также личные характеристики виновных лиц, такие как: работа в должности продавца на протяжении многих лет, получение от этого вида деятельности в конкретном субъекте РФ единственно возможного дохода (возможность трудоустройства ограничена ввиду отсутствия достаточного количества рабочих мест), данный доход равен прожиточному минимуму для работающего населения в конкретном регионе, а также то, что в большинстве случаев лицо является единственным кормильцем в семье. В то же время неприменение данного дополнительного вида наказания не способствует в полном объеме целям восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Полагаем, законодатель и правоприменитель недооценивают потенциал данного вида уголовного наказания. На наш взгляд, оно способно обеспечить достижение цели специального предупреждения. Поэтому видится целесообразным закрепление в санкции ст. 151.1 УК РФ лишения права занимать определенные

¹⁷ См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

должности или заниматься определенной деятельностью в качестве одного из основных видов уголовного наказания, т.к. необходимо адекватное реагирование со стороны законодателя и правоприменителя на совершение данного преступления и назначение лицу, его совершившему, справедливого и адекватного наказания, дабы не создавать условия для совершения вновь подобных преступлений.

Представляется, что существующая конструкция санкции уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, не отвечает целям восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений и требует более осмысленного подхода к пенализации данного преступления посредством введения в ее структуру основных и дополнительных видов наказаний либо повышение размеров уже существующих, дабы не размывать границы преступления и смежного с ним административного правонарушения, тем самым правоприменитель будет наделен всеми необходимыми средствами, позволяющими ему адекватно реагировать на совершение рассматриваемого преступления путем назначения наказания.

В заключение необходимо отметить, что анализ проблемы пенализации в контексте розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции позволяет выделить ряд важнейших положений теоретико-практического характера.

Так, специфика первого этапа пенализации в рамках ст. 151.1 УК РФ отличается тем, что размер наказания за преступления незначительно отличался от размера наказания за аналогичные административные правонарушения. На втором этапе само существование ст. 151.1 УК РФ становилось бессмысленным, поскольку совершение повторного тождественного (по сути административно наказуемого) деяния, служащего условием привлечения к уголовной ответственности, влекло не усиление, а существенное снижение наказания. Для третьего этапа пенализации характерно увеличение числа осужденных к штрафу на сумму свыше 25 тыс. руб., что, представляется, во-первых, связано с проводимой политикой государства по привлечению в бюджет дополнительных денежных средств за счет уплаты осужденными лицами назначенного им уголовного штрафа, а, во-вторых, с осознанием, однако, не в полном объеме, правоприменителем именно общественной опасности данного преступления. Кроме того, для этого этапа характерен рост числа осужденных к исправительным работам.

Есть основания утверждать, что на данном этапе произошло осмысление правоприменителем различий уголовно наказуемой и административно наказуемой розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции и необходимости дифференциации ответственности и индивидуализации наказания за них.

Практику назначения уголовного наказания за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции следует признать сложившейся. Ее основной тренд — применение штрафа как основного и преимущественного вида наказания, а также рост количества обвинительных приговоров с назначением судом наказания в виде исправительных работ.

Вместе с тем представляется целесообразным закрепление в санкции ст. 151.1 УК РФ лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве одного из основных видов уголовного наказания, дабы не создавать условия для совершения вновь подобных преступлений и, соответственно, предупреждать специальный рецидив.

Библиографический список

1. Антонов И.М. Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 30 с.
2. Сапун В.А. Инструментальная теория права в юридической науке // Современное государство и право: сборник научных трудов. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1992. С. 18–20.
3. Карпец И.И. Уголовное право и этика. М.: Юридическая литература, 1985. 256 с.
4. Жариков Ю.С. Обеспечение законности уголовно-правового регулирования посредством норм с административной преюдицией // Российский следователь. 2012. № 22. С. 14–17.
5. Пестерева Ю.С., Чекмезова Е.И. Уголовно-правовые меры противодействия подростковому алкоголизму // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1 (26). С. 44–47.
6. Купирова Ч.Ш. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции: закон и проблемы его применения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2. С. 117–123.
7. Халитов Р.К. Реализация принципа справедливости в нормах с административной преюдицией // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2014. Т. 14. № 2. С. 60–63.
8. Ветчинкина Н. Проблема построения санкций в нормах с административной преюдицией (на примере статьи 151.1 УК РФ) // Межсистемные и межотраслевые связи в правовой сфере: материалы VIII Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов / сост.: И.Р. Асатуллин, Т.Р. Бахия, Д.А. Валеев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2013. Т. 1. С. 237–238.
9. Верина Г.В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы. М.: Юрлитинформ, 2018. 200 с.
10. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 336 с.
11. Сытников В.О. Уголовная ответственность за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции / под общ. ред. Р.М. Кашапова. М.: Юрлитинформ, 2016. 207 с.
12. Маркунцов С.А., Одоев О.С. Назначение справедливого наказания за преступления, составы которых сконструированы с использованием административной преюдиции (на основе анализа судебной практики по ст. 151.1 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 3. С. 69–77.
13. Кобзева О.Г. Уголовная ответственность за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: новелла российского законодательства и зарубежный опыт // Правовое регулирование в условиях модернизации государственности: национальный и международный правовые аспекты: материалы VI Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов / сост.: Ю.М. Лукин, И.Р. Асатуллин, А.П. Фролова, Т.А. Якунина. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2011. С. 194–195.
14. Яковлева Л.В. Современные тенденции правотворчества в России // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов Первой Всероссийской научно-практической конференции (26 апреля 2013 г.) / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: РАП, 2014. С. 133–147.

References

1. Antonov I.M. Penalization of Crimes that Cause Harm to Health: extended abstract. dis. ... cand.of law. Vladivostok, 2004. 30 p.
2. Sapun V.A. Instrumental Theory of Law in Jurisprudence // Modern State and Law: Coll. sci. works. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 1992. P. 18–20.
3. Karpets I.I. Criminal Law and Ethics. M. : Jurid. lit., 1985. 256 p.
4. Zharikov Y.S. Ensuring the Legality of Criminal Law Regulation Through Norms with Administrative Prejudice / / Russian investigator. 2012. № 22. P. 14–17.

5. Pestereva Y.S., Chekmezova E.I. Criminally-legal Measures of Counteraction to Teenage Alcoholism // the Bulletin of Omsk Legal Academy. 2015. No. 1 (26). P. 44–47.
6. Kupirova C.S. Retail Sale of Alcohol Products to Minors: the Law and the Problems of its Application // Juridical Science and Law Enforcement Practice. 2014. № 2. P. 117–123.
7. Khalitov R.K. Realization of the Principle of Justice in Norms with Administrative Prejudice // Vestnik SUSU. The series “Right”. 2014. P. 14. № 2. P. 60–63.
8. Vetchinkina N. The Problem of Building Sanctions in the Norms with Administrative Prejudice (on the example of Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Inter-system and Inter-branch Relations in the Legal Sphere: mater. VIII Intern. scientific-practical. Conf. students and graduate students. / composition: Asatullin I.R., Bakhiya T.R., Valeev D.A. Kazan: Publishing house of Kazan. Univ., 2013. T. 1. P. 237–238.
9. Verina G.V. Fundamental concepts of the criminal law of Russia: current problems: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2018. 200 p.
10. Verina G.V. Differentiation of Criminal Liability for Crimes Against Property: Problems of Theory and Practice. Saratov: Sarat. Publishing House. Univ., 2003. 336 p.
11. Sytnikov V.O. Criminal Liability for Selling to Minors Alcohol Beverages / Under General Ed. R.M. Kashapova. Moscow: Yurlitinform, 2016. 207 p.
12. Markuntsev S.A., Odoev O.S. The Appointment of a Fair Punishment for Crimes Whose Composition is Constructed Using Administrative Prejudice (Based on the Analysis of Judicial Practice under Article 151.1 of the Criminal Code) // Criminal Law. 2016. N 3. p. 69 - 77.
13. Kobzeva O.G. Criminal Liability for Selling to Minors Alcohol Products: the Novelty of Russian Legislation and Foreign Experience // Legal Regulation in the Conditions of Modernization of Statehood: National and International Legal Aspects: mater. VI Intern. scientific-practical. Conf. students and graduate students. / composition: Yu.M. Lukin, I.R. Asatullin, A.P. Frolova, T.A. Yakunina. Kazan: Kazan. ун-т, 2011. P. 194–195.
14. Yakovleva L.V. Modern Trends in Law-making in Russia // Actual Problems of Theory and Practice of Criminal Law: Collection of. mater. The First All-Russia. scientific-practical. Conf. (April 26, 2013) / ed. Yu.E. Pudovochkina. Moscow: RAP, 2014. P. 133–147.

УДК 343.13

А.В. Копылов

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ
ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ
С ПОДОЗРЕВАЕМЫМ ИЛИ ОБВИНЯЕМЫМ
ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

Введение: при реализации особого порядка судебного разбирательства может возникнуть конфликт общественных интересов с правами потерпевшего, однако чтобы понять суть данного вопроса, необходимо разобраться, чьи интересы отражает данное соглашение, поскольку возникает проблема приоритета интересов конкретного

© Копылов Алексей Васильевич, 2018
Аспирант кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: maххastive@ya.ru

© Kopylov Alexey Vasilievich, 2018
Postgraduate student of the Criminal Proceedings department (Saratov State Law Academy)

потерпевшего или интересов общества. **Цель:** поиск наиболее подходящих законодательных решений для урегулирования проблемы нарушения прав потерпевшего при осуществлении особого порядка судебного разбирательства. **Методологическая основа:** общенаучные и частнонаучные методы познания, позволяющие изучить комплекс процессов и явлений, происходящих в сфере реализации особого порядка судебного разбирательства. **Результаты:** разработаны и предложены законодательные механизмы, способствующие недопущению нарушения прав потерпевшего при реализации норм особого порядка судебного разбирательства. **Вывод:** действующие правовые механизмы, регулирующие права потерпевшего при рассмотрении уголовного дела в особом порядке в том виде, в котором они существуют сейчас, не в полной мере соответствуют интересам потерпевшего и нравственным основам уголовного судопроизводства и требуют существенной законодательной доработки.

Ключевые слова: Особый порядок судебного разбирательства, досудебное соглашение о сотрудничестве, потерпевший, гражданский иск.

A. V. Kopylov

PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS OF THE VICTIM WHEN CONCLUDING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT WITH A SUSPECT OR AN ACCUSED

Background: in the course the realization of the special order of trial there may a conflict of public interests with the rights of the victim arise, but in order to understand the essence of this problem, it is necessary to understand whose interests reflect this agreement, since the priority of the interests of a particular victim arises or the interests of society. **Objective:** in the research the author intends to find the most appropriate legislative solutions for resolving the problem of violation of the rights of the victim in the implementation of a special procedure for the trial. **Methodology:** in the course of doing the research different methods of study were applied. The methodological basis of the research is general scientific and private scientific methods of cognition, allowing to study a complex of processes and phenomena occurring in the sphere of implementation of a special procedure for judicial proceedings. **Results:** legislative mechanisms were designed, developed and proposed in order to prevent the violation of the rights of the victim in the implementation of the rules of the special procedure of the trial. **Conclusions:** the author of the article argues that the existing legal mechanisms regulating the rights of the victim when considering a criminal case in a special order in the form in which they exist now do not fully correspond to the interests of the victim and the moral bases of criminal proceedings and require substantial legislative improvement.

Key-words: special order of the trial, pre-trial cooperation agreement, victim, civil action.

При реализации досудебного соглашения о сотрудничестве может возникнуть конфликт общественных интересов с правами потерпевшего, однако чтобы понять суть данной проблемы, необходимо разобраться, чьи интересы отражает данное соглашение. Подобные вопросы уже поднимались в научной литературе [1, с. 54; 2, с. 139; 3, с. 70], однако, на наш взгляд, им уделено недостаточное внимание.

Любая деятельность государства, в т.ч. и в уголовном процессе, направлена на обеспечение интересов общества, создание условий для достойной жизни своих граждан и на их защиту. Конституция РФ также провозглашает приоритет личности и возлагает на государство в лице его органов обязанность признавать,

соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, придавая, таким образом, интересам личности статус публичных [4, с. 550]. В связи с этим при реализации досудебного соглашения о сотрудничестве возникает проблема выбора приоритета: интересов конкретного потерпевшего или интересов общества. Как справедливо отмечает В.А. Лазарева, «судебная власть только тогда способна „доставить населению правосудие“, когда действует не в интересах безликого общества, которыми обычно прикрывают интересы государства, а в интересах конкретного человека, ибо рассуждать об абстрактном и общем всегда значительно легче, чем обеспечить правосудие в интересах конкретной личности» [5, с. 550].

Целью внедрения в уголовный процесс института досудебного соглашения о сотрудничестве была борьба с организованной преступностью, бандитизмом путем предоставления возможности правоохранительным органам привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных преступных группах, взамен значительно сокращая им наказания и распространяя на них меры государственной защиты. Однако в некоторых случаях достижение поставленной цели может вступать в противоречие с правами потерпевшего. Так, например, по мнению А.С. Александрова и И.А. Александровой, такую позицию можно понять: интересы потерпевшего могут иметь узкоэгоистический характер и ставить достижение публичных задач в зависимость от них нельзя [5, с. 10].

С другой стороны, по отношению к потерпевшему данные правовые нормы могут быть восприняты как аморальные, поскольку лицу, которое причинило потерпевшему физические и нравственные страдания, убив близкого родственника или нанеся физический вред, будет существенно снижено наказание, что противоречит представлениям большинства граждан о справедливости.

Если же рассматривать досудебное соглашение о сотрудничестве с точки зрения его соотношения с интересами общества и государства, можно увидеть, что в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусмотрена возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина, если это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Таким образом, борьбу с организованной преступностью можно рассматривать как тот самый случай, когда защита интересов общества становится превыше интересов отдельного человека — потерпевшего и отступление от соблюдения его интересов не будет являться безнравственным, поскольку ограничение прав происходит строго в рамках закона и вызвано достижением не менее значимой цели. Более того, потерпевшего никто не лишает права в рамках ст. 123 УПК РФ обжаловать любое действие и решение следователя. Также в случае неудовлетворения приговором, вынесенным в суде первой инстанции, потерпевший может подать апелляционную жалобу.

Таким образом, нельзя говорить о том, что в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве существенно нарушаются права потерпевшего, однако при его применении может быть нарушено право на справедливое судебное разбирательство и, с точки зрения этики, подобные решения могут быть расценены обществом и потерпевшим как безнравственные. Очевидно, что рассматриваемый институт досудебного соглашения о сотрудничестве несет в себе концептуальные противоречия с нравственными основами уголовного судопроизводства и, на наш взгляд, требует законодательной доработки.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» сказано, что данный механизм был введен в целях расследования и раскрытия фактов бандитизма, «заказных» убийств, наркопреступлений, коррупционных проявлений, чтобы предоставлять правоохранительным органам возможность привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в преступных сообществах и организованных группах, при условии значительного сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты¹. Однако, как показывает проведенное нами исследование, практика применения данного института в настоящее время отличается от задуманной законодателем.

Исследованная нами судебная и следственная практика, интервьюирование судей, прокуроров, следователей, адвокатов показали, что имеют место многочисленные случаи, когда досудебные соглашения о сотрудничестве стали заключаться не только с обвиняемыми, совершившими преступления, затрагивающие государственную безопасность и относящиеся к категории тяжких и особо тяжких, но и с теми, кто совершил преступления небольшой и средней тяжести, или даже не входил в организованную преступную группу.

В одном из таких примеров по апелляционному представлению и в апелляционной жалобе сторона обвинения и потерпевший оспаривают приговор, вынесенный судом первой инстанции. Причиной обжалования послужил слишком мягкий, по мнению потерпевшего и стороны обвинения, приговор по пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 115 УК РФ, назначенный подсудимому в связи с заключением с последним досудебного соглашения о сотрудничестве².

Еще одним примером злоупотребления правом на применение особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве служит дело, рассмотренное в мировом суде по ч. 1 ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью»³. Суть данного дела состояла в том, что досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено с лицом, совершившим преступление небольшой тяжести и не в составе преступной группы.

Приведенные случаи не являются исключительными в судебной практике и свидетельствует о том, что правоприменители могут заключать досудебное соглашение о сотрудничестве с обвиняемыми практически по любым составам преступлений, что противоречит смыслу данного института. В связи этим возникает вопрос о законности и целесообразности использования досудебного соглашения о сотрудничестве таким образом.

Исходя из сложившейся ситуации и в целях устранения противоречий в практике применения связанных по логике реализации правовых норм было бы целесообразно, на наш взгляд, использовать подход, закрепленный в гл. 40 УПК РФ и учитывать мнение потерпевшего при выборе формы судебного разбирательства в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по

¹ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/3035226/#3035226> (дата обращения: 29.09.2017).

² См.: Сайт судебных и нормативных актов РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/oAuOpb8FmvZP/> (дата обращения: 01.10.2017).

³ См.: Сайт судебных и нормативных актов РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/n5ys5YmS04mX/> (дата обращения: 02.10.2017).

всем составам преступлений, которые не затрагивают безопасность государства и не совершены организованной группой. По такого рода преступлениям (кража, угроза убийством и др.) необходимо учитывать мнение потерпевшего при выборе формы судебного разбирательства, поскольку в этих случаях, затрагиваются в основном интересы потерпевшего и, ограничивая его возможность влиять на процесс, мы лишаем его права на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В целях повышения эффективности применения особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и соблюдения прав всех участников процесса при его реализации мы предлагаем внести изменения в ст. 317.1 и 317.5 УПК РФ, которые, на наш взгляд, могут улучшить сложившуюся на практике ситуацию. В частности, ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ необходимо дополнить следующим пунктом: «Прокурорам, заключающим досудебное соглашение о сотрудничестве, необходимо учитывать мнение потерпевших об их отношении к данному соглашению перед его непосредственным заключением. Мнение потерпевших должно учитываться по всем составам преступлений, кроме тех, которые перечислены в следующих главах и разделах УК РФ: преступления против общественной безопасности (глава 24), преступления против государственной власти (раздел X), преступления против мира и безопасности человечества (раздел XII), а также преступления, совершенные организованной группой или преступным сообществом».

Также необходимо дополнить ст. 317.5 УПК РФ еще одной частью следующего содержания: «Прокурорам в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и до вынесения представления об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу необходимо учитывать мнение потерпевших о выборе формы судебного разбирательства лишь по тем составам преступлений, которые перечислены в части 3 статьи 317.1 УПК РФ».

Помимо УПК РФ, аналогичными поправками следует дополнить Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам», который непосредственно регламентирует работу прокуроров в рамках реализации на практике рассматриваемого уголовно-процессуального института.

Предлагаемые изменения в УПК РФ и регламентация деятельности прокуроров позволят, по нашему мнению, сбалансировать интересы потерпевших и государства, соблюдая при этом нормы этики и нравственности.

Следующей проблемой, которую необходимо рассмотреть в контексте настоящей статьи, состоит в том, что права потерпевшего при рассмотрении уголовного дела в особом порядке также могут быть нарушены при заявлении им гражданского иска в случае согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Как правило, основным источником возмещения вреда потерпевшему от преступления служит возмещение вреда виновным в порядке гражданского иска, который может быть заявлен потерпевшим при расследовании уголовного дела. При этом следует учитывать, что совместное рассмотрение гражданского иска и уголовного дела исключает дублирование многих процессуальных действий, что ускоряет процесс возмещения потерпевшему причиненного вреда. Помимо этого, рассмотрение гражданского иска в уголовном процессе нравственно обо-

снованно, поскольку потерпевший освобождается от необходимости дважды участвовать в судебном разбирательстве и подвергаться дополнительному моральному давлению.

Признание обвиняемым гражданского иска — это своеобразная плата за согласие потерпевшего на рассмотрение уголовного дела в особом порядке, где наказание подсудимому должно быть ниже. Однако уголовно-процессуальный закон не ставит обязательным условием рассмотрения дела в особом порядке признание обвиняемым гражданского иска. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ от 15 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (в ред. от 22 декабря 2015 г.)⁴ допускает оставление такого иска судом без удовлетворения. В связи с этим на практике могут возникать случаи нарушения прав потерпевшего на справедливое судебное разбирательство и восстановление социальной справедливости.

В отличие от обвиняемого, которому следователь обязан разъяснить в присутствии адвоката (участие которого обязательно) всю информацию о последствиях применения особого порядка судебного разбирательства, потерпевшему такие разъяснения даются только в судебном заседании (ч. 4 ст. 316 УПК РФ).

В связи с этим при решении вопроса о рассмотрении дела в особом порядке потерпевшего могут не предупредить о возможном отказе в удовлетворении гражданского иска при такой форме судебного разбирательства [6, с. 71–75]. В свою очередь, нерассмотрение гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства фактически нарушает права потерпевшего на справедливое судебное разбирательство, поскольку затягивается возмещение причиненного ему в результате преступления вреда и он подвергается дополнительному моральному давлению.

Из п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2006 г. № 60 следует, что под согласием обвиняемого с предъявленным обвинением следует понимать его отказ от спора по всему предъявленному обвинению. То есть для рассмотрения уголовного дела в особом порядке требуется в т.ч. и признание гражданского иска. В некоторых случаях не допускается спор даже относительно размера иска, заявленного гражданским истцом [7, с. 702–703].

В соответствии со ст. 230 УПК РФ суд должен принять меры по обеспечению гражданского иска. Также в ст. 307 и 309 УПК РФ указано, что должны быть приведены мотивы полного или частичного удовлетворения гражданского иска, а при вынесении приговора в особом порядке суд должен решить вопросы, связанные с разрешением гражданского иска. В то же время, рассматривая уголовное дело в особом порядке, судья не исследует доказательства и не дает им оценку. В процессе рассмотрения уголовного дела суд исследует только личность подсудимого, в то время как гражданский иск, заявленный потерпевшим, требует исследования доказательств. Однако в силу ч. 7 ст. 316 УПК РФ условием постановления приговора без проведения судебного разбирательства является обоснованность обвинения. Из этого следует очевидный вывод, что если обвинение обосновано, то и гражданский иск суд имеет право удовлетворить в том объеме, в котором признает его подсудимый⁵.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2.

⁵ См.: *Водопьянов В.А.* Адвокат в разрешении иска в рассмотрении уголовного дела при особом порядке. URL: https://www.vodopiynov.ru/page_427.html (дата обращения: 23.10.2017).

Вместе с тем, как отмечает судья А.В. Гричаниченко, мотивирование решения в отношении гражданского иска у судей вызывает трудности [6, с. 71–75]. Ввиду того, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2006 г. № 60 по поводу гражданского иска написана очень неконкретная формулировка о том, что при наличии соответствующих оснований гражданский иск может быть оставлен без удовлетворения, производство по нему прекращено, в его удовлетворении может быть отказано либо по иску принято решение о передаче его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, если это не повлечет изменения фактических обстоятельств дела, при этом не приводятся примеры таких ситуаций, в которых необходимо принимать соответствующее решение, то судьи в одних и тех же ситуациях по-разному решают судьбу гражданского иска, иногда не в интересах потерпевшего.

По нашему мнению, с целью унификации и единообразия практики разрешения гражданских исков в особом порядке судебного разбирательства для обеспечения прав потерпевших необходимо дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» разъяснением того, в каких случаях по гражданскому иску должно быть принято решение о передаче его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, и в каком порядке следует рассматривать уголовное дело, если гражданский иск оставлен без удовлетворения, производство по нему прекращено, в его удовлетворении отказано. Исходя из вышеизложенного, предлагаем дополнить п. 12 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ текстом следующего содержания: «Судам следует рассматривать дело в общем порядке, в случае несогласия подсудимого с заявленным гражданским иском, когда размер иска не больше вреда, причиненного в результате преступления. В случае несогласия подсудимого с гражданским иском только в части морального вреда судьям следует рассматривать гражданский иск при рассмотрении дела в особом порядке, самостоятельно определив размер морального вреда. В целях предотвращения затягивания рассмотрений гражданских исков и нарушения прав потерпевшего на справедливое судебное разбирательство, в случаях, когда подсудимый полностью не признает гражданский иск, дело следует рассматривать в общем порядке».

По нашему мнению, при реализации особого порядка судебного разбирательства нельзя забывать о правах потерпевшего. Как показало проведенное исследование, действующее уголовно-процессуальное законодательство не может в полной мере обеспечить право потерпевшего на справедливость при рассмотрении уголовного дела в особом порядке и при заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве. Игнорирование в некоторых случаях мнения потерпевшего, а также не всегда обоснованное участие его в дополнительном судебном разбирательстве для отстаивания своих имущественных прав, не соответствуют нравственным принципам уголовного судопроизводства. Действующие правовые механизмы, обеспечивающие соблюдение прав потерпевшего при реализации на практике особого порядка судебного разбирательства в том виде, в котором они существуют сейчас, не в полной мере соответствуют его интересам и нравственным основам уголовного судопроизводства и требуют существенной законодательной доработки.

Библиографический список

1. *Днепровская М.А.* Защита прав потерпевшего по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке судебного разбирательства // ВЭПС. 2008. № 2. С. 54–57.
2. *Пегушина О.В.* Права потерпевшего при рассмотрении дел в особом порядке принятия решения, предусмотренном главой 40 УПК РФ // Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Международной научной конференции (г. Чита, апрель 2017 г.). С. 139–142.
3. *Кувалдина Ю.В.* Обеспечение прав потерпевшего в особых порядках принятия судебного решения (главы 40, 40.1, 32.1 УПК РФ // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 70–74.
4. *Лазарева В.А.* Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина (назначение уголовного судопроизводства) // LEX RUSSICA. 2010. № 3. С. 540–550.
5. *Александров А.С., Александрова И.А.* Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3–11.
6. *Гричаниченко А.В.* Разрешение гражданского иска при рассмотрении уголовного дела в особом порядке // Уголовное право. 2007. № 5. С. 71–75.
7. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В.М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 1060 с.

References

1. *Dneprovskaya M.A.* Protection of the Rights of the Victim in Criminal Cases, Considered in a Special Order of the Trial // VEPS. 2008. № 2. P. 54–57.
2. *Pegushina O.V.* Rights of the Victim During the Consideration of Cases in a Special Procedure for Making a Decision, Provided for by Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure. Actual Issues of Juridical Sciences: materials III Intern. sci. conf. (Chita, April 2017). P. 139–142.
3. *Kuvaldina Yu.V.* Enforcements of Rights of the Victim in Special Procedures for the Adoption of a Judicial Decision (Chapters 40, 40.1, 32.1 of the Code of Criminal Procedure // Vector of Science of the TSU, Series: Juridical Sciences, 2014. No. 2 (17). P. 70–74.
4. *Lazarev V.A.* Criminal Process as a Way of Protecting Human and Civil Rights and Freedoms (the Appointment of Criminal Proceedings) // LEX RUSSICA. 2010. № 3. P. 540–550.
5. *Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A.* Agreement on Pre-trial Cooperation with the Investigation: the Legal Nature and Issues of Interpretation of the Norms Included in Chapter 40.1 of the Code of Criminal Procedure // Criminal process. 2009. N 8. P. 3–11.
6. *Grihanichenko A.V.* The Resolution of a Civil Suit when Considering a Criminal Case in a Special Order // Criminal Law. 2007. № 5. P. 71–75.
7. Criminal Procedural Law: a textbook for undergraduate and graduate students / under general. ed. V.M. Lebedev. 2 nd ed., Amended and added: Yuright Publishing, 2017. 1060 p.

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО. ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 349.414

Т.В. Волкова

ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ (НАДЗОР) КАК ФУНКЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ

Введение: сущность государства проявляется, помимо прочего, посредством осуществляемого им контроля (надзора) в любой сфере общественных отношений, в т.ч. и в отношениях по управлению земельными ресурсами. **Цель:** определение места и роли контрольно-надзорной деятельности в системе управления земельными ресурсами. **Методологическая основа:** диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, логический метод, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований. **Результаты:** рассмотрены понятия контроля и надзора с точки зрения общей теории права и земельного права, генезис законодательного закрепления основ данного направления государственной деятельности в Земельном кодексе РФ. Установлены сходство и различия государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля. **Выводы:** земельный контроль (надзор), представляющий собой единую функцию управления земельными ресурсами, необходим для достижения целей управления земельными ресурсами и устойчивого, эволюционного развития земельных отношений.

Ключевые слова: контроль, надзор, земельные ресурсы, управление земельными ресурсами, контрольно-надзорная функция управления земельными ресурсами, государственный земельный надзор, муниципальный земельный контроль.

T.V. Volkova

LAND CONTROL (SUPERVISION) AS A FUNCTION OF MANAGEMENT OF LAND RESOURCES

Background: the essence of a state appears in particular in providing control (supervision) in every sphere of the social relations, inter alia in the management of land resources relation. **Objective:** the author of the article intends to find the place and define the role of control-supervision activity in the system of management of land resources. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: dialectic, abstraction, analysis, synthesis, deduction, logical method, legalistic method ones and inter-branch legal research. **Results:** the notions of control and supervision from the points of view of the general theory of law and land law are researched in the article. The genesis of legisla-

© Волкова Татьяна Владимировна, 2018
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия), судья Двенадцатого арбитражного апелляционного суда; e-mail: volkovatv@yahoo.com

© Volkova Tatiana Vladimirovna, 2018
Candidate of Law, Associate Professor, of the Land and Ecological Law department (Saratov State Law Academy), Judge of 12 Arbitral Appellate Court

tive fixing of the basis of the direction of state activity in the Land Code of the Russian Federation is considered. The similarity and differences of the state land supervision and municipal land control are analyzed. Conclusions: the author of the article states that land control (supervision) is the united function of management of land recourses, directed to providing of observing the land legislation of the Russian Federation by all subjects of law, necessary for reaching the goals of management of land recourses and evolutionary development of land relations.

Key-words: *control, supervision, land recourses, management of land recourses, control-supervision function of management of land recourses, state land supervision, municipal land control.*

Как небезосновательно отмечается в литературе, контрольно-надзорная функция имманентно присуща государственной власти независимо от политических, экономических, социальных и прочих условий [1, с. 3]. В этой связи государственный земельный контроль (надзор) считается одной из традиционных функций управления земельными ресурсами [2, с. 51–53].

Контроль и надзор объединяет, во-первых, сущность (они представляют собой формы юридической деятельности); во-вторых, особенности субъекта (осуществляются специально уполномоченными субъектами) и, в-третьих, конечная цель (охрана интересов общества и государства, защита прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка). Их различия, по мнению В.П. Беляева, заключаются в содержании деятельности: при контроле она состоит в сборе и проверке информации об исполнении норм права, соблюдении их требований, а также в непосредственном принятии мер по предупреждению и пресечению допущенных нарушений (отклонений), применительно к надзору — в разрешении на поднадзорных объектах юридических дел, возникающих в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением законов государственными органами и должностными лицами [3, с. 24].

Необходимо оговориться, что изначально при принятии Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) в 2001 г. он оперировал только одним термином — «земельный контроль», который подразделялся на государственный, муниципальный, общественный и производственный. Однако в 2011 г. в результате принятия Федерального закона № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»¹ произошло официальное переименование государственного земельного контроля в государственный земельный надзор, при этом обозначение других видов (уровней) данного направления государственной деятельности осталось без изменений.

В настоящее время согласно ст. 71 ЗК РФ под *государственным земельным надзором* понимается деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, гражданами требований законодательства РФ, за нарушение которых предусмотрена административная и иная ответственность, посредством организации и проведения

¹См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ч. I, ст. 4235.

проверок указанных органов, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан, принятия предусмотренных законодательством РФ мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений, и деятельность указанных уполномоченных органов государственной власти по систематическому наблюдению за исполнением требований земельного законодательства, проведению анализа и прогнозированию состояния исполнения требований земельного законодательства при осуществлении органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, гражданами своей деятельности. *Муниципальный земельный контроль* представляет собой деятельность органов местного самоуправления по контролю за соблюдением органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, гражданами в отношении объектов земельных отношений требований законодательства РФ, законодательства субъекта РФ, за нарушение которых законодательством РФ, законодательством субъекта РФ предусмотрена административная и иная ответственность (ст. 72 ЗК РФ).

Означает ли это, что в результате внесенных в законодательство изменений произошло разделение соответствующей функции управления земельными ресурсами? Или, быть может, это изначально были два разных направления государственной деятельности?

Последнюю позицию разделяют А.П. Анисимов и А.Я. Рыженков, утверждая, что контроль и надзор — это все-таки не совпадающие функции государственного регулирования земельных отношений [4, с. 121]. Однако большинство современных исследователей придерживаются иной точки зрения. В комментарии к ст. 72 ЗК РФ указывается, что государственный земельный надзор и муниципальный земельный контроль в совокупности образуют *единую систему* контроля за соблюдением требований законодательства, при этом имея определенные различия (в полномочиях, процедурах и последствиях) [5, с. 657]. Е.В. Бутылина делает вывод о том, что земельный надзор и контроль составляют самостоятельную (т.е. *одну*. — Т.В.) функцию управления, объектами которого выступают земля, земельные участки и их части (иными словами, земельные ресурсы), целями которой выступают их рациональное использование и охрана, соблюдение земельных прав граждан, юридических лиц и публичных образований, обеспечение законности и правопорядка в рассматриваемой сфере [6, с. 9]. Мы разделяем точку зрения о единстве контроля и надзора как функции управления земельными ресурсами.

Итак, сегодня в структуру контрольно-надзорной функции входят два основных элемента — государственный земельный надзор и муниципальный земельный контроль. А.Ф. Ивлева отмечает, что муниципальный земельный контроль во многом схож с государственным земельным надзором и это, по ее мнению, вполне закономерно, учитывая, что муниципальная власть в границах муниципального образования осуществляет в основном те же функции, что и государственная власть. Поэтому, с ее точки зрения, содержание муниципального земельного контроля аналогично содержанию государственного земельного надзора и каких-либо принципиальных особенностей не имеет [7, с. 35–41].

Впрочем, далее А.Ф. Ивлева указывает, что контрольные полномочия органов местного самоуправления уже по объему надзорных полномочий государственных органов исполнительной власти, поскольку им не предоставлена возмож-

ность применения мер по пресечению и устранению выявленных правонарушений и возложению юридической ответственности на нарушителей земельного законодательства, что, по ее мнению, не позволяет считать его полноценной контрольной деятельностью публично-правового характера [7, с. 37–38].

Итак, можно констатировать, что на настоящий момент основы контрольно-надзорной функции управления земельными ресурсами закреплены в основном акте отрасли, а именно в гл. XII ЗК РФ, которая претерпела существенные изменения в начале текущего десятилетия. Рассмотренные нововведения специалистами в сфере земельного права расцениваются неоднозначно.

В частности, С.Ю. Королев указывает на их положительные стороны: во-первых, на более четкую детализацию регулируемых видов деятельности; во-вторых, на повышение значимости рассматриваемой функции управления земельными ресурсами [8, с. 181].

Другие ученые, напротив, полагают, что изменение понятия земельного надзора окажет отрицательное влияние на эффективность осуществления рассматриваемой функции. Так, по мнению М.В. Ворониной, к основному недостатку новой трактовки земельного надзора можно отнести сужение видов общественных отношений, в которых могут быть реализованы надзорные функции. И если ранее под предметом надзорной деятельности можно было понимать соблюдение требований земельного законодательства, в настоящее время надзор направлен на предупреждение, выявление, пресечение нарушений, предусмотренных законодательством РФ [9, с. 92–95].

В этой связи правовое регулирование земельного контроля (надзора), безусловно, нуждается в совершенствовании, которое может происходить по двум основным путям. Первый путь — это оптимизация отдельных аспектов организации и осуществления рассматриваемой функции, исходя из того вида, в котором она закреплена в настоящий момент в ЗК РФ и других нормативных правовых актах. Второй (естественно, более сложный) путь предполагает не «косметические», а «капитальные» изменения организации и осуществления контрольно-надзорной функции управления земельными ресурсами. Не случайно, ведущие специалисты в сфере земельного права уже на протяжении нескольких лет говорят о необходимости структурной модернизации органов управления, осуществляющих функцию земельного надзора и контроля [10, с. 291]. Это, в свою очередь, возможно только после официального уточнения самого понимания контроля и надзора на законодательном уровне. Уже подготовлен соответствующий проект федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля и надзора в Российской Федерации»², в котором понятия государственного контроля и надзора отождествляются. Более того, дается общее определение государственного контроля (надзора) и муниципального контроля как вида публичной деятельности, что окончательно решает вопрос о единстве рассматриваемой функции управления.

Итак, *земельный контроль (надзор)* как функция управления земельными ресурсами, согласно действующему земельному законодательству подразделяемый на государственный земельный надзор и муниципальный земельный контроль, представляет собой единое по сути направление публичной деятельности, целью которого выступает обеспечение соблюдения всеми субъектами права требо-

² URL:<http://base.garant.ru/56632662/> (дата обращения: 02.06.2017).

ваний земельного законодательства РФ, необходимого для достижения целей управления земельными ресурсами и устойчивого, эволюционного развития земельных отношений.

Совершенствование правового регулирования земельного контроля (надзора) как функции управления земельными ресурсами должно происходить в рамках общей модернизации контрольно-надзорной деятельности государственных органов, начиная с определения его концептуальных основ (в т.ч. официального закрепления соотношения понятий контроля и надзора) и дальнейшей оптимизации отдельных аспектов его организации и осуществления.

Библиографический список

1. Яблонская А.Б. Контрольно-надзорная функция государственной власти в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.
2. Саакян А.В. О функциях государственного управления земельным фондом // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 51–53.
3. Беляев В.П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 436 с.
4. Анисимов А.П., Рыженков А.Я. Земельная функция современного государства. М.: Новый индекс, 2012. 192 с.
5. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. С.А. Боголюбова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; Кнорус, 2016. 784 с.
6. Бутылина Е.В. Земельный надзор и контроль: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 204 с.
7. Ивлева А.Ф. Муниципальный контроль как инструмент публично-правового воздействия на земельные отношения // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 10 (60). С. 35–41.
8. Королев С.Ю. Правовой институт земельного надзора (контроля) в современных условиях развития Российской Федерации // Право. Законодательство. Личность. 2016. № 1 (22). С. 179–184.
9. Воронина М.В. К вопросу о содержании государственного земельного надзора // Science Time. 2017. № 2 (38). С. 92–95.
10. Боголюбов С.А., Галиновская Е.А., Минина Е.Л., Устюкова В.В. Все о земельных отношениях. М.: Проспект, 2010. 656 с.

References

1. Yablonskaya A.B. Control-supervision Function of State Authority in the Russian Federation: extended abstract. dis. ... candidate of Law. M., 2009. 27 p.
2. Saakyan A.V. About the Functions of State Management of Land Fund // Gaps in the Russian legislation. 2009. № 3. P. 51–53.
3. Belyaev V.P. Control and Supervision as the Forms of Legal Activity: Questions of Theory and Practice: dis. ... Doctor of Law. Saratov, 2006. 436 p.
4. Anisimov A.R., Ryzhenkov A.Ya. Land Function of a Modern State. M.: New index, 2012. 192 p.
5. Comment to the Land Code of the Russian Federation (article) / edit by S.A. Bogolubov. 2 edition, modified and added. M.: Prospect; Knorus, 2016. 784 p.
6. Butylina E.V. Land Supervision and Control : extended abstract dis. ... Candidate of Law. M., 2015. 204 p.
7. Ivliya A.F. Municipal Control as an Instrument of Public-legal Influence of Land Relations // Questions of modern jurisprudence. 2016. № 10 (60). P. 35–41.

8. Korolev S.Yu. Legal Institute of Land Supervision (Control) in the Modern Conditions of Development of the Russian Federation // Law. Legislation. Personality. 2016. № 1 (22). P. 179–184.
9. Voronina M.V. To the Question of Content of State Land Supervision // Science Time. 2017. № 2 (38). P. 92–95.
10. Bogolubov S.A., Galinovskaya E.A., Minina E.L., Ustyukova V.V. All about Land Relations. M.: Prospect, 2010. 656 p.

УДК 349.6

Е.В. Лунева, Л.Р. Мингазова

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ УТИЛИЗАЦИОННОГО СБОРА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ*

Введение: утилизационный сбор в Российской Федерации был введен в 2012 г., однако он не был включен в налоговое и таможенное законодательство. Возник ряд проблем правового регулирования. **Цель:** выработать научное представление о правовом регулировании отношений по уплате утилизационного сбора. **Методологическая основа:** диалектический метод позволил познать в неразрывном единстве и в общей связанности правовую природу утилизационного сбора. С помощью формально-юридического приема уяснены суть и значимость правовых норм, направленных на реализацию экологической функции утилизационного сбора. **Результаты:** выявлено отсутствие единообразия правоприменительной деятельности судов в исчислении и уплате утилизационного сбора. Установлено, что в законодательстве не содержится исчерпывающего перечня физических характеристик транспортных средств, определяющих итоговую сумму утилизационного сбора. Судебная практика выработала дополнительные критерии, влияющие на ее размер. **Выводы:** утилизационный сбор характеризуется двойственной правовой природой: обладает признаками как налога, так и таможенного платежа. Экологическая функция такого сбора реализуется не в полном объеме. Развитие национального законодательства об утилизационном сборе видится в том, что его ставка будет повышаться.

Ключевые слова: утилизационный сбор, транспортное средство, декодификация, экологизация налогового законодательства, межотраслевые связи.

© Лунева Елена Викторовна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса (Казанский (Приволжский) федеральный университет); e-mail: vilisa_vilisa@mail.ru

© Мингазова Ляйсан Рамилевна, 2018

Студентка 4 курса юридического факультета (Казанский (Приволжский) федеральный университет); e-mail: 79520368580@yandex.ru

© Luneva Elena Viktorovna, 2018

Candidate of Law, Associate Professor, of The Ecological, Labor Law and Civil Procedure department, (Kazan (Volga region) Federal University)

© Mingazova Lyaysan Ramilevna, 2018

Bachelor student of the Law Faculty, (Kazan (Volga region) Federal University)

E.V. Luneva, L.R. Mingazova

**ECOLOGICAL FUNCTION OF UTILIZATION FEE:
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION**

Background: the utilization fee in the Russian Federation was introduced in 2012. However, it was not included in the tax and customs legislation. A number of problems of legal regulation arose. **Objective:** in doing the research the authors of the article intend to develop a scientific understanding of the legal regulation of relations in the payment of utilization fee. **Methodology:** the dialectical method made it possible to know the legal nature of the utilization collection in an indissoluble unity and in the overall coherence. Using the formal legal method, the essence and significance of legal norms aimed at the implementation of the environmental function of recycling collection is clarified. **Results:** the lack of uniformity in the law enforcement activity of courts in calculating and paying a utilization fee is revealed. The legislation does not contain an exhaustive list of the physical characteristics of vehicles that determine the total amount of the fee. Judicial practice has developed additional criteria affecting a total amount of the fee. **Conclusions:** the utilization fee is characterized by a dual legal nature: it has signs of both a tax and a customs payment. The ecological function of such collection is not fully realized. The tendency of the development of the national legislation on utilization fee is seen in the fact that its rate will increase.

Key-words: utilization fee, vehicle, decoding, ecologization of tax legislation, inter-branch relations.

22 сентября 2017 г. в г. Ульяновске прошло заседание Президиума Государственного совета по вопросу комплексного развития пассажирских перевозок в субъектах РФ. Министр транспорта РФ отметил, что «индексация утилизационного сбора должна стать источником софинансирования мероприятий по обновлению подвижного состава для пассажирских перевозок, а денежные средства должны быть направлены на закупку экологичных видов транспорта»¹. На наш взгляд, индексация исследуемого сбора негативно скажется на благополучии, в первую очередь, граждан. Указанное обстоятельство неизбежно приведет к повышению цен на автомобили. Разумеется, производители постараются «переложить» расходы по уплате такого сбора на конечного потребителя. Кроме того, высказывались даже предположения о введении утилизационного сбора на обувь².

По итогам заседания Президентом РФ даны поручения. Согласно п. 9 указанного документа Минтрансу России, Минпромторгу России, Минэкономразвитию России, Минфину России предписано «утвердить комплекс долгосрочных мер по обновлению всех видов транспортных средств, используемых для осуществления пассажирских перевозок в субъектах РФ, включая повышение размера утилизационного сбора и направления части поступающих от него средств на

¹ См.: Заседание Президиума Госсовета по вопросам комплексного развития пассажирских перевозок. URL: <http://government.ru/news/30077/> (дата обращения: 01.03.2018).

² См.: Налог на тапочки. Минпромторг прорабатывает идею введения утилизационного сбора на обувь. URL: <https://rg.ru/2017/11/15/minpromtorg-prorabotaet-ideiu-vvedeniia-utilizacionnogo-sbora-na-obuv.html> (дата обращения: 01.03.2018).

обновление подвижного состава всех видов транспорта»³. Срок исполнения был указан 14 февраля 2018 г.⁴

Тем не менее, при обращении к региональному и муниципальному опыту обнаруживается целый ряд проблем, связанных с использованием экологических видов транспорта даже в крупных городах Российской Федерации, что уж говорить о небольших по численности населенных пунктах?

Согласно официальным данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан в г. Казани проживает 1231,9 тыс. чел.⁵ Казань занимает 6-е место в рейтинге городов Российской Федерации по численности населения. Однако там не планируется отказ от троллейбусов и ввод в эксплуатацию электробусов, что потребует миллиардных затрат⁶. Напротив, в г. Екатеринбурге уже в ноябре прошлого года по одному из маршрутов начал курсировать электробус⁷.

Обратим внимание на заключение Комитета Государственной Думы по природным ресурсам от 19 июня 2012 г. на проект федерального закона № 61272-6 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об отходах производства и потребления” и другие законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения безопасной утилизации отдельных видов колесных транспортных средств»⁸. Там указывается на солидарность комитета с мировой практикой в том, что стимулирование обновления автомобильного парка при одновременном обеспечении эффективной утилизации вышедших из эксплуатации транспортных средств является наиболее эффективным способом уменьшения экологической нагрузки автотранспорта⁹.

В Российской Федерации утилизационный сбор стал применяться в 2012 г. в результате появления в Федеральном законе от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» ст. 24.1. С введением законодательной новеллы в юриспруденции сформировались разные подходы к правовой сущности утилизационного сбора. Встал вопрос о целесообразности отнесения его к налоговым платежам.

В налоговом праве под «установлением налога» принято понимать определение всех обязательных элементов платежа [1, с. 4]. С целью создания непротиворечивой нормативно-правовой базы на данном участке правового регулирования следует обеспечить тесные межотраслевые связи природоохранного и налогового

³ См.: Об обеспечении выполнения поручений Президента России по итогам заседания Президиума Госсовета по вопросам комплексного развития пассажирских перевозок. URL: <http://government.ru/orders/selection/404/30081/> (дата обращения: 01.03.2018).

⁴ См.: Об обеспечении выполнения поручений Президента России по итогам заседания Президиума Госсовета по вопросам комплексного развития пассажирских перевозок. URL: <http://government.ru/orders/selection/404/30081/> (дата обращения: 01.03.2018).

⁵ См.: Численность населения г. Казани (на начало 2018 г.). URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/a2f530804e76bb30bf43bfcc5af035be/Численность+населения+г.+Казани.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

⁶ См.: Казань не планирует переходить на электробусы — эксперты. URL: <https://inkazan.ru/news/city/28-09-2017/kazan-ne-planiruet-perehodit-na-elektrobusy-eksperty> (дата обращения: 01.03.2018).

⁷ См.: Сложили рога. В Екатеринбурге начал ходить электробус. URL: <https://rg.ru/2017/11/28/reg-urfo/v-ekaterinburge-nachal-hodit-elektrobus.html> (дата обращения: 01.03.2018).

⁸ См.: Заключение Комитета Государственной Думы по природным ресурсам от 19 июня 2012 г. на проект Федерального закона № 61272-6 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об отходах производства и потребления” и другие законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения безопасной утилизации отдельных видов колесных транспортных средств». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Там же.

законодательства. Представляется целесообразным закрепление норм об утилизационном сборе непосредственно в Налоговом кодексе РФ (далее — НК РФ), а не в иных законах.

В Решении Верховного Суда РФ от 5 декабря 2012 г. № АКПИ12-1278¹⁰ и в Определении Верховного Суда РФ от 28 февраля 2013 г. № АПЛ13-15¹¹ содержится вывод о том, что утилизационный сбор не является налоговым платежом и на него не распространяется требование ст. 57 Конституции РФ об установлении налоговых платежей только законами, предполагающее закрепление в них, помимо наименования самого налогового платежа, существенных его элементов.

Приведенное обстоятельство служит ярким примером сравнительно нового явления, которое получило в юридической науке название «декодификация». Французским ученым-юристом Реми Кабрьяком она определяется как «резкий рост числа новых нормативных правовых актов, регулирующих соответствующую сферу вне структуры кодекса» [2, с. 184]. С.Г. Пепеляев, в свою очередь, отмечает, что «сейчас происходит обратный процесс декодификации»¹².

Утилизационный сбор, безусловно, имеет черты сходства с фискальным платежом, однако законодатель не включил его в НК РФ. В результате утилизационный сбор регулируется экологическим законодательством и на него не распространяются налогово-правовые средства, которые могли бы повысить эффективность правового воздействия на участников соответствующих отношений.

Отсутствие легального определения утилизационного сбора привело к возникновению различных подходов в применении ст. 24.1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», определяющей правовую природу данного сбора¹³. Например, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 января 2016 г. по делу №А53-3242/2015 утилизационный сбор назван «особым видом обязательного платежа». При этом суд особо обратил внимание на то, что суть утилизационного сбора заключается в «компенсировании трудоемкости самой утилизации, ее стоимости и экологического вреда, который наносит транспортное средство»¹⁴.

Считаем, что в данном случае не было обеспечено единое терминологическое «поле» между природоохранным и налоговым законодательством. С точки зрения юридической техники, исследуемый сбор следовало бы либо назвать не сбором, а платежом, либо включить его в налоговое законодательство. Слово «сбор» применяется в НК РФ, поэтому отражает в себе фискальную природу. Употребление термина «сбор» вне НК РФ не только нарушает межотраслевые связи природоохранного и налогового законодательства, но и вводит в заблуждение правоприменителя.

Целесообразно, чтобы российская система налогов и сборов тяготела к экологизации, а не, как отмечалось ранее, к декодификации. Так, А.А. Ялбулганов предлагает понимать под экологизацией законодательства о налогах и сборах «целенаправленную деятельность законодателя по внесению изменений и дополнений в НК РФ, направленных на наполнение его норм специальными поло-

¹⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 10.

¹¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 10.

¹² См.: О системе парафискальных платежей. URL: <http://nalogoved.ru/art/1616> (дата обращения: 01.03.2018).

¹³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 26, ст. 3009.

¹⁴ URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/OLy7YcfL5XNw/> (дата обращения: 01.03.2018).

жениями, способствующими бережному использованию природных ресурсов и охраны окружающей природной среды, в том числе путем налоговых стимулов, включая предоставление налоговых льгот» [3, с. 26].

В результате пробельности законодательства на рассматриваемом сегменте эколого-правового регулирования предприниматели, используя правовые средства гражданского права, включают сумму утилизационного сбора в цену договора. Показательным является решение Арбитражного суда г. Москвы от 4 октября 2017 г. по делу № А40-23965/2017 о заключенном между истцом и ответчиком договоре поставки полуприцепов. В цену указанной двухсторонней сделки была заложена стоимость утилизационного сбора в размере 8 124 300 руб., в то время как в паспортах полуприцепов отсутствовала отметка об уплате сбора. На основании того, что в отношении полуприцепов утилизационный сбор не установлен, суд взыскал с ответчика сумму, уплаченную в качестве утилизационного сбора¹⁵.

После введения утилизационного сбора в Российской Федерации он постепенно начал появляться в других государствах-членах ЕАЭС. В Республике Беларусь утилизационный сбор был введен в 2014 г. Указом Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2014 г. № 64 «Об утилизационном сборе в отношении транспортных средств»¹⁶. В Республике Казахстан он был установлен в 2015 г. в результате принятия Закона от 17 ноября 2015 г. № 407-V ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам индустриально-инновационной политики»¹⁷. К общим недостаткам исследуемого сбора в государствах-членах ЕАЭС ученые относят неразработанность четких механизмов взыскания неуплаченных сумм сбора и начисления по ним пеней [5, с. 53].

В отечественном законодательстве предусмотрена только часть параметров, определяющих величину утилизационного сбора. В п. 5 ст. 24.1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» установлен открытый перечень физических характеристик транспортного средства, влияющих на размер исследуемого сбора. К ним относятся год выпуска и масса. Приведенная норма заканчивается формулировкой «другие физические характеристики транспортных средств, влияющие на размер утилизационного сбора». Отсутствие отдельного подзаконного нормативного правового акта, закрепляющего все другие физические характеристики транспортных средств, влияющие на размер утилизационного сбора, приводит к проблемам в правоприменительной деятельности. В рассматриваемом деле общество не включило в расчет утилизационного сбора грузоподъемность самоходной машины, т.к., по его мнению, «действующими нормами права это напрямую не предусмотрено»¹⁸.

В подобных условиях судебная практика вынуждена выработать дополнительные критерии, влияющие на сумму утилизационного сбора. Верховный Суд РФ в Определении от 28 февраля 2013 г. № АПЛ13-15 указал, что «вид и категория колесных транспортных средств, а также объем двигателя относятся к физическим характеристикам колесного транспортного средства, т.е. к факто-

¹⁵ См.: Аналитическая система «Сутяжник». URL: <http://arbitr.garant.ru/#/document/91549953/paragraph/1:0> (дата обращения: 01.03.2018).

¹⁶ См.: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/> (дата обращения: 01.03.2018).

¹⁷ См.: Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2015. № 22-II, ст. 144.

¹⁸ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 июля 2017 г. по делу № А40-148123/16. URL: <http://base.garant.ru/41897449/> (дата обращения: 01.03.2018).

рам, оказывающим влияние на затраты в связи с осуществлением деятельности по обращению с отходами»¹⁹, хотя в научной литературе отмечается, что процесс утилизации для различных категорий и видов транспортных средств приблизительно одинаков [4, с. 13].

Помимо некоторых «налоговых» характеристик, утилизационный сбор обладает признаками таможенного платежа. Дело в том, что он взимается таможенными органами при перемещении транспортного средства через границу Российской Федерации.

Важно отметить, что утилизационный сбор требуется уплачивать и на вывозимые из Российской Федерации транспортные средства. В результате вызывает сомнение реализация экологической функции исследуемого сбора. Ведь транспортное средство вывозится за пределы Российской Федерации и, следовательно, вреда окружающей среде в государственных масштабах причинить не может.

Согласимся с мнением ученых о том, что изначально целью введения утилизационного сбора в Российской Федерации была поддержка российских автопроизводителей. Однако ее так и не удалось реализовать из-за спора в рамках ВТО [1, с. 4]. Указанный спор также подтверждает противоречивость норм об утилизационном сборе. После введения исследуемого сбора в Российской Федерации некоторые государства-члены ВТО предъявили претензии к нашей стране. Согласно положениям п. 6 ст. 24.1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» в самой первой редакции предметом уплаты для утилизационного сбора не являлись в числе прочих транспортные средства, «которые произведены, изготовлены организациями, принявшими на себя обязательство обеспечить последующее безопасное обращение с отходами, образовавшимися в результате утраты указанными транспортными средствами своих потребительских свойств» [5, с. 54]. В результате Российская Федерация вынуждена была изменить соответствующие положения законодательства.

Судебная практика подтверждает наличие проблем в реализации экологической функции утилизационного сбора. Все чаще в делах о взыскании суммы утилизационного сбора административными истцами становятся транспортные прокуроры (Решение Холмского городского суда Сахалинской области от 21 июня 2017 г. № 2а-1328/2017; Решение Корсаковского городского суда Сахалинской области от 14 июня 2017 г. № 2а-769/2017; Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 29 июня 2017 г. № 2-5574/2017; Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 29 июня 2017 г. № 2-5574/2017). В обоснование иска указывается, что «невыполнение ответчиком предусмотренных федеральным законодательством обязательных требований по уплате утилизационного сбора за ввоз в Российскую Федерацию транспортного средства нарушает гарантированное ст. 41 Конституции РФ право неопределенного круга лиц на безопасную окружающую среду»²⁰, хотя, на наш взгляд, в первую очередь здесь имеют место нарушения государственных интересов в бюджетной сфере.

Обратимся к представлению Счетной палаты РФ от 19 марта 2014 г. № ПР03-64/03-Д по рассматриваемому вопросу. Так, согласно п. 5 указанного документа «большинство сборов за оказание платных услуг (работ) и компенсации затрат

¹⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 10.

²⁰ URL: <http://sudact.ru/regular/doc/9Zcjkv8bwZHW/> (дата обращения: 01.02.2018).

государства, утилизационный сбор, платежи при пользовании природными ресурсами и ряд других платежей по своей экономической природе сходны с государственной пошлиной или налогами»²¹. С целью контроля за организацией взимания неналоговых платежей Счетная палата РФ предложила Минфину России «проработать вопрос о включении ряда из них, имеющих сходство с государственными пошлинами или налогами, в Налоговом кодексе РФ», а также «проработать вопрос о законодательном определении государственных органов, ответственных за выработку и реализацию политики в области неналоговых доходов». Однако Минфин так и не инициировал включение неналоговых платежей, в т.ч. утилизационного сбора в НК РФ. В ответном письме Министерство указало, что «взимание утилизационного сбора за транспортные средства предусмотрено в целях обеспечения экологической безопасности, в т.ч. для защиты здоровья человека и окружающей среды от вредного воздействия эксплуатации колесных транспортных средств (шасси)», а также, что «назначение утилизационного сбора не соответствует понятию и назначению сбора, определенным НК РФ, в связи с чем указанный сбор не может быть включен в Налоговый кодекс РФ»²².

Согласно п. 1 ст. 53 Бюджетного кодекса РФ «полномочия Российской Федерации по формированию доходов бюджетов» регламентируются только в налоговой сфере, а вот полномочия по неналоговым доходам в указанном списке не содержатся. Законодательством не определен федеральный орган государственной власти, призванный осуществлять политику в этой области.

Не представляется возможным исчислить всю сумму поступлений в национальный бюджет от уплаты утилизационного сбора. В отчетах Федеральной таможенной службы содержится статистическая информация о суммах, перечисленных в бюджет с 2013 по 2016 г. К сожалению, отчет за 2017 г. до сих пор не опубликован, что несколько затрудняет аналитику данных в полном объеме. Итак, общая сумма утилизационного сбора, перечисленного в федеральный бюджет, составила:

- в 2013 г. — 49,5 млрд руб.;
- в 2014 г. — 43,7 млрд руб.;
- в 2015 г. — 22,6 млрд руб.;
- в 2016 г. — 47,3 млрд руб.²³

В 2015 г. видим резкое уменьшение пополнения бюджета от утилизационного сбора, взимаемого таможенными органами. Такая ситуация связана с экономическим кризисом в конце 2014 г., резким изменением курса валют и уходом с российского рынка ряда иностранных автопроизводителей.

²¹ См.: Представление Счетной палаты РФ от 19 марта 2014 г. № ПР 03-64/03-Д «О результатах экспертно-аналитического мероприятия „Анализ наличия и состояния нормативной методической базы формирования неналоговых доходов федерального бюджета, а также сложившейся практики подготовки прогноза доходов” в Министерстве финансов Российской Федерации, Федеральном агентстве по рыболовству, Федеральном дорожном агентстве, Федеральном агентстве морского и речного транспорта, Министерстве внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службе по надзору в сфере природопользования, Федеральной службе государственной статистики». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² См.: Письмо Минфина России от 5 апреля 2014 г. № 01-02-01/16-32158 «В ответ на Представление Счетной палаты РФ от 19 марта 2014 г. № ПР 03-64/03-Д». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ См.: Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации». URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7995&Itemid=1845 (дата обращения: 01.03.2018).

Учитывая приведенные данные об относительно малом количестве экологических видов транспорта в Российской Федерации, возникают сомнения в пользе для окружающей среды столь высоких поступлений в федеральный бюджет. Не понятно, на что они расходуются, если не на внедрение экологичного транспорта? Исходя из ситуации с электробусами по всей России, видно, что на городской транспорт практически не идет отчислений от уплаченного утилизационного сбора.

В 2014 г. Правительство РФ приняло решение о предоставлении субсидий автопроизводителям затрат на производство и обслуживание автомобилей экологического класса «Евро-4» и «Евро-5»²⁴, в то время как в Европейском Союзе с 2015 г. действует уже новый экологический стандарт «Евро-6», хотя изначально его введение предполагалось еще в декабре 2013 г.²⁵

В результате проведенного исследования необходимо сделать следующие выводы:

1. В настоящее время законодатель пока не определился с правовой сущностью утилизационного сбора. В нормативной правовой базе отражена его двойственная природа. С одной стороны, он обладает некоторыми свойствами налога, с другой — имеет ряд характеристик таможенного платежа.

2. Выявлены тенденции развития законодательства об утилизационном сборе в Российской Федерации. Скорее всего, он получит закрепление в налоговом законодательстве со всеми вытекающими правовыми последствиями. Ставка такого сбора будет только повышаться.

3. В законодательстве не содержится исчерпывающего перечня физических характеристик транспортных средств, влияющих на размер суммы утилизационного сбора. Судебная практика вырабатывает дополнительные критерии, влияющие на сумму утилизационного сбора, что приводит к отсутствию единообразия в правоприменительной деятельности.

4. Недостатки юридической техники привели к проблемам при исчислении и уплате утилизационного сбора гражданами и организациями. Затруднения нередко испытывают и органы государственной власти при взыскании исследуемого сбора. По этой же причине экологическая функция сбора не реализуется в полной мере.

Библиографический список

1. Гинзбург Ю.В. Утилизационный сбор в Евразийском экономическом союзе: сравнительно-правовой анализ // Реформы и право. 2014. № 3. С. 3–6.
2. Кабриак Р. Кодификации / пер. с фр. Л.В. Головки. М.: Статут, 2007. 476 с.
3. Ялбулганов А.А. Экологизация российского законодательства о налогах и сборах: к вопросу об экологических функциях налогового права // Реформы и право. 2014. № 4. С. 25–33.

²⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 15 января 2014 г. № 31 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским производителям колесных транспортных средств на компенсацию части затрат, связанных с выпуском и поддержкой гарантийных обязательств в отношении колесных транспортных средств, соответствующих нормам Евро-4 и Евро-5» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 4, ст. 379.

²⁵ См.: Смерть дизеля: к чему еще приведет введение экологического стандарта Евро-6. URL: <https://www.zr.ru/content/articles/808680-smert-dizelya-k-chemu-eshhe-privedet-vvedenie-ekologicheskogo-standarta-evro-6/> (дата обращения: 01.03.2018).

4. *Кадочников П.А., Пташкина М.Г.* Споры России в ВТО: возможные аргументы в пользу прогрессивности утилизационного сбора // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 6. С. 3–14.

5. *Боклан Д.С.* Комментарий по спору «Россия — колесные транспортные средства» (о взимании утилизационного сбора в отношении автомобилей) // Право ВТО. 2015. № 1. С. 53–59.

References

1. *Ginzburg Yu.V.* Utilization Fee in the Eurasian Economic Union: Comparative Legal Analysis // Reforms and law. 2014. № 3. P. 3–6.

2. *Kabriak R.* Codifications / Transl. from fr. L.V. Golovko. Moscow: Statute, 2007. 476 p.

3. *Yalbulganov A.A.* Ecologization of the Russian Legislation on Taxes and Fees: on the Issue of Environmental Functions of the Tax Law // Reforms and law. 2014. № 4. P. 25–33.

4. *Kadochnikov P.A., Ptashkina M.G.* Russia's Disputes in the WTO: Possible Arguments in Favor of the Progressive Nature of the Utilization Fee // The Russian Foreign Economic Journal. 2014. № 6. P. 3–14.

5. *Boklan D.S.* Russia — Wheeled Vehicles (On Collection of Disposal Charge with Regard to Motor Vehicles) // WTO Law. 2015. № 1. P. 53–59.

УДК 349.24

Ю.С. Сергеевко

РУКОВОДИТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ГАРАНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ И ОХРАНЫ ТРУДА

Введение: охрана труда как институт трудового права представляет собой совокупность правовых норм, направленных на обеспечение условий труда, безопасных для жизни и здоровья работников, имеет социальное, экономическое и правовое значение. Установлено, что одной из причин несчастных случаев на производстве является отсутствие системы подготовки руководителей на специализированных курсах с обязательным обучением нормативных документов по охране труда. **Цель:** проанализировать нормы по охране труда, выявить недостатки, показать трудности, возникающие в ходе урегулирования норм по охране труда и предложить пути устранения данных проблем. **Методы:** материализм, системный подход, формально-юридический метод. **Результаты:** опираясь на материалы правоприменительной практики, автор раскрыл причины нарушения трудового законодательства в области охраны труда. Доказано, что основным направлением государственной политики в области охраны труда является обеспечение приоритета сохранения жизни и здоровья работников, а привлечение руководителя организации к административной или уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда направлено на восстановление нарушенных прав работников, на укрепление законности. **Выводы:** наличие причин нарушения трудового законодательства в области охраны труда требует их дальнейшего рассмотрения и устранения. Кроме того, в нормах трудового

© Сергеевко Юлия Сергеевна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: iulya.sergeenko@yandex.ru

© Sergeenko Yulia Sergeevna, 2018

Candidate of Law, Associate Professor of the Labor law department (Saratov State Law Academy)

законодательства необходимо отразить положения, направленные на обеспечение безопасных условий и охрану труда в организации.

Ключевые слова: охрана труда, достойный труд, условия, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, государственные нормативные требования охраны труда, обучение по охране труда, юридическая ответственность руководителя организации за нарушение охраны труда.

Yu.S. Sergeenko

HEAD OF THE ORGANIZATION AS A GUARANTOR OF ENSURING SAFE WORKING CONDITIONS AND LABOR PROTECTION

Background: labor protection as an institution of labor law is a set of legal norms aimed at ensuring safe life and health working conditions for employees. Labor protection is of great social, economic and legal importance. It is established that one of the causes of accidents at work is the lack of a system of training managers at specialized courses with the mandatory study of normative documents on labor protection. **Objective:** the author of the article intends to analyze labor protection standards, to identify shortcomings, to show difficulties arising in the course of regulation of labor protection standards and to suggest ways of elimination of these problems. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: materialism, systematic approach, formal legal method. **Results:** based on the materials of law enforcement practice, the author revealed the reasons for violations of labor legislation in the field of labor protection. It is proved that the main direction of the state policy in the field of labor protection is to ensure the priority of preservation of life and health of workers, and bringing the head of the organization to administrative or criminal responsibility for the violation of labor protection requirements is aimed at restoring the violated rights of workers, at strengthening the rule of law. **Conclusions:** the existence of reasons for violation of labor legislation in the field of labor protection requires their further consideration and elimination. In addition, it is necessary to reflect in the norms of labor legislation provisions that will ensure safe conditions and labor protection in the organization.

Key-words: labor protection, decent work, conditions, to meet requirements of safety and health, state regulatory requirements of labor protection, training on labor protection, legal responsibility of the head of the organization for violation of labor protection.

Конституция РФ в ст. 7 устанавливает, что труд и здоровье людей охраняются государством. Особую заботу о здоровье работающих граждан необходимо проявлять в процессе их трудовой деятельности. В ст. 37, закрепляющей основные права в сфере труда, особо подчеркивается, что каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены.

В Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ подчеркивалось, что смысл всей нашей политики — это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Поэтому наши усилия направлены на поддержку традиционных ценностей и семьи, на демографические программы, улучшение экологии, здоровья людей¹.

Охрана труда как институт трудового права представляет собой совокупность правовых норм, направленных на обеспечение условий труда, безопас-

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. // Парламентская газета. 2016. № 45.

ных для жизни и здоровья работников. Охрана труда имеет не только социальное, экономическое, но и правовое значение. Согласно ст. 209 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) охрана труда — это система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия. В ТК РФ предусмотрены нормы, направленные на сохранение жизни и здоровья работников. Так, ст. 219 раскрывает содержание права работника на труд в условиях, отвечающих требованиям охраны труда; ст. 220 — гарантии реализации этого права. Например, на время приостановления работ в связи с административным приостановлением деятельности или временным запретом деятельности в соответствии с законодательством РФ вследствие нарушения государственных нормативных требований охраны труда не по вине работника за ним сохраняются место работы (должность) и средний заработок. В случае необеспечения работника средствами индивидуальной и коллективной защиты работодатель не имеет права требовать от него исполнения трудовых обязанностей и обязан оплатить возникший по этой причине простой в соответствии со ст. 157 ТК РФ. Отказ работника от выполнения работ в случае возникновения опасности для его жизни и здоровья вследствие нарушения требований охраны труда не влечет за собой привлечения его к дисциплинарной ответственности. Такой отказ согласно ст. 379 ТК РФ является формой самозащиты.

«Эксперты МОТ подчеркивают, что «охрана труда — составная часть концепции достойного труда. Иными словами, если труд хорошо оплачивается, но при этом небезопасен, то его нельзя считать достойным трудом; если человек трудится в условиях свободы, но при этом рискует здоровьем, то такой труд также нельзя считать достойным; если условия трудового договора хорошие, но при этом работа подрывает здоровье и благополучие человека, то такой труд также нельзя считать достойным. Достойный труд должен занять центральное место в разработке экономической и социальной политики на глобальном, национальном и местном уровне. Достойный труд играет ключевую роль в борьбе с бедностью, он является средством для достижения справедливого и устойчивого развития на благо всех людей» [1, с. 203–207].

В ст. 212 ТК РФ перечислены обязанности работодателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда. Учитывая тот факт, что представителем работодателя является руководитель организации, который осуществляет руководство этой организацией, в т.ч. выполняет функции ее единоличного исполнительного органа, именно от руководителя зависит уровень состояния охраны труда в организации.

Изучая судебную практику и отчеты органов, осуществляющих государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства, можно сделать вывод, что состояние охраны труда во многих организациях нельзя признать удовлетворительным. Так, в соответствии с отчетом о работе ГИТ в Саратовской области на 1 декабря 2017 г. по нарастающему итогу с начала года общее количество проверок по охране труда составило 596; общее количество нарушений по охране труда — 8087; общее количество вынесенных должностными лицами госинспекции труда постановлений о назначении административного наказания в виде штрафа и (или) протоколов за нарушение требований охраны труда — 415; количество направленных материалов в органы следствия в целях

рассмотрения вопроса о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в допущенных нарушениях требований трудового законодательства в связи с несчастными случаями на производстве — 32².

По оперативным данным Государственной инспекции труда по Саратовской области на 10 ноября 2017 г. поступило извещений о несчастных случаях — 89; со смертельным исходом — 50; тяжелых — 34, в т.ч. 5 — групповых³.

Нарушение сторонами трудового договора норм охраны труда неизбежно приводит к снижению уровня производительности труда, росту профессиональных заболеваний и производственному травматизму. Руководитель Государственной инспекции труда в Московской области В. Н. Чаплыгин отмечает, что анализ происшедших во II квартале 2017 г. несчастных случаев с тяжелыми последствиями свидетельствует о том, что практически каждый 5-й работник пострадал (получил тяжелую травму или погиб) в результате неудовлетворительной организации производства работ, а каждый 10-й — в результате несоблюдения трудовой дисциплины⁴.

Нельзя не согласиться с высказанным в научной литературе мнением о том, что есть и объективные причины неудовлетворительного состояния охраны труда. В их числе неустойчивое экономическое и финансовое положение большого числа хозяйствующих субъектов на фоне отсутствия реальных материальных условий и эффективных механизмов, которые побуждали бы работодателей к безусловному соблюдению требований законодательства об охране труда и стимулировали бы деятельность по улучшению условий и охраны труда [2, с. 27–31].

Согласно отчетам Государственной инспекции труда установлены следующие наиболее распространенные нарушения по охране труда: отсутствие организации проведения обязательных медицинских осмотров, психиатрических освидетельствований работников; «экономия средств» на должности штатного специалиста по охране труда, имеющего соответствующую подготовку и опыт работы в этой области; отсутствие обучения работников по охране труда; необеспечение работников средствами индивидуальной и коллективной защиты; несоблюдение установленного порядка проведения специальной оценки условий в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 426 «О специальной оценке условий труда»⁵; несоблюдение правил расследования, оформления и учета несчастных случаев на производстве.

Обратим внимание на то, что работодателями зачастую сокращаются службы охраны труда в организациях. Статья 217 ТК РФ предусматривает, что у каждого работодателя, осуществляющего производственную деятельность, численность работников которого превышает 50 чел., создается служба охраны труда или вводится должность специалиста по охране труда, имеющего соответствующую подготовку или опыт работы в этой области. Если численность работников не превышает 50 чел., то работодатель принимает решение о создании службы охраны труда или введении должности специалиста по охране труда с учетом специфики своей производственной деятельности. В указанной статье ТК РФ

² См.: Первичный отчет от 1 ноября 2017 г. URL: https://git64.rostrud.ru/osnov/doklady_otchetu_obzory_o_deyatelnosti_git/2017_god/ (дата обращения: 11.02.2018).

³ См.: Оперативные данные о несчастных случаях в Саратовской области. URL: <https://git64.rostrud.ru/osnov/491832.html/> (дата обращения: 01.02.2018).

⁴ См.: Чаплыгин В.Н. Реформа контрольной и надзорной деятельности. URL: <https://www.elcode.ru/service/news/intervyu-s-vlastyu/vadim-nikolaevich-chaplygin-reforma-kontrolnoy-i-n> (дата обращения: 22.01.2018).

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации 2013. № 52, ст. 6991.

четко закреплена обязанность руководителя организации по осуществлению функций службы охраны труда при ее отсутствии у работодателя.

Представляется, что одна из причин высокого уровня травматизма, несчастных случаев на производстве состоит в отсутствии системы подготовки руководителей и специалистов на специализированных курсах с обязательным обучением нормативных документов по охране труда. В соответствии со ст. 225 ТК РФ руководители организаций обязаны проходить обучение по охране труда и проверку знания требований охраны труда в порядке, установленном уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Постановлением Минтруда России, Минобразования России от 13 января 2003 г. № 1/29 «Об утверждении Порядка обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда работников организаций» (в ред. от 30 ноября 2016 г.) утвержден Порядок обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда работников организаций⁶.

Руководители организаций проходят специальное обучение по охране труда в объеме должностных обязанностей при поступлении на работу в течение первого месяца, далее — по мере необходимости, но не реже одного раза в 3 года. Полагаем, что для стимулирования поведения руководителей в освоении программ безопасности труда могло бы послужить адресованное ГИТ указание, согласно которому при проведении любых проверок соблюдения трудового законодательства обязательным объектом надзора является наличие предусмотренных законом документов о прохождении руководителем обучения по программе охраны труда, а также проверка факта прохождения такого обучения, имея в виду многочисленные предложения в сети Интернет о получении сертификата по безопасности труда без реального участия в освоении такой образовательной программы [3, с. 62–64]. Кроме того, для мотивации руководителя организации в случае положительных результатов проверки Государственной инспекцией труда соблюдения требований охраны труда в организации, необходимо в локальном нормативном акте предусмотреть пункт о материальном поощрении руководителя организации, например, в положении о премировании работников предусмотреть условия и показатели премирования. Учитывая, что руководитель организации имеет особый правовой статус, т.к. он осуществляет общее руководство организацией и одновременно является работником данной организации, то условием для его премирования может быть добросовестное исполнение трудовых обязанностей и отсутствие нарушений трудового законодательства, в т.ч. законодательства об охране труда.

В целях предупреждения и устранения нарушений государственных нормативных требований охраны труда государство обеспечивает осуществление федерального государственного надзора за их соблюдением и устанавливает юридическую ответственность не только работодателя как стороны трудового правоотношения, но и должностных лиц за нарушения указанных требований. Государственные инспекторы труда наделены достаточными полномочиями для принятия соответствующих решений при выявлении нарушений требований охраны труда. Так, например, они имеют право: направлять в суды требования

⁶ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 17.

о ликвидации организаций или прекращении деятельности их структурных подразделений вследствие нарушения требований охраны труда; выдавать предписания об отстранении от работы лиц, не прошедших обучение безопасным методам и приемам выполнения работ, инструктаж по охране труда, стажировку на рабочих местах и проверку знания требований охраны труда; запрещать использование средств индивидуальной и коллективной защиты работников, если они не соответствуют государственным нормативным требованиям охраны труда; предъявлять организации, проводящей специальную оценку условий труда, обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений требований законодательства о специальной оценке условий труда (ст. 357 ТК РФ).

В соответствии со ст. 23.12 КоАП РФ государственная инспекция труда рассматривает дела об административных правонарушениях, предусмотренных в т.ч. ст. 5.27.1 КоАП РФ «Нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации» (ч. 1–4); ст. 14.54. КоАП РФ «Нарушение установленного порядка проведения специальной оценки условий труда» (ч. 1); ст. 15.34 КоАП РФ «Соккрытие страхового случая». Например, за нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, по ст. 5.27.1 КоАП РФ возможно применение не только административного штрафа на юридических лиц — от 100 тыс. руб. до 200 тыс. руб. или административного приостановления деятельности на срок до 90 суток, но и административного штрафа на должностных лиц в размере от 30 тыс. руб. до 40 тыс. руб., а также дисквалификации на срок от одного года до трех лет; руководитель организации, имея особый правовой статус, может быть субъектом уголовной ответственности. Статья 143 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за нарушение требований охраны труда, если такое нарушение совершено лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или его смерть. Под требованиями охраны труда в названной статье УК РФ понимаются государственные нормативные требования охраны труда, содержащиеся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах РФ, законах и иных нормативных правовых актах субъектов РФ.

Таким образом, привлечение руководителя организации как должностного лица к административной ответственности за нарушение государственных нормативных требований охраны труда или к уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда, несомненно, направлено на сохранение жизни и здоровья работников организации, восстановление нарушенных прав работников, укрепление законности.

Охрана труда — один из важнейших объектов социальной политики государства. Основным направлением государственной политики в области охраны труда служит обеспечение приоритета сохранения жизни и здоровья работников.

Библиографический список

1. Шестерякова И.В. Охрана труда спортсменов и тренеров как необходимая составляющая концепции достойного труда работников: постановка проблемы // Вестник Саратовской юридической академии. 2015. № 6(107). С. 203–207.

2. Скачкова Г.С. Охрана труда и специальная оценка его условий // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 27–31.

3. Сергеев Ю.С. О роли руководителей и их профессиональной подготовке в сфере охраны труда // Практика применения трудового законодательства в современных условиях: сборник научных трудов. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. С. 62–64.

References

1. Shesteryakova I.V. Labor Protection of Athletes and Coaches as a Necessary Component of the Concept of Decent Activity of Workers: Setting the Problem // Vestnik of Saratov State Law Academy. 2015. No. 6 (107). P. 203–207.

2. Skachkova G.S. Protection of Labor and the Special Assessment of Its Conditions // Labour law in Russia and abroad. 2014. No. 2. P. 27–31.

3. Sergienko Yu.S. About the Role of Managers and Their Professional Training in the Field of Labor Protection // Practice of application of labor legislation in modern conditions: collection of scientific works. Saratov, Publishing house of the «Saratov State Law Academy law», 2016. P. 62–64.

УДК 349.23(470)

О.В. Земцова

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИЯХ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Введение: в статье рассматривается понятие территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), преимущества создания таких территорий и существующие проблемы регулирования труда работников, работающих у резидентов ТОСЭР. **Цель:** проанализировать законодательство, регулирующее труд лиц, работающих на территориях опережающего социально-экономического развития и предложить рекомендации по корректировке нормативно-правовых норм данного законодательства. **Методы:** общенаучный метод системного подхода, а также частноправовые методы: историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический. **Результаты:** обобщено законодательство, регулирующее деятельность на ТОСЭР. **Вывод:** на законодательном уровне присутствуют проблемы в нормативно-правовой базе, регламентирующие трудовую деятельность лиц, работающих у резидентов ТОСЭР. Разрешение таких проблем позволит правомерно регулировать трудовые отношения с работниками, работающими у резидентов на таких территориях.

Ключевые слова: Трудовой кодекс, территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), резидент, работники, особенности трудовой деятельности.

© Земцова Ольга Владимировна, 2018

Аспирант кафедры трудового права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olgazemtsova.0802@yandex.ru

© Zemtsova Olga Vladimirovna, 2018

Postgraduate student of the Labor law department (Saratov State Law Academy)

O.V. Zemtsova

LEGAL PROBLEMS OF REGULATION OF LABOR
OF WORKERS IN THE TERRITORIES OF THE ADVANCED
SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Background: the article deals with the notion of the territory of the advanced social and economic development, the advantages of creating such territories and the existing problems of regulating the labor of workers working for TASED residents. **Objective:** the author of the article intends to analyze the legislation regulating the work of people working in the areas of the advanced social and economic development and to suggest recommendations for adjusting the legal norms of this legislation. **Methodology:** in doing the research the author used the following methods of study: the general scientific method of the system approach, private legal methods: historical legal, comparative legal and formal legal methods. **Results:** the legislation regulating activities in the territories of advanced development was summarized, it can be noted that at the legislative level there are gaps in the regulatory framework that regulates the labor activity of persons working for TASED residents. The solution of such problems will allow to regulate labor relations with employees working with residents in such territories. **Conclusion:** the author of the article argues that at the legislative level, there are gaps in the regulatory framework governing the employment of persons working for residents of TOSER. The resolution of such problems will allow to legally regulate labor relations with employees working for residents in such territories.

Key-words: Labor Code, territory of advancing socio-economic development (TASED), resident, employees, features of labor activity.

Во времена РСФСР одним из важных направлений считалось совершенствование планирования усиления комплексного развития автономных республик, краев, областей, городов Москвы и Ленинграда, а также экономических районов страны, расположенных на территории РСФСР и особенно таких крупных регионов, как Нечерноземная зона РСФСР, Сибирь и Дальний Восток. Данное усиление планировалось с целью рациональной специализации хозяйства, углубления общесоюзного разделения труда, а также экономического и социального развития по отраслям перечисленных территорий¹. В начале 90-х гг. правительство страны предпринимало шаги и попытки по созданию территорий опережающего развития. Так Закон «Об иностранных инвестициях в РСФСР» 1991 г. (утратил силу) определял правовые и экономические основы осуществления иностранных инвестиций на территории РСФСР. Существовал особый режим для некоторых иностранных инвесторов, который предполагал упрощенную процедуру регистрации, льготный порядок налогообложения, освобождение от таможенной пошлины и налога на импорт, долгосрочную аренду по невысокой цене. Также данный Закон регулировал трудовые отношения с рабочими и служащими на предприятиях с иностранными инвестициями, социальное страхование таких работников и др. Таким образом, государство стимулировало приток иностранных инвестиций в отечественную экономику. Такое направление получило резонанс в настоящее время.

В 2013 г. Президентом РФ² было предложено создать сеть специальных территорий опережающего социально-экономического развития с особыми условиями

¹ См.: Собр. Постановлений Правительства РСФСР. М.: Юридическая литература, 1987. № 19. С. 442–447.

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. 2013. 13 дек.

с целью организации несырьевых производств, направленных в т.ч. и на их экспорт, а также на взаимное использование ресурсов государства и частного бизнеса на территориях Сибири и Дальнего Востока. Одной из главных целей являются и пятилетние каникулы по налогу на прибыль (за исключением нефти и газа, это доходная отрасль), налогу на землю, имущество, а также (что очень важно для высокотехнологичных производств) льготная ставка страховых взносов.

Данные мероприятия получили юридическое закрепление в Федеральном законе от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2017 г.) (далее — ФЗ о ТОСЭР, ФЗ от 29.12.2014 № 473-ФЗ)³. Данный Закон определяет правовой режим территорий опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации, меры государственной поддержки и порядок осуществления деятельности на таких территориях. Настоящий закон определяет понятие территории опережающего социально-экономического развития (далее — ТОСЭР, ТОР).

Территория опережающего социально-экономического развития представляет собой часть территории субъекта РФ, включая закрытое административно-территориальное образование, на которой в соответствии с решением Правительства РФ установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения (п. 3 ст. 2 ФЗ о ТОСЭР). Такие территории создаются сроком на 70 лет по решению Правительства РФ. Однако срок существования этих территорий может быть продлен по решению Правительства РФ.

В настоящее время уже принято около 80 Постановлений Правительства РФ о создании территории опережающего социально-экономического развития. По статистике такие постановления Правительство РФ принимает ежемесячно. Сегодня это не только территории Дальнего Востока и Сибири, но и Центральная и Южная части России.

Постановлением Правительства РФ от 22 июня 2015 г. № 614⁴ были утверждены особенности создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований РФ

³ См.: Российская газета. 2014. 31 дек.; Российская газета (специальный выпуск). 2017. 31 дек.

⁴ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2015 г. № 614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» (вместе с «Правилами создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)», «Требованиями к инвестиционным проектам, реализуемым резидентами территорий опережающего социально-экономического развития, создаваемых на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)», «Дополнительными требованиями к резидентам территорий опережающего социально-экономического развития, создаваемых на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)», «Правилами ведения реестра резидентов территорий опережающего социально-экономического развития, создаваемых на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)», «Критериями создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, и на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) со стабильной социально-экономической ситуацией») (в ред. от 26 апреля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 27, ст. 4063; 2017. № 19, ст. 2834.

(моногородов). Создание ТОСЭР на территориях моногородов осуществляется в целях содействия развитию моногородов путем привлечения инвестиций и создания новых постоянных рабочих мест, а также для формирования условий отнесения моногородов к числу моногородов со стабильной социально-экономической ситуацией. ТОСЭР на территориях моногородов создаются сроком на 10 лет. Однако этот срок может быть продлен на 5 лет по решению Правительства РФ.

На территориях опережающего социально-экономического развития, создаваемых в субъектах РФ, а также в закрытых административно-территориальных образованиях (например, ТОСЭР «Курилы», «Нефтехимический», «Николаевск», «Саров») применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны, установленная правом Евразийского экономического союза, чего нельзя сказать в отношении моногородов.

Развитие территорий опережающего социально-экономического развития — один из национальных приоритетов, ключ к решению многих экономических, социальных, демографических и даже геополитических проблем. Это развитие прямо зависит от того, насколько эффективно будут работать правовые механизмы, предусмотренные для таких территорий, насколько благоприятные условия будут созданы для жизни и работы людей, для инвестиций, для продолжения перспективных проектов, расширения международного сотрудничества. Такие территории будут способствовать процессам интеграции, а, значит и унификации трудового законодательства, регулирующего труд лиц, работающих на территориях опережающего социально-экономического развития. При образовании таких территорий одновременно создаются дополнительные постоянные рабочие места, а также привлекаются инвестиции, которых в связи с введением санкций в России недостаточно. При создании территорий опережающего социально-экономического развития в нашей стране одновременно развиваются текстильное, химическое производства, пищевая промышленность, в сфере логистических услуг, машиностроительные комплексы, сельское хозяйство и иные виды хозяйственной деятельности. В настоящее время это развитие актуально, т.к. активно действует Программа по импортозамещению. Наряду с этим на некоторых территориях опережающего социально-экономического развития реализуются⁵:

Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (например, Республика Саха (Якутия), направленная на приоритетное переселение высококвалифицированных специалистов и квалифицированных рабочих по профессиям и специальностям, востребованным на региональном рынке труда;

в рамках *Государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»* наблюдается расширение территорий опережающего социально-экономического развития (например, «Николаевск» Хабаровского края, «Михайловский» Приморского края и др.), что приведет к привлечению частных инвестиций и созданию новых дополнительных рабочих мест. Также осуществляются мероприятия по увеличению финансирования ТОСЭР за счет средств федерального бюджета в общем объеме на 5362, 96 млн руб.

⁵ См.: Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 17.01.2018).

Одной из важных на сегодня проблем являются пробелы в правовом регулировании особенностей трудовой деятельности лиц, работающих у резидентов ТОСЭР. В соответствии с п. 2 ст. 2 ФЗ от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ резидентом территории опережающего социально-экономического развития является индивидуальный предприниматель или являющееся коммерческой организацией юридическое лицо, государственная регистрация которых осуществлена на территории опережающего социально-экономического развития согласно законодательству РФ (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий), которые заключили в соответствии с данным Законом соглашение об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития и включены в реестр резидентов территории опережающего социально-экономического развития. Соответственно на резидентов ТОСЭР и на лиц, работающих у таких резидентов, автоматически распространяется трудовое законодательство РФ.

С принятием ФЗ о ТОСЭР в Трудовой кодекс РФ (далее — ТК РФ)⁶ Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 519-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации”» (в ред. от 3 июля 2016 г.)⁷ была введена новая ст. 351.5 «Особенности трудовой деятельности лиц, работающих у резидентов территории опережающего социально-экономического развития», в которой говорится о привлечении и использовании иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности у резидентов ТОСЭР. Для иностранных граждан предусмотрены некоторые особенности. В частности, они получают разрешение на осуществление трудовой деятельности на территории Российской Федерации без учета квот на выдачу таким гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию, а также квот на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу, устанавливаемых Правительством РФ в соответствии с законодательством о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. Резидентам не требуется получения разрешения на привлечение и использование иностранных работников.

Таким образом, законодательство разграничивает процедуру осуществления трудовой деятельности иностранных граждан, работающих у резидентов ТОСЭР, и работающих на основании правовых норм, установленных законодательством о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. Тем не менее, в ст. 351.5 ТК РФ говорится о том, что при приеме на работу приоритет при прочих равных условиях имеют граждане Российской Федерации.

Далее в качестве особенностей законодатель определяет, что соглашением или коллективным договором государственные гарантии и компенсации лицам, работающим у резидентов ТОСЭР на территории Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, предусматриваются законодательством РФ для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к

⁶ См.: Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 3 февраля 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; Российская газета. 2018. 7 февр.

⁷ См.: Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 519-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Российская газета. 2015. 12 янв.

ним местностях, с письменного согласия таких работников могут быть заменены денежной компенсацией. В ч. 4 ст. 351.5 ТК РФ говорится о том, что оплата труда лиц, работающих у резидентов ТОСЭР в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, не может быть ниже прожиточного минимума (за III кв. 2017 г. для трудоспособного населения на всей территории Российской Федерации прожиточный минимум составил 10 842 руб.⁸) для трудоспособного населения, установленного в субъекте РФ, в котором создана соответствующая территория опережающего социально-экономического развития. Следует отметить, что в ТК РФ содержится самостоятельная гл. 50, посвященная особенностям регулирования труда лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

В гл. 5 Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ предусмотрены особенности регулирования отдельных отношений, связанных с функционированием ТОСЭР. Статья 18 данной главы регламентирует особенности осуществления трудовой деятельности лиц, работающих у резидентов территории опережающего социально-экономического развития. Законодатель указал, что особенности трудовой деятельности таких лиц устанавливаются ТК РФ, сделав тем самым норму ст. 18 отсылочной.

Из вышеизложенного следует, что конкретное регулирование труда лиц, работающих у резидентов ТОСЭР, ни в ТК РФ, ни в ФЗ от 29.12.2014 № 473-ФЗ не указано. Соответственно, нормы данных актов в сфере такого регулирования на федеральном уровне не имеют ни теоретического, ни практического значения.

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящее время существует законодательный пробел отдельных нормативно-правовых норм. На наш взгляд, для устранения таких пробелов следует провести мероприятия законодотворческого характера, а именно:

в Федеральном законе от 29.12.2014 № 473-ФЗ следует более детально предусмотреть процедуру привлечения к труду работников, указать трудовые гарантии и компенсации для некоторых работников, в зависимости от субъекта, на котором создаются ТОСЭР. Также необходимо конкретизировать особенности осуществления трудовой деятельности лиц, работающих у резидентов территории опережающего социально-экономического развития;

изменить положения ст. 351.5 ТК РФ, а именно ч. 3 и 4 данной статьи следует исключить из нормы ст. 351.5 и ввести в ст. 313 ТК РФ, регулиующую гарантии и компенсации лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям.

⁸См.: Приказ Минтруда России от 25 июня 2018 г. № 410н «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за I квартал 2018 года» (зарегистрировано в Минюсте России 13 июля 2018 г. № 51598).

УДК 349.6

Е.М. Кологерманская

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Введение: в настоящее время возрастает актуальность использования возобновляемой энергетики как одной из самых безопасных для окружающей среды, природных ресурсов, жизни населения. **Цель:** проанализировать политико-правовые особенности организации деятельности в сфере возобновляемых источников энергии в Европейском Союзе. **Методологическая основа:** использовались следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере публичного права: метод системно-структурного анализа; формально-логический, статистический методы. **Результаты:** изучены акты первичного (Маастрихтский договор 1992 г., Амстердамский договор 1997 г.) и вторичного права (Директива по производству электроэнергии из возобновляемых источников энергии (Directive on Electricity Production from Renewable Energy Sources 2001/77/EC) и пр. **Выводы:** рассмотрев базовые особенности политико-правового регулирования деятельности в сфере возобновляемой энергии в ЕС, автор приходит к выводу о том, что, представленный опыт может являть собой положительный пример правового регулирования рассматриваемой сферы.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, возобновляемая энергия, энергетическое право, энергетическое право Европейского Союза, электроэнергетика, энергетическая политика, Европейская экологическая политика.

Е.М. Kologermanskaya

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF ACTIVITIES IN THE FIELD OF RENEWABLE ENERGY IN THE EUROPEAN UNION

Background: the relevance of using renewable energy as one of the safest way for the environment protection, health and life of population is being clarified. **Objective.** The main aim of the research is the analysis of the role and the meaning of the fundamental regulation of the renewable energy in the EU. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: the general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes in the field of public law, the method of systemic structural analysis, formal logical and statistical methods. **Results:** the author has examined some of the most important political and legal issues of development of renewable energy in EU. Basic acts are investigated in the article: The Maastricht Treaty 1992, The Amsterdam Treaty 1997. This paper aims at investigation of specific regulations, such us: Directive

© Кологерманская Екатерина Михайловна, 2018

Аспирант кафедры природоресурсного, аграрного и экологического права Института права, социального управления и безопасности (Удмуртский государственный университет); e-mail: ekaterina.kologermanskaya@gmail.com

© Kologermanskaya Ekaterina Mikhailovna, 2018

Post-graduate student of the Department of natural resource, agricultural and environmental law of the Institute of law, social management and security (Udmurt State University)

on Electricity Production from Renewable Energy Sources 2001/77/EU, The Renewable Energy Directive 2009/28/EU. Conclusions: the studied political and legal experience of EU can be a positive example of the legislative regulation of the renewable energy sector.

Key-words: *renewable energy sources, renewable energy, energy law, European energy law, energy policy, European energy policy, energy company.*

В настоящее время актуальными и востребованными становятся идеи об изменении методов и способов добычи, хранения и использования различных видов энергии. Пропагандируется отказ от традиционных энергетических источников, развиваются идеи энергосбережения и использования возобновляемой энергии. Безусловно, вышеуказанный спектр не является исчерпывающим, он подвергается постоянным корректировкам и, по нашему мнению, способен коренным образом изменить технологии производства энергии, которые зачастую складывались веками.

Тем не менее, существуют обстоятельства, которые обуславливают развитие наук, в предмет которых входит изучение различных типов и видов энергии. Это непрерывный рост цен на энергоносители, истощение традиционных источников, глобальные проблемы экологического и энергетического характера, в частности, изменение климата, разрушение озонового слоя, нарастающий энергетический кризис, обусловленный различными причинами, в т.ч. резким ростом и падением цен на нефтяном рынке, увеличением потребления природных углеводородных ресурсов, и пр.

Наиболее интересными и перспективными в настоящее время являются предложения о внедрении возобновляемых источников в сферу добычи, хранения и использования различных видов энергии. Действительно, если проанализировать основные статистические данные, а также существующие теоретические разработки в указанной сфере, то можно сделать вывод о возрастающей актуальности использования регенеративной энергии. Приведем некоторые примеры.

Начнем с того, что возобновляемые источники энергии применяются по отношению к тем источникам энергии, запасы которых восполняются естественным образом, прежде всего, за счет поступающего на поверхность Земли потока энергии солнечного излучения и в обозримой перспективе являются практически неисчерпаемыми [1, с. 95].

Своевременность использования возобновляемых источников энергии связана с особыми свойствами таких ресурсов, существенно отличающихся от традиционного сырья. Так, традиционная энергетика основана на применении ископаемого топлива, запасы которого ограничены. Кроме того, важна зависимость такой энергетика от величины поставок и уровня цен, конъюнктуры рынка.

Возобновляемая энергетика базируется на самых разных природных ресурсах, что позволяет беречь невозобновляемые источники и использовать их в других отраслях экономики, а также сохранять для будущих поколений экологически чистую энергию. Регенеративная энергия совершенно не зависит от топливной составляющей, что создает условия для обеспечения энергетической безопасности государства.

В технологиях возобновляемой энергетика реализуются новейшие достижения многих научных направлений и отраслей: метеорологии, аэродинамики, электроэнергетики, теплоэнергетики, генераторо- и турбостроения,

микроэлектроники, силовой электроники, нанотехнологий, материаловедения и т.д. Развитие наукоемких технологий позволяет создавать дополнительные рабочие места за счет сохранения и расширения научной, производственной и эксплуатационной инфраструктуры энергетики, а также экспорта наукоемкого оборудования¹.

Отметим, что деятельность в сфере использования возобновляемых источников энергии является капиталоемкой и инвестиционно выгодной. Например, в 2016 г. объем всех инвестиций составил 242 млрд долл. США². Некоторые аналитические данные свидетельствуют об увеличении инвестиций в различные виды возобновляемых источников энергии. Так, максимальный рост ожидается в секторе ветроэнергетики, где ежегодные объемы инвестиций составят 140 млрд долл. в 2020 г. и 206 млрд долл. в 2030 г. На втором месте окажется сектор солнечной энергетики, где значительное снижение затрат приведет к 20-кратному росту общей установленной мощности за 20 лет — с 51 гигаватта в 2010 г. до 1,137 тыс. гигаватт в 2030 г. Биоэнергетический сектор также переживет всплеск активности по мере коммерциализации технологий второго поколения. Ежегодные инвестиции в биотопливо и получение энергии из биомассы и отходов вырастут с 14 млрд долл. в 2010 г. до 80 млрд долл. в 2020 г. и затем будут оставаться стабильными в течение следующего десятилетия³.

Вышеуказанные положения и статистические данные подтверждают актуальность развития регенеративной энергии, а в некоторых случаях необходимость ее развития в качестве дополнительного способа энергообеспечения населения государства, стабилизации и усовершенствования подходов к извлечению энергии, возможность исключения взаимозависимости энергетического, экономического, бюджетного секторов и пр.

В настоящее время имеется положительный законодательный и практический опыт перехода на ресурсы возобновляемого энергетического сектора. Среди государств, где энергетический сектор обеспечивается регенеративными источниками, следует выделить некоторые страны-члены Европейского Союза: Германию, Данию. Кроме того, политико-правовые меры по развитию возобновляемых источников энергии были предприняты Швейцарией, Канадой, Исландией и т.д.

Интерес вызывают политические и правовые особенности развития рассматриваемой области в Европейском Союзе, что подтверждают следующие причины:

во-первых, содействие в использовании возобновляемых источников энергии имеет важное значение для сокращения зависимости Европейского Союза от иностранного импорта энергоносителей⁴;

во-вторых, в Европейском Союзе были разработаны основные политические направления в области развития возобновляемых источников энергии в государствах-членах, тем самым были созданы нормативные рамки, устанавливающие основные правила и требования в рассматриваемой области⁵;

¹ См.: Материалы официального сайта ПАО «Русгидро». URL: <http://www.rushydro.ru/industry/biblioteka/14289.html#2> (дата обращения: 07.04.2017).

² См.: Официальный текст REN21 Annual Report 2016. URL: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2016/12/REN21_AnnualReport_2016_low.pdf (дата обращения: 07.04.2017).

³ См.: Официальный текст REN21 Annual Report 2017. URL: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2018/02/REN21_AnnualReport_2017_web.pdf (дата обращения: 07.04.2017).

⁴ См.: Официальный сайт Европейского Союза. URL: <http://ec.europa.eu/energy/en/topics/renewable-energy> (дата обращения: 07.04.2017).

⁵ См.: Renewable energy in Europe 2016. Recent growth and knock-on effects / European Environment Agency, 2016. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:_dJvht6O5OUJ:www.eea.europa.eu/publications/renewable-energy-in-europe-2016/download+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 07.04.2017).

в-третьих, территория Европейского Союза, определяемая границами стран-членов, имеет различные климатические, природные условия, что способствует развитию различных типов и видов возобновляемых источников энергии;

в-четвертых, право Европейского Союза, особенно сфера регулирования экологических и энергетических правоотношений, устанавливает жесткие нормативные требования и стандарты, которые должны исполняться и применяться на национальном уровне государствами-членами;

наконец, в Европейском Союзе реализуется значительное число научных проектов, посвященных развитию регенеративной энергии, например: Европейская технологическая платформа для ветроэнергии⁶ (European Technology Platform for Wind Energy), Европейская технологическая платформа для биотоплива⁷ (European Biofuels Technology Platform) и пр.

В представленной статье проведен анализ политико-правовых актов, различных по форме и содержанию, регулирующих основные особенности развития возобновляемых источников энергии в Европейском Союзе.

Прежде всего, базис всей системы права Европейского Союза составляют акты первичного права [2, с. 14–15] — учредительные договоры, обладающие высшей юридической силой и устанавливающие основные аспекты деятельности и функционирования рассматриваемого международного образования.

Среди актов первичного права особо следует выделить Договор о Европейском Союзе (Маастрихтский договор) 1992 г., в ст. 3. п. f ст. 21 закреплена цель содействия стабильного роста при одновременной защите окружающей среды⁸, а также Амстердамский договор 1997 г., в котором добавлен принцип устойчивого развития для целей деятельности Европейского Союза⁹.

Представленные акты Европейского Союза, во-первых, не являются единственными. Существуют иные акты, закрепляющие основы деятельности Европейского Союза, в т.ч. и в области регулирования экологических и энергетических правоотношений; во-вторых, их положения требуют конкретизации специальными законодательными актами, предмет регулирования которых в данном случае составляет деятельность в сфере использования возобновляемых источников энергии, а также их развитие на территории государств-членов Европейского Союза.

Первый политический документ, устанавливающий цели развития и использования регенеративной энергии, был принят на уровне Европейского Союза в 1997 г. — Возобновляемые источники энергии: Белая книга, устанавливающая стратегию Сообщества и план действий в указанной сфере (Renewable energy: White Paper laying down a Community strategy and action plan)¹⁰, цель которого заключалась в достижении Европейским Союзом внедрения возобновляемых источников энергии на уровне 12% к 2010 г.

⁶ См.: Официальный сайт European Technology Platform for Wind Energy. URL: <https://etipwind.eu/?ref=tpwind> (дата обращения: 07.04.2017).

⁷ См.: Официальный сайт European Biofuels Technology Platform. URL: <http://www.biofuelstp.eu/> (дата обращения: 07.04.2017).

⁸ См.: Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) в редакции Лиссабонского договора 2007 г. URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения: 07.04.2017).

⁹ См.: Амстердамский договор 1997 года. URL: http://eulaw.edu.ru/documents/articles/amsterd_dogovor.htm (дата обращения: 07.04.2017).

¹⁰ См.: Renewable energy: White Paper laying down a Community strategy and action plan. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:l27023> (дата обращения: 07.04.2017).

Данный документ содержал план действий, направленных на обеспечение справедливых рыночных возможностей для использования возобновляемых источников энергии без чрезмерного финансового бремени, и устанавливал следующие меры: недискриминационный доступ к рынку электроэнергии; налоговые и финансовые льготы и режимы; новые направления развития биоэнергии для транспорта, тепловой и электрической энергии, меры по увеличению доли рынка биотоплива, стимулирования использования биогаза и развития рынков для твердой биомассы; поощрение использования возобновляемых источников энергии (например, солнечная энергия) в строительной отрасли как в случае модернизации, так и для нового строительства зданий, строений, сооружений.

В целом представленный документ заложил основу развития возобновляемых источников энергии в Европейском Союзе, способствовал созданию мер поддержки «пилотных» проектов, определил основные направления развития различных видов таких источников, как биомасса, ветряная энергия, энергия солнца, геотермальная энергия, гидроэнергия. Указанные положения находят отражение в иных, уже современных нормативных документах, в т.ч. и специального характера.

Одним из первых правовых документов Европейского Союза выступает Директива по производству электроэнергии из возобновляемых источников энергии (EU Directive on Electricity Production from Renewable Energy Sources) 2001/77/EC¹¹, цель которой состояла в содействии использованию возобновляемых источников энергии при производстве электроэнергии. Рассматриваемый законодательный акт носил, скорее, программный характер в связи с тем, что устанавливал национальные целевые показатели по производству возобновляемых источников энергии для отдельных государств-членов, например, Швеции, Португалии, Финляндии, Испании и пр. Для каждого государства были разработаны индивидуальные целевые показатели использования возобновляемых источников энергии при производстве электроэнергии, которые должны быть достигнуты к 2010 г. Предполагалась и общеевропейская цель достижения уровня использования возобновляемой энергии в суммарной доле 12% к 2010 г., имплементированная из Renewable energy: White Paper laying down a Community strategy and action plan, рассмотренного ранее.

В целях достижения необходимого уровня обеспечения сектора электроснабжения регенеративной энергии данные государства обязаны разработать национальный план сроком на 5 лет, содержащий меры, различные по содержанию, в т.ч. экономические, политические, правовые, научно-технические и иные, которые будут способствовать увеличению объемов энергии, добытой при использовании возобновляемых источников энергии.

При этом рассматриваемая Директива содержала обязанность стран-членов не реже чем 2 раза в год публиковать официальный национальный доклад, оценивающий результаты по реализации указанных мероприятий, направленных на развитие возобновляемого энергетического сектора.

Безусловно, данный документ не является совершенным, его значение заключается в том, что он заложил основы продвижения регенеративной энергии на территории Европейского Союза, в т.ч. особенности развития внутреннего рынка

¹¹ См.: Официальный текст EU Directive on Electricity Production from Renewable Energy Sources 2001/77/EC. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=URISERV:l27035> (дата обращения: 07.04.2017).

электроэнергии при применении возобновляемых источников энергии, а также различные способы и методы взаимодействия государств-членов Европейского Союза. Кроме того, в рассматриваемой области данная Директива имела базовое значение, в т.ч. и закрепляла дефинитивный аппарат. Так, например, в ст. 2 закреплена понятие «возобновляемые источники энергии» — это возобновляемые неископаемые источники энергии, такие как: энергия ветра, солнца, волн, приливов и отливов, геотермальная энергия, гидроэнергетика, биомассы, биогаз, очистки сточных вод и биогазы.

Впоследствии EU Directive on Electricity Production from Renewable Energy Sources 2001/77/EC была актуализирована принятием другого нормативного документа.

Дальнейшее правовое становление области возобновляемой энергии связано с принятием специального нормативно-правового акта — Директивы о возобновляемых источниках энергии (The Renewable Energy Directive 2009/28/EC¹²). Принятие данного документа обусловлено двумя причинами: во-первых, актуализируются правила использования регенеративной энергии в Европейском Союзе, определяются цели сокращения выбросов парниковых газов, а также использования экологически чистой энергии; во-вторых, устанавливаются обязательные для государств-членов ориентиры в целях достижения как 20%-го общеевропейского уровня использования возобновляемых источников энергии в различных областях, так и внедрение регенеративной энергии, особенно в транспортном секторе, до 10%.

Рассматриваемая Директива закрепляет обязанность для каждого государства-члена Европейского Союза разработать национальный план развития и применения возобновляемых источников энергии на период до 2020 г. для достижения различных национальных целевых показателей. Приведем некоторые примеры. Так, самый высокий уровень использования регенеративной энергии должен быть достигнут в Швеции и составить 49%, самый низкий показатель установлен для Люксембурга — в размере 10%. Указанные цели зависят от площади того или иного государства, являющегося членом Европейского Союза, наличия природных ресурсов, а также климатических условий и иных обстоятельств, имеющих важное значение при исследовании возобновляемых источников энергии. Следует отметить, что ст. 5 Директивы устанавливает и правила расчета доли энергии из возобновляемых источников энергии для каждого государства. В этот расчет должны быть включены такие показатели, как валовое конечное потребление электроэнергии из возобновляемых источников энергии, валовое конечное потребление энергии из возобновляемых источников для теплоснабжения, валовое конечное потребление энергии из возобновляемых источников в транспортной инфраструктуре.

Кроме того, на национальном уровне должны быть разработаны правовые правила и требования, определяющие условия гарантии происхождения энергии, добытой при применении возобновляемых источников в сфере электроснабжения, теплоснабжения, и пр.

Установление цели увеличения объема использования регенеративной энергии в других, нетипичных областях, на территории государств-членов Европейского Союза обуславливает создание современной инфраструктуры для использования возобновляемых источников энергии, в частности в транспортном секторе.

¹² См.: Официальный текст The Renewable Energy Directive 2009/28/EC. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32009L0028> (дата обращения: 07.04.2017).

Директива 2009/28/ЕС выступает базовым нормативно-правовым документом в области регулирования отношений, возникающих в процессе использования возобновляемых источников энергии, в т.ч. закрепляет основные положения, которые должны быть конкретизированы в национальном законодательстве, дефинитивный аппарат. Так, в соответствии со ст. 7 Директивы определяется понятие «возобновляемая энергия», под которой понимается энергия из возобновляемых (неископаемых) источников, а именно ветра, солнечной энергии, аэротермической, геотермальной, гидротермальной энергии, гидроэнергии, биомассы и биогаза. Кроме того, раскрывается содержание определений каждого из указанных видов регенеративной энергии.

Следует отметить, что наравне с государствами-членами в соответствии с положениями рассматриваемой Директивы были приняты национальные планы на период до 2020 г. в таких странах, как Исландия и Норвегия¹³, что подтверждает актуальность и успешность правового регулирования сферы возобновляемых источников энергии в Европейском Союзе.

Вызывают особый интерес положения, касающиеся возможности сотрудничества государств-членов Европейского Союза в сфере использования регенеративной энергии. Принятие данных норм обусловлено несколькими обстоятельствами, важнейшее из которых — различие в природно-климатических условиях государств-членов. В то время, как некоторые страны Европейского Союза эксплуатируют внутренние возобновляемые энергетические ресурсы, в некоторых районах Европы имеет место низкий потенциал для развития регенеративной энергии. Например, некоторые страны могут иметь больше рек, пригодных для гидроэлектростанций, в то время как другие государства имеют возможности для развития солнечной энергии и т.д.

Юридически установлена комплексная система мер и способов сотрудничества, которые заключаются в следующем:

1) статистические переводы возобновляемых источников энергии (Statistical transfers). В представленном способе кооперации одна страна Европейского Союза передает другой энергию, добытую при использовании возобновляемых источников энергии, тем самым повышается уровень использования регенеративной энергии второго государства. Представленный механизм сотрудничества является весьма актуальным для обоих агентов. С одной стороны, возобновляемая энергия, полученная в излишке, может быть продана за определенную стоимость, а с другой стороны, страны с менее рентабельными возобновляемыми источниками энергии могут достичь установленных целей при меньших затратах;

2) совместные проекты по возобновляемой энергии (Joint projects). Два или более государств-членов Европейского Союза могут совместно финансировать проект возобновляемых источников энергии в сфере электроснабжения или теплоснабжения. Однако данные проекты могут, но не должны включать в себя физическую передачу энергии из одной страны в другую. При этом страны Европейского Союза могут также вступать в совместные проекты со странами, не входящими в данное международное сообщество. Полученная энергия будет учитываться в достижении установленных национальных целей, если проект реализуется в сфере электроснабжения или имеет реальное влияние на количество возобновляемых источников энергии, потребляемой в Европейском Союзе;

¹³ См.: Материалы официального сайта Европейской комиссии. URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/renewable-energy/national-action-plans> (дата обращения: 07.04.2017).

3) схемы совместной финансовой поддержки (Joint support schemes). Два или более государств-членов Европейского Союза могут совместно финансировать схему поддержки для стимулирования производства возобновляемой энергии в одном или обоих государствах. Такая форма сотрудничества может включать в себя такие меры, как общие льготные тарифы, общую квоту и сертификат торгового режима.

Представленные схемы сотрудничества между государствами-членами Европейского Союза представляют собой интересный и эффективный способ развития и внедрения возобновляемых источников энергии на территории Европейского Союза, обеспечивающий полноценность реализации направлений энергетической политики, достижения национальных целей с наименьшими затратами и в кратчайшие сроки.

Исследовав политико-правовой опыт развития возобновляемых источников энергии в Европейском Союзе, следует сделать вывод о том, что рассматриваемая сфера общественных отношений выступает предметом изучения в течение продолжительного периода. Еще в 1997 г. была предпринята первая попытка внедрения регенеративной энергии на территории данного международного образования.

Конечно, законодательство Европейского Союза, в т.ч. и в исследуемой области, имеет не только положительные, но и спорные характеристики. Это связано, прежде всего, с некоторыми особенностями всей системы права Европейского Союза, в частности, рассмотренные Директивы устанавливают, скорее, нормы декларативного, рекомендательного характера, однако создают базис для дальнейшего правового регулирования на национальном уровне государств-членов Европейского Союза. Особо следует обратить внимание на то, что в Европейском Союзе достаточно четко определены ориентиры и цели развития регенеративной энергии, создан механизм контроля за выполнением обязательств государств-членов в виде подготовки среднесрочных пятилетних планов, а также подготовки и публикации отчетов об их выполнении.

Важно то, что и государствами, не являющимися членами Европейского Союза, были разработаны планы по развитию возобновляемых источников энергии, образцом которых служили положения специального законодательства Европейского Союза. Тем самым европейский опыт выступает в качестве передового, содержит актуальные положения в сфере развития регенеративной энергии, может служить образцом для имплементации в законодательство зарубежных стран.

Библиографический список

1. Попель О.С. Возобновляемые источники энергии: роль и место в современной и перспективной энергетике // Российский химический журнал (Журнал Российского химического общества им. Д.И. Менделеева). 2008. Т. LII. № 6. С. 95–106.
2. Энтин М.Л. Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы. М.: Аксиом, 2009. 304 с.

References

1. Popel O.S. Renewable Energy Sources: the Role and Place in Modern and Prospective Energy / Ros. chem. f. (Zh.M., D.I. Mendeleev Chemical Society of the Russian Federation), 2008, Vol. LII, No. 6. P. 95–106.
2. Entin M.L. The Law of the European Union. A New Stage of Evolution: 2009–2017. Moscow: Axiom, 2009. 304 p.

УДК 340.13

А.А. Никитин, Т.М. Авдони́на

УСМОТРЕНИЕ ОРГАНОВ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Введение: проблема обеспечения законности и безопасности в стремительно развивающейся сфере развлекательных услуг приобретает все большую актуальность. Это обусловлено не только масштабом соответствующего сектора экономики, но и уровнем угроз для безопасности неограниченного круга лиц, которые существуют при предоставлении развлекательных услуг. Для устранения или минимизации подобных угроз должен быть создан эффективный механизм государственного контроля и надзора в этой области предпринимательства. **Цель:** изучить современные тенденции развития рынка развлекательных услуг, связанные с ними угрозы безопасности населения, законности и правовому порядку в этой сфере, а также проанализировать основные проблемы контрольно-надзорной деятельности государственных органов, направленной на обеспечение законности и безопасности предоставляемых развлекательных услуг. **Методологическая основа:** совокупность всеобщих, общенаучных, частнонаучных и частноправовых методов. В работе используются системный и функциональный подходы, статистический и формально-юридический методы. **Результаты:** аргументирована авторская позиция о недостаточном и неэффективном правовом регулировании новых видов развлекательных услуг, которые могут таить в себе существенные риски жизни и здоровью граждан, а также об отсутствии должного контроля и надзора за ними. **Выводы:** в действующем законодательстве необоснованно ограничены важные дискреционные полномочия органов контроля и надзора, что негативно влияет на обеспечение безопасности в сфере предоставления развлекательных услуг. Необходимо провести ревизию организационных форм государственной контрольно-надзорной деятельности, выбрать наиболее эффективные и включить их в действующее законодательство.

Ключевые слова: усмотрение, органы государственного контроля и надзора, прокурорская проверка, развлекательные услуги, обеспечение безопасности, законодательное регулирование контрольно-надзорной деятельности.

© Никитин Александр Александрович, 2018

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alexnik-82@mail.ru)

© Авдони́на Татьяна Михайловна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: avdonina-t@bk.ru

© Nikitin Aleksandr Aleksandrovich, 2018

Candidate of Law, Associate professor of the Prosecutor's supervising and criminology department (Saratov State Law Academy)

© Avdonina Tatiana Mikhailovna, 2018

Candidate of Law, Associate professor of the Prosecutor's supervising and criminology department (Saratov State Law Academy)

A.A. Nikitin, T.M. Avdonina

**THE DISCRETION OF CONTROL AND SUPERVISION
AUTHORITIES WHEN PROVIDING THE RULE OF LAW
IN THE DELIVERY OF ENTERTAINMENT SERVICES**

Background: the problem of law enforcement and safety in promptly developing sphere of entertaining services acquires the increasing relevance. It is caused not only by the modern scale of the relevant sector of economy, but also by the level of threats for safety of an unlimited circle of people which exist when delivering entertaining services. For the elimination or minimization of similar threats the effective mechanism of the state control and supervision in this field of business has to be created. **Objective:** the authors of the article intend to study the current trends of the market of entertaining services development, the related threats to security of the population, legality and to a legal order in this sphere and also to analyze the main problems of the control and supervising activity of public authorities aimed at law enforcement and safety of the provided entertaining services. **Methodology:** in doing the research set of general, general scientific, private scientific and private law methods was used as well as system and functional approaches, statistical and legalistic methods. **Results:** the author's position on insufficient and inefficient legal regulation of new types of entertaining services which can conceal in themselves essential risks of life and to health of citizens and also about lack of due control and supervision of them is reasoned. **Conclusions:** the current legislation unreasonably limits the important discretionary powers of the control and supervision bodies, what negatively affects the security in the provision of various services. It is necessary to audit the organizational forms of state control and supervision, choose the most effective and include them in the current legislation.

Key-words: discretion, bodies of state control and supervision, Prosecutor's inspection, entertainment services, security, legislative regulation of control and supervision.

Развлекательные услуги на современном этапе общественного развития становятся все более востребованными. Безусловно, они не относятся к услугам первой необходимости, однако увеличение количества свободного времени у каждого конкретного индивида, растущее благосостояние населения влекут за собой развитие этой отрасли.

За последние годы, помимо прочего, изменились и способы проведения досуга, увеличилась доля социально активного времяпровождения. Данная тенденция способствует развитию рынка развлекательных услуг в Российской Федерации и положительно влияет на количество и разнообразие предложений на нем.

Самыми популярными местами проведения досуга среди россиян являются торгово-развлекательные центры. В них входят, как правило, развлекательные зоны (кинотеатр, детский городок, бильярд, боулинг, фаст-фуд, фитнес-клуб и т.д.); специализированные развлекательные центры (кинотеатры, катки, роллердромы, квесты и т.д.), музеи, театры, цирки, заведения общественного питания, аттракционы.

Количественное и качественное изменение сферы развлекательных услуг в России имеет как положительные, так и отрицательные последствия. К числу положительных можно отнести увеличение количества и развитие организаций и индивидуальных предпринимателей, задействованных в сфере развлекательных услуг, численности работников, занятых в соответствующем сегменте, активизация экономической деятельности смежных сфер хозяйствования, рост

поступлений в бюджет как от самих организаций и индивидуальных предпринимателей, оказывающих развлекательные услуги, так и от их смежников. Среди отрицательных последствий на первое место необходимо поставить невозможность обеспечения безопасности неограниченного круга лиц, вовлеченных в «сферу воздействия» развлекательной услуги. Речь идет не только о продавцах и потребителях соответствующей услуги, но и о людях, случайно соприкоснувшихся с данной сферой (например, лица, проходящие близ опасного аттракциона в момент аварии, и т.п.).

Предупреждение и минимизация возможных отрицательных последствий развития сферы развлекательных услуг возможны при условии сбалансированного сочетания двух взаимосвязанных процессов. С одной стороны, необходимы усилия субъектов предпринимательской деятельности, задействованных в области развлекательных услуг, направленные на повышение их качества и безопасности, а с другой — следует создать эффективный механизм государственной контроля и надзора в этой сфере.

Рассматривая разнообразные способы, которыми участники рынка развлекательных услуг могут добиться повышения уровня их безопасности и качества, необходимо обратить внимание на наиболее действенные из них. К таковым, на наш взгляд, относятся: создание ассоциаций или саморегулируемых организаций, объединяющих субъектов, предоставляющих соответствующую развлекательную услугу; разработка и внедрение в рамках таких организаций правил предоставления услуги, ее нормирование; учреждение внутри данных профессиональных сообществ инструментов контроля качества и безопасности развлекательных услуг и др. Реализация данных мероприятий должна основываться на комплексе научных исследований различных аспектов функционирования рынка развлекательных услуг.

Исследованием проблем развития российского рынка в сфере развлекательных услуг в разные годы занимались многие ученые, например, Л.Р. Бондарь [1, с. 103–106], А.А. Беляева [2, с. 67–70], М.Д. Предводителева, О.Н. Балаева [3, с. 248–256] и др. Анализируя их работы через призму юридической науки, можно выделить следующие тенденции изменений общественных отношений в области развлекательных услуг:

- интеграция развлечений, образование универсальных многофункциональных развлекательных центров;
- расширение ассортимента развлечений;
- повышение культуры развлечений;
- проблемы с лицензированием некоторых видов развлекательных услуг (например, квесты);
- пробелы в законодательном регулировании деятельности и развитии развлекательных учреждений.

Названные направления развития рынка развлекательных услуг оказывают определяющее воздействие и на соответствующие изменения в правовой сфере. С точки зрения совершенствования законодательства, регулирующего развлекательные услуги, в перечисленных тенденциях можно выделить причины законодательных изменений и их правовые последствия. Интеграция разных видов развлечений, расширение их ассортимента и повышение культуры развлечений — это процессы, в значительной степени лежащие вне правовой плоскости. Они обусловлены экономическими преобразованиями, происходящими

в стране, совершенствованием технологий (например, возникновение и стремительное развитие новых видов развлечений на основе компьютерных технологий) и требуют адекватной правовой регламентации, становясь причиной изменения действующего законодательства.

Поспешно принимаемые законы, регулирующие новые виды развлекательных услуг, а также те дополнения и поправки, которые законодатель вносит в существующее законодательство, не всегда способны ответить на весь объем «вопросов», поставленных изменившимися общественными отношениями. Это приводит к негативным правовым последствиям: пробелам или противоречиям в законодательном регулировании сферы развлекательных услуг; отсутствию лицензирования определенных видов деятельности в данной сфере (при наличии объективных предпосылок для введения по ним лицензионно-разрешительного режима); снижению эффективности реализации имеющихся средств государственного регулирования этой области.

Исходя из этого, следует сделать вывод о невозможности обеспечения полной безопасности и высокого качества развлекательных услуг самими субъектами, их оказывающими, и только за счет «рыночных» механизмов. Необходимо не только развивать рынок развлекательных услуг в России, но и обеспечить действенный государственный контроль и надзор в данной сфере. При этом не следует забывать о двух важных характеристиках контроля. Во-первых, он является обязательным элементом процесса управления [4, с. 15], без которого последний немислим. Полагаем, что необходимость государственного управления в такой стремительно развивающейся области, как сфера развлекательных услуг, не вызывает сомнений. Во-вторых, контроль есть форма юридической деятельности, которая направлена на обеспечение охраны интересов общества и государства, защиту прав и свобод человека и гражданина [5, с. 24]. Аналогичную направленность на укрепление законности и правопорядка, предупреждение и пресечение правонарушений, обеспечение прав и свобод граждан имеет и такая автономная форма юридической деятельности, как надзор [6, с. 64–97]. Право человека на жизнь и здоровье, интерес общества и государства в безопасности граждан во время проведения досуга являются важнейшими ценностями, которые должны охраняться государством. Названные обстоятельства объективно подтверждают необходимость функционирования механизма государственного контроля и надзора в рассматриваемой сфере и повышения эффективности его деятельности.

Однако процесс создания в России эффективного механизма государственного контроля и надзора, в т.ч. в сфере развлекательных услуг, затруднен тем, что в нем государство пытается совместить две противоположные тенденции.

Первая тенденция связана с постоянно возникающими поводами для усиления государственного контроля и надзора в той или иной области. Данными поводами, к сожалению, зачастую выступают чрезвычайные ситуации природного, техногенного или антропогенного характера с большим числом человеческих жертв (например, пожары в клубе «Хромая лошадь» в Перми и ТЦ «Зимняя вишня» в Кемерово и др.). Такие обстоятельства заставляют государство предпринимать определенные шаги по усилению государственного контроля и надзора: создаются новые органы, наделенные контролируемыми или надзорными полномочиями; объединяются ранее существовавшие структуры; организационно, штатно, финансово усиливаются существующие органы; совершенствуются

правовые основы осуществления контролирующими и надзорными ведомствами своих полномочий и т.д.

Вторая тенденция представляет собой реакцию бизнес-сообщества на реализацию первой. Представители бизнеса рассматривают усиление государственного контроля и надзора через призму административных барьеров для предпринимательства, которое нужно развивать и защищать. Результатом такой «реакции» является законодательное ограничение полномочий контролирующих и надзирающих органов. В первую очередь под сокращение подпадают дискреционные полномочия контролирующих и надзорных органов, предоставлявшие им большой простор при организации проверок подконтрольных и поднадзорных организаций и лиц. Например, сокращается перечень оснований проведения проверок, вводятся ограничения на проведение внеплановых выездных проверок (наиболее эффективных для выявления нарушений, особенно при условии внезапности их проведения), требования их согласования с органами прокуратуры и предварительного уведомления подконтрольных лиц об их проведении, устанавливаются другие ограничения. По замыслу законодателя соответствующие правила должны не только устранить административные барьеры для ведения бизнеса, но и снизить уровень коррупции в деятельности органов государственного контроля и надзора, а также их должностных лиц.

Представляется, что такой подход к формированию законодательства, регулирующего организацию и проведение государственного контроля и надзора, необоснованно противопоставляет цели и задачи контрольных и надзорных органов государства интересам субъектов предпринимательской деятельности. Даже название закона, с принятием которого связано введение большинства ограничений в деятельности контролирующих и надзорных органов, «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»¹ созвучно названию Закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»². И если во втором случае регулируется государственная защита судей и иных сотрудников правоохранительных органов от противоправных посягательств, то в первом — защита юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от естественной и необходимой составляющей функции государственного управления — контроля и надзора.

Более того, введение соответствующих ограничений полномочий государственных органов контроля и надзора существенно снижает профилактический и предупредительный потенциал этих форм юридической деятельности, сводя их смысл только к реагированию на уже допущенные нарушения обязательных требований нормативных правовых актов.

Особое место в системе органов государственного контроля и надзора занимает прокуратура РФ. В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 1 Закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» его поло-

¹ См.: Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (в ред. от 18 апреля 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6249; 2018. № 17, ст. 2430.

² См.: Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (в ред. от 1 июля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17, ст. 1455; 2017. № 27, ст. 3945.

жения не распространяются на осуществление прокурорского надзора. Данное обстоятельство, а также то, что прокуратура уполномочена осуществлять надзор за законностью деятельности самих органов государственного контроля и надзора, требовать от них проведения проверок в связи с поступившими в органы прокуратуры материалами³ предоставляет ей больше возможностей для предупреждения правонарушений.

Анализ прокурорской практики свидетельствует о многочисленных фактах нарушений действующего законодательства в области развлекательных услуг как со стороны государственных органов, наделенных контрольными или надзорными полномочиями в данной сфере, так и субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность.

Рассмотрим некоторые примеры, свидетельствующие о неудовлетворительном состоянии законности в сфере предоставления развлекательных услуг. Прокуратура Саратовской области провела проверки деятельности 20 квест-комнат, которые предоставляли услуги по прохождению квестов лицам, не достигшим 18-летнего возраста. Выявлены многочисленные нарушения требований санитарно-эпидемиологического, противопожарного законодательства, законодательства о защите прав потребителей.

Установлены существенные нарушения требований нормативных документов в области пожарной безопасности (отсутствие первичных средств пожаротушения, нефункционирующая система противопожарной безопасности)⁴.

По результатам проверок организаторы квестов привлечены к административной ответственности по ч. 1 ст. 6.17 КоАП РФ⁵ за нарушение установленных требований распространения среди детей продукции, содержащей информацию о смерти, жестокости и насилии, причиняющую вред их здоровью и развитию, а также по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица.

В Кемеровской области межрайонный прокурор своим постановлением привлек к административной ответственности директора кинотеатра. По официальным данным, в Юргинскую межрайонную прокуратуру с заявлением обратился представитель Сибирского филиала РАО⁶. По его словам, в г. Юрга осуществлялся показ кинофильмов без выплаты композиторам авторского вознаграждения. В ходе прокурорской проверки было установлено, что в кинозале публично демонстрировались фильмы на основании лицензионных соглашений и договоров, заключенных с дистрибьюторами. Однако выплаты авторского гонорара иностранным композиторам, чьи произведения звучали в фильмах, не проводились. Руководство кинотеатра уклонялось от исполнения своих обязанностей по выплате вознаграждений, договор о сборе авторского вознаграждения с РАО (аккредитованная организация в сфере осуществления прав композиторов) отсутствовал. Следовательно, права композиторов были нарушены⁷.

³ См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 18 апреля 2018 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 18, ст. 2233.

⁴ См.: Прокуратура области провела проверки деятельности квест-комнат // Сайт прокуратуры Саратовской области. URL: <http://www.sarprok.ru/news/2018/prokuratura-oblasti-provela-proverki-deyatelnosti-kvest-komnat> (дата обращения: 01.05.2018.)

⁵ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 23 апреля 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2018. № 18, ст. 2573.

⁶ См.: Общероссийская общественная организация «Российское Авторское Общество».

⁷ См.: В кинотеатре Юрги нарушили авторские права композиторов. URL: <http://gazeta.a42.ru/lenta/show/v-kuzbasskom-kinoteatre-narushili-avtorskie-prava-kompozitorov.html> (дата обращения: 05.05.2018).

К сожалению, многие проверки органов прокуратуры, так же как и иных органов контроля и надзора, проводятся несвоевременно, порой после того, как нарушения правовых предписаний приводят к трагедии. Так, пожар в кемеровском торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня», унесший жизни более 60 чел., заставил активизировать деятельность надзорных и контролирующих органов по обеспечению безопасности, соблюдению установленных законодательством предписаний на соответствующих объектах по всей стране. В ходе совместных проверок с прокурорами органы контроля фактически оказываются в более выгодном положении, поскольку проводимая ими в этих случаях проверка является частью прокурорской и подпадает под иные правовые нормы. Однако распространить данный способ на весь объем работы органов государственного контроля и надзора нельзя.

Таким образом, введенные федеральным законодательством ограничения дискреционных полномочий органов государственного контроля и надзора нуждаются в корректировке. Необходимо провести ревизию организационных форм государственной контрольно-надзорной деятельности, выбрать наиболее эффективные и включить их в действующее законодательство. Очевидно, что в условиях выбора между закреплением дополнительных гарантий прав субъектов предпринимательской деятельности и правовых средств обеспечения безопасности неограниченного круга лиц выбор должен быть сделан в пользу последнего.

Библиографический список

1. *Бондарь Л.Р.* Тенденции развития российского рынка культурно-развлекательных услуг // Актуальные вопросы экономических наук. 2014. № 39. С. 103–106.
2. *Беляева А.А.* Рынок развлекательных услуг России: основные характеристики и тенденции развития // Известия Байкальского государственного университета. 2009. № 3 (65). С. 67–70.
3. *Предводителева М.Д., Балаева О.Н.* Основные тенденции развития российской сферы услуг // Маркетинг услуг. 2008. № 4. С. 248–256.
4. *Лазарев Б.М.* Компетентия органов управления. М.: Юридическая литература, 1972. 280 с.
5. *Беляев В.П.* Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 436 с.
6. *Баранов М.Л.* Соотношение понятий «государственный контроль» и «государственный надзор»: теория и практика вопроса // Право и жизнь 2011. № 159. С. 64–97.

References

1. *Bondar L.R.* Trends in the Development of the Russian Market of Cultural and Entertainment Services // Actual problems of Economics. 2014. No. 39. P. 103–106.
2. *Belyaeva A.A.* Entertainment Services Market of Russia: Main Characteristics of the Development Trend. News of ISEA, 2011. No. 3 (65). P. 67–70.
3. *Predvoditeleva M.D., Balaeva O.N.* The Main Trends in the Development of the Russian Services // Marketing services. 2008. No. 4 (16). P. 248–256.
4. *Lazarev B.M.* Competence of Gverning Bodies. M.: Yurid. litas., 1972. 280 p.
5. *Belyaev V.P.* Control and Supervision as Forms of Legal Activity: Questions of the Theory and Practice: diss. ... doc. of law. Saratov, 2006. 436 p.
6. *Baranov M.L.* Ratio of the Concepts «State Control» and «State Supervision»: Theory and Practice of a Question//Theory and life of 2011. No. 159. P. 64–97.

УДК 342. 727

З.Т. Кубеева

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Введение: защита детства является одной из основных задач государства. На современном этапе в конституционно-правовом механизме защиты детства во многих странах участвуют уполномоченные по правам ребенка. Российская Федерация и Республика Казахстан — здесь не исключение. **Цель:** рассмотреть конституционно-правовой статус и деятельность уполномоченных по правам ребенка в России и Казахстане неправительственных общественных организаций. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты:** рассмотрены особенности деятельности уполномоченных в указанных странах, проведен сравнительно-правовой анализ их конституционного статуса. **Выводы:** правовой статус Уполномоченного по правам ребенка остается недостаточно урегулированным как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан. Уполномоченные по правам ребенка должны оказывать содействие повышению эффективности механизма защиты прав детей, направляя при этом свои предложения в соответствующие органы законодательной и исполнительной властей всех уровней.

Ключевые слова: конституционное право Российской Федерации, Конституционное право Республики Казахстан, защита детства, Уполномоченный по правам ребенка, права человека.

Z.T. Kubeeva

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE COMMISSIONER FOR CHILDREN'S RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Background: protection of childhood is one of the main tasks of the state. At the present stage, in many countries Ombudsmen for the Children's Rights participate in the constitutional mechanism for the protection of childhood. The Russian Federation and the Republic of Kazakhstan are not an exception here. **Objective:** the author of the article intends to review the constitutional and legal status and activities of the ombudspersons in Russia and in Kazakhstan of non-governmental public organizations. **Methodology:** in doing the research the author of the article used the following methods of study: dialectical method of scientific knowledge, system, formal-legal, comparative-legal methods of research. **Results:** the Institute of the Ombudsman for the Children's Rights is a new institution of the constitutional law both in Russia and in the Republic of Kazakhstan. At the same time, Russia already has an extensive practice of acting as an authorized representative, unlike Kazakhstan.

© Кубеева Зульфия Тынимгереевна, 2018
Соискатель кафедры конституционного права (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: armus95@mail.ru

© Kubeeva Zulfiya Tynymgereevna, 2018
Postgraduate degree seeker of the Constitutional Law department (Saratov State Law Academy)

Children's rights ombudsmen should assist in the development of effective mechanisms for protecting the rights of children, especially those that were not used before. Conclusions: the legal status of the Commissioner for the Children's Rights remains insufficiently settled both in the Russian Federation and in the Republic of Kazakhstan. The article examines the specifics of the activities of the authorized representatives in these countries, as well as a comparative legal analysis of their constitutional status.

Key-words: *the constitutional law of the Russian Federation, the constitutional law of the Republic of Kazakhstan, the rights of the child, the constitutional and legal regulation of the protection of childhood, the Commissioner for the Children's Rights.*

В России должность Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка была учреждена 1 сентября 2009 г.¹ Данный институт отличается, прежде всего, тем, что его деятельность направлена исключительно на защиту прав и законных интересов детей. Важнейшая функция Уполномоченного по правам ребенка — осуществление независимого контроля за соблюдением прав ребенка. Особенность данного института заключается в защите прав детей на независимой основе.

Основные цели осуществления деятельности Уполномоченного по правам ребенка таковы: содействие эффективному взаимодействию органов всех ветвей власти, СМИ и молодежных общественных объединений в сфере прав ребенка, правозащитных организаций, а также развитие государственной правовой защиты детей.

Задачи Уполномоченного по правам ребенка включают в себя пропаганду положений Конвенции о правах ребенка, решение проблем совершенствования механизмов по обеспечению и защите прав, свобод и законных интересов детей, содействию реализации и восстановлению их нарушенных прав, свобод и законных интересов. Особое внимание этот институт уделяет такой социальной группе, как дети-сироты, т.к. проблемы, связанные с детьми данной категории, наиболее острые и сложные. Одно из направлений работы в этой сфере связано с проведением независимых проверок работы государственных учреждений, организаций, которые могут нарушать права детей, особенно сирот. К таким учреждениям можно отнести дома ребенка и детские дома, приюты, интернаты, а также комиссии по делам несовершеннолетних. Кроме того, уполномоченные по правам ребенка должны оказывать помощь в развитии эффективных механизмов защиты прав детей, содействовать созданию новых способов, направляя свои предложения в соответствующие органы законодательной и исполнительной власти всех уровней. Данный институт должен дополнять систему органов по защите детства и обеспечивать беспрепятственное взаимодействие власти и общества [1, с. 345–348].

Уполномоченный может реализовывать свои функции и на международном уровне. Он осуществляет защиту детей, которые являются жертвами торговли людьми, сексуального соращения и сексуальной эксплуатации, защиту их прав при выезде за пределы Российской Федерации, защиту детей, переданных на усыновление иностранным гражданам, и т.д. В настоящее время Уполномоченным по правам ребенка в Российской Федерации является Анна Юрьевна Кузнецова, назначенная на эту должность Указом Президента РФ от 9 сентября 2016 г. № 466.²

¹ См.: Указ Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка» // Собр. законодательства Рос Федерации. 2009. № 36, ст. 4312.

² См.: Собр. законодательства Рос Федерации. 2016. № 37, ст. 5488.

Для оперативного реагирования на возникающие проблемы защиты детства Уполномоченный может проводить чрезвычайные совещания. В частности, в марте 2017 г. А.Ю. Кузнецова провела такое совещание с участием МЧС РФ по вопросам роста детских суицидов. За 2016 г. их число выросло на 57%, хотя до этого наблюдалось их стабильное снижение на 10% в год. Причиной стало распространение в соцсетях т.н. «групп смерти», таких как, например, «Синий Кит»³. На совещании были предложены и обсуждены меры противодействия росту суицида — создание подразделения МВД РФ по вопросам кибербезопасности, создание единого центра и налаживание четкого комплексного межведомственного взаимодействия и т.д. Сформулированные по результатам совещания рекомендации были направлены детским омбудсменам в регионы.

Активная работа по защите детства ведется в России и региональными уполномоченными, ее результаты отражаются в их докладах. На наш взгляд, в целом в России имеются положительные сдвиги в вопросах защиты детства, однако существует и много проблем. Чаще всего к уполномоченным обращаются за защитой жилищных, семейных прав ребенка и права на образование. Во всех регионах особую обеспокоенность уполномоченных вызывает детская смертность, особенно суициды и несчастные случаи. Так, например, в докладе Уполномоченного по правам ребенка в Астраханской области за 2017 г. отмечается рост жалоб населения на нарушения прав ребенка. Больше всего жалоб было подано на нарушение прав ребенка, связанных с взаимоотношениями с родителями — 72; правом на жилище — 59; правом на образование и доступ к культурным ценностям — 58; правом на социальное обеспечение — 44 и правом на охрану здоровья — 39⁴. Если обобщить жалобы, поданные Уполномоченному по правам ребенка в Саратовской области за 2017 г. в ходе личных приемов и почте (включая электронную), то чаще всего жалобы поступают на нарушение права на образование — 319, из них 92 сопряжены с конфликтными ситуациями в школе⁵. Далее по убыванию идут жалобы на нарушение семейных прав — 306; права на жилище — 260; права на охрану здоровья — 72; права на жизнь — 68; жестокое обращение с детьми — 18 и на преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних — 15⁶.

Схожие проблемы отмечались и в докладе Уполномоченного по правам ребенка в Рязанской области за 2017 г. Также преобладают жалобы на нарушение жилищных прав, ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. Всего за год к уполномоченному поступила 1831 жалоба [2]. Подобная ситуация сложилась и в Краснодарском крае. За 2017 г. к Уполномоченному по правам ребенка обратились 2 062 гражданина. В результате было урегулировано 53 конфликта, принято участие в 72 гражданских делах по защите прав несовершеннолетних⁷.

Большую озабоченность у уполномоченных вызывает детская смертность особенно в результате ДТП и применения физического насилия. За 2017 г. было

³ Кузнецова связала рост числа самоубийств на 60% с «группами смерти». URL: <https://ria.ru/society/20170320/1490383656.html> (дата обращения: 3.04.2018).

⁴ См.: Доклад Уполномоченного по правам ребенка Астраханской области. URL: http://ast-deti.ru/multimedia/files/12463/file_12463.pdf (дата обращения: 3.04.2018).

⁵ См.: Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области // Официальный сайт Правительства Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru/gov/auth/uppravreb> (дата обращения: 3.04.2018).

⁶ См.: Там же.

⁷ В кубанском парламенте заслушали Уполномоченного по правам ребенка // Официальный сайт Законодательного собрания Кубанского края. URL: <http://www.kubzsk.ru/index.php?news=59626> (дата обращения: 3.04.2018).

совершено 176 преступлений против жизни и здоровья несовершеннолетних, что на 19 меньше, чем в 2016 г. и на 39 меньше, чем в 2015 г. В то же время выросло количество преступлений против половой неприкосновенности — 97. Это на 24 случая больше, чем в 2016 г. и на 39 случаев больше, чем в 2015 г.⁸ Количество попыток суицида среди подростков выросло более чем в 2 раза — с 40 до 85, но снизилось количество гибелей несовершеннолетних в пожарах, водоемах и дорожно-транспортных происшествиях⁹. В Астраханской области за 2017 г. смертность детей до 17 лет снизилась на 7,5%, а младенческая смертность — на 10,8%¹⁰. При этом двое детей погибли вследствие суицида, двое — в дорожно-транспортных происшествиях (при этом всего пострадало 187), восемь несовершеннолетних утонули и пятеро погибли на пожаре¹¹. В то же время количество преступлений против несовершеннолетних, по сравнению с 2016 г., выросло на 148 случаев. Было совершено 48 преступлений против жизни и здоровья несовершеннолетних и 77 против их половой неприкосновенности¹².

Следует отметить, что при аппарате Уполномоченного по правам человека РФ есть Управление по правам ребенка, которое рассматривает жалобы на нарушение прав и свобод детей, по результатам которых принимает соответствующие меры. Следовательно, институты уполномоченных по правам ребенка дополняют деятельность, уже осуществляемую Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. В этом заключается положительный момент, ведь Уполномоченный по правам человека, помимо защиты прав детей, загружен проблемами других категорий населения. Соответственно, детский омбудсмен помогает более эффективно осуществлять деятельность, направленную на защиту и обеспечение прав, свобод и законных интересов детей.

Кроме того, Уполномоченный по правам ребенка в отличие от Уполномоченного по правам человека не может принимать дело к рассмотрению, основываясь только на заявлении пострадавшей стороны. Нередко дети не осознают того, что их права нарушаются, не знают, куда обратиться. Следовательно, уполномоченный по правам ребенка зачастую вынужден действовать без официального обращения, соответственно деятельность должна быть обеспечена качественно иными административными процедурами, чем деятельность Уполномоченного по правам человека [3, с. 113].

То же можно сказать и об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан. До введения в 2016 г. в Республике должности Уполномоченного по правам ребенка все вопросы защиты детства относились к ведению только Уполномоченного по правам человека. В настоящее время он продолжает свою деятельность в этой сфере, но специальный Уполномоченный способствует осуществлению более оперативного реагирования на соответствующие проблемы. В Указе о создании института Уполномоченного по правам ребенка говорится, что основными целями работы этого должностного лица являются обеспечение гарантий прав и законных интересов детей, а также восстановление их нару-

⁸ См.: Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области // Официальный сайт Правительства Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru/gov/auth/uppravreb> (дата обращения: 3.04.2018).

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Доклад Уполномоченного по правам ребенка Астраханской области. URL: http://ast-deti.ru/multimedia/files/12463/file_12463.pdf (дата обращения: 3.04.2018).

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Там же.

шенных прав и свобод во взаимодействии с государственными и общественными институтами¹³. В апреле 2016 г. Уполномоченный по правам ребенка и Министр образования и науки Республики Казахстан подписали меморандум о сотрудничестве как гарантию эффективного взаимодействия в области защиты прав несовершеннолетних¹⁴.

Офис Уполномоченного по правам ребенка начал работать в Астане с ноября 2016 г. Уполномоченный по правам ребенка организует проведение различных мероприятий, направленных на укрепление и развитие этого института, сотрудничает с законодательными органами с целью совершенствования законодательства, регулирующего защиту прав ребенка, вносит свои предложения по его развитию, анализирует обращения на нарушение прав несовершеннолетних и принимает меры по решению соответствующих проблем. Также Уполномоченный осуществляет контроль за соблюдением законодательства о правах ребенка органами государственной власти, иными государственными органами, местными исполнительными органами, организациями, должностными лицами, выезжает в регионы в связи с решением вопросов о соблюдении законодательства о правах ребенка органами государственной власти, общественными и другими организациями, проводит мониторинг СМИ, социальных сетей по вопросам, касающимся сферы детства и принимает действенные меры по решению данных проблем. В настоящее время Уполномоченный по правам ребенка занимается созданием базы детей-сирот¹⁵. При Уполномоченном работает Отдел по работе с обращениями граждан, в который могут обратиться как несовершеннолетние граждане, так и их родители, опекуны или законные представители. Основные проблемы, с которыми обращаются в отдел: личностные проблемы, непонимание в школе, насилие в семье, проблемы, касающиеся здоровья¹⁶, сотрудники центра стараются решить, не прибегая к помощи правоохранительных и судебных органов.

Несмотря на имеющиеся в каждой стране свои особенности института Уполномоченного по правам ребенка, можно выделить универсальные направления, которые заключаются в осуществлении уполномоченными правозащитной деятельности в отношении детей, содействию реализации и восстановлению нарушенных прав и свобод, а также законных интересов детей, пропаганде положений Конвенции о правах ребенка, развитии международного сотрудничества в указанных областях. Также сюда можно отнести совершенствование механизма обеспечения и защиты прав детей, расследование дел по их индивидуальным жалобам, внесение рекомендаций и предложений в государственные органы, в полномочия которых входит изменение законодательства в сфере защиты прав детей, осуществление правового просвещения детей и взрослых, привлечение средств массовой информации к освещению проблем защиты детства, представление ежегодных, квартальных докладов (отчетов) о состоянии в сфере соблюдения прав и законных интересов детей.

¹³ См.: Казахстанская правда. 2016. 12 февр.

¹⁴ См.: Уполномоченный по правам ребенка в Республике Казахстан и министр образования подписали Меморандум о сотрудничестве. URL: http://www.inform.kz/en/upolnomochennyj-po-pravam-rebenka-v-rk-i-ministr-obrazovaniya-i-nauki-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve_a2895386 (дата обращения: 4.04.2018).

¹⁵ Уполномоченный по правам ребенка в Республике Казахстан пообещала заняться вопросом создания базы данных сирот. URL: <http://www.zakon.kz/4785725-upolnomochennyj-po-pravam-rebenka-v-rk.html> (дата обращения: 4.04.2018).

¹⁶ Официальный сайт Уполномоченного по правам ребенка в Республике Казахстан. URL: <http://www.ombudsman.kz/about/structura.php> (дата обращения: 4.04.2018).

Хотя подводить итоги деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Республике Казахстан еще рано, нет такого объема статистики, как в Российской Федерации, можно с уверенностью сказать, что в Республике ведется активная работа по налаживанию деятельности этого института. В то же время следует отметить и ряд проблем, связанных с функционированием уполномоченных по правам ребенка. Ни в Российской Федерации, ни в Республике Казахстан нет законов, регулирующих деятельность уполномоченных. В обоих государствах эффективность деятельности этого института зависит от собственного авторитета лиц, занимающих эту должность. Поэтому, на наш взгляд, основной задачей на настоящий момент является разработка и принятие соответствующих законов. Само конституционно-правовое регулирование деятельности уполномоченных не является полным и достаточным без законов, в которых подробно урегулированы все вопросы их деятельности, тем более что в ряде субъектов РФ подобные законы есть и в данном случае отсутствие соответствующего закона, регулирующего деятельность такого должностного лица на федеральном уровне, можно расценивать как серьезный пробел в российском законодательстве.

На наш взгляд, данным законом следует закрепить понятие института Уполномоченного по правам ребенка, его цели и задачи, закрепить правовой статус детского омбудсмена, гарантии его деятельности, порядок назначения и освобождения от должности, принципы и формы взаимодействия с другими органами государственной власти и местного самоуправления, общественными организациями, а также уполномоченными по правам ребенка в субъектах федерации. В частности, необходимо установить, что должность Уполномоченного по правам ребенка является государственной и его деятельность не служит основанием для изменения компетенции иных государственных органов, обеспечивающих защиту прав несовершеннолетних.

Закрепляя права и полномочия детского омбудсмена в Российской Федерации, необходимо, на наш взгляд, дополнить имеющийся перечень в Указе Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» (в ред. от 31 января 2016 г.)¹⁶, включив в него права, которыми обладает Уполномоченный по правам человека. Например, согласно п. 2 ст. 23 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «по вопросам своей деятельности Уполномоченный пользуется правом безотлагательного приема руководителями и другими должностными лицами расположенных на территории Российской Федерации органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, руководителями общественных объединений, лицами начальствующего состава Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований, администрацией мест принудительного содержания». Представляется логичным закрепить данное право и за Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка, ведь сфера защиты прав детей специфична, и многие вопросы не терпят отлагательств и должны решаться оперативно. Без этого права такая возможность у детского омбудсмена отсутствует. В законодательстве Республики Казахстан подобной нормы также нет, а необходимость в этом тоже может возникнуть. Поэтому можно рекомендовать установить такую норму и в законодательстве этого государства.

¹⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 9, ст. 1011; Российская газета. 2016. 3 февр.

Особое место в законе следует уделить гарантиям деятельности уполномоченного по правам ребенка, которые должны способствовать эффективной реализации его функций. Среди таких гарантий можно особо выделить право получать от государственных органов, органов субъектов федерации, местного самоуправления и их должностных лиц разъяснения по обстоятельствам, которые подлежат выяснению уполномоченным в связи с проверкой, проводимой по обращениям граждан. Также гарантией является обязанность указанных органов предоставлять подобную информацию (срок ее предоставления следует установить в законе). На наш взгляд, оптимальным является срок 14 календарных дней.

Еще одной важной гарантией в этой сфере должна быть ответственность субъектов конституционного права за воспрепятствование деятельности уполномоченного по правам ребенка, которая в свою очередь может быть как административно-правовой, так и уголовно-правовой.

Ничего не говорится ни в российском, ни в казахском законодательстве и об ответственности детского омбудсмена (основания, меры). Поэтому можно предложить при составлении законов, которые будут регулировать правовой статус уполномоченного по правам ребенка, закрепить отдельные положения, касающиеся его ответственности.

Учитывая опыт деятельности уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации, можно рекомендовать при развитии данного института в Республике Казахстан законодательно закрепить вопросы, касающиеся его взаимодействия с органами государственной власти, указав конкретные права и обязанности субъектов, т.к. в противном случае эффективность деятельности уполномоченного будет зависеть только от его личного авторитета, что негативно скажется на развитии конституционно-правового регулирования защиты детства.

Рекомендация по развитию российского законодательства в сфере конституционно-правового регулирования деятельности уполномоченного по правам ребенка, на наш взгляд, являются актуальными и для развития соответствующего законодательства Республики Казахстан.

Библиографический список

1. *Африкантов К.П.* Основные проблемы организации взаимодействия власти и общества в сфере социальной защиты детей-сирот в современной России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 11. С. 345–348.
2. Уполномоченный по правам ребенка в Рязанской области Екатерина Мухина отчиталась о своей работе за год // Рязанские ведомости. 2018. 21 февр.
3. *Ефремова О.В.* Системные аспекты повышения эффективности деятельности института Уполномоченного по правам ребенка // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 112–120.

References

1. *Afrikantov K.P.* The Main Problems of Organization of Interaction of the Authorities and Society in the Sphere of Social Protection of Orphans in Modern Russia // Journal of "Actual problems of the humanities and natural sciences". 2010. No. 11. P. 345–348.
2. The Commissioner for Children's Rights in the Ryazan Region, Ekaterina Mukhina, reported on her work for the year // Ryazanskiye vedomosti. 2018. 21st of February.
3. *Efremova O.V.* System Aspects of Increasing the the Child // Srednerussky Vestnik Social Sciences. 2010. N 4. P. 112–120.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: НОРМЫ И ЦЕННОСТИ

УДК 340.12:340.130

И.Д. Невважай

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРАВОГЕНЕЗ

Введение: в данной статье рассматривается логика процесса правового нормогенеза в контексте развития коммуникации. **Цель:** доказать коммуникативную природу правовых норм. **Методологическая основа:** социологический подход к генезису права; деятельностная концепция образования социальных институтов; логика развития отношений равенства, предложенная К. Марксом в «Капитале». **Результаты:** обоснован тезис о коммуникативной природе правовых норм; показана важная роль отношений эквивалентного обмена услугами между социальными субъектами в процессе возникновения норм; с позиций предлагаемой автором семиотической концепции норм установлена связь процесса формирования правовых норм с понятием ущерба. **Выводы:** семиотическая концепция норм дает возможность показать фундаментальную связь между процессом коммуникации и возникновением правовых норм в рамках социологической концепции права; процесс рождения правовых норм имеет свою логику и закономерности развития, что важно для понимания объективной природы правовых норм.

Ключевые слова: отношения равенства, социальная коммуникация, нормативность, семиотическая концепция норм, правовой нормогенез.

I.D. Nevvazhay

COMMUNICATIVE LAW GENESIS

Background: in this article the process of legal genesis of norm is considered in the context of the communicative relations development. **Objective:** the author of the article intends to prove the communicative nature of legal norms within sociological approach to law. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were used: sociological approach to the genesis of legal norms; the concept of activity as a basis of comprehension of the nature of social institutes; logic of development of the relations of equality offered by K. Marx in his “Capital”. **Results:** the thesis about the communicative nature of legal norms is reasonable; the important role of the relations of the equivalent exchange by services between social subjects in process of norms emergence is shown; the connection process of legal norms with the notion of damage is founded basing on the author’s semiotics concept of norms. **Conclusions:** the author argues that the semiotic concept of norms gives us an opportunity to show the fundamental relationship between the communication process and emergence of legal norms within the framework of the sociological concept of law; the

© Невважай Игорь Дмитриевич, 2018

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: filosof@ssla.ru

© Nevvazhay Igor Dmitrievich, 2018

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy department (Saratov State Law Academy)

process of appearing legal norms has its own logic and regularities of development, which is important for understanding the objective nature of legal norms.

Key-words: *equality relations, social communication, normativity, semiotic concept of norms, legal genesis of norms.*

Распространенным является суждение о том, что право создает равенство, но не фактическое, а формальное. Право «делает» нас социально равными. В данной статье предпринята попытка показать возможность иного: содержательное равенство между людьми создает правило (право). Все дело в том, как понимать социальное равенство, правовую норму и процесс создания последней. Теоретическая демонстрация указанной возможности важна для обоснования процесса нормогенеза права.

Кроме того, хотелось бы отметить, что гражданские правоотношения могут генерироваться не только разумом законодателя, но и реальной жизнью людей, преследующих свои частные цели и интересы.

Нет такой сферы человеческой деятельности, где бы не использовалось понятие равенства. В логике равенство определяется как отношение взаимной заменимости объектов. Именно в силу их взаимной знаменитости они считаются равными. Такое понимание равенства восходит к Г. Лейбницу. Отношение равенства обладает свойствами рефлексивности (каждый объект равен самому себе $a=a$), симметричности (если $a = b$, то $b = a$) и транзитивности (если $a = b$, а $b = c$, то $a = c$).

С.А. Яновская считает, что отношение равенства служит способом абстрагирования свойства, по которому приравниваются объекты друг к другу [1, с. 34–75]. Это значит, что рассматриваемое свойство не является результатом отвлечения ото всех свойств объекта, кроме искомого. Мы устанавливаем отношение, в котором различные объекты тождественны друг другу по определенному свойству. Здесь первичным выступает установление отношения равенства, а выделение одинакового и равного свойства является результатом этого отношения. Первичность отношения равенства как способа практического абстрагирования означает, что практика установления отношения равенства служит основой процесса формирования понятия, выражающего соизмеримое свойство объектов. В рамках настоящей статьи это позволяет рассматривать правовое равенство в генезисе не как формальное, а как содержательное.

Логика развития отношения типа равенства от единичной формы к развернутой и далее ко всеобщей форме есть логика становления реальных материальных мер, эталонов, с помощью которых впоследствии оцениваются соответствующие свойства приравниваемых объектов.

Развитие отношений равенства продемонстрировано в марксовском анализе возникновения денег из процессов товарного обмена в т. 1 «Капитала». Единичная форма стоимости представлена совокупностью отдельных отношений равенства. Полная или развернутая форма стоимости выглядит так, что один товар выражает свою стоимость в ряде других эквивалентных товаров. Благодаря тому, что отношение обмена симметрично, может возникнуть всеобщая форма стоимости, когда стоимость всех товаров определяется количеством золота. Золото становится деньгами, т.е. всеобщим эквивалентом стоимости, представленной в

отношениях типа равенства. Во всеобщей форме стоимость различных товаров выражена в форме эквивалента — золота.

С.А. Яновской была сформулирована важная методологическая идея, согласно которой логика развития отношения типа равенства есть логика абстрагирования, которая совпадает с логикой формирования всеобщего эквивалента этих отношений. Хотелось бы отметить в этой связи, что правовая норма может быть понята как всеобщий эквивалент определенных отношений обмена между людьми. Тем самым будет показано, что нормогенез связан с развитием отношением равенства.

Всякая норма, как утверждает А.В. Поляков, коммуникативна, а всякая коммуникация нормативна [2]. Понимание права как коммуникации требует изменения определения нормы. Существует огромное количество видов правил. Есть правила в логике, в праве, в языке, в спорте. Наряду с правилами мы говорим о существовании различных норм. Порой нормы отождествляются с правилами, иногда нет. Нормы, регулирующие согласованные действия людей в процессе игры, называются обычно правилами. В работах ученых-юристов, придерживающихся позитивистской концепции права, правило совпадает с диспозицией нормы и не охватывает ее гипотезу и санкцию.

Мой подход к пониманию норм основан на рассмотрении семиотических отношений. Аналогичный подход представлен в работах К. Глюэр и Ф. Викфорс, посвященных лингвистической нормативности [3]. Они различают две формы нормативности: в одном значении определяет норму, правило, а в другом — нормы, правила первичны, а значение вторично. Но существует, на наш взгляд, третья форма нормативности, которая оказывается более общей и включающей в себя две, указанные выше.

Эталон имеет символическую функцию, благодаря которой мы связываем измеряемую величину с формой ее представления [4]. Допустим, что измеряемая величина — это стоимость товара. Исторически сложилось так, что его стоимость выражается в некотором количестве монет. Эталон — в данном случае это деньги — связывает символически стоимость товара и количество монет. Время измеряется числом движений (колебательных) в часах и поэтому всякий эталон связывает символически время и количество колебательных движений. Таким образом, эталон — это предмет, процесс, который своей репрезентативной формой (в вышеприведенных примерах это количество монет или число колебаний) символически выражает измеряемое свойство. Эталон, предметная норма — это фиксированное отношение между измеряемой реальностью и ее репрезентацией. Отсюда следует, что коммуникативная (или семантическая) концепция норм и понимание стандарта, всеобщей меры как результата развития отношений типа равенства между измеримыми объектами совпадают и потому нормогенез в области коммуникаций можно понимать как процесс развития обмена (отношений типа равенства) в сфере социальных отношений. Такой подход может быть использован для объяснения генезиса в т.ч. и правовых норм.

Общее определение нормы может выглядеть следующим образом. Норма есть установленный эталон, стандарт для оценки существующих и образца для создания новых объектов. Из этого следует, что норма отличается, с одной стороны, от воплощающего ее реального предмета, с другой — от фиксирующего ее нормативного высказывания, например, юридического закона, математического или грамматического правила. Как эталонный объект, так и нормативное вы-

сказывание, могут соответствовать норме, но не являться собственно нормой. Поэтому нормы следует отличать от нормативных предписаний, которые я предлагаю называть правилами. В то же время нормы не существуют как объективное содержание действительности. Таким образом, норма связана с отношением высказывания, правила и реальности. Норма есть определенная символическая связь между действительностью и ее репрезентативной формой, между обозначаемым и обозначающим, знаком и его предметным значением. Такое понимание нормы связано с коммуникативностью человеческого бытия [5; 6]. Продуктивная коммуникация возможна тогда и только тогда, когда субъекты коммуникации опираются на одни и те же нормы, т.е. используют одинаковые комплексы или связи знака и значения. Социальная жизнь людей выражается, прежде всего, в совместной деятельности и отношениях. Признавая уникальность каждого индивида, мы, тем не менее, считаем, что люди подобны друг другу по социальным функциям, ролям и отношениям, в которые они вступают. Обратим внимание на отношения, основанные на коммуникации, в которой происходит обмен действиями. Само понятие обмена предполагает некую эквивалентность действий. Еще Аристотель обратил внимание на то, что в социальных отношениях между людьми всегда существует определенная эквивалентность. Например, когда применяется одинаковое лечение при одинаковой болезни. Врач и пациент вступают в отношения эквивалентного обмена, основанные на общем правиле компенсации ущерба: лечение есть компенсация ущерба, нанесенного здоровью болезнью. Больной притязает на выздоровление, а врач признает это притязание, прибегая к лечению и компенсируя ущерб. При этом лечение оценивается (измеряется) выздоровлением, т.е. полной компенсацией ущерба, а болезнь — применяемым лечением.

В исследовании правовой жизни первобытных культур, проведенном Б. Малиновским [7], показано, что в основе возникновения правоотношений лежат процессы эквивалентного обмена услугами и функциями, в которых складывается сложная система взаимных обязательств. Б. Малиновский замечает, что каждое действие, как правило, санкционируется «принципом взаимности»: «В каждом действии мы находим социальный дуализм: две стороны, обменивающиеся услугами и функциями, каждая из которых следит за тем, чтобы другая сторона в надлежащей мере выполняла свои обязанности и действовала добросовестно» [7, с. 224]. Возникающие в сфере эквивалентных обменов правовые нормы регулируют объединяющие людей обязательства, и они отличаются от тех, которые покоятся только на силе обычая. В реализации обменов нет принуждения и насилия, поскольку в них каждый индивид реализует свои частные интересы. При этом каждый агент коммуникации осознает, что нарушение взаимных обязательств оборачивается против нарушителя тем, что он выталкивается из сферы выгодного социального обмена. «По представлениям туземцев, вся система опирается на очень сложный механизм, который можно описать словами „сколько взял — столько дал“, и что в долговременной перспективе взаимные услуги уравниваются» [7, с. 231]. Требования закона отличаются от остальных правил тем, что они воспринимаются как обязанности одних и правомерные притязания других людей. Очень важно, что эти притязания санкционированы не только психологическими мотивами, но и определенным социальным механизмом. Взаимная зависимость людей, выражаемая в воспроизводимой сети двусторонних услуг, а также в сочетании выдвигаемых участниками всей сово-

купности трансляций требований становится существенной объединительной социальной силой.

Другой образцовый пример эквивалентного обмена в социальных отношениях — древний закон талиона, который гласит: мера наказания должна восполнять вред, причиненный преступлением.

Вся социальная жизнь пронизана сетью эквивалентных обменов. И эквивалентность есть условие стабильности социальных связей. Мы разделяем общую идею Б. Малиновского, согласно которой люди без принуждения вступают в отношения обмена, поскольку они уверены в том, что затраты или понесенный ущерб в конечном счете будут тем или иным способом возмещены. Трудовые затраты компенсируются выдачей зарплаты, на которую можно приобрести те или иные блага. Если кто-то преподносит дар другому, то признание этого дара находит выражение в форме благодарности за дар. Если человек что-то говорит другому, притязая на свое право что-то сообщать другим или командовать другими, а другие, если слушают и понимают, подчиняются этому человеку, то тем самым признаются соответствующие притязания. Книги писателя читаются, знания учителя усваиваются, приготовленная еда съедается и т.д. Вся социальная жизнь как взаимодействие индивидов держится на совокупности отношений равного обмена между притязанием и признанием. Конкретизация этого общего закона взаимности («принципа взаимности») выглядит как ряд различных эквивалентных социальных обменов, таких как ущерб — возмещение, преступление — наказание, говорение — понимание, болезнь — лечение, обещание — ожидание и т.д.

Еще раз подчеркнем, что коммуникация между индивидами возможна только в соответствии с принципом равенства, или эквивалентности, иначе коммуникации нет, она разрушается. На основании вышеприведенных примеров можно заключить, что разрушение коммуникации означает, что больных не вылечивают, преступников не наказывают, говорящего не слышат, у учителя не учатся. То есть без эквивалентных обменов притязаний и признаний не существует общей социальной жизни, в которой каждый имеет право быть субъектом притязаний.

Таким образом, социальное равенство состоит в возможности каждого члена общества обменивать свои услуги и функции на другие. При этом важными свойствами эквивалентных обменов, как уже отмечалось, является рефлексивность, симметричность и транзитивность. Рефлексивность ($a=a$) означает, что обмениваемые услуги и функции являются социально значимыми, на них существует социальная потребность. Симметричность (если $a = b$, то $b = a$) социальных отношений обмена означает, что субъектами потребностей, интересов и действий выступают оба агента коммуникации. Наконец транзитивность отношений равенства (если $a = b$, $a = c$, то $b = c$) означает опосредованность обмена (обмен между «а» и «с» опосредован обменом с «b»). Как было сформулировано выше, в эквивалентном обмене формируется всеобщий эквивалент, который выделяется из числа обычных «сравниваемых» и обмениваемых объектов. В социальных обменах такими объектами являются не только вещи, но и действия. Определенное действие как форма репрезентации становится символическим выражением, мерой обмениваемых действий. Действием, которое могло бы быть всеобщим эквивалентом множества других действий, является речь (устная или письменная). Подобно тому, как деньги стали всеобщим эквивалентом стоимости товаров.

Речь, речевое действие есть своего рода «деньги», на которые могут обмениваться любые человеческие действия.

Данный подход может быть применен к осмыслению генезиса правовых норм как процесса развития отношений равенства в социальной коммуникации, в социальном обмене притязаний и признаний.

С точки зрения А.В. Полякова, правовая коммуникация представляет собой процесс взаимодействия, осуществляемый индивидами на основе правовых текстов, получающих интерпретацию, институционализацию, социальную легитимацию [8]. Это означает, что коммуникация всегда связывает носителей субъективных прав и правовых обязанностей с правовыми нормами, вытекающими из правовых текстов. Только субъекты, взаимодействующие на основе признанных прав и обязанностей, вытекающих из общезначимых и общеобязательных текстов, находятся в состоянии правовой коммуникации, «создают» право. Таким образом, права и обязанности онтологически ближе к феномену права, чем тексты законов или других правовых актов. Поддерживая изложенную позицию в целом, я, в отличие от А.В. Полякова, не стал бы связывать генезис правовых норм с наличием правовых текстов. Правовые тексты могут быть как первичными, так и вторичными по отношению к правовым нормам.

Возникновение правовых норм связано с некоторыми особенностями социального обмена. Для этого обратимся к ситуациям, когда понятие права обретает смысл. Часто понятие права используется некорректно. Люди путают наличие у них желаний, интересов с обладанием права. Если человек хочет есть, это не означает, что у него есть право на то, чтобы есть. Если человек имеет мужской пол, то имеет ли он право быть мужчиной? Наконец, имеет ли человек право на глупость? Если человек, сказавший это, действительно глуп, то что означает его декларация о праве на глупость? Можно ли заявлять о своем праве быть тем, кем фактически являешься? Разумеется, нет. Бессмертный не имеет права на жизнь. Таким образом, о праве можно говорить лишь тогда, когда существует притязание на состояние, которым ты не обладаешь, или которым обладаешь, но можешь утратить по вине другого.

О праве на что-то можно говорить только тогда, когда существует свобода, а значит возможность кем-то быть или не быть. «Быть или не быть» — это и есть, на мой взгляд, ключевая ситуация, в которой возникает право как артикуляция притязания на то, что требует признания со стороны других. Единство притязания со стороны одних и признания со стороны других индивидов — суть коммуникативного подхода к пониманию права. Матрица, которая порождает право, состоит в притязании индивида (индивидов) и признания другими индивидами этого притязания [9]. Эта матрица определена отношением равного обмена притязания на признание и наоборот.

Итак, о праве имеет смысл говорить тогда, когда возможно нанесение ущерба наличному состоянию субъекта жизнедеятельности, т.е. ущерба праву субъекта. Признание необходимости возмещения ущерба и рождает правовую норму. Наличие возмещения свидетельствует, во-первых, о признании притязания субъекта (права), а, во-вторых, о том, что здесь имеет место социальный обмен. Эквивалентный обмен порождает норму. Как уже отмечалось, на роль всеобщего эквивалента лучше всего подходит «говорение» как действие. Это действие всегда может быть фиксировано, оно безразлично к особым формам обмениваемых действий. Его лучше всего фиксировать в виде письменного текста, хотя иногда

бывает достаточно устного обещания. Отсюда понятная приверженность юридического законодательства к письменной форме, но такая приверженность имеет свои минусы. Одним из них является то, что можно было бы назвать «правовым фетишизмом», который на языке правоповедения называется нормативизмом. Правовой фетишизм состоит в абсолютизации сформулированного на письменном языке правила как первичной и главной формой бытия правовой нормы. Если правовая норма отождествляется с писанным правилом, то это и есть фетишизм. Это все равно, что в экономической жизни исходить из того, что деньги сами по себе являются богатством, виртуально содержащим в себе многообразие реальных товаров и их стоимость. Юристы часто думают, что, написав некий текст и назвав его законом, они получают правовую норму. Это распространенное заблуждение, игнорирующее то обстоятельство, что реальные «работающие» нормы (то, что классики юриспруденции называли «живым правом») осуществляются в сфере социального обмена прав-притязаний и обязанностей-признаний. Когда правовая норма не предполагает указанного эквивалентного обмена, она воспринимается как насилие и разрушает органическое единство социума.

Библиографический список

1. Яновская С.А. О так называемых «определениях через абстракцию» // Яновская С.А. Методологические проблемы науки. М.: Наука, 1972. С. 34–75.
2. Поляков А.В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45.
3. Glüer K., Wikforss Å. Against Content Normativity // Mind. 2009. N 118. P. 31–70.
4. Невважай И.Д. Свобода и знание. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 1995. 204 с.
5. Nevvazhay I.D. Semantic Concept of Norm and the Rule-Following Problem // Следование правилу: рассуждение, разум, рациональность / отв. ред. Е.Г. Драгалина-Черная, В.В. Долгоруков. СПб.: Алетейя, 2014. С. 302–313.
6. Невважай И.Д. Что такое теория права с точки зрения философа, размышляющего о гуманитарном знании в контексте коммуникативной рациональности? // Правоведение. Известия высших учебных заведений. 2014. № 5. С. 81–93.
7. Малиновский Б. Преступление и обычай в обществе дикарей // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 211–281.
8. Поляков А.В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб.: Проспект, 2003. 845 с.
9. Невважай И.Д. Право на право как матрица европейской традиции права // Правоведение. Известия высших учебных заведений. 2013. № 3. С. 257–262.

References

1. Yanovskaya S.A. On the So-called “Definitions Through Abstraction” // Yanovskaya, S.A. Methodological problems of science. M.: Nauka, 1972. p. 34–75.
2. Polyakov A.V. Normativity of Legal Communication // Pravovedenie. 2011. № 5. P. 27–45.
3. Glüer K., Wikforss Å. Against Content Normativity // Mind. 2009. N 118. P. 31–70.
4. Nevvazhay I.D. Freedom and Knowledge. Saratov: Publishing house of Saratov State Law Academy, 1995. 204 p.
5. Nevvazhay I.D. Semantic Concept of Norm and the Rule-Following Problem // Following the Rule: Reasoning, Reason, Rationality. Ed. by E.G. Dragalina-Chernaya, V.V. Dolgorukov. St. Petersburg: Aleteia, 2014. P. 302–313.

6. *Nevvazhay I.D.* What Is the Theory of Law from the Point of View of a Philosopher Meditating on Humanitarian Knowledge in the Context of Communicative Rationality? // *Pravovedenie. News of higher educational institutions.* 2014. № 5. P. 81–93.
7. *Malinovsky B.* Crime and Custom in the Society of Savages // *Malinovsky B. Favorites: The dynamics of culture.* Moscow: ROSSPEN, 2004. P. 211–281.
8. *Polyakov A.V.* General Theory of Law. Phenomenological and communicative approach. Lecture course. 2nd ed., Ext. SPb.: Publishing house “Prospect”, 2003. 845 p.
9. *Nevvazhay I.D.* The Right to Law as a Matrix of the European Tradition of Law // *Pravovedenie. News of higher educational institutions.* 2013. No. 3. P. 257–262.

УДК 130.2

О.В. Костина

ПЕРСПЕКТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦЕННОСТИ

Введение: утрата культурой собственных ценностных оснований влечет за собой потерю онтологического места человека в культуре, его неукорененность в бытии, отчуждение, что является источником хаоса и нигилизма, примата силы над правдой. **Цель:** рефлексия наиболее важных условий возникновения и существования ценностей в культуре как пространства будущего, где масштаб задается не ближайшей пользой, наличной ситуацией, а целостностью существования человека в культуре. **Методологическая основа:** генетический, историко-феноменологический методы. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно изначального основания бытия ценностей как пространства отдаленных целей, способов видения и понимания целого культуры. **Выводы:** перспективно-ценностное измерение необходимо, оно показывает горизонты как условие понимания человеческого бытия в сквозном единстве времен.

Ключевые слова: ценность, перспектива, телеология, возможность, будущее.

O.V. Kostina

PERSPECTIVE MEASUREMENT OF VALUE

Background: the loss of the culture of its own value bases entails the loss of the ontological place of man in culture, which is the source of chaos and nihilism, the primacy of power over truth. **Objective:** working out the most important conditions for the emergence and existence of values in culture as a space of not the closest things, through which the orientation of man in culture is possible, the true dimension of the event. **Methodology:** genetic, historical and phenomenological methods. **Results:** the author's position on the original basis of the existence of values as a space of distant goals, ways of seeing and understanding the whole culture is argued. **Conclusions:** such an extension is necessary, contextually, it creates a perspective, a horizon, an opportunity for understanding the object in a seamless unity of times.

Key-words: value, perspective, teleology, possibility, future.

Культурные ценности появляются тогда, когда они исчезают. Это парадоксальное утверждение свидетельствует о том, что рефлексия над ценностными установками культуры начинается в *кризисные* моменты ее развития. Не случайно, формирование аксиологии как специализированного ценностного пространства культуры приходится на начало XX в., когда система ценностей перестала быть действенной, очевидной и императивной, а следовательно, человек вместе с этим утратил основные точки отчета своего существования. Ницше, который поставил вопрос об утрате предельных канонических оснований человеческого существования, был автором работ, которые рисовали мир без высших ценностей и Абсолюта. Философия конца XIX – начала XX в. под влиянием этих идей становится философией ценности и феноменологией ценности [1, с. 96]. Подобное отрицание и есть проблематизация бытия ценностей, некая зона неопределенности, которая показывает, что ценности, исчезая, возвращаются уже в сферу рефлексии над современностью. Приведем свидетельство С.Л. Франка, который размышляет в свете идей Ницше о ценностных основаниях культуры. Он полагает, что «близорукость» интеллигентного сознания заключается в том, что оно не опирается на объективные ценности культуры. Если объектом стремления становится благо относительное, тогда этика становится самодовлеющей силой, противопоставляя себя другим ценностям религиозного, эстетического и другого плана. В пространстве такой утилитарной веры, где не идеал, а служение ему становится самообоснованием, культура перестает быть высшей и самодовлеющей силой, а лишь — узурпированным благом, средством для решения конкретных задач, относительным предприятием, не знающим «цветущей сложности бытия», выражаясь языком К. Леонтьева. Здесь и разгорается разрушительный пожар нигилизма, который оборачивается нигилистическим морализмом, суть которого — в отрицании объективных ценностей культуры, а в конечном итоге и культуры как таковой. Франк справедливо полагает, что недостаточный интерес к моральным и метафизическим проблемам, когда общество сосредотачивается исключительно на технических вопросах и средствах, является источником идейного хаоса и сумятицы [2, с. 196].

Непризнание абсолютных ценностей, причем, следует указать, что они не привносятся откуда-то извне, а формируются в содержательном поле многообразия культуры, ведет к культу пользы, моральной непоследовательности и беспринципности, обосновывает примат силы над правом. Таким образом, в период хаоса и брожения источником позитивного, поступательного развития культуры служит опора на те ценности, которые не являются техническими, ближайшими, но «протягивают руку» через разные периоды культурной истории, чтобы восторжествовать в собственной ясной позиции созидания, а не разрушения. Полагаем, что многоуровневая рефлексия над этими процессами в культуре может быть продуктивной в свете современного распространенного вытеснения ценности в сферу прикладных интересов. Такое «опрощение», «закорачивает» традицию, предлагает удобные конфигурации для синтеза, помещает человека в пространство внешней эффективности и успешности. Однако тогда отсутствует та высокая «нужность» идеи как будущего, горизонта, отдаленной цели, которая не «вычерпывается» сиюминутными задачами и решениями.

В современной культуре как раз утрачивается это качество продумывания отдаленного будущего, когда человек ориентируется только в наличной ситуации, полагая, что она даст исчерпывающий обзор видения мира. В этом смысле

любопытными представляются размышления В. Беньямина. Он ведет речь об ослаблении подлинности под натиском техники, которая, бесконечно тиражируя произведение, лишает тем самым его подлинности, традиции, ауры. Техника вырывает творение из привычной среды, задавая неестественные контексты видения и понимания. Так, Беньямин пишет об ауре природных объектов, которые сохраняют свою даль, как бы близок не был предмет. «Скользнуть взглядом во время летнего послеполуденного опыта по линии горной гряды на горизонте или ветви, под сенью которой проходит отдых, — это значит вдыхать ауру этих гор, этой ветви» [3, с. 128]. Современная же техника создает неестественные контексты осмысления художественного произведения, перемещая, например, собор в кабинет ценителя искусства. Одним из следствий этого сдвига является утрата современным человеком чувство дали. Приближая вещи, окружая себя вместо подлинников копиями, культура разрушает ауру художественного произведения. Автор иллюстрирует эту ситуацию различием установок хирурга и знахаря. Первый, сокращает дистанцию между собой и больным, вторгаясь в тело пациента. Знахарь же сохраняет естественную дистанцию между собой и реальностью, действует осторожно и контактно. Первая работа — это работа оператора, который не видит целого, поэтому необходима сборка этих фрагментов по другим законам. Вторая — работа художника, который исходит из целостности, дали, органики [3, с. 142]. Таким образом, современный человек в массовой культуре лишен традиционной составляющей искусства и жизни — дали. Все стало слишком близким, назойливым, следовательно, несобранным и рассеянным. Видя ближайшее, обуреваемый любопытством человек перестает понимать этот мир, забывает себя в нем.

О сходном феномене любопытства писал Хайдеггер, справедливо замечая, что такое присутствие ищет даль, чтобы приблизить ее в том, как она выглядит, избавляясь от себя при повседневном и подручном бытии. Действительно, человек любопытный много знает и способен узнать еще больше, но его интерес не простирается дальше сведений, любопытство ближайшего ведет к забыванию через беспокойство и возбуждение при постоянной смене новых впечатлений [4, с. 172.]. Таким образом, современность утрачивает чувство дали, перспективу видения предмета, затмевая его ближайшим, повседневным, подрезая его под свои задачи. Это характерно для всех сфер жизни человека от техники жизни до искусства политики.

Перспективизм как фокус рассмотрения ценностей является исходным в философии Ф. Ницше. Каждому существу принадлежит та или иная перспектива — точка вопрошания, когда мы можем спросить «зачем?». Мир ценностей — это не сущее само по себе, которое само по себе бесценно, а мир, выстроенный сообразно человеческим целям, мир культуры, смысла, значимостей. Прочитывая Ницше через Хайдеггера, можно говорить о ценностях как об обусловленных условиях. Мир вещей самих по себе лежит вне ценностных измерений, он бесценен, но мир культуры есть мир соотносительный, где бытие есть условие нашего видения его. Таким образом, отсылая себя к явлению, к тому или иному фрагменту действительности, мы одновременно обращены к условиям его производства (явление в кантовском смысле этого слова). Эти условия производства служат ценностными основаниями бытия: чтобы добро появилось, необходимы условия его видения и производства. *Способ видения вещи и есть его перспектива, траектория смотрения или обзора.* При этом важно понимать, что ценности,

несмотря на странный онтологический статус их присутствия (отношение), не являются просто амальгамой, тонким напылением на теле культуры.

Смена перспективы ведет к тектоническим сдвигам бытия, тогда происходит трансформация фундаментальных представлений о действительности, такова природа ценностных кризисов в культуре. Таким образом, изменение ценностного поля есть не просто выдвигание одних ценностей вместо других, но всегда изменение самого существа полагающего центра перспективы, угла зрения, целевого пространства культуры. Эта оптика, в свою очередь, задает горизонт интерпретации события. Мир становится обесцененным, когда верховные ценности ставятся под вопрос. Поэтому условие осмысленности бытия — ценность, посредством которой возможна ориентировка в культуре, на краях порядков. Перспективизм по Ницше — символическое средство, «с помощью которого всякий центр силы — не только человек — конструирует из себя весь остальной мир, то есть меряет его своей силой, осязает, формирует...» [5, с. 637]. Таким образом, ценности, это особые условия, которые даны вместе со своим действующим основанием. Фактически здесь может идти речь о телеологии как о форме полагания живого, которое не исчерпывается отдельными фрагментами бытия, рассудочными схемами и даруется только общей символической архитектурой разума. Невозможно все посчитать и просчитать, поскольку нити и сплетения человеческого существования уходят в бесконечную даль. Можно лишь *ориентироваться* на идеи, на перспективные центры строения мира. Здесь мы можем обратиться к загадочной фразе Витгенштейна, который писал, что смысл мира должен находиться вне этого мира: «В мире все есть, как оно есть, и все происходит, как оно происходит; в нем нет ценности — а если бы она и была, то не имела бы ценности [6, с. 71]. Это можно понять в русле напряженного поиска и таких мыслителей, как Ницше и Кант, которые, как справедливо отмечает Л. Ю. Пионткевич, пытаются завладеть горизонтом, на котором разыгрывается драма человеческого существования, которая есть не что иное, как прорыв к в принципе непостижимому абсолютизму действительности [7, с. 28]. То есть, чтобы мир стал неслучайным, он должен собрать себя каким-то другим, не вещным, не количественным способом. Ценность не является вещью, ее онтологический статус — значимость, отношение, регулятивность, перспективное видение предмета.

Следует отметить, что перспективность Ницше — это не мир одной идеи, а вписанность в его живое разнообразие. Становление требует не фактов и их соответствия внешним вещам, а *множества перспектив* как степеней глубины жизни, в которых рождается понимание предмета как множество точек зрения, размерных в бесконечной глубине отдаления или близости. Наши противоречия могут быть гармонизированы на уровне целого, сохраняя индивида, общество, культуру. Важным моментом здесь является прием *масштабирования* действительности, то есть применения тех оценок, которые не искажают формат восприятия целого, а раскрывают его возможности, условия произрастания, масштаб, при помощи которого и могут быть осмыслены объекты.

Собственно подобный трансцендирующий характер человеческого бытия в культуре осмыслялся и на уровне мифологии. Наличие подобной сверхчеловеческой перспективы (Августин) делает возможным раскрытие подлинной глубины вещи. Отсюда — необходимость «высокого места», взгляд с которого гарантирует стереоскопичность видения, этот взгляд зорок, а не подозрителен, он

охватывает не только нижнюю кромку вещей, а всю жизнь в полноте ее смысла. Высокое место — это предельное место, которое является источником ориентаций в культуре. Ориентация на такие ценностные пространства предполагает самопревосхождение, возрастание, истинность. Движение «вверх» маркировано положительно уже на самых ранних этапах развития культуры в разных мифологических традициях. Вертикальная позиция связана в архаической культуре с высшим проявлением сакральности. Показывая культурно-историческую изнанку слов английского языка, М.М. Маковский отмечает, что вертикальное положение в пространстве символизировало, в отличие от горизонтального, все божественное: например, *stand* «стоять» восходит к и.-е. *stha-* и может быть сопоставлено с такими значениями, как др.-англ. *Stan* “камень, гора”, осет. *Dis* «чудо», др.-нем. *Zetten* “выпрямлять, приводить в порядок”; *understand* означает буквально “стоять под небом, Богом”. Само определение человека (*άνθρωπος*) типологически соотносится в первой части слова с др.-инд. *adri* «устремленная вверх гора», а вторая — с корнем, представленным в нем. *Em-por* «вверх». Человек в этом смысле выстраивается снизу-вверх, переступая пределы, преодолевая себя (настоящий, истинный, следовательно, находящийся в вертикальном положении, тянущийся к небу; сравните: лат. *sublestus* “слабый, тривиальный, не имеющий значения”, буквально, “не поднявшийся по лестнице до Бога, не пообщавшийся с Божеством”) [8, с. 254].

Такую сверхчеловеческую перспективу дают и духовные практики, открывающие новую, надмирную точку зрения, сообщающие связь разрозненным впечатлениям души. Космическая точка зрения, полагает П. Адо, ставит мудреца в универсальную перспективу, показывая связь со всем в измерении космического сознания. Обычный человек рассматривает мир как средство для достижения своих целей, это для него всегда что-то частичное, пригодное, подручное, чему он не может отдалиться до конца. Мудрец же ощущает свою принадлежность ко всему, что превышает собственное, индивидуальное. Смысл подъема философского «схоле» в этом присутствии и сосредоточенности без оглядки на выгоду. П. Адо характеризует это как осознание места индивидуального существования в «перспективе Всего» [9, с. 280].

Онтологические соответствия этому — в своеобразии временных ожиданий, которые неопределенны, открыты и уходят в бесконечность. Однако опорой здесь становится не настоящее, не прошлое, а, скорее, будущее как экзистенциальный проект в сквозном единстве времен. Не случайно, что Гуссерль приводит пример с пророческим сознанием, которое может все видеть, но даже самый детальный план будущего будет содержать в себе что-то незначащее, может быть иным, показывая принципиальную открытость ожидания, его несоответствие представленному образу. Когда Гуссерль ведет речь о конституировании нетемпоральных трансценденций, он пишет о том, что ценность не имеет временной позиции. «Временной объект может быть красивым, приятным, полезным и т.д., и это может быть в определенное время. Но красота, привлекательность и т.д. не имеют никакой позиции в природе и во времени» [10, с. 104]. Они не есть нечто являющееся в актах представления настоящего или в воспроизведениях. Точка стяжения и расширения временного потока у Гуссерля исходит из Теперь, ретенция (удерживание) служит основой конституирования временного потока. Протенции являются двойником ретенции, они выступают как «пустые

интенции окрестностей», создавая, однако, также равные условия для конституирования объекта.

Подобное расширение необходимо, контекстуально, оно создает перспективу, горизонт, возможность для понимания объекта в сквозном единстве времен. Однако если рассматривать бытие не из настоящего или прошлого, а как экзистенциальную возможность, которая является не данностью, а заданностью, т.е. ценностью или перспективой, то следует иметь в виду будущее, а не настоящее как исходную точку для последующей рефлексии. Здесь, конечно, идет речь о возможностях в историческом смысле как историческое «умение-быть-в-мире». Тогда не прошлое, а будущее становится способом устройства прошлого и настоящего [11, с. 144]. М. Хайдеггер, характеризуя целостность бытия *Dasein*, опирается на будущее как бытие-к-смерти. «Все начинается с будущего!» — пишет он [12, с. 233]. Так, важность открытия Галилея по Хайдеггеру можно понять лишь из будущей угрозы создания атомной бомбы. Будущее есть предстоящее, в котором бытие приходит к собственной возможности быть, становясь из личного бытия трансцендирующим, проективным, перспективным в онтологическом смысле как «вперед себя жизнь». Тогда осуществляемая из будущего экзистенциальность дает возможность человеку превзойти и осуществить себя. *Смысл нас как смертных существ и состоит в этой устремленности к тому, что мы еще не есть, в движении к этому горизонту.* «Смысл его собственного бытия состоит как раз в том, чтобы всегда иметь впереди себя такое, что оно еще не есть, что еще отсутствует» [13, с. 324]. Отсюда, собственно, все смыслы трансцендентного, которые позволяют выстроить архитектуру человеческого бытия, ориентируясь не на данное, а на заданное, на символические пространства культуры, на идеи, идеалы, ценности. *Главным здесь является онтологическая возможность, ориентация не на близкое, полезное, а на отдаленное будущее.*

Начало подобных представлений можно усмотреть уже в ориентациях первобытности, когда возникают первые ценностные установки. Связаны они с нарастанием опосредованных форм культуры. Пришедший на смену охоте, земледельческий труд, создавал особые условия для их продуцирования. Культура преодолевает собственную однородность, возникают концентрированные формы расселения людей, производственно-имущественные отношения. Более конструктивная и специализированная культура опирается уже не на технику охоты как ударно-дистанционную, рассчитанную на непосредственный результат, а на практику созидательно-конструктивного действия, связанного с обработкой земли и разнообразных природных материалов. Здесь важно подчеркнуть, что это уже сознание земледельца, рассчитанное на работу с отдаленными целями в противоположность импульсивному сознанию охотника, который ориентирован на решение конкретных задач [14, с. 109]. Сознание земледельца освобождается от непосредственной вплетенности в последовательность предметов и действий, становятся возможными создание систем обобщенных знаков, которые уже подчиняются собственной логике. Если в первобытности культура ориентировалась на ближайшее будущее, то цивилизация предполагает выбор отдаленных жизненных перспектив. В первобытности люди жили ради пользы, в условиях цивилизации — ради ценностей [15, с. 400]. Ориентация на пользу обеспечивает устойчивость культуры, но за счет минимального разнообразия и практически отсутствия личностного самосознания. Противоположная ориентация на ценности задает предельное многообразие культуры и свободу личностного самоо-

пределения за счет неустойчивости социальных форм [16, с. 790]. В конечном итоге В.И. Плотников, позиция которого нам близка, справедливо полагает, что аксиологическое отношение обретает один глубокий смысл — отношения к будущему, под углом зрения которого должны быть переосмыслены все основные смысложизненные установки культуры и человека [15, с. 382].

Завершая абрис ценностей как перспективного строения человеческого бытия, укажем на философию поступка М. Бахтина, в котором акт поступания предстает как точка стяжения всех возможных модальностей человеческого бытия. Здесь представляется важным подчеркнуть открытость, а не предопределенность наличными структурами, непросчитываемая бесконечность следствий поступания, *событийное единство бытия и ценности*. Перспектива выстраивается в оптике участного понимания, ответственного включения и приобщения к целому, которые задаются из индивидуального бытия. Я, единственный, причастен бытию событию, акт моего поступания создает неповторимый мир культуры, в котором перспектива есть ценностное измерение моей жизни, где архитектоника (целое) бытия, размерна событию. Она является перенапряженной структурой, поскольку перерастает все функциональные связи и цепочки, туда возможен скачок в духе кьеркегоровского жеста навстречу самому себе. Без человеческого измерения ценностей все лишается смысла, превращается в абстрактные моменты бытия. Такое долженствование есть ориентация в бытии-событии [17, с. 68].

Таким образом, перспективное измерение ценностей служит необходимым условиям описания архитектоники ценностного бытия человека, которое не может быть искусственно «закорочено», сужено рамками ближайшего (технические задачи, функциональные рамки, наличные обстоятельства). Это бытие не является данностью, но простирается в онтологическом статусе возможности как круговая перспектива «всего». Подобные контексты плодотворны для описания современных проблем гуманитаристики, в том числе и философии права.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 446 с.
2. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск: УРГУ, 1991. 236 с.
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000. 376 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451с.
5. Ницше Ф. Воля к власти. М.: Московское книгоиздательство, 1910. 362 с.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 520 с.
7. Пионткевич Л.Ю. Мир как противостояние соблазну: Ф. Ницше и И. Кант о войне // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: специальный выпуск, посвященный IV Международной научно-практической конференции «Проблемы войны и мира, этика и многообразие культурных миров: Кант, неокантианство и современные вызовы», 25 апреля 2017 г., г. Саратов / под общ. ред. Л.И. Тетюева. М.: Перо, 2017. 98 с.
8. Маковский М.М. Язык — Миф — Культура. Символы жизни и жизнь символов. М.: Институт русского языка, 1996. 329 с.
9. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. Челябинск: Социум, 2010. 288 с.

10. Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. 162 с.
11. Молчанов В. Исследования по феноменологии сознания. М.: Территория будущего, 2007. 450 с.
12. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.
13. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
14. Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурно-типологическое исследование. Л.: ЛГУ, 1984. 304 с.
15. Плотников В.И. Ценностный мир человека и его судьба // Двадцать лекций по философии. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. 408 с.
16. Плотников В.И. Ценность // Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2004. 863 с.
17. Бахтин М. К философии поступка. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х г. М.: Русские словари, 2003. 956 с.

References

1. Heidegger M. European Nihilism // Heidegger M. Time and Being. Articles and speeches. М.: "Respublika", 1993. 446 p.
2. Frank S.L. Ethics of nihilism. // Milestones. Sat. Art. about the Russian intelligentsia. Sverdlovsk: URGU, 1991. 236 p.
3. Benjamin V. The work of art in the era of its technical reproducibility. // Benjamin V. Illuminations. М.: Martis, 2000. 376 p.
4. Heidegger M. Being and time. М.: "Ad Marginem", 1997. 451 p.
5. Nietzsche F. The will to power. Moscow: "Moscow Book Publishing", 1910. 362 p.
6. Wittgenstein L. Logico-philosophical treatise // Wittgenstein L. Philosophical works. Part 1. М.: "Gnosis", 1994. 520 p.
7. Piontkovich L.Yu. The world as a confrontation to the temptation: F. Nietzsche and I. Kant about the war // Actual problems of the humanities and socio-economic sciences: a special issue dedicated to the IV International. Scientific-practical conference. "Problems of War and Peace, Ethics and the Diversity of Cultural Worlds: Kant, Neo-Kantianism and Contemporary Challenges", April 25, 2017, Saratov / under general. Ed. Dr. philos.nauk, prof. L.I. Tetyueva. М.: Perot, 2017. 98 p.
8. Makovsky M.M. Language-Myth-Culture. Symbols of life and the life of symbols. Moscow: "The Institute of the Russian Language", 1996. 329 p.
9. Ado P. Spiritual exercises and ancient philosophy. Chelyabinsk: "Socium", 2010. 288 p.
10. Husserl E. Sобр. Op. Т. 1: Phenomenology of the inner consciousness of time. М.: "Gnosis", 1994. 162 p.
11. Molchanov V. Studies on the phenomenology of consciousness. М.: Territory of the future, 2007. 450 p.
12. Heidegger M. The Tsollikon Seminars. Vilnius: YSU, 2012. 406 p.
13. Heidegger M. Prolegomena to the history of the concept of time. Tomsk: Aquarius, 1998. 384 p.
14. Art culture in precapitalist formations. Structural and typological study. Leningrad, Leningrad State University, 1984. 304 p.
15. Plotnikov V.I. The value world of man and his fate // Twenty lectures on philosophy. Ekaterinburg: "The Bank of Cultural Information", 2002. 408 p.
16. Plotnikov V.I. Value // Modern philosophical dictionary. М.: "Academic Project", 2004. 863 p.
17. Bakhtin M. To the philosophy of action. Coll. op. T.1. Philosophical aesthetics of the 1920s. Moscow: "Russian Dictionaries", 2003. 956 p.

УДК 17.031

Л.Ю. Пионткевич

ПРОБЛЕМА МОРАЛИ В ИЗМЕРЕНИИ САКРАЛЬНОГО

Введение: существуют вполне обоснованные опасения в отношении того, что в современном мире мораль теряет свои позиции духовного ориентира и передает свои функции праву, более четкому и рациональному регулятору общественной жизни. **Цель:** проанализировать научные подходы, позволяющие трактовать мораль в качестве неотъемлемого элемента любой локальной целостности, как преломление или даже вид сакрального, сохраняющийся при всех возможных социальных трансформациях. **Методологическая основа:** в качестве методологической основы используется «социологизм» Э. Дюркгейма, позволяющий признавать приоритет социальной реальности по отношению к индивидуальной, а также ее исключительное значение в детерминации человеческого сознания и поведения. **Результаты:** обоснована необходимость проблемного подхода к выявлению основных характеристик и категориального статуса морали, намечается новый вектор решения данной проблемы, основанный на творческом использовании теоретического наследия Э. Дюркгейма. **Выводы:** признание особой значимости идеи сакрального позволило осознать тот факт, что исследование концепта морали невозможно без выстраивания, конструирования особого вектора сакральности в самоопределении культуры и человека.

Ключевые слова: мораль, сакральное, солидарность, общество, дар, обмен, нравственная идентичность.

L.Yu. Piontkevich

THE PROBLEM OF MORALITY IN THE SACRED DIMENSION

Background: there are well-founded fears that in the modern world, morality loses its positions as the foundation of spiritual life and transfers its functions to the law, to the clearer and more rational regulator of the public life. **Objective:** the author of the article intends to analyze the scientific approaches that make it possible to treat morality as an integral element of any local integrity, as a refraction or even a kind of sacral that persists in all possible social transformations. **Methodology:** E. Durkheim's "sociology" is used as a methodological basis, which allows to recognize the priority of social reality in relation to the individual, as well as its exceptional importance in the determination of human consciousness and behavior. **Results:** the necessity of the problem approach to identifying the main characteristics and the categorical status of the notion of morality is substantiated and a new vector of solving this problem is outlined, based on the creative use of the theoretical heritage of E. Durkheim. **Conclusions:** the recognition of the special significance of the sacred idea made it possible to realize the fact that the study of the concept of morality is impossible without creating, constructing of a special vector of sacredness in the self-determination of culture and man.

Key-words: morality, the sacred, solidarity, society, gift, exchange, moral identity.

Принято считать, что в современных условиях наиболее актуальны поведенческие модели, получающие одобрение и право на существование лишь при условии их трактовки по аналогии с бухгалтерским сальдо — символом экономической выгоды, надежности и благополучия. Такие моральные принципы, как «альтруизм», «подвижничество», «самоотверженность» не являются более маркерами достойной человеческой жизни.

Действительно, очень трудно объяснить, ради каких таких высших целей и ценностей человек может принести в жертву личные интересы и взять на себя заботы о «хлебе насущном» кого-то другого или других. В России ситуация моральной неопределенности ощущается особенно остро ввиду столь резкого крушения коллективистской идеологии советской эпохи, предлагавшей стройный и непротиворечивый поведенческий кодекс, которым привычно и удобно было руководствоваться как в частной, так и в общественной жизни. Однако подобная ситуация моральной неопределенности характерна не только для России.

На моменте размытости и фрагментарности современной социально-моральной жизни фиксирует внимание А. Макинтайр: «В области морали мы имеем лишь фрагменты концептуальной схемы, обрывки, которые в отсутствие контекста лишены значения. На самом деле у нас есть лишь подобие морали, и мы продолжаем использовать многие из ключевых ее положений. Но мы утратили — если не полностью, то по большей части — понимание морали как теоретическое, так и практическое» [1, с. 7].

Многие функции морали в современном обществе берет на себя государство и развитая сеть благотворительных организаций, освобождая человека от душевных усилий, связанных с заботой о близких и дальних. В итоге мораль теряет свои позиции четкого мировоззренческого ориентира. Подобное положение дел позволяет философам делать неутешительные прогнозы о замене морали договором, соглашаясь с тем, что мораль в современном мире, исчерпав свои возможности, передает свои функции праву, более дифференцированному, применительно к конкретным ситуациям жизни, регулятору общественных отношений. «Думается, — пишет А.В. Разин, — что создание совершенного правового порядка и соотносимое с этим развитие общества в сторону его гуманизации постепенно сокращают область отношений, связанных с необходимостью жертв или строгих ограничений собственных интересов» [2, с. 103].

Какую же функциональную нагрузку берет на себя мораль в современных обществах? Более того, есть ли основания утверждать сегодня, что она действительно существует? Удастся ли ей сохранить свои позиции основания духовной жизни народов и, если говорить о России, то вправе ли мораль претендовать, как и в прошлую социалистическую эпоху, на роль вдохновителя великих свершений? Возможно, удел морали сегодня сохранять функции ретро-института — вызывать ностальгические чувства по ушедшим временам, когда добродетели коллективизма, заботы и участия играли роль реальных, работающих на всех уровнях, регуляторов поведения? В решении современных нравственных коллизий хотелось бы положиться на моральную интуицию, но она так часто подводит. В век абсолютной прагматики необходимо знать, во имя чего и ради чего следует творить добро, во имя каких великих целей и ценностей необходимо держаться нравственности.

Как было замечено выше, современные исследователи обращают внимание на недостаточную определенность бытующих ныне моральных убеждений, а также

на присущую им эклектичность и взаимную противоречивость, полагая при этом, что связанной и единой моральной системы сегодня не существует в принципе. Это обстоятельство не укрылось от пристального взгляда Ф. Ницше. С присущей ему пронизательностью он выявил нравственные трансформации современного ему человека: «Как в звездном небе порой бывают два солнца, определяющие путь одной планеты [...], так и мы, люди нового времени, [...] определяемся различными моральями; наши поступки отсвечивают попеременно разными цветами, они редко однозначны...» [3, с. 339].

Человек в современном обществе не соотносит себя с нравственной системой той социальной группы, членом которой является и не принимает моральных обычаев и норм, в ней принятых. Происходит разрыв в преемственности социальных ценностей: на смену одному типу нравственной идентичности не приходит (как это было прежде) идентичность того же типа. Мораль выходит из-под патерналистской опеки моноэтнических сообществ, жестко определяющих структуру нравственных императивов, и становится предметом индивидуального выбора каждого. Четкую и лаконичную формулу новой этической реальности вывел З. Бауман: «Модернити заменяет предопределенность социального положения принудительным и обязательным самоопределением»¹.

Первыми на путь подобной трансформации, разрушения единых для всех нравственных идентификационных матриц вступили общества либерально-ориентированной экономики. Лежащая в их основе рыночная система хозяйствования, опираясь на институт прав человека, позволила каждому определять свои жизненные ориентиры и, заботясь о собственном существовании, выбирать индивидуальную модель жизни.

Однако когда-то все было иначе. В средневековую эпоху до периода Реформации мысль о том, что посредством производственной активности в той или иной сфере деятельности можно качественно изменить свое положение и жить иначе, не приходила в голову ни политикам, ни европейским обывателям, настолько сильной была власть коллективистских установок.

Действительно, опыт прошлого убеждает, что единая для всего общества поведенческая модель действительно существовала, но была она отличительной особенностью исключительно архаических социальных материй. Традиционные общества представляли собой монокультурные образования, где вопрос, какой системе идей и ценностей следует отдать предпочтение перед представителями этих обществ не стоял в принципе в силу отсутствия подобной альтернативы. Каждое следующее поколение решало разнообразные бытовые проблемы так же, как это делали их отцы. Так формировался институт преемственности. Молодое поколение воспроизводило поведенческие модели завещанные предками и передавало их своим детям. Например, в Древнем Египте, по словам А. Смита, «религиозные нормы обязывали каждого мужчину заниматься тем же делом, что и его отец, отступление от этого порядка считалось чудовищным кощунством» [4, с. 77]. Объем достатка, уровень материального благосостояния и социальные обязанности были известны уже при рождении.

В современных обществах картина моральной реальности претерпевает кардинальные изменения. Особый интерес в связи с анализом сложившейся ситуа-

¹ Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире. URL: <http://tovievich.ru/book/meropriatiya/5585-zbauman-identichnost-v-globaliziruyushchemsya-mire.html> (дата обращения: 15.09.2017).

ции вызывают исследования Э. Дюркгейма. Для него, бесспорно, тревожным является состояние морального вакуума, вызванное крушением традиционной морали: «Старые обязанности потеряли свою власть, и мы не видим пока ясно и определенно, каковы наши новые обязанности» [5, с. 26]. Тем не менее Дюркгейму удалось показать, что эту тревогу вряд ли можно признать обоснованной. Проистекает она из невнимательного отношения к тем составляющим морали, наличие которых позволяет утверждать, что мы имеем дело именно с моральным фактом.

Мораль действительно существует как система правил поведения, которым необходимо подчиняться. Однако обязанность, или долг, выражает лишь один аспект морального. Известная *желательность* — это другой признак, не менее существенный, чем первый. Несмотря на то, что совершаемый акт осуществляется вне утилитарных целей и, очевидно, не сулит его агенту никаких предпочтений, он является желательным. Как такое возможно? Дюркгейм утверждает, что моральное действие «увлекает нас за пределы нас самих, возвышает нас над нашей природой, а это не достигается без затруднений, без напряжения. Это та самая желаемая сущность *sui generis*, которую обыкновенно называют добром» [5, с. 11]. Соединение в морали этих двух противоположных друг другу признаков — *обязательности* и *желательности* — позволило Дюркгейму сопоставить ее с понятием *священного, сакрального*, которое выражает ту же двойственность. «Священное существо, — пишет он, — это в известном смысле существо запретное, неприкосновенность которого не дозволено нарушать; это также существо доброе, любимое, пользующееся успехом и уважением» [5, с. 12].

Выявляя специфические черты сакрального, Дюркгейм в работе «Элементарные формы религиозной жизни» разворачивает целую концепцию сакрального как некоего «атома социальности», соединившего воедино два структурных элемента общества: его собственное морфологическое строение (социальную структуру) и совокупность поддерживающих это строение коллективных моральных представлений². Отсюда открылась возможность нерелигиозной трактовки сакрального — «небожественного» сакрального как первичного социального факта, предшествующего религии и продолжающего существовать после ее исчезновения в современности³.

В итоге сфера сакрального, инородного по отношению к мирскому и повседневному предстала в качестве фундаментального факта любого человеческого общества. Ее присутствие актуализирует такие стороны человеческого бытия и культуры, сущностной составляющей которых является трансцендентность, т.е. существование высшего уровня жизни, «высокого места», вертикально ориентированного и являющегося «источником смысла и форм ориентаций в культуре» [6, с. 9]. Подобная «сверхчеловеческая перспектива» обязывает человека изжить из себя натуралистическую составляющую, сконцентрировав усилия на преодолении собственной индивидуальности ради чего-то иного и большего, чем просто «жизнь».

² См.: Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/460701/> (дата обращения: 07.11.2018).

³ См.: Куракин Д.Ю. Сакральное как понятие и проблема социологической теории: на примере американской «сильной программы» культурсоциологии: автореф. дис. ... канд. социол. наук // Официальный сайт ИС РАН. 2009. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1700> (дата обращения: 15.09.2017).

Акцентируя внимание на глубинной связи морального и сакрального в теории Э. Дюркгейма, Н.Н. Федотова подчеркивает, что именно уровень сакрального обеспечивает глубокую интимность традиции и сохранение моральной атмосферы в сообществах: без такого уровня ценностных переживаний, которое мы здесь называем сакральным, не может сохраниться общественная мораль⁴. Моральные представления глубоко укоренены в человеке и именно поэтому не могут предъясняться ему только как чисто внешние предписания.

Возвращаясь к современной ситуации, следует признать, что такая составляющая моральной реальности, как чувство обязанности, сегодня претерпевает существенные изменения. Преобладающим становится другой аспект морали — аспект желаемости. Мораль не исчезает вместе с исчезновением твердо установленных, непререкаемых моральных правил. Она меняется. Согласно представлениям Дюркгейма «мораль представляется нам не столько как кодекс обязанностей, не как четким образом обязывающая нас дисциплина, сколько как привлекающий нас идеал, различаемый, но еще не очень определенный. Движущая сила моральной жизни состоит не столько в чувстве уважения к безусловному императиву, сколько в чем-то вроде стремления к цели возвышенной, но смутной» [5, с. 26]. Выстраивая индивидуальную мораль, индивид не разрушает своих отношений с обществом, он лишь иначе, не так, как в былые времена, воспринимает его и иначе стремится к нему. Принимая какое-то правило, он, прежде всего, пытается понять доводы, на которых это правило базируется.

Таким образом, благодаря исследованиям Дюркгейма открывается возможность трактовать мораль как неотъемлемый элемент любой локальной целостности, как преломление или даже вид сакрального, сохраняющийся при всех возможных социальных изменениях.

Сам собой напрашивается вопрос: каким арсеналом средств располагает мораль для реализации функции сакрального? Ответ на этот вопрос можно найти в трудах ученика и последователя Дюркгейма М. Мосса. Его исследования развивают представления о морали, согласно которым сложившиеся в обществе образцы поведения отражает лишь внешнюю сторону ее проявления. Мораль осуществляет интегрирующую функцию, универсальную для любых форм кооперации, и делает она это через перераспределение ресурсов в рамках существующего сообщества. Мораль обеспечивает их циркуляцию в целях сохранения в неизменном виде зафиксированных в социальной иерархии статусов, рангов, позиций. Смысл и содержание этих процессов раскрывается М. Моссом через понятие внеэкономического обмена. Помимо обмена богатствами, движимого и недвижимого имущества, вещей, полезных в экономическом отношении, существуют целый пласт отношений, связанных с передачей чего-либо. Специфика этого обмена состоит в том, что он не только не сулит каких-либо выгод вовлеченным в него индивидам, но даже наоборот — приносит серьезные убытки. «Это прежде всего знаки внимания, — пишет М. Мосс, — пиры, обряды, военные услуги, женщины, дети, танцы, праздники, ярмарки, на которых рынок составляет лишь один из элементов, а циркуляция богатств — лишь одно из отношений гораздо более широкого и более постоянного договора» [7, с. 113].

⁴См.: Федотова Н.Н. Мультикультурализм и политика развития. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/03/1214824583/3aFedotova.pdf> (дата обращения: 15.09.2017).

Поступки определенной целевой направленности — помощь, поздравление, подарки и т.п., ритуальные действия, обряды — являются инструментами этого непрерывающегося обмена. Осуществляемый в ходе ритуальной или иной коммуникации обмен знаками и символами создает основу для постоянного воспроизведения и поддержания идентификационной матрицы «Мы», через воссоздание диады «свой — чужой».

Исследования Э. Дюркгейма и М. Мосса позволяют прийти к выводу о том, что жизнь в сообществе предполагает существование как минимум двух уровней взаимодействия: первого, самого общего, где «другой» предстает в качестве анонимного агента совместного существования, обязательства в отношении которого носят характер формального требования и определяются категорией «долг», и второго — близкого, интимного, где восприятие «другого» осуществляются через призму отношений дружбы, любви, родства.

На первом уровне взаимодействия, помимо того, что достигаются чисто идентификационные цели, уточняется, обыгрывается стратификационная структура общности через ответ на вопрос: «кто есть кто?». Этот коммуникационный этап фиксирует значимость «другого» через признание за каждым представителем общности определенной статусной позиции, устанавливающей объем его субъективных прав. Мораль встраивается в эту систему взаимодействия, опираясь на чувство сакрального, обязанное своим возникновением священному порядку надиндивидуальной реальности. Именно на этом уровне дает о себе знать присутствие в человеческой жизни «метачеловеческой реальности» (П. Бергер). Нравственные интенции рождаются как переживание этой органической связности и устойчивости целого, незыблемость которого воспринимается как условие индивидуального существования. В нравственном порыве на этом уровне нет ничего личного, что можно было бы объяснить любовью, привязанностью, заботой, здесь могут быть задействованы только экстаические, сакральные силы наподобие магической силы-«маны». Нравственное событие, как было сказано выше, описывается категорией долга, когда не личные предпочтения определяют совершаемый выбор, а некоторый порядок дел, который должен быть поддержан ввиду его священной основы. Нравственная идентичность проявляет себя на данном этапе как укорененность внутри конкретной упорядоченной целостности с неустанной нацеленностью на сознательное ее воспроизведение через институт индивидуальной помощи и поддержки. Здесь может не быть душевности, т.к. тот, в отношении которого совершаются благородные жертвенные поступки, воспринимается как безличный элемент системы.

Второй уровень коммуникативного взаимодействия в его отношении к нравственности характеризуется особой интимностью, эмоциональной окрашенностью и проявляется в актах бескорыстного дарения, обменах знаками дружбы и солидарности, являясь свидетельством неустанной заботы о тех, кто дорог, в существовании которых есть особая личная заинтересованность и потребность. Здесь формируется личный семейный круг как первичный уровень целостности.

Важно то, что на каждом из этих уровней взаимодействия мораль проявляется как реализация потребности в существовании другого. «Мораль, — пишет Э. Дюркгейм, — следовательно, начинается там, где начинается привязанность к группе, какой бы ни была последняя» [5, с. 12].

В своем учении о даре М. Мосс неоднократно подчеркивает внеэкономический, внерыночный (торговый) характер церемонии обмена дарами, его эквивалент-

ность эмоциональным переживаниям и то, «как в нем замешаны и чувства, и люди» [7, с. 113]. Магическое видение мира предполагает превращение вещей в одухотворенные «существа», с которыми индивид осуществляет различные формы коммуникации: «Если дают вещи и возмещают их, то это потому, что друг другу дают и возмещают уважение» — мы говорим «знаки внимания» [7, с. 168]. «Но дело также и в том, — продолжает Мосс, — что, одаривая, отдают себя, а отдают себя потому, что именно себя вместе со своим имуществом «должны» другим» [7, с. 168]. «Одухотворенные вещи», циркулируя между индивидами, как бы передают частицу души одного человека другому, через взаимные обязательства создавая пространство нравственной идентичности.

Учение о дарообмене, сформулированное М. Моссом, впоследствии было развито другими исследователями. Хорошо известен тот факт, что после антропологов к проблеме дара обратились философы, социологи и психологи, представлявшие дар как этическую альтернативу экономике присвоения. В частности М. Годелье, делая акцент на противопоставлении дарообмена и товарообмена, с грустью отмечал, что современное общество «может себе представить новую солидарность лишь как предмет сделки в форме контракта» [8, с. 256].

На самом деле современные теории доказывают, что вектор на кооперацию и солидарность в жизни индивидов и формируемая им модель целостности не являются архаической практикой, а актуально действующей в реальной социальности нравственной установкой. Так, С.Ю. Барсукова показывает, сколь значимыми в нынешней российской ситуации являются родственные связи, спайка поколений, дружеское участие, соседский круг. Автор выделяет особый тип социальной интеграции — реципрокность, характерный, в частности, и для современной российской действительности. Реципрокность, или взаимность, предполагает передачу услуг, продуктов или вещей в дар согласно заведенному порядку, в результате чего регулируемый социальными нормами дарообмен становится незаменимым (присущим всем социальным системам) общественным интегратором. Устойчивость подобных связей в современном обществе опровергает безусловность логики присваивающего бытия. Можно сказать, что мораль формирует устойчивые практики, ограничивающие «расползание» рыночной логики на всю сферу социального действия. Обретая форму безусловного дара, она, защищая общество от экономического эгоизма индивидов, и с помощью обязательств взаимной поддержки сохраняет и поддерживает его целостность. Формируется институт взаимопомощи заинтересованных в существовании друг друга индивидов — такой мощный социальный амортизатор, препятствующий распаду социальной системы [9, с. 6–7].

В заключение хочется отметить, что признание особой значимости идеи сакрального позволило осознать тот факт, что исследование концепта морали невозможно вне выстраивания особого вектора сакральности в самоопределении культуры и человека. Лишь в той мере и настолько, в какой и насколько «всеобщее» признается отдельными индивидами и ориентирует их реальное поведение, превращая его в нравственное, лишь постольку это «всеобщее» существует. В дальнейших исследованиях необходимо учесть, что проблема нравственного самоопределения в современном обществе должна ставиться и решаться не только на теоретическом, но и на практическом уровне в рамках проработки государством своей идеологии и политики.

Библиографический список

1. *Макинтаир А.* После добродетели / пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Академическая книга, 2000. 384 с.
2. *Разин А.В.* Обоснование морали // *Человек.* 2000. № 1. С. 92–104.
3. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // *Соч.: в 2 т.* М.: Мысль, 1990. Т. 2. 829 с.
4. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. 960 с.
5. *Дюркгейм Э.* Определение моральных фактов / пер. с фр. А.Б. Гофмана // *Теоретическая социология. Антология: в 2 ч. / под ред. С.П. Баньковской. Ч. 1.* М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 11–31.
6. *Костина О.В.* О «чистых» состояниях в культуре // *Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 8–13.
7. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М.: Наука, 1996. С. 113.
8. *Годелье М.* Загадка дара. М.: Восточная литература, 2007. 295 с.
9. *Барсукова С.Ю.* Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 52 с.

References

1. *Makintair A.* After Virtue / Trans. with English. V.V. Tselyshev. M.: Acad. project; Ekaterinburg: Acad. book, 2000. 384 p.
2. *Razin A.B.* Justification of Morals // *Man.* 2000. No. 1. P. 92–104.
3. *Nietzsche F.* On the Other Side of Good and Evil. Prelude to the Philosophy of the Future // *Com: in 2 vol.* M.: Thought, 1990. T. 2. 829 p.
4. *Smith A.* Research on the Nature and Causes of the Wealth of Peoples. Moscow: EKSMO, 2007. 960 p.
5. *Durkheim E.* The Definition of Moral Facts / Trans. from fr. A.B. Hoffmann // *Theoretical sociology. Anthology: In 2 parts / Ed. S.P. BANKING. Part 1.* Moscow: The Book House “University”, 2002. P. 11–31.
6. *Kostina O.V.* On “Pure” States in Culture, News of Saratov University. New Ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2015. T. 15. Issue. 2. P. 8–13.
7. *Moss M.* Society. Exchange. Personality. Moscow: The Science, 1996. P. 113.
8. *Godelie M.* The Riddle of the Gift. Moscow: Eastern Literature, 2007. 295 p.
9. *Barsukova S.Yu.* Non-market Exchanges Between Russian Households: Theory and Practice of Reciprocity. Moscow: State University Higher School of Economics, 2004. 52 p.

УДК 811.1 (индоевропейские языки)

С.В. Кудряшова, М.Г. Калинина, С.А. Саковец

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Введение: формирование навыков профессионального общения на иностранном языке в юридическом вузе имеет целью развитие навыка письменной и устной деловой коммуникации на иностранном языке, овладения основами специализированного перевода текстов юридической тематики. **Цель:** изучить и проанализировать имеющуюся теоретическую литературу по современным методикам обучения иностранным языкам, направленным на совместную активную работу обучающихся, обобщить данные, полученные на основе использования на практике современных методов обучения иностранным языкам. **Методологическая основа:** метод наблюдения процесса обучения, метод качественного анализа, эмпирический, метод педагогического эксперимента. **Результаты:** в статье представлены современные технологии, применяемые авторами в практике преподавания иностранного языка в вузе: мозговой штурм, кейс-метод, метод кооперативного обучения, ролевые игры, интервью, тренинги; предложена методика проведения занятий с использованием данных технологий. **Выводы:** групповая форма обучения содействует процессам самопознания, самореализации, самосовершенствования, позволяет повысить заинтересованность обучающихся в изучении материала, углубленно проработать тот или иной аспект темы, выработать положительное отношение к изучению иностранного языка в вузе.

Ключевые слова: иностранный язык, интерактивный метод, метод обучения в сотрудничестве, личностно-ориентированный подход, деятельностный подход.

© Кудряшова Софья Владимировна, 2018
Кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков (Саратовская государственная юридическая академия)

© Калинина Марина Георгиевна, 2018
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков (Саратовская государственная юридическая академия)

© Саковец Светлана Александровна, 2018
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков (Саратовская государственная юридическая академия)

© Kudryashova Sophia Vladimirovna, 2018
Candidate of Philology, Professor of the Foreign languages department (Saratov State Law Academy)
© Kalinina Marina Georgievna, 2018
Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign languages department (Saratov State Law Academy)
© Sakovets Svetlana Aleksandrovna, 2018
Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign languages department (Saratov State Law Academy)

S.V. Kudryashova, M.G. Kalinina, S.A. Sakovets

ON THE DEVELOPMENT OF THE FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL COMMUNICATION SKILLS IN A LEGAL HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Background: development of the foreign language professional communication skills in a legal higher education institution is aimed at the development of the written speech and oral business communication skills, at acquiring basic legal translation skills. **Objective:** the article studies and analyses theoretical works on modern techniques of foreign language training directed at joint active work of students, summarizes the data obtained when using modern foreign language teaching methods. **Methodology:** the method of observation of the learning process, the method of qualitative analysis, empirical method of pedagogical experiment were applied in doing the research. **Results:** the article presents modern technologies applied in a foreign language teaching in a higher education institution: brainstorming, case - method, cooperative learning, role-playing games, interview, trainings, proposes the methodology of the lesson plans. **Conclusions:** the group form of training promotes the processes of self-knowledge, self-realization, self-improvement, allows, in our opinion, to increase the interest of students in the study of the material, in-depth study of one or another aspect of the topic, to develop a positive attitude to the study of a foreign language at the University.

Key-words: foreign language, interactive approach, community language learning, learner-centered approach, activity approach.

Профессиональное общение предполагает содержательный процесс взаимодействия, взаимовлияния с целью обмена информацией, достижения понимания по определенным вопросам, развития контактов. Формирование навыков профессионального общения на иностранном языке в юридическом вузе имеет целью формирование навыка письменной и устной деловой коммуникации на иностранном языке, овладение основами специализированного перевода текстов юридической тематики. Это развитие умения грамотно и в соответствии с ситуацией употреблять иноязычные юридические термины, клише и синтаксические средства связи, характерные для юридических текстов на иностранном языке. Обучающиеся должны уметь использовать справочную литературу, иноязычные шаблоны официальных писем, клише и выражения для составления аннотаций и рефератов, для ведения дискуссии, приемы письменной фиксации тезисов докладов и основных моментов устных выступлений.

Самостоятельно критически мыслить, быть способным генерировать новые идеи, творчески мыслить — таковы требования к будущему специалисту. Коммуникабельность, навык работы в различных социальных группах, умение преодолевать конфликтные ситуации — одно из ключевых умений будущих юристов.

Авторы статьи ставили перед собой цель изучить и проанализировать имеющуюся теоретическую литературу по современным методикам обучения, направленным на совместную активную работу обучающихся. Необходимость разработки и внедрения современных методических технологий в процесс обучения иностранным языкам в юридическом вузе обусловила актуальность научной статьи.

Основой обучения иностранным языкам признается личностно-деятельностный (Зимняя И.А.) [1] и личностно-ориентированный подходы (По-

лат Е.С.) [2]. Организация учебного материала, использование тех или иных приемов, способов, упражнений и т.д. должны преломляться через призму личности обучаемого — его потребностей, мотивов, способностей, активности, интеллекта и других индивидуально-психологических особенностей. В рамках личностно-деятельностного подхода необходимо учитывать национальные, поло-возрастные, индивидуально-психологические, статусные особенности обучающихся.

Иностранный язык — сложный предмет, поэтому необходимо использовать интерактивные методы, основанные на принципе взаимодействия, диалоге, которые облегчают понимание предмета и повышают мотивацию. Взаимодействие в аудитории, а именно взаимодействие между обучающимся и преподавателем, между обучающимся и материалом, между обучающимися — важный фактор педагогического процесса. К интерактивным методам относят: мозговой штурм, кейс-метод, метод кооперативного обучения, ролевые игры, интервью, тренинги, круглые столы и т. д. В рамках «мозгового штурма», например, обучающимся предлагается внести поправки в основной закон Германии, 2–3 новых предложения и свои способы решения существующей проблемы.

Цель тренинга «Собеседование при приеме на работу в адвокатское бюро» сформировать навык прохождения собеседования при приеме на работу, получить навыки ответов на различные вопросы, как профессионального, так и общего характера («Почему вы выбрали наше бюро?», «Какую карьеру вы хотите сделать в юриспруденции?», «Сколько хотите получать?») и т.д.

К педагогическим технологиям, отражающим личностно-ориентированный подход, относят: обучение в малых группах (обучение в сотрудничестве), метод проектов, разноуровневое обучение, «портфель ученика», индивидуальный и дифференцированные подходы к обучению [2, с. 15].

Основные задачи обучения в сотрудничестве — вовлечение каждого учащегося в активный познавательный процесс, развитие навыков социального взаимодействия, «способствовать социальной адаптации учащихся, формированию и развитию коммуникативных умений и интеллектуальных умений критического мышления» [3].

Обучающиеся в малых группах должны научиться самостоятельно думать, сопереживать, сотрудничать, находить взаимопонимание с однокурсниками, быть самокритичными, адекватно воспринимать критику, развивать мышление, детально, пошагово планировать определенную работу, обеспечивать результаты работы, вести документацию (протокол). В методической литературе различают 4 формы групповой работы: рабочая группа: например, подготовка проектов и их реализация; дискуссионная группа, задача которой обсуждение какой-либо проблемы; учебная группа: поддержка индивидуальных достижений, совместный тренинг; группа практиков, основная цель которой сбор материала и обмен опытом.

Отмечаются как преимущества, так и недостатки данного метода, который предоставляет обучающемуся возможность учиться у своих однокурсников, проявить свои сильные стороны, способствует развитию внутреннего потенциала обучающегося, его самостоятельности, формированию готовности работать в коллективе в условиях разделения труда, готовности нести ответственность за принятие решений.

Групповая форма обучения позволяет задействовать во время занятий практически всех обучающихся. К недостаткам данного метода относят, в частности, невозможность проконтролировать вклад каждого участника группы в решение той или иной задачи, трудности, возникающие в связи с разноуровневой подготовкой обучающихся, межличностные конфликты.

Необходимыми предпосылками организации данной формы работы являются: деление обучающихся на группы (например, методом случайной выборки, по интересам), распределение ролей в группе (как, например, лидер (координатор), секретарь, спикер, хронометрист), четкая формулировка предлагаемых заданий, форм отчетности, предоставление необходимых материалов, критерии оценки.

Выделяют 4 фазы подготовки занятия с применением обучения в сотрудничестве (групповая работа): фаза подготовки: выбор темы для работы в группе, четкая формулировка задания, определение уровня подготовки обучающихся, принципа деления на группы. Фаза проведения занятия включает определенные устанавливаемые преподавателем правила, которым подчиняются обучающиеся, распределение ролей в группе, представление и оценка результатов (письменный отчет, выполнение упражнений, опрос экспертов, коллажи, презентации, обсуждение). Стадия рефлексии подразумевает обсуждение достигнутых результатов и анализ ошибок.

Групповые упражнения позволяют активизировать речевую деятельность. Осознанное использование различных видов групповых упражнений дает возможность преподавателю планировать занятие более целенаправленно, избегать монотонности и однообразия, поддерживать интерес обучающихся к изучению иностранного языка, например:

учебная группа обучающихся разбивается на разнородные (по уровню обученности) группы в 3–5 чел. Каждая малая группа получает одно задание, являющееся подзаданием общего, над которым работает вся группа. Например, общее задание — сравнить деятельность прокуратуры в России и в Германии, а подзадания: перечислить задачи, составить расписание на день прокурора в Германии, в России и т.д. В результате совместной работы малых групп достигается решение общего задания;

студенты являются журналистами немецких газет и должны написать статьи о немецких конституционных органах. Они организуются в группы по 4–6 чел. для работы над заданием (задачи, выполняемые тем или иным конституционным органом). Каждый член малой группы находит материал по своей части. Затем студенты, изучающие один и тот же вопрос, но состоящие в разных малых группах, встречаются и обмениваются информацией как эксперты по данному вопросу.

В рамках изучения темы «Письменное деловое общение юриста» будущим юристам следует изучить особенности многочисленных служебных документов: деловое письмо, протокол, отчет, справка, докладная и объяснительная записка, акт, заявление, договор и др. В качестве основного метода для решения этой задачи может применяться «метод разбора деловой корреспонденции» (для микрогрупповой работы студентов). Для каждой группы преподаватель готовит одинаковые пакеты документов, относящихся к деятельности определенного органа юстиции, предприятия, учреждения или его подразделения. Причем, в папку могут входить как необходимые для решения проблемы документы, так и ненужные, не относящиеся к делу. Каждая микрогруппа выступает в роли лица,

принимающего решение — судьи, адвоката, присяжного, главы юридического отдела, и др. [4].

«Метод кооперативного обучения» нашел свое отражение в формулировке заданий пособия по немецкому языку. Обучающимся в малых группах предлагается составить словарь юридических терминов и представить свои результаты работы в аудитории; на основе текста провести ролевую игру, используя материал текста, слова и выражения для обсуждения. В учебных группах в рамках одного семинарского занятия данный метод применялся авторами для работы над текстом: создание плана текста, тезисов к тексту, нахождения определенной информации, сбора информации для введения аргументов за (против) по определенной тематике.

Тексты выступают важными ресурсами в преподавании иностранного языка в сфере юриспруденции. Преподаватель должен поощрять обучающихся практиковать чтение в целях обеспечения понимания письменной речи. Чтение — это взаимодействие текста и обучающегося, при этом обучающийся постепенно становится активным читателем, который обсуждает, критикует и способен сам производить письменные тексты. Упражнения по чтению позволяют овладеть письменным языком и обеспечить понимание кодов и клише, свойственных различным жанрам, изучить формы письма и выражения, грамматические правила, специфику лексической и семантической сочетаемости.

Согласно современным концепциям чтение представляет собой интерактивный процесс декодирования слов и воссоздания смысла, познавательный процесс, в котором обучающийся задает вопросы, делает предположения и выводы касательно изученных письменных текстов.

Чтение в рамках традиционной методики осуществляется вслух, практикой произношения, ритма и интонации. Коммуникативный подход позволяет обучающемуся стать ближе к реальным ситуациям общения, чему способствует использование разнообразных аутентичных документов.

По мнению Умберто Эко, невозможно понять и перевести текст, пользуясь только синтаксическими и семантическими знаниями, не принимая во внимание его культурный характер. Понимание является результатом сотрудничества знаний обучающегося и текста [5]. В рамках методики обучения чтению на иностранном языке «сотрудничество» должно стать «взаимодействием» между культурной компетенцией обучающегося в родном языке и текстом на иностранном языке. Такая компетенция, приобретенная в родном языке, позволит преодолеть языковые сложности в чтении текста на иностранном языке [6].

Изменения статуса и роли чтения в обучении иностранному языку содействуют появлению глобального подхода, заключающегося в перемещении в иностранный язык привычек и стратегий, которыми обучающийся обладает уже в родном языке: глобальное восприятие слов и фраз, воссоздание смысла через архитектуру текста, экстралингвистические умения читателя.

Чтение на иностранном языке должно максимально сблизиться с чтением на родном языке, что сделает более естественным процесс чтения на занятиях. Отсутствие цели и мотивации к чтению влечет за собой непонимание стратегии чтения и смысла прочитанного. Только конкретные задачи чтения могут определить, что мы будем читать (выбор текста) и как мы будем читать (приемы чтения).

Во время чтения обучающийся не пассивен, он делает предположения о содержании текста, пытается догадаться о смысле прочитанного. Эти предположения

подтверждаются или отменяются по мере чтения. Чтение может сопровождаться визуальными аспектами, формой и видом текста или предварительным обсуждением. Гипотезы о содержании текста могут быть семантическими, фактическими или формальными. Таким образом, процесс чтения можно разделить на два основных этапа. На первом этапе происходит восприятие текста в целом, отмечается его знаковый характер и определяются важные маркеры, такие как названия, подзаголовки, фотографии и т.д. Первая фаза позволяет студенту ознакомиться с текстом и собрать важную информацию о его жанре. На втором этапе чтение ориентируется на определение ключевых слов, восприятие организации текста, риторические и пространственно-временные элементы, начало и конец абзацев. В конце этого этапа обучающийся должен уметь ответить на основные вопросы. Главной целью этого подхода является воссоздание общего значения текста без построения перевода.

По мере чтения юридических текстов обучающийся накапливает межтекстовую компетенцию, благодаря которой он может успешно преодолеть лингвистические трудности в понимании юридического текста. Опыт чтения различного рода юридических текстов позволяет ему предвидеть и сделать предположения о значении текста.

Методика постепенного раскрытия смысла подразумевает определение известного элемента, который является отправной точкой в расширении понимания глобального смысла текста. Метод обнаружения визуальных сигналов, например, в прессе, позволяет предвидеть содержание и заполнить лакуны.

Другой способ понимания текста — через слова, когда обучающийся опирается на известные ему слова и контексты для определения значения неизвестных элементов. Взаимодействие известных и неизвестных слов ведет к воссозданию смысла [7].

Мы предлагаем четыре этапа работы с текстом в аудитории, применимых как в аспекте индивидуальной работы, так и в обучении в сотрудничестве. На первом этапе преподаватель должен направить знания обучающегося на содержание текста и активировать их. Это предварительный этап. Второй этап также должен проходить до начала чтения и заключается в беглом просмотре текста. Это наблюдение или подсказки, которые позволяют понять смысл. Третий шаг — чтение с определенной целью, что ведет к мотивации, пониманию содержания, но при этом не дается оценка. На четвертом этапе происходит консолидация взаимодействия знаний и обучающегося, потому что большую часть времени преподаватель заставляет их реагировать устно, обсуждать, обмениваться мнениями. Учебная среда, в которой обучающийся делится навыками со своими одноклассниками, активизирует процесс обучения.

Текст является важным средством совершенствования навыков устной речи, т.к. содержит предмет обсуждения, языковые средства, необходимые для формирования или формулирования мысли. Однако целесообразно вместо печатного текста использовать аудитивный текст как более естественную коммуникативно оправданную содержательную основу для обучения говорению и развития экспрессивной устной речи.

Приоритет концентрации на обучающемся уже давно лежит в основе методики обучения иностранным языкам. Обучение в сотрудничестве, применение интерактивных методов благоприятствует активному обучению студентов, объединенных в небольшие разнородные группы, создает положительную

учебную среду. Эта методика способствует поддержке и взаимопомощи среди обучающихся, которые мотивированы достижением общей цели.

Групповая форма обучения содействует процессам самопознания, самореализации, самосовершенствования, позволяет, на наш взгляд, повысить заинтересованность обучающихся в изучении материала, углубленно проработать тот или иной аспект темы, выработать положительное отношение к изучению иностранного языка в вузе.

В заключение хочется подчеркнуть, что только новизна, творческий характер и перспективность деятельности могут формировать устойчивый интерес к изучению иностранного языка, когда студенты могут непрерывно познавать новые стороны учебной деятельности, видеть ее перспективы и приложение к практике.

Библиографический список

1. *Зимняя И.А.* Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. 222 с.
2. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие для студентов педагогических вузов и системы повышения квалификации педагогических кадров / под ред. Е.С. Полат. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 272 с.
3. *Бояринцева С.Л.* Обучение в малых группах сотрудничества в курсе иностранного языка на среднем этапе общеобразовательной школы: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 17 с.
4. *Родионова О.С., Абрамова Н.В., Калинина М.Г.* Обучение разным видам иноязычной речевой деятельности (на материале немецкого юридического и делового дискурсов) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5. С. 207–212.
5. *Eco U.* Lector in fabula. Le rôle du lecteur ou la coopération interprétative dans les textes narratifs. Paris: Editions.Grasset & Fasquelle, 2008. 315 p.
6. *Ghany S.A.* La lecture entre le décodage et la compréhension // Cahier du CRISCO, N. 28, 2009. P. 16–30.
7. *Giasson J.* La Lecture: De La Théorie à La Pratique. Québec: Gaetan Morin Éditeur, 2003. 398 p.

References

1. *Zimnyaya I.A.* Psychology of Foreign Languages Teaching in the School. M.: Proshchchenie, 1991. 222 p.
2. New Pedagogical and Information Technologies in the Education System: Textbook for students of pedagogical universities and the system of professional development of teachers ed. E.S. Polat. M.: Izdatelski centre «Akademiya», 2002. 272 p.
3. *Boyarintseva S.L.* Training in Small Groups of Cooperation in a Foreign Language Course at the Middle Stage of Secondary School: on the material of English: extended abstract of a candidate of pedagogic thesis. M., 2007. 17 p.
4. *Rodionowa O.S., Abramova N.W., Kalinina M.G.* Different Types of Foreign Language Teaching // Vestnik of Saratov State Law Academy. 2015. № 5. P. 207–212.
5. *Eco U.* Lector in fabula. The Role of the Reader or Interpretative Cooperation in Narrative Texts. Paris: Editions.Grasset & Fasquelle, 2008. 315 p.
6. *Ghany S.A.* The Reading Between Decoding and Understanding // Fascicle of CRISCO, N. 28, 2009. P. 1–30.
7. *Giasson J.* The Reading: from Theory to Practice. Québec: Gaetan Morin Éditeur, 2003. 398 p.

УДК 811.111'42:
811.161.1'42

Ю.А. Кузнецова

КОНЦЕПТ ЮРИСТ В РУССКОМ И АМЕРИКАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Введение: статья посвящена сопоставительному анализу признаков концепта «юрист» в русской и американской концептосфере. Изучаемые концепты представляют собой сложное многокомпонентное ментальное образование, состоящее из многих частей и включающее в себя большое количество признаков как ядерных, так и периферийных. **Цель:** выявить возможные несовпадения в содержании концепта у разных народов, которые необходимо учитывать при межкультурной коммуникации. **Методология исследования:** сравнительный метод, анализ семантики ключевого слова и сопоставительный анализ дискурсивных ситуаций. **Результаты:** доказано, что, будучи близкими по своему содержанию, исследуемые концепты не являются полностью совпадающими в своих потенциальных интерпретационных признаках. **Выводы:** в американском концепте большую значимость приобретают узкопрофессиональные характеристики юриста, в то время как в русском концепте очень важна его общественно-политическая деятельность.

Ключевые слова: концепт, концептуальные признаки, юрист, национальная культура, национальное сознание.

Ju. A. Kuznetsova

CONCEPT LAWYER IN RUSSIAN AND AMERICAN NATIONAL CONSCIENCE

Background: the article gives a comparative analysis of key characteristics of the concept "lawyer" in the Russian and American concept sphere. The concepts under study are a complex multicomponent mental formation, consisting of many parts and including a large number of features both nuclear and peripheral. **Objective:** the aim of this research is to reveal possible differences in the content of the concepts, belonging to different nations, which should be taken into account in the intercultural communication. **Methodology:** comparative method, analysis of key word semantics and comparative analysis of discursive situations were used in the study. **Results:** the author of the article proves that although the examined concepts are close in their content, their interpretative characteristics but they do not coincide completely. **Conclusion:** in the American concept, the narrow professional characteristics of a lawyer are of great importance, while in the Russian concept the socio-political activity of a lawyer is very important.

Key-words: concept, concept characteristics, lawyer, national culture, national conscience.

© Кузнецова Юлия Александровна, 2018

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kuznetsova.julya@mail.ru

© Kuznetsova Julia Aleksandrovna, 2018

Candidate of philological sciences, Associate professor of the English language department (Saratov State Law Academy)

Одним из центральных понятий современной когнитивной лингвистики, изучающей взаимоотношения языка и мышления, является понятие «концепт», которое связано с отражением в сознании народа национальной картины мира. Упорядоченная совокупность концептов народа образует его концептосферу. При этом можно говорить не только о национальной концептосфере, но и групповых концептосферах: профессиональных, возрастных, гендерных и т.д. Юридическая концептосфера изучается в работах таких лингвистов, как С.П. Хижняк [1], Е.В. Волгина [2], К.В. Данилов [3], Н.А. Калмазова [4], Ю.А. Кузнецова [5], А.Л. Игнаткина [6].

В концептосферах разных народов отмечаются концепты как близкие по своему содержанию, так и несовпадающие, имеющие яркую национальную специфику. Однако даже в близких концептах разных культур можно выявить иногда достаточно существенные для коммуникации различия, на что указывают в своих работах многие лингвисты [7, с. 75; 4, с. 125; 8, с. 104]. Национальные концепты отражаются в языке, и анализ языкового материала, в котором репрезентируется концепт, позволяет выявить даже самые тонкие несовпадения в содержании концептов разных народов.

В данном исследовании предпринимается попытка компаративного выделения основных признаков концепта юрист в русском языке и американском варианте английского языка. Признаки концепта, во-первых, объективизируются в семантике ключевого слова, в изучении которой помогает семантический анализ словарных дефиниций. Для выявления того, каким образом данный концепт осмысливается в национальном сознании и, следовательно, для расширения выделяемых потенциальных признаков концепта, также анализируются дискурсивные ситуации с ключевым словом концепта. Сбор эмпирического материала осуществлялся при использовании данных Национального корпуса русского языка¹ и Корпуса современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English)².

Лексической единицей, осуществляющей базовую вербализацию изучаемого нами концепта в русском языке, является слово *юрист*, а в английском языке — слово *lawyer*. Данные лексические единицы получают толкования как в общеязыковых словарях, так и в специальных юридических словарях. При этом лексемы *юрист* и *lawyer* не являются узкоспециальными терминами и их терминологические значения почти не отличаются от общеязыковых. Однако авторы специальных юридических словарей дают толкование данных терминов и сообщают больше информации о содержании этих лексем, чем общеязыковые словари, и, следовательно, расширяют и детализируют содержание концепта.

В толковых словарях русского языка находим следующие определения слова *юрист*:

- 1) специалист по юридическим наукам, юридическим вопросам [9];
- 2) человек, занимающийся (научно или практически) юридическими вопросами [10];

Данные дефиниции позволяют выделить следующие базовые признаки концепта: 1) специалист, т.е. человек, профессионально владеющий какой-либо специальностью, 2) научно или 3) практически 4) занимающийся правом.

¹ URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 20.01.2018).

² Corpus of Contemporary American English. URL: <https://corpus.byu.edu/coca> (дата обращения: 20.01.2018).

В специальных энциклопедических юридических словарях термин юрист получает дефиниции, почти не отличающиеся от общеязыковых:

1) специалист в определенной отрасли юридической науки или юридической практики, правовед; практический деятель в области права, имеющий юридическое образование [11, с. 952];

2) человек с юридическим образованием, правовед, практический деятель в области права [12, с. 712].

Можно заметить, что в этих дефинициях отмечаются те же признаки концепта *юрист*, что и в общеязыковых словарях, но они более детально и четко прописаны. Кроме того, в них отдельно особо подчеркивается наличие юридического образования и возможность более узкой специализации.

В общеязыковом словаре New American Roget's College Thesaurus находим следующее определение слова *lawyer*: “*the general term for a person trained in the law and authorized to advise or represent others in legal matters*”³. В этой дефиниции содержится указание на следующие признаки концепта: *lawyer* — человек, который прошел правовую подготовку, получил разрешение давать юридические консультации и представлять других лиц по юридическим вопросам.

В американских юридических словарях даны следующие толкования термина *lawyer*:

1) *a person whose profession is to advise or act for clients in legal matters; a person licensed by a state to practice law* [13, p. 769];

2) *a person learned in the law; as an attorney, counsel, or solicitor. Any person who, for fee or reward, prosecutes or defends causes in courts of record or other judicial tribunals of the United States, or of any of the states, or whose business it is to give legal advice in relation to any cause or matter whatever*⁴.

Анализ данных дефиниций позволяет обнаружить следующие дополнительные признаки концепта: 1) юристы должны получить государственную лицензию на свою деятельность; 2) занимаются правовой практикой; 3) получают гонорар или денежное вознаграждение; 4) осуществляют судебное преследование или защиту в судах различных инстанций.

Сравнение признаков концепта, выделенных на основе анализа словарных дефиниций русского и английского языков, позволяет сделать вывод о том, что авторы англоязычных словарей дают более детальную характеристику данного концепта, отмечая большее количество его признаков, называя конкретные виды деятельности юриста, которые остаются имплицитными в русских дефинициях.

Для того чтобы проанализировать, в каких контекстах обычно употребляется ключевая единица концепта, и расширить количество выделяемых нами признаков концепта, мы обратились к национальным корпусам. При этом и в русском, и в американском корпусе были отобраны методом сплошной выборки по 60 примеров употребления слова юрист в газетных подкорпусах. Обращение именно к контекстам из газетных подкорпусов связано с тем, что газеты оперативно и быстро реагируют на актуальные события, происходящие в обществе, и изменяющиеся общественные настроения. Следовательно, данные контексты будут демонстрировать, каким образом концепт осмысливается и оценивается в национальном сознании в настоящее время.

³ New American Roget's College Thesaurus. URL.: http://school_en.enacademic.com/6305/lawyer (дата обращения: 25.01.2018).

⁴ Black's Law Dictionary. URL : <http://thelawdictionary.org> (дата обращения: 15.10.2017).

В большинстве собранных нами примеров на русском языке (28 из 60) к юристу обращаются для того, чтобы узнать его авторитетное мнение по какой-то важной для читателей теме. Как правило, предметом обсуждения становятся законодательные вопросы и проблемы, затрагивающие большое количество заинтересованных лиц. Так, юристов в газетных статьях просят объяснить предмет регулирования того или иного закона, каким образом он повлияет на разные категории граждан, какие следствия от применения закона можно ожидать на государственном уровне и для частных граждан.

Правда, Елена Борисовна, она же юрист, разъясняет, что новый закон «не регулирует гей-парады, они должны проводиться по закону «О митингах». [Проверяй, какого пола твой сосед! // «Знание-сила», 2014].

В свою очередь, юрист адвокатского бюро «Юрлов и партнеры» Дмитрий Парфенов замечает, что предлагаемый подход будет стимулировать граждан регистрировать право собственности на недвижимость. [Татьяна Ширманова, Анастасия Алексеевских. Правительство не даст застраховать самострою // Известия. 2014.06.16].

И государство, как следствие, получит дополнительные денежные поступления в бюджет, — отмечает юрист. [Татьяна Ширманова, Анастасия Алексеевских. Правительство не даст застраховать самострою // Известия, 2014.06.16].

В других примерах юристов просят высказать свое мнение по поводу ситуации, сложившейся с какой-либо крупной компанией, деятельность которой касается многих граждан или государства в целом.

У «Газпрома» уже ранее были успешные случаи выигранных судов по взысканию задолженности с иностранных компаний, — напомнил юрист. [Людмила Подобедова. Украину обяжали платить за газ вперед // Известия, 2014.06.17].

... в случае с такими компаниями, как Oriflame, у которых сотни тысяч клиентов физических лиц (считаются контрагентами), речь может идти об очень крупных суммах штрафов, — соглашается с ним юрист компании «Налоговик» Марина Емельянцева. [Алиса Штыкина. ВАС поддержал стремление ФНС в деталях разбираться в бизнесе // РБК Дейли, 2014.06.16].

Юристы также комментируют действия сторон в сложных неоднозначных общественных ситуациях, возникающих в разных регионах страны, военно-политических конфликтах.

Это правильно, потому как взрывные устройства и игры в прятки с убитыми указывают на террористическое подполье, — считает юрист Владимир Пономаренко, бывший заместитель прокурора чеченского города Аргун [Владимир Емельяненко. Террор в камуфляже // «Русский репортер». 2014].

В отдельных примерах мнение юриста затрагивает только частные интересы определенного лица, о котором говорится в газетной статье: *Юрист университета посоветовал мне этого не делать без разрешения его отдела. [Ирик Имамудинов. Инновационный гнев самурая // «Эксперт». 2015].*

Во всех приведенных примерах юристы имплицитно оцениваются положительно как осведомленные люди, чье мнение достаточно авторитетно для читателей.

В 32 из 60 анализируемых примерах из газетного подкорпуса юристы представлены в какой-либо ситуации, где они сами являются действующими лицами, и которая раскрывает больше качеств этих людей.

Юристы предстают как люди, знающие законы, право и стоящие на их защите для блага общества: прямое указание на это мы встречаем в 8 примерах.

Если этот юрист, а также все прочие засунут права и Конституцию туда, куда вы им посоветовали, то вместо условных ваххабитов у ближайшего забора можете оказаться и вы [Дискуссия // «Русский репортер». 2014].

В 4-х примерах юристы предстают как люди, активно участвующие в управлении страной, в общественной и политической жизни.

В заседании приняли участие руководители района, юрист и председатель комитета финансов администрации [Внеочередное заседание (2013.03.15) // «Новгородские ведомости». 2013].

Раньше за этот вопрос в партии был ответственен Ашурков, сейчас этим занимается партийный юрист Дмитрий Крайнев [Фарида Рустамова. Разгром команды: еще один соратник Навального может стать подследственным // РБК Дейли. 2014.06.23].

В 7-ми описываемых в примерах ситуациях действия юриста, напротив, являются нарушающими закон или нормы морали и, соответственно, могут получить отрицательную общественную оценку. Так, аморальным и лживым, опирающимся только на доказанные факты, не обращающим внимания на то, что они противоречат истине, предстает юрист в следующем случае: *На вопрос Лили, верит ли он в Бога, он раздраженно говорит: «Я в факты верю, я юрист, Лили», после чего популярно объясняет ей, что если об их связи никто не узнает, то и прелюбодеяния нет [Вера Краснова. Царь гордецов // «Эксперт» 2015].*

В других ситуациях описывается, что юрист нарушает закон и совершает серьезное преступление, например, мошенничество или даже массовое убийство, разрабатывает незаконные схемы уклонения от налогов, или нарушает прокурорскую присягу.

Следствие считает, что незаконные налоговые схемы, позволявшие получить деньги для покупки акций «Газпрома», разрабатывал юрист фонда Сергей Магнитский, а гендиректором некоторых компаний был Уильям Браудер [Андрей Гридасов. Интерпол пересмотрит отказ на розыск Уильяма Браудера // Известия 2014.06.19].

Какая-то невероятная для России новость: в Москве утром юрист, сотрудник крупной сети аптек, пришел на работу с двумя охотничьими карабинами и расстрелял семерых коллег [Иван Давыдов. Аптечный ковбой // «Русская жизнь» 2012].

В изучаемых газетных ситуациях места работы юристов, их служебные обязанности и функции часто упоминаются только как дополнительные признаки концепта, не связанные напрямую с описываемой в данном контексте ситуацией. Почти в половине из числа собранных нами примеров (27 из 60) указывается место работы юриста. Это может быть суд, прокуратура, международная компания, экспертный совет при министерстве юстиции, банк, страховая или налоговая фирма, адвокатское бюро, работа в политической партии и т.д. Из служебных функций юриста чаще всего упоминаются консультирование клиентов, представление клиента в суде (как российском, так и Европейском Суде по правам человека), вынесение решения и приговора по делу, подготовка документов для сделок.

В американских англоязычных газетных текстах, в которых используется слово *lawyer*, в основном (в 53 ситуациях из 60) описываются судебные дела,

как уголовные, так и гражданские, что подтверждает широко распространенное мнение об американцах как о людях, которые очень часто обращаются в суд и активно интересуются многими вопросами, связанными с судопроизводством. Юристы в данных примерах представлены как обязательные участники судебного процесса, выполняющие свои профессиональные обязанности в суде. Так, в анализируемом нами материале из газетного корпуса юристы принимают решение о начале судебного преследования (*We thought about this a lot, and... eventually, we decided to proceed*); подают иски (have filed a federal lawsuit against the city); представляют интересы частных и юридических лиц в суде (*He was eager to defend Miller; the lawyer representing Washington's football team*); делают заявления, касающиеся своих подзащитных как во время прений в суде, так и вне зала суда (*said the accusations stated in the impeachment bill "lack evidence and fail to make legal sense" because they were based on allegations and media reports, not criminal convictions*), (*argued that the investigation into Park was biased*); выбирают определенную тактику защиты (*Park's lawyers may prefer her not to testify because their chief argument is that the accusations against Park have not been fully proven*); ходатайствуют о возобновлении следственных действий по делу (*sent a letter to Mayor Kenny Alexander and the rest of the City Council asking to reopen the investigation*); оформляют судебные документы и предоставляют их в соответствующие инстанции (*emailed documents to the city attorney's office showing financing is in place*); комментируют вердикт суда или отказываются от комментариев (*declined to comment after the verdict*). Примечательно, что в двух примерах адвокат сам стал вторым обвиняемым по делу, по которому обвинялся его клиент (*Mr. Shkreli's co-defendant and former lawyer*).

Другая тема, которая поднимается в американских газетах в связи с юристами, — это тема предоставления бесплатной юридической помощи тем, кто не может позволить себе нанять адвоката (*he certainly couldn't afford a lawyer*), а также проблема качества этой помощи. Так, высказывается обеспокоенность по поводу того, что бесплатный государственный адвокат часто начинает работать с подозреваемыми в преступлениях лицами не с момента их задержания полицией, а только после предъявления обвинений в суде (*it was impossible for most arrestees to speak with a lawyer before they were charged and taken to bond court*). В одной из статей пишется о том, что обвиняемый в суде потребовал заменить ему адвоката (*to demand he be appointed a new lawyer*), объяснив, что он не доверяет ему. Но данный обвиняемый получил разъяснения о том, что у него имеется право на бесплатного адвоката, но при этом у него нет права выбора.

Интересно, что довольно часто (в 7 примерах из 60) в американских газетах упоминается, что с юристами имеет дело президент США Дональд Трамп. В четырех случаях описывается инкриминируемая президенту правоохранительными органами США встреча в ходе избирательной кампании сына и зятя Дональда Трампа с российским юристом Натальей Весельницкой. Она, по некоторым данным, обещала предоставить компрометирующую информацию о противнике Трампа на выборах Хилари Клинтон в обмен на снятие с России американских санкций (*Trump's son in law, Jared Kushner, also attended the New York meeting with a Russian lawyer, Natalia Veselnitskaya; a meeting his son Donald Trump Jr. attended last year with a Kremlin-connected lawyer who promised damaging information about Hillary Clinton*). В других случаях президенту нужна помощь юриста в правовых вопросах, связанных с ведением его бизнеса

таким образом, чтобы он не пересекался с его политической деятельностью и не давал повода для обвинений в том, что президент использует свое политическое влияние в корыстных целях (*Before Trump took office, he hired an outside lawyer to vet his deals for conflict*). Многочисленные критики президента предлагают ему последовать примеру многих президентов других стран и продать свой бизнес, но Дональд Трамп отказывается следовать этому совету (*Critics say his company shouldn't be striking any new deals at all and that he should follow the precedent of modern presidents by selling his interest in the company. He has refused to do so*). Наконец, имя американского президента упоминается в исследуемых нами контекстах в связи с судебными процессами, которые во многих американских городах заблокировали указы президента, ужесточившие борьбу с нелегальными иммигрантами. Сразу несколько местных судов в США, выслушав мнения юристов противоборствующих сторон (*lawyers for the ACLU (American Civil Liberty Union) и government lawyer*) постановили, что президент не имеет права в одностороннем порядке устанавливать новые иммиграционные правила.

Дискурсивные ситуации из газетного подкорпуса не только помогают проанализировать основную тему ситуации, в которой встречается слово «юрист», но и позволяют рассмотреть, какие дополнительные характеристики людей данной профессии отмечаются в анализируемом материале. Например, пол представителей юридической профессии формирует в сознании читателей более конкретный содержательный образ юриста.

Половую принадлежность юриста в русском материале мы можем четко дифференцировать в 37 примерах из 60: на нее может указывать имя юриста (Екатерина Ильина, Артем Торопов и т.д.) или форма женского рода глагола в прошедшем времени (выступила, сообщила, подчеркнул, напомнил и т.д.). При этом юристы-мужчины упоминаются в 25 ситуациях, а юристы-женщины только в 12. В американском материале понять пол юриста оказалось во многих случаях труднее. Контексты, представленные в корпусе, состоят из 2-3 предложений и часто не включают в себя имя юриста, а морфологические формы глаголов в английском языке не содержат указание на род. Поэтому определить пол юриста оказалось возможным только в 23 примерах из 60, при этом в подавляющем большинстве примеров (20 из 23) указывались мужские имена. Следовательно, в читательском сознании как в России, так и в США, создается картина преобладания мужчин в юридической профессии.

Анализ дискурсивных ситуаций, в которых используется слово «юрист» в русских и американских газетных статьях, показал, что в России журналисты часто обращаются к юристам для того, чтобы услышать их мнение по различным общественно-политическим и правовым проблемам. Эти проблемные ситуации в стране, в которой проходят полномасштабные реформы, актуальны для общества в целом. При этом россияне реже, чем американцы, обращаются к юристам для получения консультаций по юридическим вопросам или для ведения судебных тяжб. В американских газетных статьях деятельность юристов, выполняющих свои профессиональные обязанности в судах, освещается в узкопрофессиональных контекстах.

Таким образом, проведенное нами исследование выявило наличие как общих, так и различающихся признаков концепта юрист в русском и американском на-

циональном сознании. Данные концепты являются близкими по своему содержанию в русской и американской культуре. Однако, как показывают результаты нашего исследования, американский концепт более специализирован и связан с конкретными профессиональными умениями и функциями. В российском сознании юристы ассоциируются не столько с решением конкретных правовых проблем отдельного человека, сколько с участием в тех общественно-политических процессах, которые происходят в стране.

При изучении концептов следует иметь в виду, что концепт — это очень сложная многокомпонентная ментальная единица, состоящая из большого количества признаков, как ядерных, так и периферийных, и ни одно научное исследование не может претендовать на исчерпывающее описание концепта во всей глубине его внутреннего содержания.

Библиографический список

1. Хижняк С.П. Когнитивная проблематика в общей теории термина. Саратов: ИЦ «Наука», 2016. 172 с.
2. Волгина Е.В. Концепт «offense» в английской юридической терминологии: гендерный аспект // Язык и мир изучаемого языка: сборник научных статей. Саратов: Изд-во Социально-экономического института, 2017. Вып. 7. С. 13–17.
3. Данилов К.В. Дифференциация британского и американского концепта Crime (на материале юридической терминологии) // Язык — коммуникация — образование: методология исследования и практика преподавания: сборник научных трудов по материалам I Всероссийской научно-практической конференции. Саратов: ИП Коваль Юлия Владимировна, 2017. С. 35–37.
4. Калмазова Н.А. Особенности терминологического поля «Уголовное преследование» в терминологии США и Великобритании // Коммуникация в информационном обществе: проблемы и возможности: сборник научных статей. Чебоксары: Изд-во Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева, 2017. С. 125–129.
5. Кузнецова Ю.А. Концепт *witness* при обозначении лиц: особенности репрезентации в общелитературном языке и подъязыке права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 239–242.
6. Игнаткина А.Л. Лингвокультурные аспекты формирования английской общественно-политической терминологии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 230–235.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 192 с.
8. Семенова Э.В. Экстра и интралингвистические факторы реализации межкультурной коммуникации юристов (на материале английского языка) // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 2 (41). С. 104–108.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во АСЛ: Мира и образование, 2017. 736 с.
10. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.», 1935.
11. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2001. 972 с.

12. *Барихин А.Б.* Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2000. 720 с.
13. Random House Webster's Dictionary of Law / J. E. Clapp. New-York: Random House, 2000. 528 p.

References

1. *Khizhnyak S.P.* Cognitive Issues in the General Theory of the Term. Saratov: IC "Science", 2016. 172 p.
2. *Volgina E.V.* Concept "Offence" in English Legal Terminology: Gender Aspect // Language and World of the Studied Language: Collection of Scientific Articles. Saratov: publishing House of the Socio-economic Institute, 2017. Issue. 7. P. 13–17.
3. *Danilov K.V.* Differentiation of the British and American Concept of Crime (by the material of legal terminology) // Language — communication — education: research methodology and teaching practice: collection of scientific papers on the materials of the I all-Russian scientific-practical conference. Saratov: LLC Koval Julia, 2017. P. 35–37.
4. *Kalmazova N.A.* Features of the Terminological Field "Criminal Prosecution" in the Terminology of the US and UK // Communication in the information society: challenges and opportunities: collection of scientific articles. Cheboksary: Publishing house of Chuvash state pedagogical Institute. I. Ya. Yakovleva, 2017. P. 125–129.
5. *Kuznetsova Yu.A.* Concept of Witness in the Designation of Individuals: the Peculiarities of Representation in the Literature Language and Sublanguage Law // Vestnik of the Saratov state Academy of law. 2016. No. 5 (112). P. 239–242.
6. *Ignatkina A.L.* Linguocultural Aspects of the Formation of English Socio-political Terminology // Vestnik of the Saratov state law Academy. 2016. No. 5 (112). P. 230–235.
7. *Popova Z.D., Sternin I.A.* Essays in Cognitive Linguistics. Voronezh: Sources, 2001. 192 p.
8. *Semenova E.V.* Extra and Intralinguistic Factors of Realization of Intercultural Communication of Lawyers (on the material of English) // Foreign languages in higher school. 2017. No. 2 (41). P. 104–108.
9. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian Language. M.: publishing house of ASL: Mira and education, 2017. 736 p.
10. Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes / ed. Ushakov. M.: State. in-t Sov. encycle.", 1935.
11. *Tikhomirov L.V., Tikhomirov M.Yu.* Legal Encyclopedia / under the editorship of M.Yu. Tikhomirova M.: publishing house Tikhomirova M. Yu., 2001. 972 p.
12. *Barikhin A.B.* Great Legal Encyclopedic Dictionary. Moscow: Book world, 2000. 720 p.
13. Random House Webster's Dictionary of Law / J. E. Clapp. New York: Random House, 2000. 528 p.

УДК 811.111'276.6

С.Ю. Максимова, К.В. Мацюпа

НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ НАВЫКОВ В СФЕРЕ ПРАВА

Введение: синтез лингвистики и юриспруденции необходим для решения множества проблем, требующих как лингвистических, так и юридических знаний, поскольку язык является единственным и главным материалом для оформления правовых категорий. В условиях роста правовой культуры и чрезвычайно широкого обсуждения вопросов права представляется особенно актуальным исследование проблем формирования и совершенствования как языковых, так и иноязычных коммуникативных компетенций. У юристов существует практическая необходимость совершенствования навыков юридического перевода (как устного, так и письменного). Грамотный профессиональный юридический перевод требует от переводчика обширных знаний в области права, действующего законодательства, особенностей правоотношений, специфики использования юридической терминологии и т.п. **Цель:** рассмотрение особенностей языка права, исследование специфики иноязычной профессиональной коммуникации в области права и краткий анализ проблем юридического перевода. **Методологическая основа:** теоретические исследования особенностей языка права, лингвистическое наблюдение и лингвистический анализ специфики иноязычной профессиональной коммуникации в области права, лингвистический анализ юридического перевода. **Результаты:** на основе теоретических исследований, лингвистических наблюдений и интерпретационного анализа выявлены особенности языка права, проанализирована специфика иноязычной профессиональной коммуникации в области права, дан краткий анализ проблем юридического перевода. **Выводы:** в условиях образовательной глобализации и интенсификации межкультурных и межгосударственных отношений студенты юридических вузов должны получать адекватную подготовку в области юридического английского языка и обладать навыками юридического перевода.

Ключевые слова: язык права, юридический перевод, юридические документы, межкультурная профессиональная коммуникация, юридическая терминология, некорректный перевод, правовые реалии, международное сотрудничество юристов, правовая лингвистика.

© Максимова Светлана Юрьевна, 2018
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: svetlana_maksimova2010@mail.ru
© Мацюпа Ксения Владимировна, 2018
Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kseniashido@mail.ru

© Maksimova Svetlana Yuryevna, 2018
Candidate of Philology, Associate professor of the English Language Department (Saratov State Law Academy)
© Matsyupa Kseniya Vladimirovna, 2018
Candidate of Philology, Associate professor of the English Language Department (Saratov State Law Academy)

S.Yu. Maksimova, K.V. Matsyupa

THE NEED TO IMPROVE LINGUISTIC SKILLS
IN THE SPHERE OF LAW

Background: *interrelation of linguistics and jurisprudence is necessary to solve a great variety of problems which require both linguistic and legal knowledge, because language is the unique and the main tool to design legal categories. In the context of the growth of legal culture and extremely broad discussion of law issues, it is particularly relevant to study the problems of formation and improvement of both language and foreign language communicative competences. Lawyers have practical need to improve the skills of legal writing (both written and oral). Competent professional legal translation requires extensive knowledge of the translator in the field of law, current legislation, peculiarities of legal relations, the specifics of the use of legal terminology, etc.* **Objective:** *the authors of the article intend to review the legal language characteristics, to examine the peculiarities of foreign-language professional communication in the spheres of law and to give the brief analysis of issues related to the legal translation.* **Methodology:** *theoretical research of the legal language features, linguistic observation and linguistic analysis of foreign language professional communication peculiarities in the sphere of law, linguistic analysis of legal translation were used in doing the study.* **Results:** *on the basis of theoretical studies, linguistic and interpretive analysis the features of the legal language were determined, the peculiarities of foreign-language professional communication in the spheres of law were analyzed, and the brief analysis of issues related to legal translation was given.* **Conclusions:** *in the context of educational globalization and intensification of intercultural and interstate relations, law students should receive adequate training in the field of the legal English and have the skills of legal translation.*

Key-words: *legal language, legal translation, legal documents, cross-cultural professional communication, legal terminology, improper interpretation, legal realities, international co-operation of lawyers, legal linguistic.*

Юридический аспект языка является значимым для лингвистической науки, т.к. именно право регулирует использование языка, взаимоотношение между языками, устанавливает статус языка. Выражая волю законодателя, язык доводит эту волю до участников общественных отношений, напрямую соприкасается с законом. Правовое регулирование социальной жизни включает в себя использование языка, чтобы с его помощью опосредовать в праве политические, социальные, экономические и иные отношения. Именно язык как средство законодательной техники и правоприменительной деятельности обеспечивает функционирование государства и его институтов. Таким образом, синтез лингвистики и юриспруденции необходим для решения множества проблем, требующих как лингвистических, так и юридических знаний, поскольку язык является единственным и главным материалом для оформления правовых категорий. Специфическое функционирование языка в сфере права проявляется в области законотворческой деятельности (экспертиза законопроектов), толкования законов, в регулировании социально-языковых внутригосударственных и межгосударственных отношений (вопросы, связанные с государственным языком и спецификой языка межнационального общения) [1, с. 157–162].

Толкование и восприятие права опосредовано текстом, от качества изложения которого зависит понимание воли законодателя, а значит и эффективность ее осу-

ществления. Логичность, особая точность, лаконичность и строгая однозначность формулировок являются характерными особенностями языка права¹. Юристы должны строго следовать общепринятым правилам составления и оформления юридических документов, соблюдать лингвостилистическую специфику юридической коммуникации, как письменной, так и устной.

Регламентирующее и регулирующее значение права во многом зависит от выразительности языка, которым написаны законы, постановления, указы и т.д. Одновременно с этим юристам следует учитывать, что все юридические документы должны быть эмоционально нейтральными. Даже самые неординарные, с моральной точки зрения, события и факты юрист должен описать в нейтральных выражениях, не оказывая эмоционального давления и не раскрывая своей юридической оценки [2, с. 65–80]. К сожалению, юристы уделяют недостаточно внимания вопросам, связанным с совершенствованием изложения нормативных предписаний и неоправданно пренебрежительно относятся к языку юридических документов, что часто приводит к неправильному употреблению слов, смысловой и синтаксической избыточности, и даже к грамматическим и пунктуационным ошибкам: например, «*деятельное раскаяние*» невозможно, поскольку раскаяние — это не действие, а процесс осознания своей вины, а любые действия будут являться последствием раскаяния, а не его частью. Поэтому в данном случае целесообразно говорить о «*действиях в результате раскаяния*»². Словосочетание «регулирование правоотношений» также абсурдно с юридической точки зрения, т.к. правоотношение — это уже «урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого являются носителями субъективных прав и обязанностей»³. Здесь уместно употребление термина «регулирование общественных отношений».

Часто в законодательных документах приходится видеть предложения, состоящие из двух-трех десятков и даже сотен слов: «Обеспечение общественной безопасности — с точки зрения реализации находящихся в совместном ведении РФ и ее субъектов полномочий — требует взаимосогласованных усилий федерального центра и регионов, направленных на защиту материальных и нематериальных социально значимых благ человека и общества в целом, что, в свою очередь, предполагает государственно-властное, в том числе принудительное, устранение факторов, несущих в себе угрозу обществу и личности, жизни, здоровью или имуществу граждан»⁴. «Решение, принимаемое на местном уровне, может быть отменено ...либо признано недействительным судом в установленном законодательством порядке»⁵. Приведенные примеры демонстрируют ложное представление юристов о том, что если всю нормативную идею выразить в одном предложении, то ее коммуникативные свойства возрастут. Громоздкие фразы предполагают наличие сложносочиненных (сложноподчиненных) предложений, что зачастую приводит к искажению смысла юридического документа.

Однако не стоит впадать в другую крайность и дробить текст на множество коротких, простых предложений. Важно помнить, что основной целью юриди-

¹ URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1203211> (дата обращения: 29.01.2018).

² URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-oshibki-v-tekstah-rossijskih-zakonov> (дата обращения: 31.01.2018).

³ См.: Там же.

⁴ URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-3/st-72-krf> (дата обращения: 30.01.2018).

⁵ URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1120608> (дата обращения: 23.01.2018).

ческого документа является ясность изложения, а не краткость такового ради ясности. Что касается понимания и восприятия содержания документа, то психолингвисты доказали, что среднестатистический читатель (слушатель) может держать в период краткосрочной памяти только несколько мыслей.

Поскольку язык правовых документов предполагает специализированность лексики, то юристам следует помнить, что в употреблении любых слов должны быть ясность, смысловая точность, определенность, осторожность и, что немало важно, уместность. Как известно, речь человека в реальной жизни является уникальной. Высказывания составляют его вербальный речевой портрет [3, с. 102–107]. И ради придания своим высказываниям пущей важности и солидности юристы «засоряют» свою речь иностранными словами. Однако избытие иностранных слов в речи правоведа не служит показателем его (ее) лингвистической и культурологической компетенции. Напротив, следует помнить, что языковые средства, уместные в одной ситуации, совершенно непригодны в другой. Не следует злоупотреблять иностранной лексикой, если есть русские эквиваленты: *волонтер* — *доброволец*; *дефект* — *недостаток*; *доминировать* — *господствовать*; *доктрина* — *умение*; *лимит* — *ограничение*; *адаптировать* — *приспособить* *форсировать* — *ускорить*; *транспортировка-доставка*; и т.д.⁶ Также следует учитывать тот факт, что при толковании юридического документа возможно искажение его подлинного смысла, если данный документ насыщен обыденными, повседневными выражениями: ср. *езда на машине в пьяном виде* — *управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения*; *компания людей выпивала в парке* — *группа лиц распивала спиртные напитки в общественном месте* и т.д.

Таким образом, решение вопросов, лежащих на стыке юриспруденции и лингвистики, — составная часть многогранного вклада, который могут и должны внести ученые-юристы в совершенствование правовых основ государственной и общественной жизни, в обеспечение неукоснительного соблюдения законности и правопорядка. Такая работа предполагает, прежде всего, повышение качества самих законов и подзаконных актов [4, с. 156–163]. Вышеизложенные аргументы неизбежно приводят к выводу о том, что тесное сотрудничество юристов и языковедов чрезвычайно важно для решения проблем как лингвистического, так и юридического характера, поскольку именно язык служит главным инструментом передачи информации, законодательной техники, правоприменительной деятельности и оформления правовых категорий.

Развитие науки, интенсивный обмен научно-технической информацией, сотрудничество государств в процессе разработки взаимовыгодных проектов невозможно без эффективного общения профессионалов. Иными словами межкультурная коммуникация занимает особое место в современных условиях образовательной профессиональной реформы и глобализации. В условиях роста правовой культуры и чрезвычайно широкого обсуждения вопросов права представляется особенно актуальным исследование проблем формирования и совершенствования как языковых, так и иноязычных коммуникативных компетенций. По мнению Е.Г. Вьюшкиной, «правоприменительная и экспертно-консультационная деятельность юриста немыслима без ведения диалога и (или) переговоров, разрешения конфликтов, обсуждения и составления договоров,

⁶ URL: <http://briuhonog.livejournal.com/6654.html> (дата обращения: 31.01.2018).

ведения деловой переписки. Более того, высококлассные специалисты должны владеть навыками бизнес-коммуникаций как на родном, так и на иностранном языке» [5, с. 54–58]. Действительно, в условиях интенсивного международного сотрудничества, в т.ч. в области права, необходимо существенно повышать профессиональную подготовку студентов-юристов в сфере английского языка. Мы полностью разделяем точку зрения В.Ф. Аитова, который предложил исчерпывающее определение «иноязычной профессиональной компетентности», а также четко сформулировал ее цель: иноязычная профессиональная коммуникативная компетентность — это «готовность и способность специалиста, не изучавшего иностранный язык на языковом факультете, к применению иноязычных лингвострановедческих, научных и предметных знаний для осуществления полноценной иноязычной профессиональной межкультурной коммуникации» [6, с. 48]. Но, несмотря на очевидную необходимость приобретения и совершенствования навыков межкультурной коммуникации, как письменной, так и устной, большинство юристов демонстрируют крайне невысокий уровень иноязычной компетентности. Это можно объяснить следующими факторами: 1) недостаточным количеством академических часов иностранного языка в юридических вузах; 2) снижением или полным отсутствием у большинства студентов юридических вузов мотивации на изучение иностранного языка, поскольку иностранный язык не является профилирующим предметом; 3) трудностью разработки единых учебно-методических комплексов для обучения иностранному языку студентов-юристов, обусловленной разным уровнем их языковой подготовки в школах.

Современный юрист, обладающий высоким уровнем иноязычной компетентности, способен пользоваться международными юридическими ресурсами, работать с международной законодательной базой данных, связываться с зарубежными коллегами с целью обсуждения актуальных вопросов, вести деловую переписку, размещать публикации в международных научных изданиях, грамотно используя современные компьютерные и коммуникационные технологии. Еще одним, достаточно веским аргументом в пользу совершенствования языковых навыков, являются обязательные (для ученых) публикации научных трудов (во всех возможных научных сферах деятельности) в международных системах цитирования, WEB of SCIENCE (WOS) и SCOPUS, чьи индексы признаются во всем мире, что, в свою очередь служит показателем «значимости» трудов⁷. И в перечень требований к публикациям подобного рода входит пункт об обязательном переводе на английский язык текста статьи и всех ее выходных данных.

Иными словами, у юристов существует практическая необходимость совершенствования навыков юридического перевода (как устного, так и письменного). И это не такая простая задача, как может показаться на первый взгляд. Справедливости ради следует заметить, что юридический перевод — один из наиболее сложных видов перевода. Именно при переводе юридических текстов в полной мере проявляются различия между правовыми системами, и чем они больше, тем несовместимость больше⁸. Таким образом, выполнение грамотного профессионального юридического перевода требует от переводчика обширных знаний в области права, действующего законодательства, особенностей правоотношений,

⁷ URL: <https://wos-scopus.com/publikacija-v-web-of-science/> (дата обращения: 02.02.2018).

⁸ URL: <http://www.alleuropa.mgimo.ru/yazik-i-pravo-ediny-ob-ekt-iurilingvistiki> (дата обращения: 03.02.2018).

специфики использования юридической терминологии и т.п., поскольку каждая страна имеет свою систему права, юридическую терминологию и свои реалии.

Существование т.н. юридических синонимов (юридических терминов, имеющих несколько близких друг к другу, но в то же время принципиально разных значений) осложняют процесс перевода. Так, например, наиболее затруднительным является перевод следующих терминов: *solicitor, barrister, attorney, counsel, lawyer*, поскольку любой словарь предлагает одни и те же русскоязычные значения: *адвокат, юрист, представитель*. И если руководствоваться только предложенными словарем значениями или довериться программе-переводчику, то перевод предложения «*Lawyers in Great Britain are strictly divided into solicitors and barristers*», как правило, звучит так: «*Юристы (адвокаты) в Великобритании делятся на юристов (адвокатов) и юристов (адвокатов)*», что можно назвать не иначе, как абракадабра. Перевод словосочетания *Attorney General* также имеет ряд неверных вариантов: Адвокат Генерал, Генеральный Адвокат и т.д., хотя, в соответствии с реалиями *Attorney General* — *генеральный амторней (в Англии); Генеральный прокурор и министр юстиции (в США)*. Другая группа юридических синонимов *law, statute, rule, right, regulation, legislation* означает «закон», но они все являются отличными по смыслу терминами. Юридический термин «убийство» также имеет немалое число синонимов в английском языке: *murder, homicide, manslaughter, assassination, killing*. Поэтому при переводе юридических синонимов следует учитывать контекст, в котором они используются, и иметь под рукой надежные, достоверные и исчерпывающие источники информации — словари (как минимум, юридические и толковые).

Другим примером различия правовых реалий является термин «*понятой*», который переводится как «*witness*». Но, поскольку понятие «*понятой*» отсутствует в англо-американской правовой системе, то любой англоговорящий юрист переведет «*witness*» как «*свидетель*», что приведет к искажению смысла фразы «*Обыск проводился в присутствии понятых*», т.к. для российского юриста «*свидетель*» и «*понятой*» — абсолютно разные понятия.

И, напротив, существуют терминологические словосочетания, которые обозначают реалии американского правосудия, не характерные для русскоязычной юридической практики: *plea/charge bargaining, plea bargain* — сделка о признании вины или судебный торг. Чтобы избежать неверного толкования, подобный перевод, несомненно, будет нуждаться в комментарии и разъяснении того, что *судебный торг* — это досудебные переговоры между судьей и адвокатами обвиняемого о признании последним своей вины, чтобы получить более мягкий приговор или избежать судебного разбирательства.

Неверный перевод в лучшем случае может стать причиной курьезов. Примером тому является история с вручением главе МИД РФ С. Лаврову коробочки с кнопкой «*RESET*», которая должна была стать символом перезагрузки российско-американских отношений, но казус заключался в том, что американские переводчики дали русский перевод «*ПЕРЕГРУЗКА*», что кардинально меняло смысл мероприятия.

В худшем случае некорректный перевод может привести или усугубить конфликт (в т.ч. международный). Эмоциональное заявление Н.С. Хрущева на встрече с американской делегацией — «*Я вам покажу Кузькину мать*» — было переведено дословно «*Kuzma's mother*». Перевод этой фразы поставил американцев в тупик: Хрущев собирается им показать мать какого-то Кузьмы?! И все было

бы забавно, если бы эта угроза не приобрела зловещий характер, когда в 1961 г. СССР испытал мощнейшую в истории человечества водородную бомбу. Именно тогда американцы решили, о какой «Кузькиной матери» шла речь, что усилило враждебные настроения обоих государств. Смысл еще одной знаменитой и одиозной фразы Хрущева — «*мы вас похороним*» — заключался вовсе не в том, что «*мы вас закопаем*», Хрущев не угрожал физической расправой, он имел в виду неизбежную победу социализма над капитализмом, но вырванный из контекста перевод фразы «*We will bury you*» воспринимался Западом, «*как ядерная угроза*» [7, с. 157]. Как видим, даже малейшая погрешность при переводе политических заявлений или юридических текстов может привести к непредсказуемым и даже губительным последствиям.

Двусмысленность в области права не менее опасна. Чаще всего двусмысленность на уровне лексики наблюдается, когда общеупотребительным словам придается юридическое значение, например, *sentence* — предложение (юр.) — приговор, наказание; *case* — коробка, чемодан (юр.) — дело; *suit* — костюм (юр.) — иск, судебная тяжба; *fine* — отлично, прекрасно (юр.) — штраф; *bar* — бар, прилавок (юр.) — адвокатура, коллегия адвокатов.

При переводе юридических текстов не следует быть слишком самонадеянным, поскольку т.н. ложные друзья переводчика или межъязыковые омонимы (пара слов в двух языках, схожих по написанию и (или) произношению, но отличающихся в значении)⁹ могут кардинально изменить смысл первоисточника и ввести в заблуждение. Рассмотрим некоторые из них: *camera* — кабинет судьи, а не тюремная камера (*cell*); *to be called to the bar* — получить право адвокатской практики, а не быть приглашенным в бар; *heroine* — героиня, а не героин (*heroin*); *mayor* — мэр (города), а не майор (*major*); *parole* — условно-досрочное освобождение, а не пароль (*password*); *tort* — деликт, а не торт (*pie, cake*).

Подводя итоги, приходим к выводу о том, что практика обмена информацией и опытом между юристами в области правоохранительной и правоприменительной деятельности давно вышла за рамки государственного. Незаконный оборот наркотиков и оружия, торговля людьми, борьба с международным терроризмом, финансово-экономические преступления обусловили развитие интенсивного международного сотрудничества юристов. В современных условиях юридическими переводами должны заниматься специалисты с соответствующим уровнем подготовки. Но это возможно, если переводчики станут профессионалами в юриспруденции или юристы получают лингвистическое образование. К сожалению, юристов, специализирующихся на переводе юридических текстов, очень мало, т.к. они посвящают основную часть времени изучению правовых дисциплин и поэтому в большинстве случаев не обладают навыками перевода юридических текстов. Мы видим решение данной проблемы в обеспечении тесного сотрудничества юристов и лингвистов. Только в таком тандеме юридический перевод будет профессиональным с сохранением духа языка (его внутренней формы), с учетом лексических тонкостей и нюансов юридического материала.

⁹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 03.02.2018).

Библиографический список

1. *Максимова С.Ю., Мацюпа К.В.* Основные аспекты взаимодействия языка и права // *Коммуникации в информационном обществе: проблемы и возможности.* Чебоксары: Изд-во Чувашского государственного педагогического ун-та, 2017. С. 157–162.
2. *Исаков В.Б.* Язык права // *Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов.* Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 65–80.
3. *Илюхин Н.И.* Характеристика речевого портрета одаренной личности // *INTERNATIONAL INNOVATION RESEARCH: сборник статей XI Международной научно-практической конференции: в 2 ч.* 2017. С. 102–107.
4. *Щепалин И.В.* Специфика современного языка права // *Вестник Карагандинского юридического института Министерства внутренних дел Республики Казахстан.* 2004. Вып. 2 (10). С. 156–163.
5. *Вьюшкина Е.Г.* Обучение студентов-юристов навыкам делового общения в рамках программы «Переводчик в сфере коммуникации» // *Коммуникации в информационном обществе: проблемы и возможности.* Чебоксары: Изд-во Чувашского государственного педагогического ун-та, 2017. С. 54–58.
6. *Аитов В.Ф.* Проблемно-проектный подход к формированию иноязычной профессиональной компетентности студентов (на примере неязыковых факультетов педагогических вузов): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Санкт-Петербург, 2007. 48 с.
7. *James Stuart Olson.* Historical dictionary of the 1950s, Greenwood Publishing Group, 2000. 157 p.

References

1. *Maksimova S.Yu., Matsyupa K.V.* Major Aspects of Language and Law Interaction // *Communications in the information society: problems and opportunities.* Cheboksary: Publ. Chuvashsky State pedagogical university, 2017. P. 157–162.
2. *Isakov V.B.* Language of Law // *Jurislinguistics-2: Russian Language in Its Natural and Legal Existence: Interuniversity collection of scientific papers* Barnaul: Publ. Altai University, 2000. P. 65–80.
3. *Ilyukhin N.I.* Characteristics of the Talented Person’s Verbal Portrait // *International Innovation Research: collection of papers XI International scientific practical conference.* In 2 parts. 2017. P. 102–107.
4. *Schepalin I.V.* Features of Modern Language of Law // *Vestnik Karagandinsky legal institute of the Ministry of Interior in Kazakhstan Republic.* 2004. Issue 2 (10). P. 156–163.
5. *Vyushkina E.G.* Students Training in Business Communication under the Course of «Interpreter in the Sphere of Communication» // *Communications in the information society: problems and opportunities.* Cheboksary: Publ. Chuvashsky State pedagogical university, 2017. P. 54–58.
6. *Aitov V.F.* Problematic Project Approach to Formation of Students’ Foreign Language Professional Competency (based on non-language faculties of pedagogical universities): extended abstract of. diss. ... cand. of education. St. Petersburg, 2007. 48 p.
7. *James Stuart Olson.* Historical Dictionary of the 1950s, Greenwood Publishing Group, 2000. 157 p.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

10 июля 2018 г. на 90-м году жизни скончался доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего образования России Николай Игнатьевич Матузов, один из ведущих ученых-правоведов страны, посвятивший 60 лет своей жизни научной, педагогической и общественной деятельности.

Николай Игнатьевич родился 19 октября 1928 г. в Воронежской области, закончил школу, служил в рядах Вооруженных Сил (Группа Советских войск в Германии). В 1956 г. поступил в Саратовский юридический институт, после окончания которого (с отличием) был оставлен в нем для преподавательской деятельности. С тех пор на протяжении более полувека работал в названном вузе (ныне — Юридическая академия). Прошел все ступени образовательной системы: преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор. В 1965 г., обучаясь в целевой аспирантуре юридического факультета Ленинградского университета, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Субъективные права граждан СССР» (научный руководитель — член-корреспондент АН СССР Д.А. Керимов). В 1973 г. в Харьковском юридическом институте защитил докторскую диссертацию на тему «Теоретические проблемы субъективного права».

Н.И. Матузов — знаковая фигура в отечественной юридической науке и за рубежом. Награжден медалью ООН «Международное признание» (Европейский комитет по наградам и премиям). Им опубликовано свыше 200 научных работ, среди которых монографии «Субъективные права граждан СССР» (1966), «Право и мораль в их взаимодействии» (1969), «Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права» (1982), «Правовая система и личность» (1987) «Актуальные проблемы теории права» (2004), «Возможность и действительность в российской правовой системе» в соавторстве с Н.В. Ушановой (2012). В последнее время работал над книгой «Учение о праве в объективном и субъективном смысле», но, к сожалению, не успел ее завершить.

В последние годы под редакцией и при авторском участии Н.И. Матузова вышли такие фундаментальные труды, как «Современные методы исследования в правоведении» (Саратов, 2007); «Поощрительные санкции в российском праве. Реальность и юридическая конструкция» (Саратов, 2008); «Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты» (Саратов, 2010); «Публичная власть: проблемы реализации и ответственности» (Саратов, 2011).

Диапазон научных интересов Н.И. Матузова был весьма широк. Он являлся одним из первых разработчиков теории субъективных прав и обязанностей граждан, юридического статуса личности, концепции общерегулятивных правоотношений, правовой системы общества, основ правовой политики государства. Сложилась научная школа профессора Н.И. Матузова, включающая в себя свыше 50 подготовленных им кандидатов наук, среди которых 11 стали докторами

наук, профессорами (В.И. Абрамов, Р.С. Байниязов, А.Г. Братко, П.А. Гук, В.Н. Карташов, С.А. Киреева, А.Б. Лисюткин, А.В. Малько, А.С. Мордовец, В.Н. Синюков, О.И. Цыбулевская). Воспитанники школы Н.И. Матузова внесли и продолжают вносить существенный вклад в развитие российской правовой науки и практики. Многие представители его школы имеют уже своих учеников, научные достижения.

Многолетний труд Николая Игнатьевича отмечен орденами и медалями. Он был награжден орденом «Знак Почета», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», нагрудным знаком «Почетный работник высшего образования России».

Николай Игнатьевич руководил постоянно действующим семинаром по методологии современного правоведения Саратовского филиала Института государства и права РАН. На протяжении 20 лет возглавлял семинар молодых преподавателей вуза «Педагогические чтения». Ему были присущи такие качества, как широкая научная эрудиция, высокий профессионализм, лекторское мастерство, готовность оказать помощь всем, кто в ней нуждается. Николай Игнатьевич щедро делился своими знаниями и опытом.

Коллектив Саратовской государственной юридической академии, Института государства и права Российской академии наук выражает искренние соболезнования родным и близким профессора Николая Игнатьевича Матузова и всем, кто имел честь учиться у него и работать с ним.

Светлая память...

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ In Dissertation Councils

В июне 2018 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

на соискание ученой степени доктора юридических наук

25 июня 2018 года — Добробабой Мариной Борисовной на тему «Дисциплинарная ответственность в системе государственно-служебных правоотношений».

Специальность 12.00.14 — административное право; административный процесс.

Научный консультант — доктор юридических наук, профессор А.Ю. Соколов.

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

6 июня 2018 года — Касимовым Вадимом Олеговичем на тему «Возраст преступника как криминологическая проблема».

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А.Н. Варыгин.

6 июня 2018 года — Сибирцевым Георгием Ильичем на тему «Обеспечение и реализация независимости адвоката-защитника в уголовном процессе».

Специальность 12.00.09 — уголовный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Н.С. Манова.

27 июня 2018 года — Маслий Андреем Игоревичем на тему «Финансово-правовое регулирование освобождения от уплаты таможенных пошлин в отношении временно вывезенных транспортных средств международной перевозки (на примере российских морских судов)».

Специальность 12.00.04 — финансовое право; налоговое право; бюджетное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент М.Б. Разгильдиева.

27 июня 2018 года — Печёнкиной Анжеликой Анатольевной на тему «Возникновение, изменение и прекращение обязанности по уплате налога (финансово-правовой аспект)».

Специальность 12.00.04 — финансовое право; налоговое право; бюджетное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Е.В. Покачалова.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте: журнал-вестник.рф.
7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.
Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru
Сайт: <http://журнал-вестник.рф>